This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

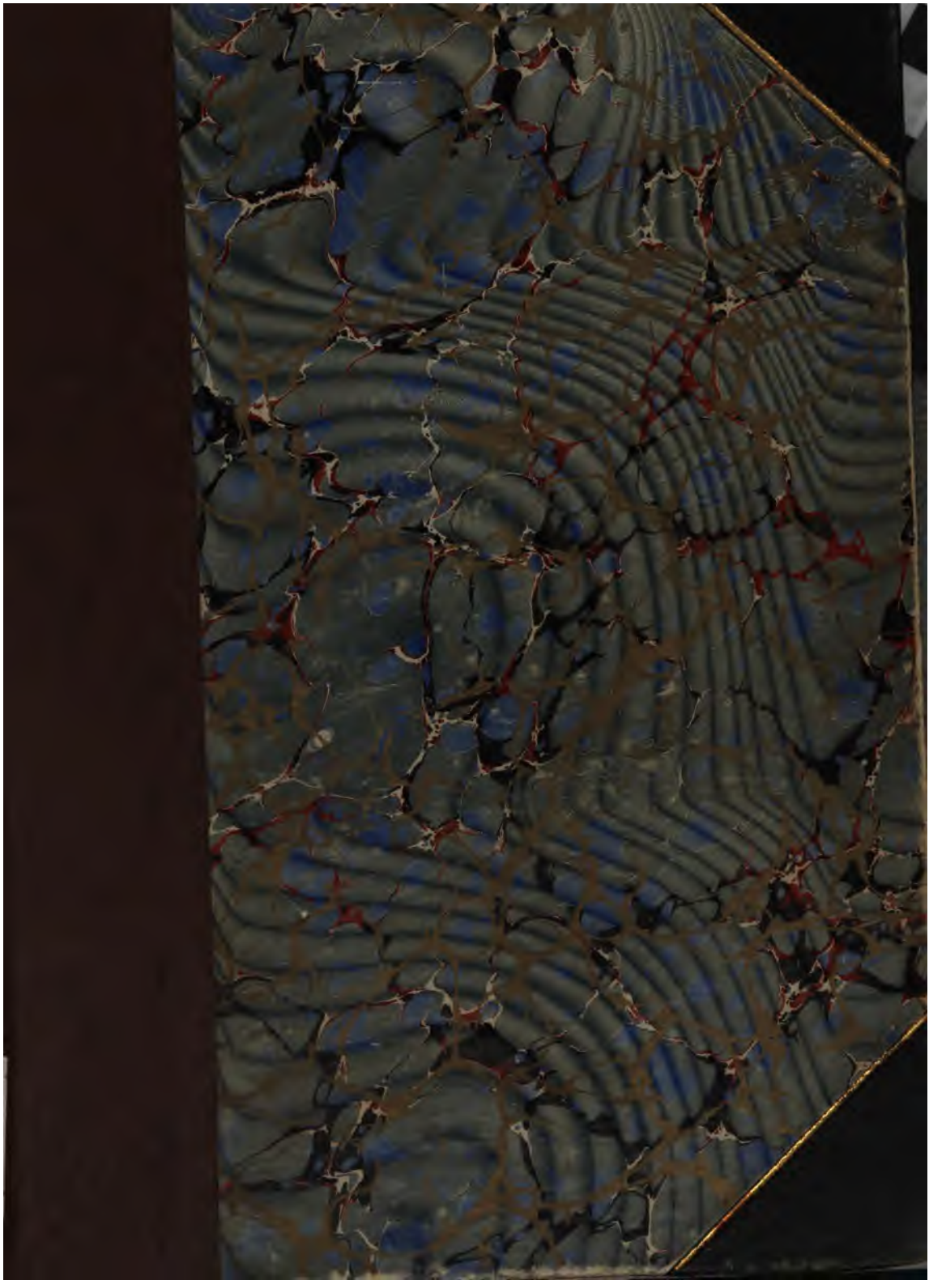
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

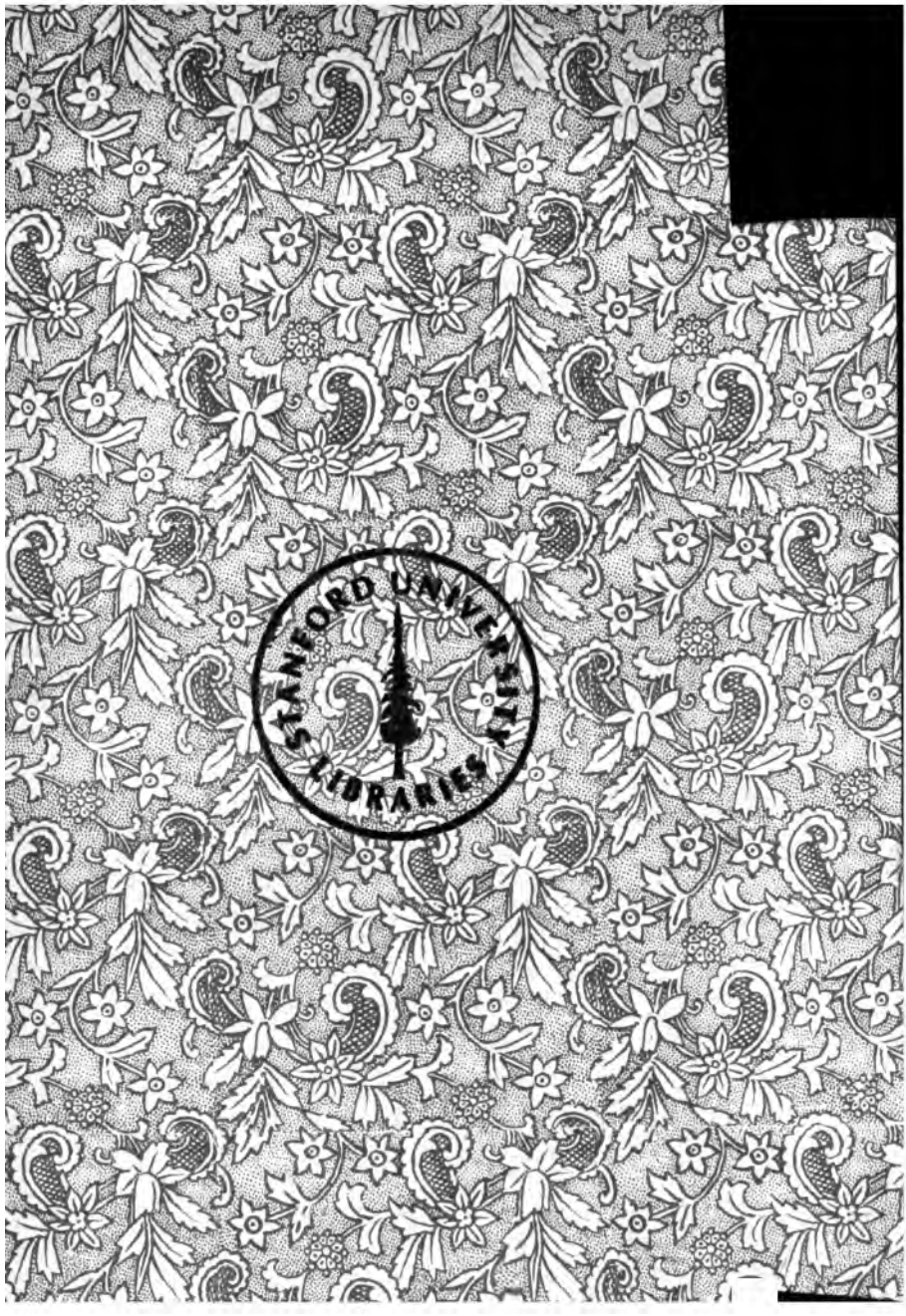
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

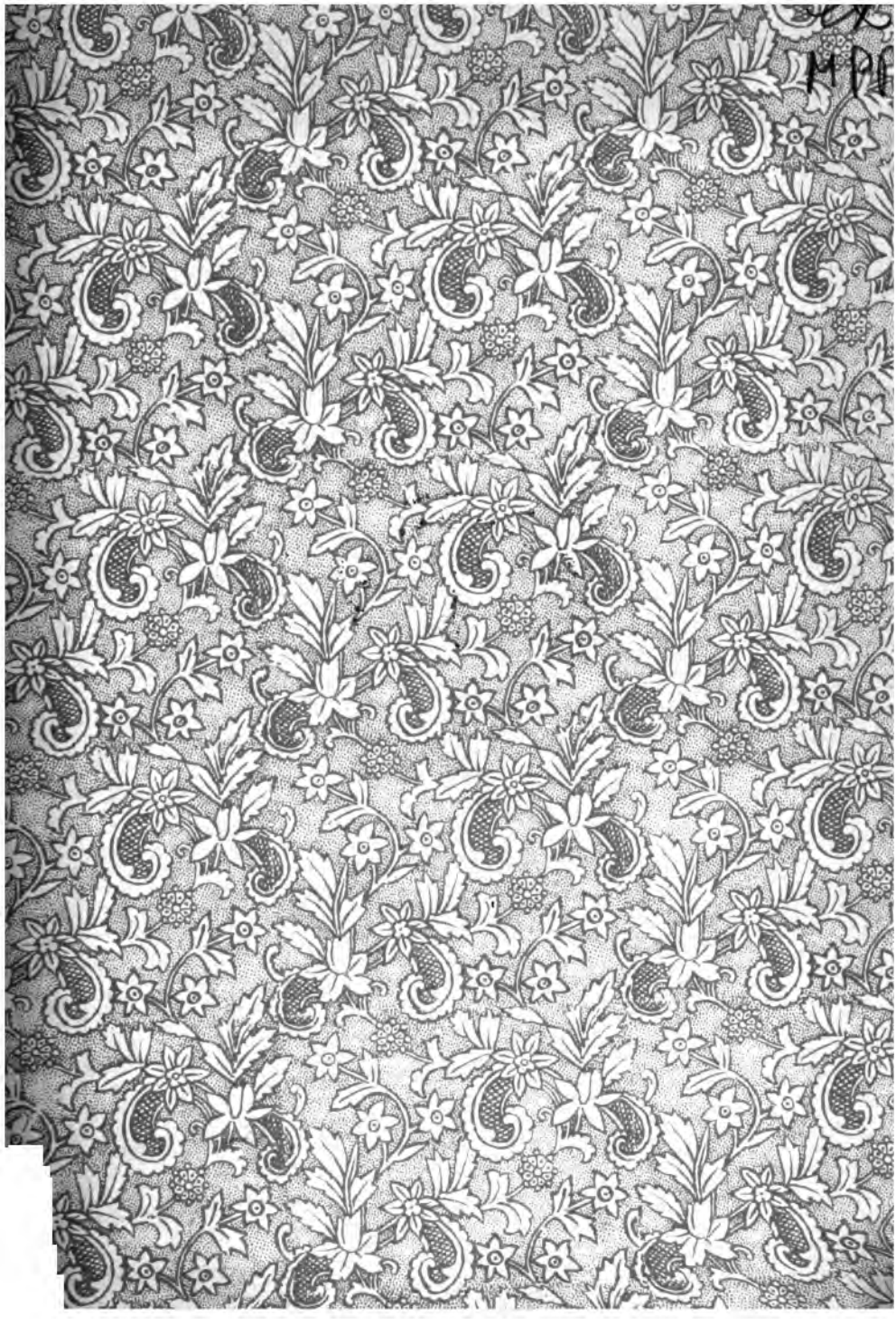
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`




STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



2530 7/73

0.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Маркевичъ, Б. М.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 91.
1885.

PG3467
M327
1885
v.9

FUMIGATED 5/[illegible]

Содержаніе

ДЕВЯТАГО ТОМА:

	стран.
Бездна. (Часть вторая).	1—293

БЕЗДНА.

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Все тотъ же вы?
— Зачѣмъ мѣняться мнѣ!
Горе отъ ума.

Владиміру Петровичу Ашанину уже перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, но „безпощадное крыло времени", какъ говорилось встарь, коснулось лишь словно pro forma этого „баловня природы" съ той поры, когда мы впервые познакомились съ нимъ, благосклонный читатель мой. Въ порѣдѣвшей довольно замѣтно шапкѣ его волосъ начинали кое-гдѣ проглядывать серебряныя нити, но волосы эти все такъ же живописно кудрявились вокругъ смуглаго, все еще свѣжаго чела, и большіе черные глаза горѣли все тѣмъ же юношески-пылкимъ, соблазняющимъ женщинъ огнемъ, какъ въ тѣ давно минувшіе годы, когда въ полупрозрачной тьмѣ майскихъ ночей поджидалъ онъ Ольгу Акулину въ аллеяхъ Сицкаго. „Обломокъ старыхъ поколѣній", онъ оставался неизмѣнно вѣренъ традиціямъ своего былаго донъ-жуанства и, вопреки всякимъ „новымъ вѣяніямъ", плѣнялъ теперь *демократокъ*-дочекъ все тѣми же вкрадчиво дерзкими пріемами обольщенія, какими въ оны дни завоевывалъ сердца маменекъ-„барынь". Въ свѣтъ

онъ давно пересталъ ѣздить, да и какой же теперь „свѣтъ“ въ Москвѣ? А въ послѣднее время всѣ часы, остававшіеся у него свободными отъ занятій по театру, проводилъ въ *Стрѣльнѣ* за Тверскою заставой, или въ одномъ скромномъ домикѣ на Патріаршихъ прудахъ: очень ужь полюбилъ Владиміръ Петровичъ цыганское пѣніе за этотъ годъ...

Мы застаемъ его въ настоящую минуту у себя дома, въ его изящно убранной, холостой квартирѣ въ мѣстности, сосѣдней съ Большою Дмитровкой. Десять часовъ только-что пробило въ его кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ спальни большою ковровою занавѣсью. За нею, въ спальнѣ, происходитъ обычное здѣсь утреннее священнодѣйствіе. Дюжій русскій парикмахеръ Ѳедоръ, переименовавшій себя „для репутаціи“ во французскаго „Théophile, coiffeur“, *наводитъ красоту* на своего кліента: брѣетъ ему подбородокъ, подвиваетъ усы и выливаетъ на его расчесанную волосокъ къ волоску голову цѣлый флаконъ *eau athénienne*... Но вотъ онъ кончилъ. Старый красавецъ, оглянувъ себя въ послѣдній разъ въ широкое туалетное зеркало, у котораго сидѣлъ, скинулъ съ плечъ пудермантель и, отпустивъ „Теофиля“, направился въ уголъ къ висѣвшей тамъ большой иконѣ Спасителя, предъ которою теплилась неугасимая лампада, и сталъ благоговѣйно на молитву, обернувшись спиной къ увѣнчанной гроздіями голоградой вакханкѣ, глядѣвшей пьяными глазами съ противоположной стѣны... Тотъ же двойственный характеръ набожности и *грѣховности* носило и все остальное здѣсь: на столѣ предъ зеркаломъ, между цѣлою массой англійскихъ щетокъ, черепаховыхъ гребней, ногтяныхъ пилокъ и всякихъ иныхъ принадлежностей тщательнаго туалета, гранатовыя четки лежали рядомъ съ маленькимъ блѣднорозовымъ башмачкомъ, очевидно скинутымъ „на память“ съ ножки молоденькой балерины; перламутровые крестики изъ Іерусалима, финифтяные образки отъ кіевскихъ святынь висѣли надъ кроватью, покрытой жемчужнаго цвѣта атласнымъ одѣяломъ, расшитымъ по краямъ гирляндой розъ изъ сирени и съ огромнымъ вензелемъ владѣльца его по срединѣ,—работа и подарокъ влюбленной мастерицы рукодѣлья. Запахъ лампаднаго масла пробивалъ сквозь

своеобразный букетъ только-что откупоренной большой стклянки духовъ, содержавшей въ себѣ какую-то смѣсь иланъ-иланга, ландыша и вервены, которую Ашанинъ приготовлялъ самъ по изобрѣтенному имъ особому рецепту... Во всемъ этомъ было что-то, невольно говорившее о типахъ *кавалеровъ* давно исчезнувшихъ временъ, когда религіозный энтузіазмъ и земныя страсти переплетались органически въ какое-то одно, цвѣтистое цѣлое. Недаромъ прозывалъ Ашанина „un *raffiné* *) du temps de la Saint-Barthélemy петербургскій пріятель его, князь Щенятевъ, большой зубоскалъ, острословъ и неудачникъ...

Въ кабинетѣ ждали хозяина похолодѣвшій уже стаканъ чая и актеръ Ростиславцевъ, сѣдовласый и добродушный мудрецъ, за потерей голоса перешедшій безъ малѣйшаго неудовольствія съ амплуа перваго тенора московской оперы на роли *податчика писемъ* и *гостя* въ труппѣ Малаго Театра, совершенно довольный пятью рублями разовыхъ, которые получалъ за выходъ, благодаря особому предстательству за него Ашанина. Онъ, въ изъявленіе благодарности и преданности Владиміру Петровичу, являлся къ нему аккуратно каждый день въ десять часовъ утра, присаживался къ круглому столу, за которымъ тотъ отпивалъ свой чай изъ стакана медленными глотками, дымя въ интервалахъ изъ пѣнковой трубки, изображавшей нагую сирену съ рыбьимъ хвостомъ; вынималъ изъ стоявшаго тутъ же футляра затасканныя отъ частаго употребленія карты и принимался за пасьянсъ, за которымъ хозяинъ въ свою очередь слѣдилъ зоркими глазами. Разговоры между ними были коротки и относились исключительно къ ихъ домашнимъ, театральнымъ дѣламъ. Съ первымъ ударомъ одиннадцати часовъ Ростиславцевъ также аккуратно вставалъ, раскланивался и отправлялся на репетицію. Не видя у себя утромъ за пасьянсомъ Ростиславцева, Ашанинъ по всей

*) Названіе *raffinés*, или болѣе опредѣлительно, *raffinés d'honneur* носили во Франціи въ царствованіе Карла IX придворные молодые люди, отличавшіеся особливымъ изяществомъ и вкусомъ своихъ костюмовъ, многочисленностью любовныхъ приключеній и количествомъ противниковъ, убитыхъ на дуэли. Это были *львы* той эпохи.

вѣроятности удивился бы въ такой же мѣрѣ, какъ если-бъ ему сказали, что воры прошедшею ночью похитили Царь-пушку изъ Кремля.

— Здравствуйте, Петръ Михайловичъ, говорилъ онъ, выходя, омовенный тѣлесно и духовно, изъ спальни и садясь на свое плетеное кресло у стола:—что̀ новаго?

— Три декораціи разрѣшено написать для новаго балета, отвѣтилъ тотъ, укладывая червонную даму на трефоваго короля.

— Вы почемъ знаете? быстро спросилъ Ашанинъ:—у насъ офиціально ничего нѣтъ изъ Петербурга.

— Шрамъ, декораторъ, письмо получилъ, встрѣтилъ его сейчасъ, идучи сюда; самъ хотѣлъ къ вамъ быть съ этимъ, пріятель у него тамъ въ конторѣ есть: вмѣсто семи, пишетъ, декорацій, на какія просятъ у васъ въ Москвѣ разрѣшенія, баронъ согласенъ на три, а представленную смѣту въ десять тысячъ изволилъ сократить на двѣ съ половиной.

— Я зналъ это, съ какою-то словно торжествующею улыбкой проговорилъ на это Ашанинъ.

Ростиславцевъ поднялъ на него съ изумленіемъ глаза:

— Какъ такъ, вѣдь вы, говорите, ничего офиціально не получали?

— Я и не офиціально... Варвара Аѳанасьевна открыла, примолвилъ какъ бы таинственно старый красавецъ.

— Гадалка? въ самомъ дѣлѣ? давно это?

И отставной теноръ, смѣшавъ карты не вышедшаго пасьянса, принялся торопливо тасовать ихъ, не отрываясь взглядомъ отъ своего собесѣдника, откровеніе котораго видимо заинтересовало его.

— Вчера заѣзжалъ къ ней предъ театромъ... Есть тутъ одно обстоятельство, безпокоящее меня, примолвилъ, слегка морщась, Ашанинъ.

— Насчетъ Зильбермана? участливо спросилъ Ростиславцевъ.

Тотъ махнулъ рукой:

— Я о немъ и думать забылъ! Коли отсрочить не хочетъ,

пусть подаетъ ко взысканію... Пусть всѣ они подаютъ! Рано-ли, поздно-ли, одинъ конецъ—опишутъ... Нѣтъ, я о другомъ...

Ростиславцевъ качнулъ головой: знаю-молъ о чемъ.

— Такъ что-жь вамъ Варвара-то Аѳанасьевна напророчила?

— Я вамъ говорю, просто удивительно, что за даръ прозрѣнія у этой женщины! Глядитъ въ гущу,—она на кофейной гущѣ гадаетъ,—будто въ зеркалѣ все такъ и проходитъ предъ ней... „У васъ, говоритъ, много теперь заботъ всякихъ и безпокойства, только вы напрасно не тревожьтесь, потому все это должно къ вашему удовольствію кончиться. Перво-на-перво, говоритъ, женщина тутъ одна, съ которою вы въ близости состоите, брюнетка, пѣвица она или изъ актерокъ, не знаю, а только не изъ вашего дворянскаго сословія показываетъ... И молодая она, изъ себя красивая и большую къ вамъ преданность имѣетъ“. Сколько времени, можете сказать, спрашиваю, состою я съ этою женщиной „въ близости?“ „Въ августѣ четыре года будетъ“, отвѣчаетъ. Именно такъ, какъ вамъ извѣстно.

— Удивительно! вскрикнулъ Ростиславцевъ, слегка даже перемѣняясь въ лицѣ подъ вліяніемъ суевѣрнаго чувства.

Ашанинъ, съ выраженіемъ подобнаго же суевѣрнаго благоговѣнія въ чертахъ и тонѣ голоса, продолжалъ:

„— Вы, говоритъ, сами спервоначала очень любили эту женщину и привыкли, но теперь она вамъ въ тягость, а вамъ совѣсть мѣшаетъ кинуть ее и отъ этого самаго вы себѣ покою не знаете. Только все это неожиданно для васъ развяжется какъ нельзя лучше, такъ что вы сами удивитесь“. „Какъ же это можетъ развязаться?“ спрашиваю я ее опять. „Очень просто: такой будетъ случай, что она васъ будетъ ожидать къ себѣ по обѣщанію, а вы не пріѣдете; она очень разсердится за это и сама пожелаетъ разойтись съ вами“...

— Что же, Владиміръ Петровичъ, воскликнулъ, прерывая, Ростиславцевъ,—если такъ, то дѣйствительно чего же лучше! Съ одной стороны Зильберманы всякіе, а тутъ женщина на рукахъ... Коли сама васъ развяжетъ, благословляйте Создателя...

Старый Донъ-Жуанъ усмѣхнулся:

— Погодите, я не досказалъ. Разрывъ, какъ уже знаете, долженъ произойти изъ-за того, что я не пріѣду *къ ней* по обѣщанію, но главная тутъ причина „другая женщина“...

— Ну такъ! комически вздохнулъ отставной теноръ.

— И это въ связи съ представленіемъ моимъ въ Петербургъ о декораціяхъ для новаго балета.

Ростиславцевъ даже руками всплеснулъ:

— Что вы! все это она въ гущѣ видитъ?

— „Показываетъ“, повторяя выраженіе Варвары Аѳанасьевны, подтвердилъ Ашанинъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности такого „показанія“ кофейной гущи.—„Вы, говоритъ, хлопочете на счетъ какихъ-то денегъ и будто какъ бы не для себя собственно, а въ какомъ-то чужомъ интересѣ. Деньги эти вы получите, только не всѣ, и узнаете объ этомъ чрезъ одну молодую даму, а въ скорости послѣ того изъ-за самой этой дамы выйдетъ у васъ ссора съ вашимъ предметомъ“.

— Что за притча! засмѣялся Ростиславцевъ:—дама-то эта выходитъ—я; потому объ отказѣ барона сообщено вамъ сейчасъ мною.

Въ кабинетъ въ эту минуту донесся изъ передней звонъ колокольчика, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ комнату дежурный капельдинеръ въ придворной ливреѣ, съ письмомъ и визитною карточкой въ рукѣ.

Анастасія Дмитріевна Ларина, прочелъ Ашанинъ на карточкѣ, взглянулъ на письмо... „Отъ Ошмянскаго“, быстро выговорилъ онъ, взглянувъ на Ростиславцева, вскрылъ поспѣшно конвертъ и, обращаясь къ дежурному:

— Попроси эту госпожу въ гостиную! приказалъ онъ и принялся читать. Но едва пробѣжавъ первыя строки, онъ задрожавшею мгновенно рукой протянулъ письмо Ростивлавцеву:

— Читайте: вѣрно или нѣтъ *видитъ* Варвара Аѳанасьевна.

Письмо было изъ Петербурга отъ состоявшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ашанинымъ секретаря всевластнаго въ ту пору въ театральномъ вѣдомствѣ лица и начиналось такъ:

„Пользуясь случаемъ отъѣзда подательницы, г-жи Лари-

ной, которая сама изъяснитъ вамъ о предметѣ своихъ желаній и для которой, не сомнѣваюсь, вы сдѣлаете все, что отъ васъ зависитъ, какъ и для всѣхъ, кто только прибѣгаетъ къ вамъ, я со своей стороны считаю не безполезнымъ извѣстить васъ до полученія вами формальнаго о томъ извѣщенія, что на послѣднее представленіе ваше о новыхъ декораціяхъ его высокопревосходительство..." Слѣдовало буквальное повтореніе того, что писалъ декоратору Шраму пріятель его изъ той же канцеляріи главнаго театральнаго управленія.

— Удивительно! повторилъ спирающимся голосомъ отставной теноръ, нервно дернувъ плечомъ.

Ашанинъ принималъ очень горячо къ сердцу всѣ интересы театра, и скаредничанье барона, постоянно отказывавшаго, въ прямой ущербъ дѣйствительныхъ выгодъ дѣла, тамъ, гдѣ расходы на оное представлялись совершенно необходимыми, приводило его всегда въ крайнее раздраженіе. Но въ настоящемъ случаѣ чувство досады сводилось у него на „нѣтъ" въ виду того удовлетворенія, которое доставляло ему „поразительное" доказательство несомнѣннаго пророческаго дара гадалки, въ совѣщаніяхъ съ коею онъ проводилъ цѣлые часы по нѣскольку разъ въ недѣлю; онъ, чуть не ликуя, направился своими торопливо-мелкими шажками въ гостиную, гдѣ его ожидала госпожа Ларина.

Это была еще весьма молодая, но съ усталымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ особа, одѣтая въ скромное, хорошо скроенное, шерстяное платье темнаго цвѣта и въ такой же скромной, но свѣжей шляпкѣ съ полуопущенною вуалеткой, сквозь которую сквозили большіе и прекрасные, сколько можно было судить, глаза.

— Не знаю, узнаете-ли вы меня, Владиміръ Петровичъ? проговорила она, увидавъ его и подымаясь съ турецкаго дивана, роскошно расшитаго шелковыми узорами по красному сукну, какъ и вся остальная мебель этой парадной пріемной пожилаго московскаго Донъ-Жуана.

— Ахъ, Боже мой, конечно! воскликнулъ онъ, протягивая руку и дружески пожимая ея тонкіе пальцы:—карточка ваша мнѣ ничего не сказала; *Ларину* я никакой не знаю, но по

голосу и лицу узналъ васъ съ первой минуты... Вы замужъ вышли вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь—тому два года, кажется,—на этомъ самомъ мѣстѣ? примолвилъ Ашанинъ, съ ласкательнымъ оттѣнкомъ въ улыбкѣ и тонѣ рѣчи.

Она усмѣхнулась слегка:

— Нѣтъ, я все также не замужемъ; *Ларина* — мой театральный псевдонимъ... который я возобновляю теперь, примолвила она сквозь слезы.

— Возобновляете? повторилъ вопросительно Ашанинъ.

— Да, я цѣлый годъ... я была за Дунаемъ во время войны, какъ бы застыдясь объяснила она.

— Въ Красномъ Крестѣ?... И вернулись оттуда цѣлы и здравы? спросилъ онъ съ живымъ участіемъ.

— Нѣтъ, у меня былъ тифъ... какъ у всѣхъ тамъ, добавила она съ новою легкою усмѣшкой, — но, какъ видите, жива... Я изъ Петербурга привезла вамъ письмо отъ господина Ошмянскаго, поспѣшила она перемѣнить разговоръ.

— Какъ же, благодарю васъ очень! Онъ мнѣ пишетъ, прося о моемъ содѣйствіи вамъ... Но въ чемъ—вы сами мнѣ должны объяснить, говоритъ онъ... Для этого мнѣ рекомендаціи его не нужно, молвилъ улыбаясь Ашанинъ, — мы съ вами старые знакомые и чрезъ посредство человѣка, котораго я ото всей души люблю и уважаю, Бориса Васильевича Троекурова... Давно не было его въ Москвѣ, и я въ послѣднее время не имѣю о немъ никакихъ извѣстій... А вы?

— Я слышала, онъ за границей съ дочерью.

— Сами вы не были въ его мѣстахъ?

— Нѣтъ, я прямо изъ Болгаріи проѣхала въ Петербургъ съ общиною сестеръ, въ которой состояла.

— Навидались вы тамъ всякихъ ужасовъ, за Дунаемъ, воображаю, сказалъ Ашанинъ, все внимательнѣе вглядываясь въ свою собесѣдницу.

— Да, подтвердила она, — но съ тѣмъ вмѣстѣ пришлось видѣть столько самоотверженія, покорности, столько (она какъ бы искала выраженія,)... святыхъ чувствъ, что о темныхъ сторонахъ забываешь... Нельзя не полюбить ото всей души рус-

скаго простаго человѣка, когда узнаешь его такъ, какъ *намъ* дано было узнать его теперь, пояснила дѣвушка. Въ голосѣ ея слышалась трогательная нота; она приподняла вуалетку, и предъ Ашанинымъ сверкнули, какъ двѣ звѣзды, ея загорѣвшіеся глубокіе каріе глаза.

Онъ видѣлъ ихъ тому два года, эти глаза, это все такъ же какъ и теперь блѣдное и выразительное лицо, но они въ ту пору не произвели на него никакого впечатлѣнія. Въ настоящую же минуту онъ чувствовалъ, что его „подмываетъ", какъ выражался онъ внутренно. „Изъ-за *этой* женщины", по предсказанію Варвары Аѳанасьевны, долженъ былъ произойти у него разрывъ съ тою „*фараонкой*" *) изъ Стрѣльны, которую „совѣсть не позволяла ему до сихъ поръ покинуть", и онъ глядѣлъ теперь на эту ниспосылаемую ему таинственною судьбой „избавительницу" съ полною уже готовностью предоставить ей со своей стороны всякое право и основаніе споспѣшествовать его *избавленію*.

— Вы надолго теперь въ Москву? поспѣшилъ онъ спросить въ соотвѣтствіе тому, что̀ роилось у него теперь въ головѣ.

— Это будетъ отчасти отъ васъ зависѣть, отвѣчала она на это какъ бы не совсѣмъ увѣренно.

— Отъ меня? Въ такомъ случаѣ вы отсюда никогда не уѣдете! вскликнулъ Ашанинъ, и лицо его, по давнишней привычкѣ, приняло тотчасъ же то елейное, вызывающее выраженіе, напоминавшее нѣсколько *заигрываніе* старой кокотки, которое до сихъ поръ производило, какъ онъ зналъ, неотразимый эффектъ на женщинъ, удостоиваемыхъ имъ своего вниманія.

Но дѣвушка въ отвѣтъ на это взглянула на него такимъ „невинно" удивленнымъ взглядомъ, что ему стало тутъ же совѣстно (ему припомнилось письмо отъ Бориса Васильевича Троекурова, которое она привезла ему въ первый разъ, и мѣсто въ этомъ письмѣ, гдѣ говорилось о полномъ *уваженіи* и

*) Выраженіе Полежаева.

участіи, коихъ достойна эта молодая особа"), и, опустивъ свои лукавые глаза, онъ продолжалъ уже надлежащимъ тономъ:

— Съ Краснымъ Крестомъ вы теперь покончили и думаете опять на сцену, такъ-ли?

— Да.

— Имѣете вы ангажементъ куда-нибудь?

— Я бы могла, если бы захотѣла, поступить опять въ *** (Ларина назвала одинъ изъ большихъ русскихъ университетскихъ городовъ): тамошній антрепренеръ очень просилъ меня объ этомъ, когда я собралась въ *сестры*...

— Вы тамъ большой успѣхъ имѣли, я знаю, перебилъ ее Ашанинъ: — васъ видѣлъ одинъ мой знакомый въ *Маріи Стюартъ* и отзывался съ восхищеніемъ о вашей игрѣ.

Лицо Лариной заалѣло слабымъ румянцемъ: отзывъ этотъ видимо вызывалъ въ ней давно не испытанное ощущеніе радости.

— Тамошняя публика, дѣйствительно, была очень благосклонна ко мнѣ, сказала она и какъ бы невольно добавила:— но положеніе провинціальной актрисы ужасно тяжело!..

— Не тяжелѣе все же, думаю, усмѣхнулся ея собесѣдникъ,— того креста, который взялись вы нести въ военномъ госпиталѣ, среди умирающихъ и зараженныхъ, при всевозможныхъ лишеніяхъ и изнуряющемъ трудѣ?

— Ахъ, какъ можно! вскликнула горячо недавняя *сестра:*—тамъ о лишеніяхъ не думаешь, тамъ рядомъ съ трудомъ такое душевное спокойствіе... такое *удовлетвореніе*, примолвила она, безсознательно подчеркивая: — знаешь, что ты нужна, что ты истинному дѣлу служишь, и какъ въ семьѣ себя чувствуешь, среди братьевъ: всѣ тебя любятъ, радуются тебѣ...

Она оборвала вдругъ и отвела глаза въ сторону, будто говоря себѣ: „къ чему объ этомъ распространяться!"

Ашанинъ качнулъ головой:

— Въ театральномъ быту приходится испытывать совершенно противоположное: не удовлетвореніе и братскія чувства, а терзанія и вражду... А все же васъ опять туда тянетъ?

— Тянетъ, Владиміръ Петровичъ! вырвалось неудержимо изъ устъ Настасьи Дмитріевны. И столько искренности и неожиданной наивной какой-то прелести сказалось въ эту минуту во всей ея наружности, что въ вѣчно юной головѣ пожилаго красавца снова закопошилась мысль: а вѣдь по гаданію непогрѣшимой Варвары Аѳанасьевны выходитъ, что никакая иная, какъ *эта* „женщина", должна его вызволить изъ узъ „*фараонки*"...

— И если бы вы нашли возможность, говорила она между тѣмъ,— исполнить теперь то, на что давали вы мнѣ нѣкоторую надежду два года назадъ...

Онъ не далъ ей договорить:

— Зависѣло бы это отъ меня, вы бы завтра приняты были въ труппу Малаго Театра. Но мы здѣсь лишенныя всякаго значенія пѣшки на шашечницѣ: слоны и ферязи, орудующіе нашимъ злополучнымъ театральнымъ дѣломъ, сидятъ въ Петербургѣ и будто единственно для того, чтобы тормозить и придушивать все, что можетъ служить преуспѣянію его... Вы не были тамъ у барона Книппера?

— Онъ меня не принялъ, и меня въ его канцеляріи направили къ секретарю его, господину Ошмянскому.

— Который, въ свою очередь, какъ они всегда тамъ дѣлаютъ, направляетъ васъ ко мнѣ, зная наперед, что станемъ мы отсюда просить о принятіи васъ въ труппу, патронъ его сочтетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ, въ виду все того же соблюденія экономіи, à tout prix, отказать намъ въ этомъ наотрѣзъ, желчно выговорилъ Ашанинъ, оборачиваясь машинально въ то же время на входившаго въ эту минуту въ комнату камердинера своего Максима, маленькаго, юркаго и смѣтливаго малаго, съ птичьимъ лицомъ и плутоватымъ пошибомъ наружности слугъ старинныхъ французскихъ комедій,—un Frontin digne de son maître, какъ говорилъ про него все тотъ же князь Щенятевъ... Онъ быстро подошелъ къ барину, сунулъ ему какое-то письмо въ пальцы, и по одной игрѣ его физіономіи Ашанинъ догадался, кѣмъ оно было ему писано.

— Извините, проговорилъ онъ, поспѣшно вставая и подходя къ окну прочесть письмо.

Оно содержало лишь нѣсколько словъ:

„Два дня не видала. Если не можешь обѣдать, пріѣзжай *непремѣнно* сегодня вечеромъ. Жду отвѣта".

— Кто принесъ? спросилъ вполголоса Донъ-Жуанъ.

— Кухарка ихняя, отвѣтилъ еле слышно Лепорелло:—говоритъ, весь вчерашній день проплакали, ожидамши васъ.

— Хорошо, скажи, что обѣдать не могу, а вечеромъ буду... *непремѣнно*, промолвилъ Ашанинъ, безсознательно повторяя подчеркнутое „фараонкою" въ запискѣ слово. Но лицо его замѣтно омрачилось...

— Извините, повторилъ онъ, возвращаясь къ своему мѣсту противъ дивана, на которомъ сидѣла его гостья.

— Не задерживаю-ли я васъ? проговорила она:—у васъ дѣло, можетъ быть...

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста! вскликнулъ онъ, какъ-то вдругъ страшно испугавшись, что она „сейчасъ встанетъ и уйдетъ:"— никакого у меня дѣла нѣтъ въ эту минуту, кромѣ вашего, и я весь къ вашимъ услугамъ.

— Что же мое дѣло, промолвила она печально,—когда я вижу изъ вашихъ словъ, что нѣтъ надежды...

— Надежды никогда терять не надо, усмѣхнулся онъ: — представленіе о васъ мы во всякомъ случаѣ сдѣлать можемъ, а тамъ, быть можетъ, и вывезетъ... У насъ на драматическія роли европейскаго репертуара исполнителей нѣтъ, а возобновить этотъ репертуаръ моя всегдашняя мечта... Вѣдь это просто позоръ: какой-нибудь антрепренеръ въ губернскомъ городѣ находитъ возможность поставить *Марію Стюартъ*, напримѣръ, а московская Императорская сцена не можетъ этого сдѣлать—сыграть некому!... Нашъ бытовой репертуаръ погубилъ у насъ цѣлое поколѣніе актеровъ, воскликнулъ съ горечью старый театральный энтузіастъ: — воспитавшись на Любимахъ Торцевыхъ, да на Подхалюзиныхъ,—пойди, подымись на высоту *Гамлета* или *Валленштейна!* Геніальный актеръ былъ покойный Провъ Михайловичъ Садовскій, а вздумалъ попробовать себя въ *Лирѣ*,—срамота вышла... Школа,

традиція, воспитательное значеніе театра, — все это у насъ сметено съ лица сцены, хоть сначала начинай!... Да, что объ этомъ говорить! перебилъ онъ себя, проводя рукою по лбу,— не поможешь!... Возвратимся къ вамъ, это гораздо интереснѣе. Мы будемъ просить о васъ отсюда, я уговорю это сдѣлать нашего здѣшняго набольшаго; но вамъ слѣдовало бы прежде самимъ заявить о себѣ...

— Дайте мнѣ дебютъ! поспѣшила она сказать на это.

Онъ усмѣхнулся:

— Заставьте насъ дать вамъ его поневолѣ, а не изъ милости.

— Я васъ не понимаю, промолвила дѣвушка, глядя на него съ удивленіемъ.

— Я вамъ открою одну изъ нашихъ тайнъ, отвѣтилъ онъ ей шутливо:—вотъ видите, начальство у насъ терпѣть не можетъ печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно ея боится, и всякій невѣжда и оборвышъ, пишущій театральныя рецензіи въ газетахъ по двѣ съ половиною копѣйки за строчку, представляется ему силой, съ которою слѣдуетъ-де считаться... Интриганы знаютъ это хорошо и проводятъ и поддерживаютъ этимъ путемъ всякую бездарность и мерзость на сценѣ... Воспользуемся же этимъ орудіемъ и мы въ интересахъ хорошаго дѣла. Вамъ прежде всего надо было бы показать себя на частной сценѣ, въ Артистическомъ Кружкѣ, напримѣръ, и въ піесѣ, которая у насъ не идетъ, — въ той же хотя бы *Маріи Стюартъ*. Объ успѣхахъ вашихъ въ этой роли въ *** было не разъ уже говорено въ газетахъ, и я не сомнѣваюсь, что такой же успѣхъ вы будете имѣть и здѣсь. Въ Артистическій Кружокъ вы будете приглашены, когда только захотите, — я берусь это устроить. А какъ только вы тамъ сыграете, мы и пустимъ сейчасъ въ ходъ „благодѣтельную гласность“. Возьму я за бока одного знакомаго мнѣ здѣшняго корреспондента петербургской газеты *Призывъ*,—она вѣдь тамъ за Евангеліе идетъ у лицъ *правительственныхъ;* — онъ про васъ и протрубитъ въ своемъ московскомъ фельетонѣ, благо ему случай этимъ лишній выйдетъ выругать правительственное вѣдомство... Дрянь вѣдь, по правдѣ вамъ сказать, весь

этотъ людъ невообразимая! презрительно засмѣялся Ашанинъ:— самъ онъ чиновникъ и рода, и нрава чиновническаго, и отъ казны норовитъ какъ бы побольше жалованья получить, а посмотрите, чего онъ тутъ не настрочитъ: и про казенную монополію, и про чиновничій произволъ въ сферѣ искусства, и про гибель молодыхъ талантовъ „вслѣдствіе печальныхъ условій нашего общественнаго устройства“, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Намъ-то все это на благо будетъ, оживленно договорилъ онъ: — я постараюсь повести дѣло такъ, чтобы какъ разъ вслѣдъ за его фельетономъ пришло въ Петербургъ наше представленіе о принятіи васъ на драматическія роли классическаго репертуара, и тогда является огромнѣйшій шансъ, что намъ на откажутъ изъ-за боязни, чтобы дирекцію по поводу васъ не выбранили еще разъ въ газетѣ *Призывъ*.

Настасья Дмитріевна тихо засмѣялась.

— Для моего самолюбія пожалуй и не очень лестно изъза такихъ поводовъ добиться чести поступить на Императорскую сцену; но я самолюбію моему давно велѣла смолкнуть, промолвила она съ полувздохомъ.

— Помилуйте, ему въ этомъ случаѣ и говорить нечего! поспѣшно всклинкулъ Ашанинъ:—безъ рекламъ, подкупа или устрашенія ничего не добьешься въ нашъ вѣкъ; все и вся поневолѣ должны подчиняться этому закону.

Изъ передней раздался опять звонъ колокольчика, и вслѣдъ за тѣмъ быстрыми шагами, не замѣчая или дѣлая видъ, что не замѣчаетъ разговаривавшихъ въ гостиной, прошелъ мимо ихъ въ кабинетъ декораторъ Шрамъ, красивый малый и закулисный сердцеѣдъ Ашанинской школы, съ какою-то папкой подъ мышкой.

Ларина поднялась съ мѣста:

— У васъ дѣла, Владиміръ Петровичъ, я васъ совсѣмъ заговорила... Когда же вы позволите мнѣ зайти опять къ вамъ узнать?...

У него еще разъ пронеслось въ головѣ о Варварѣ Аѳанасьевнѣ и ея предсказаніяхъ... Онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Позвольте мнѣ самому явиться къ вамъ... Я надѣюсь еще сегодня устроить дѣло о приглашеніи васъ Артистиче-

скимъ Кружкомъ... Я бы могъ привезти вамъ вечеромъ отвѣтъ. Можно?

— Очень вамъ буду благодарна... если не очень поздно, примолвила она, какъ бы нѣсколько поколебавшись.

— Гдѣ вы остановились?

— У Харитонія въ Огородникахъ, домъ Срѣтенской... Я тамъ у старушки хозяйки живу, Лизавету Ивановну спросите, ее всѣ тамъ знаютъ.

— Лизавета Ивановна, „анделъ мой“! вскликнулъ онъ смѣясь,—да я ее издавна знаю... Вы съ нею чрезъ Александру Павловну Троекурову познакомились?

— Нѣтъ, когда я два года тому назадъ покидала деревню, чтобъ ѣхать сюда, я встрѣтилась въ нашемъ городѣ съ докторомъ Ѳирсовымъ, что живетъ у Троекуровыхъ,—онъ лѣчилъ моего покойнаго отца и очень хорошій человѣкъ;—онъ меня и направилъ съ запиской къ этой старушкѣ, такъ какъ я... не знала, гдѣ мнѣ пристать въ Москвѣ, добавила дѣвушка съ нѣкоторою запинкой,—а теперь я у нея опять остановилась.

— Божья душа! промолвилъ Ашанинъ, видимо тронутый.— Все та же она за всѣхъ радѣлица и богомолица?

— Все та же, подтвердила съ такою же въ свою очередь тронутою улыбкой Настасья Дмитріевна;—у нея вѣдь маленькое состояніе послѣ отца осталось, но оно у нея все на бѣдныхъ ушло. Александра Павловна ей этотъ домикъ купила съ полнымъ хозяйствомъ и взяла съ нея слово сохранить все это въ цѣлости до смерти, а то она бы опять все раздала... Ноги теперь у нея слабы стали; бѣгать по больнымъ и нуждающимся, какъ бывало прежде, ей уже тяжело становится, такъ она квартиру свою въ страннопріимный домъ обратила. Вѣчно у нея какія-то старушки недужныя живутъ, да дѣти-сироты, которыхъ она какъ-то удивительно всегда умѣетъ пристраивать къ добрымъ людямъ... Мнѣ тамъ очень хорошо живется! вырвалось какъ бы помимо воли у дѣвушки.

Ашанинъ пристально взглянулъ на нее своими большими черными глазами и вздохнулъ почему-то во всю грудь.

— Такъ я къ вамъ и Лизаветѣ Ивановнѣ отъявлюсь се-

годня непремѣнно, Настасья Дмитріевна, сказалъ онъ,—и надѣюсь съ добрыми вѣстями.

Онъ крѣпко пожалъ ей руку, проводилъ до передней, раскланялся съ оттѣнкомъ какой-то особой почтительности — и, Богъ вѣсть чѣмъ необыкновенно довольный, вернулся своими мелкими шажками въ кабинетъ, гдѣ Ростиславцевъ въ ожиданіи его раскладывалъ уже третій пасьянсъ.

II.

Mihi praeter omnes angulus ridet.
Horat.

Захочу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.
Островскій. *Бѣдность не порокъ.*

Это былъ одинъ изъ тѣхъ, выросшихъ какъ грибы послѣ пожара Двѣнадцатаго Года, деревянныхъ, оштукатуренныхъ въ позднѣйшее время, одноэтажныхъ домиковъ, комнатъ въ пять-шесть, съ мезониномъ въ двѣ „свѣтелки", надъ скрипучею лѣстницей, какихъ еще не мало—и слава Богу!—осталось въ Москвѣ бѣлокаменной;—одинъ изъ тѣхъ домиковъ съ крошечнымъ садикомъ и цвѣтничкомъ подъ самыми окнами, гдѣ въ комнатахъ вѣчно пахнетъ жженымъ кофе и геранью, и по чисто вымытому полу, отъ двери къ двери, бѣжитъ дорожка изъ толстой парусины; на почетномъ мѣстѣ въ гостиной, чинно уставленной старинною краснаго дерева мебелью, висятъ литографированныя изображенія императора Николая I или митрополита Филарета, оклеенныя чернымъ бордюромъ по стеклу, да глядитъ съ почернѣвшаго полотна какой-нибудь дѣдъ, секундъ-майоръ въ екатерининскомъ мундирѣ,—одинъ изъ тѣхъ тишайшихъ *уголковъ*, въ которыхъ пришлаго, усталаго отъ жизненной битвы человѣка охватываетъ внезапно неотразимымъ ощущеніемъ мира и забытья... „Такъ бы, кажется, и опочилъ здѣсь до втораго пришествія", проносится у него на мигъ въ головѣ.—„Если до этого не успѣешь ты тутъ десять разъ умереть со скуки", скептически договариваетъ онъ себѣ, вздыхая, минуту спустя...

Лизавета Ивановна Срѣтенская не скучала въ своемъ „пріютѣ“, какъ называла она принадлежавшій ей домикъ у Харитонія въ Огородникахъ. Она чувствовала себя въ немъ „какъ въ Царствіи Небесномъ“ и смущалась порою лишь мыслью о томъ, что „вотъ ей дано такъ много, а у другаго ни крова, ни хлѣба“, и что она этимъ „можетъ соблазняетъ иного на зависть“, а въ Писаніи именно сказано, чтобы не быть для ближняго предметомъ соблазна... Она очень боялась всегда „приступа“ этой мысли, такъ какъ за нею постоянно слѣдовалъ въ мозгу малѣнькой особы прямой изъ нея выводъ: „отдай все во имя Его“, побудившій ее уже разъ въ молодости обратить себя добровольно въ нищую. А *отдать* она не почитала себя теперь въ правѣ, такъ какъ „анделъ“ ея, Александра Павловна, „уготовавъ ей этотъ пріютъ для мирнаго въ старости житія и кончины“, очень бы уже очорчилась, если-бъ она, Лизавета Ивановна, этимъ „пренебрегла“... „Анделъ Александра Павловна“, къ тому же, въ не частыя побывки свои въ Москвѣ постоянно останавливалась у нея въ этомъ домикѣ (домъ на Покровкѣ, наслѣдіе Остроженковъ, оставался все также никогда Троекуровыми не обитаемымъ) съ сыномъ своимъ Васей,—„Христовымъ избранникомъ“, какъ называла его Лизавета Ивановна, питавшая къ мальчику какое-то восторженно благоговѣйное чувство вслѣдствіе одной особенности, о которой въ свое время узнаетъ читатель... Она поэтому тщательно старалась не допускать себя „путаться мыслями на счетъ дома и прочаго“, хотя бы и „спасенья себя ради“.

Помѣщалась она сама „на верху“, въ одной изъ „свѣтелокъ“ мезонина, съ десятилѣтнею тщедушною дѣвочкой, дочерью одной помершей знакомой ея просвирни, которую пріютила она у себя, спасая сначала малютку отъ побоевъ вѣчно пьянаго отца, а послѣ его смерти и просто ради того, что „куда же ей, пичужкѣ Божіей, дѣться-то“! На томъ же простомъ основаніи „скрипѣла“ у нея второй годъ въ сосѣдней комнатѣ древняя, бездомная и сирая „странница“, Таисія Филипповна, „подобранная“ ею въ одинъ большой праздничный день въ церкви, гдѣ она отъ изнеможенія и духоты пала въ

толпѣ безъ чувствъ. „Не давать же ей помирать тутъ, анделъ мой, аль чтобы въ участокъ ее стащили“, объясняла по этому случаю Лизавета Ивановна, „а у меня въ ту пору и свѣтелка-то рядомъ съ моею свободная стояла; я и попросила добрыхъ людей снести ея сюда, благо отъ церкви-то до меня рукой подать; и ничего, отошла тутъ сейчасъ, а только въ скорости потомъ ноги у нея отнялись... Такъ такъ вотъ и живетъ съ того дня у меня, сердечная“... „Сердечная“ стонала съ утра до ночи, не то отъ боли въ ногахъ, не то отъ скуки по прежней бродячей жизни, и привередничала какъ малый ребенокъ, но какъ бы тѣмъ паче вызывала заботы и нѣжность своей хозяйки, „баловавшей“ ее неустанно чаемъ съ „вареньицемъ“, или „манною кашкой съ сахарцемъ и корицей“ изъ обильнаго запаса всякихъ сластей и деревенской провизіи, которыя, вѣрная обычаямъ старины, высылала „по первопуткѣ,“ цѣлыми возами Александра Павловна Троекурова изъ Всесвятскаго старой своей пріятельницѣ въ Москву.

Внизу, въ зальцѣ, довольно пространной комнатѣ съ лѣпнымъ карнизомъ, узенькими кисейными занавѣсями на окнахъ и небольшимъ количествомъ какихъ-то очень старинаго фасона съ рѣзными спинками стульевъ, стояла узкою стороной къ свѣту пара длинныхъ пялецъ и такой же длинный липоваго дерева столъ съ гладкою, некрашеною поверхностью. Тутъ вѣчно шла та или другая работа „Бога для“, какъ выражалась хозяйка. На столѣ кроились ризы для священниковъ какихъ-то бѣдныхъ деревенскихъ приходовъ изъ „остаточковъ“ парчи и „муаре“, которые добывала Лизавета Ивановна ото всякихъ доброхотовъ „купецкой націи“, ситцевыя рубашки и платьица для той или другой „пичужки“ изъ сиротъ. Вышивать въ пяльцахъ *воздухи* или коврики подъ иконы, въ четыре, иной разъ въ восемь рукъ, собирались по утрамъ дѣвочки и взрослыя дочери всякихъ отставныхъ чиновницъ и офицерскихъ вдовъ, сосѣдокъ Лизаветы Ивановны, въ средѣ которыхъ пользовалась она огромною популярностью и уваженіемъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и почитали ее нужнымъ за глаза—отъ „духа вѣка“ не уйдешь и у Харитонія въ Огородникахъ,—относиться о ней какъ о „совсѣмъ *безъ развитія*

и даже въ нѣкоторомъ родѣ юродивой особѣ"... По обѣимъ сторонамъ зальца расположены были двѣ выходившія на улицу комнаты, изъ которыхъ одна, по правой сторонѣ, съ прилегавшею къ ней каморкой въ видѣ алькова, составляла „покой Александры Павловны". Сюда, „окромѣ какъ если кто изъ Всѣхсвятскаго", хозяйка никого никогда не пускала и самый ключъ отъ двери въ это отдѣленіе дома постоянно носила у себя въ карманѣ. Комната слѣва, уютно уставленная скромною, но покойною мебелью, занимаема была теперь Настасьею Дмитріевною Лариной. Подлѣ нея, въ небольшой столовой, собиралась въ урочный часъ трапезовать вся сборная семья жилицъ Лизаветы Ивановны; къ ней же принадлежалъ еще двѣнадцатилѣтній гимназистикъ, сынъ одного дальняго родственника хозяйки, изъ духовнаго званія, порученный ей состоявшимъ на службѣ гдѣ-то въ Рязанской губерніи отцомъ, и котораго она устроила въ выходившей окномъ на дворъ, рядомъ со столовой, узенькой, заставленной шкапами комнаткѣ, служившей первоначально *буфетною*. „Въ тѣснотѣ люди живутъ и счастливы бываютъ, анделъ мой", говорила она ему какъ бы въ видѣ утѣшенія каждый разъ, какъ входила въ его „дырочку" наблюсти, держитъ-ли онъ ее и себя „въ чистотѣ"...

— Съ тетей тутъ господинъ какой-то васъ дожидаются, говорилъ этотъ гимназистикъ, выбѣжавъ отворить дверь съ улицы на звонокъ вернувшейся отъ Ашанина Настасьи Дмитріевны.

— Кто такой? машинально спросила она, быстро входя въ сѣни.

— Не знаю, большущій такой, здоровый... И тетя его не знаетъ. Онъ васъ спрашивалъ, такъ она посылала меня сказать ему, что вы обѣщались скоро быть, а потомъ и сама къ нему сошла, объяснялъ мальчикъ, подымаясь на цыпочки, чтобы снять ей съ плечъ тяжелый, омоченный только-что полившимъ дождемъ бурнусъ.

— Спасибо, Петя милый, вотъ какой ты дамскій угодникъ! съ ласковою улыбкой молвила она ему, сбрасывая калоши съ ногъ:—а что же ты не въ гимназіи самъ?

— Праздникъ большой сегодня, Покрова Богородицы, отвѣтилъ онъ, словно съ упрекомъ, показалось ей, взглянувъ на нее:—мы съ тетей только изъ церкви вернулись, какъ этотъ пріѣхалъ.

— Да, да, торопливо проговорила она, и какъ бы невольно домолвивъ: — я не успѣла быть въ церкви, у меня дѣло было очень нужное,—прошла въ зальце.

Тамъ у рабочаго стола, посреди комнаты, сидѣлъ насупротивъ хозяйки дома человѣкъ, котораго она менѣе всего думала увидать здѣсь.

— Провъ Ефремычъ! вскликнула она, быстро направляясь къ нему:—вы вернулись... давно?.. А Тоня гдѣ же?

— Здравствуйте, сестрица, какимъ-то поразившимъ ее съ перваго раза дѣланнымъ тономъ выговорилъ онъ въ отвѣтъ, подымаясь съ мѣста и церемонно подходя ей къ ручкѣ. — Сестрица ваша Антонина Дмитріевна за границей продолжаетъ пребывать, добавилъ онъ тутъ же съ насилованною усмѣшкой.

У Лариной ёкнуло сердце отъ какого-то дурнаго предчувствія...

— Лизавета Ивановна, голубушка, здравствуйте, мы съ вами еще не видались сегодня, поспѣшно промолвила она, проходя къ ней и цѣлуясь съ ней щека въ щеку.—Шуринъ это мой, указала она на гостя, — сестры мужъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ.

— Знаю, анделъ мой, знаю, сказывали они мнѣ. Чрезъ Николая Иваныча, золотаго моего, узнали, что вы у меня стоите, и пріѣхали они вотъ, объяснила маленькая особа съ оживленнымъ выраженіемъ на своемъ сморщенномъ, какъ печеное яблоко, старческомъ личикѣ.

Ей далеко еще шестидесяти лѣтъ не было, но, глядя на нее, невольно приходилъ въ голову вопросъ: „въ чемъ у нея душа держится?“ какъ говорятъ въ народѣ. Эта ея вѣчно болѣвшая за все и всѣхъ душа словно спалила ея хрупкій физическій организмъ и „держалась“ въ разрушенномъ тѣльцѣ, дѣйствительно, словно лишь въ силу какихъ-то еще невѣдомыхъ наукѣ физіологическихъ законовъ; вся она была точно

прозрачная, безъ кровинки подъ кожей, худая и хилая, какъ малый ребенокъ, но попрежнему бодрая и свѣтлая духомъ, вѣчно озабоченная ближнимъ и забывающая о себѣ, никогда не жалуясь и каждаго утѣшая, — утѣшая тѣмъ именно *донимающимъ* душу словомъ, что̀ извлекаетъ воду живую изъ камня безчувственнаго...

— Вотъ вы съ братцемъ и поговорите, анделъ мой, поговорите по душѣ, лепетала она съ болѣзненнымъ напряженіемъ въ чертахъ, опираясь обѣими руками о столъ, чтобы приподняться со своего мѣста, — а мнѣ еще къ отцу Павлу надо, къ благочинному, насчетъ дьячихи-вдовы попросить...

— Какъ же это вы пойдете, милая? Дождь какъ изъ ведра льетъ, заботливо замѣтила ей Настасья Дмитріевна, — и ноги у васъ слабы такъ...

— И ничего, поплетусь помаленьку — дойду; недалечко вѣдь, за проулокъ сейчасъ и къ крылечку его выйдешь... Коли нужно — Богъ завсегда силу дастъ; это вы безъ сумленія будьте, анделъ мой... До пріятнаго свиданія, сударь, обернулась она на Сусальцева,—займите сестрицу словомъ хорошимъ утѣшнымъ: не весела все она у насъ, задумчивая... Извѣстно, каждому крестъ нести дано, заключила она нежданно, пристально глянувъ ему въ лицо, — *и сердце знаетъ горе души своей*, въ Притчахъ премудраго Царя-Соломона сказано... До пріятнаго свиданія!..

И она тихо поплелась изъ комнаты.

Сусальцевъ проводилъ ее долгимъ взглядомъ:

— Почтеннѣйшая старушенція надо быть! какъ бы безсознательно вырвалось у него громко.

— Ее „Божьею душой“ зовутъ, и совершенно справедливо, молвила Настасья Дмитріевна:—я не знаю, какъ и благодарить Николая Ивановича Өирсова за то, что далъ онъ мнѣ случай сойтись съ нею... Вы чрезъ него узнали, что я въ Москвѣ и здѣсь? поспѣшила она спросить.

— Чрезъ него; онъ мнѣ письмо ваше къ нему показывалъ.

— Такъ вы изъ нашихъ сторонъ теперь, не прямо изъ-за границы?

— Я полтора мѣсяца какъ оттуда вернулся, мрачно отвѣтилъ Сусальцевъ.

— Изъ Парижа? спросила дѣвушка какъ бы съ тѣмъ лишь, чтобы спросить что-нибудь: она чуяла, что онъ пріѣхалъ къ ней недаромъ, не изъ какой-нибудь „родственной учтивости", а съ чѣмъ-то, что должно было принести съ собою новую печаль ея давно пріобыкшему къ однѣмъ печалямъ сердцу, и инстинктивно отдаляла моментъ, когда это что-то сдѣлается ей извѣстнымъ.

— Изъ Венеціи прямымъ путемъ, отвѣтилъ онъ на ея вопросъ.

— Тоня тамъ... осталась? спросила она опять слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Была тамъ-съ, когда я уѣзжалъ, а теперь гдѣ — мнѣ не извѣстно.

„Вотъ оно"! пронеслось въ мозгу Настасьи Дмитріевны, и губы ея побѣлѣли.

— Она вамъ не пишетъ? растерянно пробормотала она.

— Собственноручныхъ строкъ своихъ не удостоиваетъ, словно прошипѣлъ Сусальцевъ,—вмѣсто нихъ за то на дняхъ пріятную цидулку въ видѣ банкирскаго перевода имѣлъ счастіе получить.

Дѣвушка недоумѣвая поглядѣла на него только.

— Я объ Антонинѣ Дмитріевнѣ желалъ именно объясниться съ вами, сестрица, началъ чрезъ мигъ Провъ Ефремовичъ, укладывая могучія длани свои на колѣни, между тѣмъ какъ она устало опускалась на стулъ, только-что оставленный Лизаветой Ивановной;—я всегда почиталъ васъ за вполнѣ уважительную особу и смѣю надѣяться, что могу дѣйствительно поговорить съ вами *„по душѣ"*, какъ сказала отлично эта ваша почтенная хозяйка, съ которою имѣлъ я сейчасъ удовольствіе бесѣдовать.

Онъ видимо старался говорить „красно" и степенно".

— Конечно можете, тихо произнесла она.

Онъ опустилъ голову и, слегка вздохнувъ, поднялъ ее опять:

— Какъ если, заговорилъ онъ своеобычнымъ оборотомъ,— были бы вы, сестрица, мужняя жена и отъ этого своего мужа, кромѣ ласки, уваженія и, можно сказать, полнаго баловства, ничего не видали съ самаго дня замужства, почли-ли бы вы, что за это надо вамъ быть ему благодарной?

— Я полагаю... Да, конечно, я была бы ему за это благодарна, твердо выговорила дѣвушка, подумавъ.

— Такъ-съ. А теперь, съ другой стороны, если жена и *этого* (Провъ Ефремовичъ щелкнулъ ногтемъ большаго пальца о ноготь безыменнаго,) не можетъ найти сказать въ упрекъ мужу, обязана-ли она по закону и совѣсти... по совѣсти и закону, повторилъ онъ,—исполнить его требованіе, когда онъ при этомъ имѣетъ въ виду единственно ихъ, можно сказать, *коллективный* интересъ?

— Въ чемъ же требованіе? спросила Настасья Дмитріевна, избѣгая прямаго отвѣта.

— Очень просто-съ: за два года пребыванія нашего съ Антониной Дмитріевной за границей, или такъ прямо сказать, съ самаго перваго дня нашего брака, истратили мы до милліончика франковъ, по нынѣшнему курсу на наши деньги около 400 тысячъ серебра выходитъ. Въ два года, хорошо-съ? А въ дѣлахъ у себя дома между тѣмъ полное, можно сказать, неглиже, чуть не до совершеннѣйшаго разстройства довели довѣренные въ мое отсутствіе; я даже ужаснулся, какъ пріѣхалъ... И давно бы пора было мнѣ, по истинѣ сказать, расточенію этому нашему конецъ положить, да все малодушествовалъ, знаете, къ стыду моему признаюсь. Вижу, сестрица ваша, а моя супруга законная, такъ въ эту жизнь веселую нашу втянулась, что ни о чемъ другомъ и думать не желаетъ, я такъ все и откладывалъ со дня на день объясниться съ нею насчетъ этого... Наконецъ, вотъ въ этой самой Венеціи, объявляетъ она при мнѣ чужимъ, со мною словомъ предварительно не обмѣнявшись, что думаетъ она на зиму во Флоренцію ѣхать,—значитъ, опять въ ту же волну должны мы попасть... Я тутъ, оставшись съ нею наединѣ, и говорю ей, что замѣсто этого намъ окончательно до дому, въ Россію требуется... Такъ вы что же думаете она мнѣ на это?...

И глаза Сусальцева засверкали мгновеннымъ, острымъ блескомъ.

— Тоня не захотѣла ѣхать? съ тоскливою усмѣшкой и словно помимо воли отвѣтила ему свояченица.

— Въ точку-съ! вскликнулъ онъ, кривя судорожно губы:— „я, говоритъ, не поѣду, а вы какъ знаете“... Пречудесно это, какъ находите?... Мало того-съ!... „Какъ же это вы не поѣдете,“ прямо говорю ей, „какъ если я вамъ денегъ не согласенъ буду давать на дальнѣйшее пребываніе ваше за границей?“ А она мнѣ на это: „Дадите“, говоритъ...

Слова спирались у него въ горлѣ. Воспоминаніе обиды съ новою, жгучею силой рвало его за сердце.

— „Не захотите добровольно“, говоритъ, прохрипѣлъ онъ черезъ силу, — „такъ васъ, молъ, заставятъ дать“... *Заставятъ*, а!...

Онъ вскочилъ внезапно съ мѣста, красный какъ ракъ, потрясая сжатыми въ кулакъ руками:

— И заставила вѣдь, дѣйствительно заставила! истерически захохоталъ онъ.

— Провъ Ефремовичъ, успокойтесь, ради Бога! вскликнула испуганно дѣвушка.

Онъ какъ-то разомъ овладѣлъ собою, провелъ рукой по лицу, усмѣхнулся черезъ силу:

— Извините меня, я дѣйствительно... отъ природы горячъ маленько, много себѣ этимъ порчу даже, можно сказать... Только сами разсудите, сестрица, какъ, напримѣръ, къ такому поступку отнестись: 20 числа прошлаго мѣсяца получаю я чрезъ Ахенбаха и Колли трансфертъ по векселю въ 25 тысячъ франковъ, выданному госпожею Антониною Сусальцевой одному тамъ въ Венеціи банкирскому дому, и предлагается мнѣ при этомъ на волю платить по немъ или нѣтъ, такъ какъ вѣрность платежа обезпечена другою подписью.

— И вы заплатили?

Онъ нервно передернулъ плечами:

— Не заплатить было нельзя-съ. У насъ вѣдь тоже честь своя купеческая есть, фирмой своею дорожимъ... Разсчетъ у Антонины Дмитріевны вѣрный былъ. Деньги-то эти, 25 ты-

сячъ франковъ, не облыжно получила законная моя, Прова Ефремова Сусальцева, супруга; такъ какъ же это я могу допустить, чтобъ ихъ кинула ей въ подачку, съ милости своей большой, какая-нибудь аристократка трехъэтажная, графиня фонъ-деръ-Драхенбергъ!

— Елена Александровна Драхенбергъ, вдова, которая была въ Красномъ Крестѣ за Дунаемъ? вскликнула Настасья Дмитріевна.

— Та самая.

— Я у нея въ госпиталѣ была тамъ...

— Родственница вѣдь она вамъ.

— Какая родственница? удивилась дѣвушка.

— Этого уже объяснить я вамъ не могу, а только что онѣ съ сестрицей вашею постоянно „кузинами“ величались, и даже меня, иронически промолвилъ Сусальцевъ, — удостоивала барыня сія большая, въ *интимности*, то-есть когда никого кругомъ не было, чтобъ ей этого стыдиться, меня удостоивала „кузеномъ“ называть.

— Она свѣтская, легкомысленная, но очень доброй души женщина, замѣтила Ларина.

— Чего ужь добрѣе, когда женѣ противъ законнаго мужа бунтовать помогаетъ, подъ ея векселями поручительницей подписывается! Настоящая *грандама*, что говорить!...

— Я сестру мою въ образѣ ея дѣйствій относительно васъ нисколько не оправдываю, молвила Настасья Дмитріевна, — и графиня, конечно, гораздо лучше бы сдѣлала, если бы близость свою съ нею постаралась употребить на примиреніе ея съ вами; но сама она слишкомъ поверхностно относится и къ своимъ, и къ чужимъ дѣламъ, а Тоня слишкомъ самостоятельна и упорна, чтобъ изъ этого могло выйти что-либо серіозное. Разъ же та рѣшилась просить ее помочь ей, такая женщина, какъ она, я совершенно понимаю, ни минуты не могла подумать ей отказать.

Провъ Ефремовичъ язвительно засмѣялся; онъ видимо особенно золъ былъ на графиню Драхенбергъ.

— Это дѣйствительно, что она ни себѣ, ни другимъ ни

въ чемъ отказать не можетъ. Денегъ у нея попросятъ—извольте; любезный ей потребуется — первый съ улицы пожалуйте!

— Этого быть не можетъ! горячо запротестовала дѣвушка, вынесшая изъ отношеній своихъ съ молодою вдовою въ Болгаріи впечатлѣніе, далеко не соотвѣтствовавшее подобному отзыву о ней.

— Отъ вашей же сестрицы слышалъ, поспѣшилъ объяснить Сусальцевъ:—язычекъ-то у Антонины Дмитріевны извольте вѣдь знать какой! Нѣтъ, нѣтъ, да и отпуститъ вдругъ, какъ ножомъ пырнетъ. Отыскала теперь эта графиня ваша молодца какого-то, мальчишкѣ ея будто бы русскій языкъ преподавать, а Антонина Дмитріевна по этому случаю такъ прямо мнѣ про нее и отрѣзала: „Новаго Альфонса, говоритъ, взяла себѣ изъ нигилистовъ“... А „Альфонсъ“, знаете,—ѣздили мы съ нею въ Парижѣ на *премьеру* *) этой самой піесы Дюма-фиса смотрѣть,—насчетъ любовницы своей живущій человѣкъ значитъ.

— Видѣли вы этого учителя? съ тревожнымъ любопытствомъ въ глазахъ спросила дѣвушка.

— Видѣлъ, какъ же. Ничего себѣ, молодой, бѣлокурый, лицомъ не дуренъ. Предъ самымъ это моимъ отъѣздомъ, на площади Святаго Марка, вечеръ онъ съ нами со всѣми въ компаніи провелъ. Былъ тутъ даже одинъ изъ высокопоставленныхъ особъ, князь Іоаннъ; такъ она, графиня-то, представила и его вмѣстѣ съ прочими: „Monsieur Поспѣловъ“, назвала его, и тотъ ему руку далъ... Мнѣ не далъ, хихикнулъ Провъ Ефремовичъ:—а ему далъ, удостоилъ чести...

— И Тоня была тутъ съ вами?

— Само собой.

— И говорила съ нимъ?

— Съ кѣмъ это, съ учителемъ? Дожидайтесь, какъ же! Антонина Дмитріевна съ одними принцами да королевичами привыкла разговаривать, промолвилъ Сусальцевъ съ какою-то странною смѣсью самодовольства и иронiи въ тонѣ: — этотъ

---

*) *Première*—первое представленіе. *Monsieur Alphonse*—названіе комедіи Александра Дюма-сына.

самый князь Іоаннъ все ее тутъ подъ ручку водилъ... Станетъ она какимъ-нибудь Поспѣловымъ, или какъ его тамъ по настоящему зовутъ, заниматься!.. Она его, сказываю вамъ, „кузининымъ Альфонсомъ“ называетъ...

— Ахъ, эта безсердечная Тоня! негодующимъ, ѣдкимъ кликомъ вырвалось на это у Настасьи Дмитріевны.

— Задача, дѣйствительно, сестрица ваша, Антонина Дмитріевна! подхватилъ Провъ Ефремовичъ, натолкнутый опять этими словами на главный предметъ своей заботы:— нутро у нея каменное какое-то, справедливо изволили замѣтить... не пронять ее ничѣмъ!.. Только и меня вѣдь не легко доѣхать! вскрикнулъ онъ вдругъ съ новымъ взрывомъ, вскакивая съ мѣста: — разъ удалась ей штука, а теперь, шалишь, не поддѣнешь!..

Онъ прошелся по комнатѣ, судорожно потеръ рукою лобъ, подошелъ къ столу и сѣлъ опять.

— Вы вѣдь совершенно правильно пишете по-французски, сестрица? озадачилъ онъ Ларину неожиданнымъ вопросомъ.

— Да, а что? недоумѣло проговорила она.

— Просьбица у меня къ вамъ покорнѣйшая: составить отъ моего имени письмо къ этой вашей графинѣ; я бы его переписалъ и послалъ къ ней.

Настасья Дмитріевна невольно усмѣхнулась.

— Зачѣмъ же по-французски? развѣ не все равно вамъ его самому по-русски написать?

— Русское письмо она пожалуй и читать не станетъ: „дѣловое“, скажетъ, и къ управляющему своему въ Петербургъ отошлетъ... Да и вообще, по-французски напишешь, гораздо внушительнѣе такой барынѣ покажется.

— Въ чемъ же должно заключаться это письмо?

— А вотъ въ чемъ-съ. Сказать требуется ей отъ меня, что вотъ, молъ, получивъ къ уплатѣ выданный женою моею, за ея, графини Драхенбергъ, поручительствомъ вексель банкиру такому-то (онъ поспѣшно вытащилъ изъ кармана портфель, а изъ него уплаченный трансфертъ и передалъ его свояченицѣ), я, единственно изъ уваженія моего къ ней, не желая вводить ее безполезно въ убытокъ, рѣшился оную уплату учи-

нить, но такъ какъ (Сусальцевъ поднялъ при этомъ вверхъ указательный палецъ правой руки,) жена моя, оставаясь за границей вопреки моему желанію, на дальнѣйшее такое баловство съ моей стороны претендовать никакъ не въ правѣ, то я и считаю долгомъ извѣстить ее, графиню, что не намѣренъ впредь ни гроша платить за Антонину Дмитріевну, и буде вздумается имъ опять на меня такой же трансфертъ послать, такъ я его возвращу ей обратно, пусть сама по поручительству за любезнѣйшую „кузину“ и платитъ... А чтобъ она, заключилъ Провъ Ефремовичъ съ надменнымъ выраженіемъ вскидывая голову,—а чтобъ она меня за то скаредникомъ обругать не могла, напишите ей, что я въ тотъ же часъ сумму, равную той, въ какой ей вздумается поручиться за мою супругу, отпишу въ пожертвованіе на госпиталь, либо школу какую-нибудь... Пусть она, эта барыня трехъэтажная, знаетъ, что мнѣ, Прову Сусальцеву, на расходъ наплевать, а что только ей съ моею Антониной Дмитріевной объегорить меня никогда не удастся... Никогда-съ! повторилъ онъ во весь голосъ, ударяя своею могучею пятерней по столу такъ, что мирно покоившіеся на немъ катушки нитокъ, наперстки и ножницы вспрыгнули, зазвенѣли и покатились.—Извините-съ! пробормоталъ онъ тутъ же, сконфуженно наклоняясь къ полу подымать упавшее.

III.

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны ѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать,
И, забывая гулъ народный,
Ввѣряясь долѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

Фетъ.

Настасья Дмитріевна безмолвно слушала, неподвижно устремивъ глаза въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ. Старая, знакомая тоска сжимала ей грудь. Эта „безсердечная“ сестра ея, этотъ „нигилистъ“,—она опять надрывалась сердцемъ, думая о нихъ... „Имъ суждено было встрѣтиться въ чужомъ краю, и Тоня, безъ жалости къ *мученичествамъ*, чрезъ которыя прошелъ *онъ*, имѣетъ духъ позорить его въ глазахъ другихъ!“... А онъ? Онъ, какъ оказывается, пристроился пока — и къ такой милой женщинѣ, какъ эта графиня Елена Александровна, „которую“, вспоминала дѣвушка, „всѣ мы такъ любили тамъ, въ госпиталѣ, за ея *милоту* душевную, искренность и горячность“—но надолго-ли?.. Да и какой онъ учитель!.. „Графиня, конечно, свѣтская, *не глубокая* женщина, но вѣдь и она это пойметъ съ первыхъ его педагогическихъ пріемовъ съ ея ребенкомъ... Или она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ него? Онъ *интересенъ*, женщина можетъ увлечься имъ... Но какая же дѣйствительно роль въ такомъ случаѣ предстоитъ ему въ ея домѣ?“ И Настасья Дмитріевна чувствовала, какъ внезапный румянецъ выступалъ вслѣдъ за этою мыслью на ея блѣдныхъ щекахъ...

Она знала, что *онъ* успѣлъ бѣжать за границу... Онъ состоялъ въ числѣ подсудимыхъ въ извѣстномъ процессѣ *ста девяноста трехъ*... Настасья Дмитріевна ѣздила нарочно въ ту пору въ Петербургъ, присутствовала при томъ судбищѣ... Предреченное ей Троекуровымъ въ бытность ея во Всесвятскомъ блистательно оправдалось теперь: защитники, прокуроры, судьи дружно вели дѣло къ тому, чтобы свести вину судимымъ на „нѣтъ“... *Онъ* былъ оправданъ вмѣстѣ со всѣми почти остальными, но вскорѣ потомъ послѣдовало административное распоряженіе о водвореніи его на жительство въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Вологодской губерніи. Она видѣлась съ нимъ предъ этимъ, предлагала сопутствовать ему въ ссылку, поселиться съ нимъ въ этомъ городкѣ, съ тайною мыслью „помирить его съ жизнью“, утишить злобное раздраженіе его духа, но онъ наотрѣзъ отклонилъ ея предложеніе. „Я уйду оттуда, ты мнѣ только помѣшать можешь“, объявилъ онъ ей напрямикъ. Съ несказанною тревогой въ сердцѣ уѣхала она тогда въ ***, куда, благодаря усиленному ходатайству о ней Ашанина у тамошняго антрепренера, получила ангажементъ въ его труппу на ничтожное жалованье—и вся погрузилась въ свое искусство... Тяжелы были для нея первые шаги на театральныхъ подмосткахъ. Ей суждено было пройти весь тотъ скорбный эволюціонный путь, испить всю ту отравленную чашу, что достаются въ удѣлъ девяти-десятымъ провинціальныхъ лицедѣевъ, прежде чѣмъ успѣютъ они *завоевать* себѣ „любовь публики“, а съ этимъ и извѣстное матеріальное обезпеченіе. Что тайныхъ слезъ пролила она въ тѣ дни, сидя надъ тою или другою *пустою* ролью въ убогой и сырой квартирѣ въ двѣ комнаты, которую нанимала она *отъ хозяевъ* въ самой грухой части города, сберегая деньги, оставленныя ей графиней Лахницкой,—для *него* же сберегая... „Онъ насилу, насилу согласился взять у меня изъ нихъ нѣсколько, когда вышелъ изъ тюрьмы безъ гроша,—и Тоня рѣшается такія мерзости говорить про него!“ съ новою горечью проносилось въ ея мысли по этому поводу... Дебюты Лариной прошли съ успѣхомъ, но ея тотчасъ же *оттерла* отъ *настоящихъ* ролей занимавшая первое женское амплуа въ труппѣ „артистка“

Фіоринская-Ларапиніеръ, тридцативосьмилѣтняя очаровательница, плѣнявшая издавна сердца ***скихъ любителей драматургіи. Красивая женщина и актриса „не безъ игры“, выражаясь техническимъ терминомъ, она состояла въ ближайшихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ всей провинціальной Россіи „знаменитымъ первымъ сюжетомъ“—Славскимъ, человѣкомъ, какъ и она, не лишеннымъ таланта и нахаломъ неслыханнымъ. Они вдвоемъ держали злополучнаго антрепренера подъ настоящимъ терроромъ и самовластно распоряжались судьбами остальныхъ членовъ труппы (Славскій, въ видѣ „милой шутки“, разсказывалъ между прочимъ въ мѣстныхъ салонахъ, куда извѣстность его и бойкій французскій языкъ давали ему доступъ, будто онъ съ содержателями театровъ заключалъ контракты не иначе, какъ со включеніемъ въ нихъ спеціальнаго пункта, по которому ему предоставляется-де право „поучать *собственноручно* своихъ собратьевъ по искусству“). Выбиться изъ-подъ этого гнета долго, мучительно долго, казалось невозможнымъ Лариной,—руки у нея падали... Одно нежданное обстоятельство выдвинуло ее другъ.

Она выходила однажды изъ театра послѣ утренней репетиціи и натолкнулась на крыльцѣ на одного бородатаго молодаго человѣка въ круглой шляпѣ, по всѣмъ признакамъ студента, который видимо ждалъ ее тутъ, такъ какъ, завидѣвъ ее, тотчасъ же обратился къ ней со словами:

— Госпожа Ларина, я бы желалъ переговорить съ вами.

Она ужасно испугалась; разговоръ съ молодымъ, незнакомымъ человѣкомъ здѣсь, на театральномъ подъѣздѣ, въ минуту разъѣзда актеровъ, когда изъ этого могла вырости за кулисами цѣлая сплетня...

— Извините, мнѣ некогда, я спѣшу домой, торопливо пролепетала она, направляясь къ стоявшему вблизи извощику.

Онъ пошелъ за нею:

— Вы, можетъ быть, думаете, я по части ферлакурства намѣренъ, такъ выкиньте это изъ головы, грубовато вымолвилъ онъ: — мнѣ вамъ нѣчто передать требуется о близкомъ вамъ человѣкѣ...

Онъ оглянулся кругомъ и прибавилъ:

— Здѣсь, пожалуй, дѣйствительно неудобно: я могу къ вамъ отъявиться. Гдѣ вы живете?

Она сказала...

Чрезъ полчаса студентъ входилъ къ ней въ комнату.

Сердце у нея усиленно билось. „Близкій человѣкъ“ могъ быть никто иной, какъ тотъ ссыльный,—она это впередъ знала. Что̀ суждено ей узнать о немъ?..

— Вамъ настоящая-то фамилія Буйносова, вѣрно? спросилъ ее съ-оника студентъ.

— Вѣрно.

— Настасья Дмитріевна?

— Да.

— Такъ вотъ что̀: поручено передать вамъ, что Владиміръ Буйносовъ — Владиміръ Дмитріевичъ, братъ вашъ значитъ, — сосланный въ городъ Вельскъ, благополучно удралъ оттуда и находится въ настоящее время за границей, въ Вѣнѣ.

— Удалось! вскрикнула она съ радостнымъ въ первую минуту чувствомъ:—отъ кого вы узнали?

Онъ зорко глянулъ ей въ лицо.

— Вы изъ *нашихъ*, или нѣтъ? подчеркнулъ онъ.

Она поняла и подняла на него глаза въ свою очередь.

— Нѣтъ, твердо̀ произнесла она.

— Странно! процѣдилъ онъ сквозь зубы и полупрезрительно, полунасмѣшливо примолвилъ:—*Искусству для искусства* служите въ вашемъ театрѣ, значитъ... Ну, въ такомъ случаѣ достаточно вамъ знать то, о чемъ вамъ мною сообщено, и ничего болѣе.

— Какъ онъ успѣлъ уйти оттуда? вырвалось у нея.

— И этого сказать вамъ не могу, потому не знаю. Я не тамошній, здѣшній; что̀ приказано передать вамъ, то я и передалъ.

— Писать ему какъ, не научите-ли меня? спросила она опять:—по почтѣ нельзя вѣдь?

Студентъ разсмѣялся:

— Еще бы! На чей адресъ, перво-на-перво, вы бы туда писали? Не по своему же волчьему паспорту онъ тамъ живетъ, какъ полагаете!.. Если вздумаете, добавилъ онъ, поду-

мавъ,—занесите письмо въ швейцарскую университета на мое имя, Ивану Николаеву Коробкину, юристу втораго курса, для передачи Владиміру Дмитріеву; я буду знать...

— Какъ же вы доставите?..

— Ну, это опять-таки вамъ знать не для чего... А только благонадежны будьте: по нашей почтѣ дойдетъ, прибавилъ онъ съ видимымъ самодовольствомъ.

— Благодарю васъ!..

— Не за что.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Не роскошно жительствуете! молвилъ онъ, оглядываясь:—ходу вамъ въ театрѣ не даютъ?..

Она невольно усмѣхнулась этой безцеремонности тона.

— Не даютъ, это правда, вздохнула она тутъ же.

— У Фіоринской рукъ не лижете, извѣстное дѣло!.. А у васъ ничего, *правда* въ игрѣ есть... Вы только важность-то по боку; попростѣе, знаете...

— „Важность?“ повторила въ изумленіи Ларина:—въ чемъ же это вы замѣтили у меня?

— А вотъ, напримѣръ, я васъ на дняхъ *Въ чужомъ пиру похмѣлье* видѣлъ. Вы кого изображать должны? Дочь бѣднаго учителя, честную демократку, значитъ. А у васъ нѣтъ, нѣтъ да и проглянетъ барышня съ манерами... Это, говорю вамъ, по боку надо!.. А впрочемъ, поощрительно заключилъ уходя студентъ,—узнавъ теперь, чья вы сестра, мы положили васъ поддерживать, можете разсчитывать...

Обѣщаніе это оказалось не пустою фразой. Съ того дня въ *** скомъ театрѣ противъ общей до тѣхъ поръ „любимицы публики Фіоринской-Ларапиніеръ“ образовалась и быстро разрослась многочисленная, состоявшая преимущественно изъ универтитетской молодежи, партія протестантовъ, которымъ присвоена была кличка *Ларинцевъ*, соотвѣтственно фамиліи молодой актрисы, избранной ими предметомъ новаго поклоненія „за честное отношеніе къ реальной идеѣ въ искусствѣ“, въ противоположность Фіоринской, тѣмъ же рѣшеніемъ разжалованной въ представительницу старой буржуазной рути-

ны". Верхи театра разражались теперь все чаще и чаще неистовыми плесками и кликами одобренія каждый разъ, какъ Ларина выступала на сцену; ее вызывали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, вызывали по несчетному числу разъ и въ антрактахъ, и по окончаніи спектакля, и въ теченіе его, прерывая и нарушая сценическую иллюзію этими лихорадочными, насилованными восторгами; вздумали даже вызвать однажды, когда она не принимала участія въ представленіи, во время одной изъ наиболѣе удававшихся Фіоринской сценъ въ *Бойкомъ Мѣстѣ*. Въ театрѣ произошелъ скандалъ. Бывшая „любимица" очень эффектно упала тутъ же въ обморокъ. Губернаторъ, присутствовавшій на спектаклѣ, послалъ полицію „вывести и переписать нарушителей порядка". Ихъ оказалось человѣкъ двадцать. Одного изъ посланныхъ исполнить губернаторское приказаніе полицейскихъ „помяли" довольно сильно. Составленъ былъ о семъ протоколъ и переданъ на рѣшеніе мироваго судьи. Мировой судья приговорилъ двухъ изъ „мявшихъ" къ трехрублевому штрафу, а остальныхъ освободилъ „за недоказанностью вины". Нѣсколько молодыхъ офицеровъ полка, стоявшаго въ городѣ, остававшіеся вѣрными культу „божественнаго бюста" Фіоринской и возмущенные „оскорбленіемъ Ларинцами въ ея лицѣ артистки и женщины", не удержались въ свою очередь шикнуть ея „соперницѣ" въ первый разъ, какъ она выступила на сцену послѣ „происшествія". Полковой командиръ отправилъ ихъ за этотъ поступокъ на недѣлю на гауптвахту. Но *Ларинцевъ* это не удовлетворило: они искали всякаго случая „заводить исторіи" съ „представителями *грубой силы*". Одна изъ такихъ „исторій" дошла чуть не до побоища... Деликатное военное начальство „въ виду сего" авторитетно „посовѣтовало своимъ подчиненнымъ воздержаться на время отъ посѣщенія театра и *вообще публичныхъ мѣстъ*". *Наука* такимъ образомъ восторжествовала надъ *грубою силой*... Остальные старовѣры Фіоринской-Ларапиніеръ изъ *штатскихъ* стушевались, со своей стороны, запуганные мѣстною „прессой", ставшей само собою на сторону *науки* и „честной" служительницы „реальной идеѣ въ искусствѣ".

Нѣкій Левіаѳановъ изъ *удаленныхъ* учителей *), состоявшій подъ надзоромъ полиціи и редижировавшій въ то же время издававшійся на казенную субсидію мѣстный листокъ, помѣстилъ въ немъ, подъ заглавіемъ: *Современныя задачи искусства*, цѣлый трактатъ по поводу исполненія въ первый разъ Лариною роли *Катерины* въ *Грозѣ*. Въ трактатѣ доказывалось, что въ тотъ-молъ *могучій* моментъ развитія, до котораго достигло современное человѣчество, *производительность*, носящая названіе *художественной*, потеряла всякое самостоятельное значеніе и въ правѣ существовать лишь какъ послушное орудіе иныхъ *гражданскихъ* цѣлей,—что-молъ „давно и доказано генеральнымъ критикомъ *Темнаго Царства*“ **). „Изъ этого совершенно ясно“, говорилось далѣе, „что каждое литературное, а тѣмъ паче драматическое (какъ наиболѣе непосредственно дѣйствующее на *массовые инстинкты*) произведеніе заслуживаетъ вниманія лишь потолику, поколику имѣетъ важность заключающійся въ немъ *гражданскій мотивъ*“. Разумѣя „важнѣйшими“ изъ такихъ „мотивовъ“ тѣ, въ коихъ изображается „борьба личности съ пригнетающею ея свободу неправдой существующихъ соціальныхъ условій“, и признавая въ этомъ отношеніи *Грозу* Островскаго „*вещью* по силѣ протеста не имѣющую себѣ равной во всей литературѣ“, г. Левіаѳановъ переходилъ затѣмъ „къ игрѣ молодой артистки, появленіе которой въ роли *Катерины*“, восклицалъ онъ, „было цѣлымъ откровеніемъ для интеллигентной части ***ской публики“... Объ „откровеніи“ впрочемъ говорилось мало, но очень много и пространно опять о „*честности* служенія идеѣ“, проявлявшейся-де въ каждомъ словѣ, жестѣ, взглядѣ г-жи Лариной-Катерины, которые и вызывали-молъ поэтому особенно восторженныя выраженія сочувствія со стороны нашей дорогой университетской молодежи, всегда столь чутко относящейся къ каждому проявленію высокихъ идеаловъ свободы (стоявшее вслѣдъ за этимъ слово „равенства“ было почему-то единственное во всей статьѣ, вычеркнутое вице-

*) *Марина изъ Алаго Рога.*
**) Добролюбовъ.

губернаторомъ, цензуровавшимъ газету, и братства человѣческихъ отношеній"... Статья заканчивалась весьма „ядовитымъ" намекомъ на всѣмъ извѣстную въ городѣ компанію нѣкоторыхъ отставныхъ военныхъ и *статскихъ* генераловъ, холостяковъ, доживавшихъ въ *** остатокъ своихъ веселыхъ и даже бурныхъ когда-то дней. Гласилось именно слѣдующее: „Одни старики-жуиры и отставные бонвиваны, которыхъ обрѣтается еще малая толика въ нашемъ губернскомъ бомондѣ, состоящіе и понынѣ въ рангѣ пѣтуховъ-цѣнителей *античныхъ* прелестей г-жи Фіоринской-Ларапиніеръ,—да простятъ намъ читатели этотъ каламбуръ, невольно просящійся подъ перо, когда заходитъ рѣчь о столь *заслуженной* артисткѣ, какъ г-жа Фіоринская,—однѣ эти превосходительныя руины оставались равнодушными къ блестящему успѣху г-жи Ларионой и даже видимо старались выражать противъ него протестъ своимъ комильфотнымъ молчаніемъ и кислыми улыбочками. Но да не смутится этою беззубою манифестаціей наше восходящее театральное свѣтило: сіи послѣдніе Могикане крѣпостническихъ временъ—уже не люди; это живыя мощи, которыхъ пренебрегла убрать съ лица земли безпощадная, выражаясь языкомъ московскихъ классиковъ, коса времени. Sit eis terra levis!"

Статья произвела въ городѣ эффектъ необычайный. „Жуиры" и „бонвиваны" отправили одного изъ своихъ съ выраженіемъ негодованія на нее и жалобой къ губернатору. Губернаторъ принялъ посланнаго въ объятія и, чуть не плача, выразилъ ему со своей стороны „глубочайшее соболѣзнованіе о такой *непріятности*".—„Но какъ же вы, ваше превосходительство, можете допускать, чтобы подобные пасквили печатались въ газетѣ, издающейся на казенныя деньги, подъ вашимъ ближайшимъ наблюденіемъ?" спросилъ его тотъ. — „Je n'y puis rien, mon cher, je n'y puis rien", и почтенный администраторъ судорожно пожалъ плечами: „въ статьѣ антиправительственнаго я ничего не нахожу, да и вообще"... Онъ наклонился къ уху своего собесѣдника и прошепталъ: „Я могу вамъ показать, noir sur blanc, секретную инструкцію, вмѣняющую намъ, начальствующимъ лицамъ, въ обязанность: *не раздражать*

прессу"... Представитель генераловъ „жуировъ" съ тѣмъ и отъѣхалъ, какъ говорится, а сами генералы перестали посѣщать театръ, равно какъ и губернаторскій домъ... *Ларинцы* въ свою очередь послали редактору мѣстнаго листка трехъ „депутатовъ" изъ своей среды для выраженія ихъ „глубочайшаго сочувствія его гражданскому мужеству" и врученія ему „почетнаго" билета на имѣвшій быть вскорѣ послѣ того студентскій балъ. На балѣ этомъ послѣ ужина, вслѣдъ за обильными возліяніями пива и иныхъ вдохновительныхъ напитковъ, торжествующаго Левіаѳанова—его тутъ же единогласно провозгласили „вторымъ Добролюбовымъ",—„дорогая молодежь" подвергла качанію до безчувствія и отвезла мертвецки пьянаго домой...

Соотвѣтственно всему этому внѣшнему возбужденію, въ самомъ театрѣ произошла цѣлая революція. Сообразительный антрепренеръ увидѣлъ себя вдругъ свободнымъ отъ тисковъ, въ которыхъ держали его до сихъ поръ соединенныя силы двухъ главныхъ его *сюжетовъ*... „При томъ громадномъ сочувствіи, которое такъ быстро съумѣла завоевать себѣ Настасья Дмитріевна Ларина со стороны здѣшней интеллигентной публики, сборы мои до конца сезона обезпечены", говорилъ онъ уже прямо, тономъ дружеской откровенности г-жѣ Фіоринской-Ларапиніеръ, давая ей *тонкимъ образомъ* понимать, что если бы, молъ, тебѣ опять вздумалось требовать мѣсячной прибавки или втораго бенефиса, такъ знай, что я и вовсе могу теперь безъ тебя обойтись... „Заслуженная артистка", безсильная бороться съ „новымъ свѣтиломъ", слегла въ постель; у у нея разлилась желчь. Лариной пришлось одной держать репертуаръ. Гонораръ ея со ста пятидесяти рублей въ мѣсяцъ повышенъ былъ до трехсотъ. „Знаменитый" Славскій беззастѣнчивымъ вольтомъ перекинулся тутъ же отъ оставшейся, какъ нахально выражался онъ, за флагомъ наѣздницы на сторону взявшей первый призъ и повелъ немедленно же аттаку на ея сердце. Онъ почиталъ дѣломъ самолюбія своего, равно какъ и разсчета, покорять и обращать себѣ въ „рабу" каждое первое женское амплуа той труппы, въ которой игралъ онъ въ данный моментъ, и, не взирая на свои далеко не молодые

годы, каждый разъ „безъ промаха“ достигалъ своей цѣли, благодаря той „овечьей способности бабьей натуры“, говорилъ онъ все тѣмъ же своимъ циническимъ языкомъ, въ силу которой женщина неизмѣнно-де „спотыкается о тотъ же камень на дорогѣ, о который споткнулись бѣжавшія предъ нею“... Но перезрѣлому закулисному ловеласу пришлось на этотъ разъ разочароваться въ своихъ чаяніяхъ. Онъ возбуждалъ одно отвращеніе въ Лариной... Славскій не допускалъ впрочемъ, чтобы какая бы то ни была женщина могла испытывать къ нему подобное чувство, и приписывалъ брезгливость молодой актрисы „слабому развитію въ ней мозговъ“. „По глупости своей не въ мѣру долго въ честность играетъ“, разсуждалъ онъ...

Но она была дѣйствительно честна,—*честна* въ смыслѣ нѣсколько болѣе серьезномъ, чѣмъ то „служеніе идеѣ“ въ роли Катерины въ *Грозѣ*, о которомъ трубили Левіаѳановы и К°, и умна въ придачу. Она нисколько не обольщалась на счетъ внезапнаго своего „блестящаго успѣха“ и отнюдь не удовлетворялась имъ. Въ немъ было даже что-то колючее, чуть не оскорбительное для нея, — сознаніе несоразмѣрности награды съ заслугой. Всѣ эти чествованія и шумъ, поднятый изъ-за нея, были—это было ей совершенно ясно,—нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ дѣломъ искусства, дѣломъ, которому она дѣйствительно стремилась *служить*. Овація „дорогой университетской молодежи“ имѣли въ виду не ее лично, не ея „далеко еще незрѣлую игру“, строго говорила она себѣ,—а того удачливаго „политическаго агитатора“, съумѣвшаго „удрать“, по выраженію студента Коробкина, изъ мѣста ссылки своей за границу. На нее очевидно возлагались лавры, заслуженные въ понятіяхъ этой молодежи „подвигомъ“ ея брата „въ борьбѣ съ автократіей“; она, по тѣмъ же понятіямъ, должна была быть „поддерживаема“ не потому, что она *талантъ*, а на основаніи того, что она имѣетъ честь быть *его* сестрой... Сама Настасья Дмитріевна сомнѣвалась въ себѣ, въ этомъ талантѣ, который превозносили теперь въ ***,—сомнѣвалась именно потому, что та, носившая названіе „интеллигентной“, часть публики, въ которой чаяла она найти себѣ компетентныхъ цѣните-

лей и судей, видимо *подчеркивала* своими рукоплесканіями почти исключительно мѣста, заключавшія въ себѣ, или въ которыхъ эта публика думала видѣть, намекъ на все ту же „идею“ извѣстнаго пошиба. До художественности, доброкачественности, *отдѣлки* ея игры интеллигентамъ этимъ видимо никакого дѣла не было, — да „едва-ли и понимали они что-либо въ этомъ“,—должна она была весьма скоро убѣдиться... Самый репертуаръ, который приходилось исполнять ей, все это наводненіе піесъ изъ русскаго современнаго быта, порожденное *театромъ* Островскаго, съ ихъ „направленіемъ“, съ ихъ плоскимъ, неумѣлымъ, часто и совсѣмъ безграмотнымъ *разговоромъ*, съ ихъ все тѣми же, вездѣ, до отчаянія шаблонными *характерами* плута капиталиста, „барина“ развратника и глупца, учителя мученика „гражданскихъ убѣжденій“ и „развитой“ дѣвицы въ образѣ гувернантки или „курсистки“, представляло собою такое поразительное однообразіе мотивовъ, такое отсутствіе данныхъ, изъ которыхъ могло бы въ исполненіи создаться сценически жизненное, оригинальное и интересное *само по себѣ* лицо, что ей „рѣшительно“, чувствовала она, „не на чемъ было настоящимъ образомъ испробовать себя“... „Неужели“, говорила она себѣ внутренно въ тѣ минуты тоскливаго раздраженія нервовъ, которыми такъ обилуетъ жизнь артиста, „не отбиться мнѣ никогда отъ протестующаго хныканія *Воспитанницъ* и *Бѣдныхъ Невѣстъ*, отъ этихъ все тѣхъ же жалкихъ словъ, все той-же слезливой жертвы родительскаго или общественнаго гнета! Хотя бы дали разъ расправить крылья на *настоящей* роли“!.. Ее все настоятельнѣе тянуло къ поэзіи женскихъ типовъ Шекспира и Шиллера. „Сыграть Корделію, Дездемону, королеву въ *Донъ-Карлосѣ;* говорить этимъ благороднымъ, изящнымъ языкомъ, чувствовать себя на сценѣ *женщиной*, а не все тою же *овцой* покорною или возмущенною,—о, только послѣ этого могла бы она сказать себѣ вѣрно, призвана-ли она дѣйствительно быть актрисой *художницей* своего дѣла“!..

Этому желанію ея суждено было осуществиться: „Знаменитый“ Славскій, имѣвшій лично претензію „умѣть носить костюмъ“ и „подъѣзжавшій“, какъ говорится, къ ней со всѣхъ

сторонъ, надумалъ поставить въ свой бенефисъ, въ угоду ей, *Марію Стюартъ*, въ которой предназначалась ей главная роль. Фіоринская, еще желтая послѣ болѣзни, но разсчитывавшая произвести эффектъ на публику количествомъ имѣвшихся у нея настоящихъ и фальшивыхъ бриллiантовъ, безъ особаго неудовольствія согласилась играть Елизавету. Самъ Славскій игралъ Лейстера.

Дни, посвященные Лариной изученію своей роли, были счастливыми днями въ ея существованіи. Она въ первый еще разъ дѣйствительно „уходила вся въ чужую жизнь“, осуществляла ту свою мечту художественнаго воспроизведенія, о которой говорила Троекурову во Всесвятскомъ. Она чувствовала себя объятою какимъ-то „священнымъ пламенемъ восторга“. Какую личность, какую *женщину* приходилось ей изображать, какое богатство, какое безконечное разнообразіе мотивовъ, оттѣнковъ, *звуковъ* заключалось въ этомъ „характерѣ“, какая игра взаимно противорѣчащихъ побужденій и чувствъ, сведенныхъ въ одинъ гармоническій, неотразимый аккордъ: нѣжность, страсть, обольщеніе, гордость, мстительность, жажда жизни и презрѣніе смерти!.. И все это въ широкихъ, изящныхъ рамахъ царственности и культуры, въ высшихъ формахъ той *воспитанности*, которая ей, Лариной, ставилась въ упрекъ студентомъ Коробкинымъ, отъ которой приходилось и точно чураться ей на сценѣ въ виду „реальнѣйшаго“ изображенія *типовъ* современной отечественной драматургіи... „Марія Стюартъ — отъ одного этого имени будто розами вѣетъ“, говорила она себѣ со счастливою улыбкой, и уста ея невольно шептали Шиллеровскіе стихи, заученные ею еще въ дѣтствѣ,— обращеніе плѣнной королевы къ облакамъ, пробѣгавшимъ по небу надъ ея темницей, съ мольбой отнести привѣтъ ея Франціи, „отечеству ея молодости (mein Jugendland)“:

Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab'keinen andern Gesandten,
Frey in Lüften ist eure Bahn,
Ihr seyd nicht dieser Königin Unterthan!..

Она добыла все, что можно было достать въ городѣ историческихъ матеріаловъ, относящихся до шотландской королевы,

перечла два извѣстные романа Вальтеръ-Скотта (*Аббатъ* и *Монастырь*), въ которыхъ, по свидѣтельству Минье *), „великій романистъ съумѣлъ изобразить ея обаятельную личность въ такой полнотѣ и правдивости красокъ, до которыхъ не могли достичь самые тщательные и подробные историческіе этюды о ней“,—перечла, подолгу останавливаясь на каждой страницѣ, вдумываясь въ каждую черту, въ каждое слово, вложенное авторомъ въ уста Лохлевенской узницы. **) Только послѣ этой предварительной подготовки перешла она къ самой драмѣ, къ изученію своей роли. Въ первый разъ при этомъ воспользовалась она своимъ первенствующимъ теперь положеніемъ въ театрѣ: она потребовала отъ антрепренера и Славскаго „не менѣе осьми полныхъ репетицій“, объявляя рѣшительно, что „въ противномъ случаѣ отказывается участвовать въ бенефисѣ“. Не довольствуясь этимъ, она то-и-дѣло зазывала къ себѣ репетовать отдѣльныя сцены того или другаго изъ участвовавшихъ въ драмѣ товарищей (ее любили въ труппѣ, сколько могутъ актеры любить другъ друга, и довольно охотно дѣлали ей пріятное), а въ томъ числѣ игравшаго роль Мортимера молоденькаго *женпремье* Печорина, актера съ миловидною наружностью и *горяченькимъ* темпераментомъ, котораго ненавидѣлъ и почиталъ соперникомъ своимъ у Лариной Славскій. Отставной корнетъ, прослужившій не болѣе двухъ лѣтъ въ полку и поступившій на сцену, какъ сама Ларина, по врожденной страсти къ лицедѣйству, Печоринъ (псевдонимъ) четвертый годъ перекочевывалъ съ одного провинціальнаго театра на другой, не находя до сихъ поръ, какъ и она, роли *по душѣ* во всемъ томъ злополучномъ репертуарѣ, который выпадалъ на долю его амплуа. Онъ ухватился теперь за Мортимера со всѣмъ пыломъ молодаго честолюбія, рвавшагося „выйти на большую дорогу“. Онъ былъ мало образованъ, крайне наивенъ и недалекъ по природѣ, но у него имѣлось то неизъяснимое аристократическое чутье, которымъ *угадывается* многое, что не дается

*) Mignet, *Histoire de Marie Stuart.*

**) Лохлевенъ — замокъ въ Шотландіи, изъ котораго бѣжала Марія Стюартъ въ Англію—на новый, нежданный плѣнъ.

часто самому добросовѣстному и тщательному труду другаго. Ларина замѣтила это въ немъ съ первыхъ же дней ихъ совмѣстнаго служенія. Она теперь въ интересахъ піесы сочла нужнымъ „заняться“ имъ, „понаправить его“... Онъ выслушивалъ ея совѣты, принималъ ея указанія съ глубокимъ вниманіемъ, съ пылавшими отъ удовольствія и благодарности глазами, и съ каждымъ разомъ становился все болѣе и болѣе удовлетворительнымъ... „Знаете“ сказала ему однажды поощрительно Настасья Дмитріевна, оставшись съ нимъ вдвоемъ у себя,—„вы гораздо лучше сыграете Мортимера, чѣмъ этотъ вѣчный позёръ Славскій—Лейстера.“ У Печорина мгновенно все лицо покрылось краской и задрожали губы. „Все это, вы, вы“... прерывающимся голосомъ пролепеталъ онъ, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ комнаты...

На бенефисъ Славскаго собрался весь городъ. Сами генералы „жуиры“, которымъ бенефиціантъ, весьма потѣшавшій ихъ всегда за ужиномъ въ клубѣ своей „blague de tous les diables“, развезъ билеты по домамъ со „слезною“ просьбой „не испортить ему праздника своимъ отсутствіемъ“, рѣшили нарушить на этотъ разъ данный ими вслѣдъ за статьей Левіаѳанова обѣтъ „ne plus remettre les pieds dans cette sale boutique“ (то-есть театръ) и заняли in corpore свои прежнія мѣста въ первомъ ряду креселъ. Въ качествѣ людей бывалыхъ, „вкусившихъ наслажденія исскуствомъ на *всѣхъ извѣстныхъ сценахъ Европы*“, они не ожидали особеннаго удовольствія отъ „старомодной, *сентиментальной* нѣмецкой драмы“ и еще менѣе отъ исполненія ея провинціальною труппой; но зрѣлище „великолѣпныхъ плечъ“ Фіоринской и состязаніе ея съ Лариной, „cette petite morveuse prétendant jouer du vrai tragique“, должны были въ ихъ понятіи послужить имъ нѣкоторою „компенсаціей“ за чаемую скуку... Ларинцы, со своей стороны, готовились дружно „всею партіей“ *поддержать* „свою“ актрису: въ этомъ въ сущности заключался для нихъ весь интересъ предстоявшаго спектакля. *Что* должно было даваться на этомъ спектаклѣ, было для нихъ безразлично... Да и въ самомъ дѣлѣ, *Марія Стюартъ*, Шиллеръ, „тотъ добрый пошлякъ Шиллеръ“ (sic), какъ выражался

одинъ изъ „*отцевъ* умственнаго движенія въ Россіи“ въ шестидесятыхъ годахъ *),—что могли сказать имъ эти имена? Счастливые сыны реальнаго вѣка, воспитанные своими авторитетами на презрѣніи исторіи и „эстетики“,—для нихъ все это было звукъ пустой, нѣмыя этикетки на сосудахъ съ невѣдомымъ содержаніемъ...

При такомъ „настроеніи“ своихъ зрителей вышла предъ ними Ларина въ темныхъ тканяхъ заключенной въ англійскомъ замкѣ королевы-красавицы, съ длиннымъ чернымъ вуалемъ, падавшимъ съ головы ея до колѣнъ... Въ залѣ воцарилась мгновенно мертвая тишина. Съ первыхъ же словъ разговора Маріи съ приставленнымъ надзирать за нею суровымъ пуританиномъ (сэръ Амміясъ Паулетъ) зазвенѣла какая-то всѣмъ сочувственная, находившая себѣ эхо въ каждомъ изъ присутствовавшихъ нота. Это былъ именно *тотъ* тонъ, *тотъ* звукъ голоса, который приличествовалъ *этой* женщинѣ, *этому* долголѣтнему, истомившему, но не сломившему царственный духъ ея страданію, и эта же внимавшая ей неподготовленная, равнодушная или враждебная „эстетикѣ“, толпа зрителей поняла это тѣмъ таинственнымъ чутьемъ *высшаго*, что хранитъ въ глубинѣ своей каждая человѣческая душа и что внезапно, часто безсознательно, но неотразимо исторгаетъ изъ нея отзвукъ на все отмѣченное печатью этого *высшаго* на землѣ... Ларину не прерывали теперь представители „дорогой университетской молодежи“ обычными неистовыми рукоплесканіями, они жадно и нѣмо прислушивались къ падающимъ съ устъ ея размѣреннымъ періодамъ стихотворной рѣчи, и странное обаяніе производила на нихъ рѣчь эта и заключавшееся въ ней содержаніе. Въ этомъ ничего не было знакомаго имъ, близкаго, *своего*, никакого отношенія къ „злобѣ дня“, никакой „гражданской идеи“,—предъ ними разыгрывалась скорбная повѣсть „давно замолкнувшихъ страстей“, давно отошедшей во мракъ прошлаго борьбы двухъ властительницъ, двухъ непримиримыхъ женскихъ темпераментовъ: безпощаднаго разсчета и преступнаго легкомыслія, ледянаго ума и

*) *Зайцевъ.*

обольстительнаго въ самыхъ ошибкахъ своихъ сердца; а между тѣмъ эта „безыдейная“ драма, помимо ихъ воли, „захватывала“ ихъ, уносила въ струяхъ своего трагическаго теченія. Отъ нея вѣяло для нихъ чѣмъ-то, чего не дано было имъ вкушать отъ произведеній отечественныхъ драмокропателей, чѣмъ-то глубоко-трогательнымъ и незлобивымъ, чѣмъ-то высоко-человѣческимъ, спокойнымъ и *благороднымъ*. Въ узкую, душную область ихъ *убѣжденій* врывалось живое представленіе иныхъ двигавшихъ людьми идеаловъ и побужденій, героическихъ самопожертвованій во имя задачъ и вѣрованій, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми, которыя учили ихъ чествовать Левіаѳановы и К°, съ высоты каѳедръ, со столбцовъ своихъ „просвѣтительныхъ“ изданій... Обаяніе художественной концепціи держало ихъ въ своей власти; какимъ-то благодатнымъ, умиряющимъ умиленіемъ проникалась нежданно для себя теперь эта безпрестанно раздражаемая и раздраженная „молодежь“...

Ларина съ каждою новою сценой крѣпла въ своей роли. Она, со своей стороны, чутьемъ чуяла тотъ магнетически взаимодѣйствующій токъ, образующійся въ данные моменты между актеромъ и его публикой, при которомъ у исполнителя словно выростаютъ неодолимыя крылья, на которыхъ онъ можетъ унести всѣхъ. Она уже не боялась за успѣхъ *піесы*, забыла о *роли*, она не *играла*,—она сама переживала чувствомъ, кровью, нервами, психическій процессъ изображаемаго ею лица... Въ знаменитой сценѣ встрѣчи съ Елизаветою (Фіоринская особенно старательно и удачно вела свою роль въ этой сценѣ), когда, вся горя негодованіемъ и гордостью, отплативъ язвительнымъ, непрощаемымъ словомъ за оскорбленіе *), Марія заставляетъ вѣнчанную обидчицу свою удалиться, „унося остріе стрѣлы ея въ груди“, и кидается въ судорожномъ порывѣ на шею старой няни (Анны Кеннеди) со словами:

---

*) Въ подлинникѣ:

Der Thron von England ist durch einen Bastard
Entweiht, der Britten edelherzig Volk
Durch eine list'ge Gauklerin betrogen. Act. 3 sc 4.

„О, какъ мнѣ сладко, Анна! Наконецъ,
За годы униженій и страданья,
Мигъ торжества, отмщенья былъ мнѣ данъ"!

она залилась *настоящимъ*, неудержимымъ, жгучимъ рыданіемъ. Вся зала огласилась въ отвѣтъ продолжительнымъ стономъ восхищенія. Сами генералы не выдержали и апплодировали „à tout rompre"... Въ послѣднемъ актѣ, въ сценахъ исповѣди и прощанія Маріи, предъ тѣмъ, какъ итти ей на эшафотъ, барыни въ ложахъ плакали навзрыдъ. Заколовшійся въ предыдущемъ актѣ Мортимеръ-Печоринъ (онъ имѣлъ въ своей роли, какъ предсказывала ему Ларина, большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ,) стоялъ въ кулисѣ блѣдный какъ смерть, кусая себѣ губы до крови, чтобы не разрыдаться тоже на весь театръ... Онъ кинулся къ Лариной, едва успѣла она сойти со сцены, и безъ словъ судорожно приникъ губами къ ея рукѣ. Она ухватилась въ свою очередь за его руку—ноги ея подкашивались отъ волненія и усталости,—и вывела съ собою предъ занавѣсъ на неистовый ревъ „требовавшей" ее публики, забывъ о бенефиціантѣ, только-что отрисовавшемся въ своей роли двуличнаго Лейстера... Она ничего не помнила; вызовамъ ея не было конца. Добравшись наконецъ до уборной, она упала тамъ на диванъ въ обморокъ. Конца трагедіи, происходящаго во дворцѣ Елизаветы, никто не дослушалъ. Студенты гурьбой ждали у актерскаго крыльца, на улицѣ, выхода Лариной изъ театра. Ее подхватили, едва показалась она, усадили въ сани съ отпряженною лошадью и довезли до ея квартиры десятки рукъ этой обезумѣвшей отъ восторга толпы.

Да, это былъ знаменательный, незабвенный для молодой актрисы вечеръ. Она впервые тутъ почувствовала свою силу и *ширь*, на которую была способна она. То, что удалось теперь передать ей, были уже не тѣ грубые сколки или карикатуры съ дѣйствительности, не тѣ вѣчныя варіаціи на все тотъ же мотивъ *погребенія кота*, какъ выражался ядовито одинъ старый русскій актеръ про отечественныя *драмы* новѣйшихъ временъ,—которыя приходилось ей исполнять до сихъ поръ,—это было вдохновенное созданіе великаго поэта, это было *искусство*... Невѣдомымъ ею до сихъ поръ удовлетвореніемъ

исполнена была она теперь; успѣхъ ея представлялся ей чѣмъ-то въ родѣ награды за доброе дѣло. Дѣйствительно, было нѣчто благотворное—она это чуяла, угадывала, осязала какъ-бы,—въ томъ впечатлѣніи, какое произвела на своихъ зрителей. Хотя бы лишь на этотъ вечеръ, на нѣсколько часовъ, она оторвала ихъ отъ пошлости жизни, ото лжи и потугъ искалѣченной мысли и унесла съ собою въ свѣтлый міръ искусства, гдѣ та же вѣчная игра человѣческихъ страстей облекается въ чарующія и возвышающія человѣка изящество и благородство формы. „Какія у всѣхъ у нихъ были *хорошія, разнѣженныя* лица“, говорила себѣ Ларина съ мягкою улыбкой, вспоминая выраженіе всѣхъ этихъ юныхъ „демократовъ“, когда они, примчавъ на себѣ сани до ея квартиры, вошли чинною толпой въ ея маленькую гостиную, прося „въ знакъ благодарности за дарованное имъ наслажденіе“ дозволенія „пожать на прощаніе“ и—совсѣмъ уже не по-демократически—„поцѣловать“ ея руку... Никто изъ нихъ очевидно не чествовалъ въ ней въ эту минуту *сестру ея брата*. Въ ея лицѣ Марія Стюартъ, безсмертная обольстительница, влекла къ себѣ эти молодыя, нежданно пробужденныя сердца...

Трагедія прошла восемь разъ въ теченіе мѣсяца, дѣлая полные сборы,—явленіе почти небывалое въ провинціальныхъ театрахъ. Руководители ***ской „интеллигенціи“ почуяли даже въ успѣхѣ „такого сорта вещи“ нѣчто въ родѣ бревна на пути шествія „освободительныхъ идей“ въ любезномъ имъ отечествѣ. Нѣкій очень рьяный маленькій профессоръ израильскаго рода, похожій не то на майскаго жука, не то на уличную тумбу, читавшій въ то время въ университетѣ „о Карамзинѣ“ и „*распатронивавшій*“ между прочимъ, какъ выражались его слушатели, бѣднаго историіографа „на всѣ корки“ за его *Письма русскаго путешественника*, въ которыхъ-молъ онъ, „распространяясь на цѣлыхъ страницахъ объ игрѣ видѣнныхъ имъ въ Парижѣ актеровъ, какъ бы нарочито *просмотрѣлъ* совершавшуюся тамъ въ то же время на глазахъ его *революцію, это священнѣйшее право народовъ, доросшихъ до сознанія своихъ правъ*“, профессоръ этотъ, по тому же поводу, упомянулъ на лекціи весьма ловко о томъ „горячемъ

сочувствіи", которое другой, „германскій, писатель покрупнѣе господина *симбирскаго дворянина* Карамзина", а именно Шиллеръ, питалъ „къ великому дѣлу свободы, вынесенному на плечахъ своихъ Франціей на исходѣ XVIII вѣка". „Это былъ", подчеркивалъ маленькій человѣкъ, меча громы сквозь очки и потрясая кулачкомъ надъ лоснившеюся будто отъ ваксы головой, „это былъ не позднѣйшій, *офилистрившійся* Шиллеръ какой-нибудь *Мессинской Невѣсты* или *Маріи Стюартъ*, — это былъ Шиллеръ первыхъ лучшихъ временъ своихъ, Шиллеръ *Разбойниковъ* и *Коварства и Любви*, въ которыхъ горитъ благотворнымъ пожаромъ святая ненависть къ угнетенію и эксплуатаціи слабаго и бѣднаго сильнымъ и богатымъ!"... Слушатели поняли намекъ „либеральнаго" наставника: иные опустили смущенно голову, другіе улыбнулись. Одному изъ ультра-*Ларинцевъ* намекъ даже и вовсе не понравился, онъ сложилъ обѣ руки въ трубочку и свистнулъ въ нее на всю аудиторію. Либеральный профессоръ, въ свою очередь, ощутилъ нѣкоторое смущеніе, закашлялся и перешелъ опять къ *распатроніванію* Карамзина... Левіаѳановъ, между тѣмъ, поучалъ публику въ своемъ листкѣ, что выходящій-молъ изъ ряда талантъ г-жи Лариной способенъ конечно подкупить ея зрителей во всякой, какую ей ни вздумается исполнить, роли", но что не слѣдуетъ забывать, что *Марія Стюартъ* вмѣстѣ съ *Орлеанскою дѣвой* принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ драмъ нѣмецкаго поэта какъ по неинтересности вообще ихъ сюжетовъ, такъ и по *мѣщански рутинному* отношенію къ нимъ самого автора. „Вѣроятно поэтому", *ядовито* говорилось въ заключеніе, „піесы эти и пользуются свободнымъ обращеніемъ на россійскихъ театрахъ, между тѣмъ какъ произведеніе съ такимъ міровымъ значеніемъ, какъ *Вильгельмъ Телль*, находится у насъ и понынѣ подъ строжайшимъ запретомъ"...

Лариной въ то же время приходилось расплачиваться за свои лавры. Отвергаемый ею Славскій не могъ простить ей ни своей неудачи, ни еще менѣе тотъ „дерзкій *пассажъ*" съ нимъ въ вечеръ его бенефиса, когда она, на вызовъ ея публикой, вывела съ собою не его, бенефиціанта, перваго сюжета

и „знаменитость“, а „мозглякa актеришку, сволочь, цѣна которому *грошъ*“... „Это я вамъ припомню-съ!“ отпустилъ онъ ей, стиснувъ зубы, тогда же за кулисами, въ ту минуту, какъ она, чуть не падая на каждомъ шагу отъ изнеможенія, проходила со сцены мимо его въ свою уборную, а публика, вспомнивъ наконецъ о „виновникѣ праздника“, выкликала теперь и его, Славскаго... Расшатавшаяся было связь его съ Фіоринской съ этой минуты окрѣпла сильнѣе прежняго. Достойная чета пустила тутъ же въ ходъ двойную кознь, имѣвшую въ виду донять врага, какъ говорится, „не мытьемъ, такъ катаньемъ“. Съ одной стороны, о любовныхъ отношеніяхъ Лариной и Печорина повѣствовалось не только какъ о „фактѣ“, не допускающемъ никакого сомнѣнія, но и сообщались при этомъ подробности, изъ которыхъ можно было заключить, что онѣ поступили въ общее свѣдѣніе не иначе, какъ благодаря хвастливой невоздержности языка самого Печорина. Съ другой, въ одно изъ пріемныхъ matinées губернаторши, милостивымъ расположеніемъ которой пользовался Славскій, имъ была разсказана самымъ невиннымъ и сочувственнымъ къ предмету его разсказа тономъ „романическая исторія“ одного бѣднаго юноши (онъ не назвалъ его фамилію,) изъ судившихся по *Жихаревскому* процессу“ *(ста девяноста трехъ)*, который-де, не будучи самъ ни въ чемъ замѣшанъ, принялъ на себя добровольно вину одной страстно любимой имъ особы, принадлежавшей къ организаціи нигилистовъ и игравшей даже, какъ говорятъ, очень значительную роль между ними, и сосланъ былъ такимъ образомъ вмѣсто нея—она не была даже привлечена къ суду,—въ Сибирь или куда-то на сѣверъ“.

— Ah, quel héros, quel noble caractère! воскликнули на это его слушательницы,—а она, за которую пострадалъ несчастный, она что?

— А она ничего, благоденствуетъ, иронически отпустилъ Славскій.

— Гдѣ же она, кто? Вы ее знаете?

Онъ значительно усмѣхнулся:

— Знаю.

— Можете сказать намъ кто?

— Нѣтъ, ужь увольте, mesdames!

— Можете, по крайней мѣрѣ, сказать, къ какому кругу общества она принадлежитъ.

Онъ какъ бы заколебался:

— Она... она — актриса, какъ бы помимо воли вырвалось у него.

Губернаторша, петербургская барыня среднихъ лѣтъ и общества, съ остатками „пикантной“ красоты и большою юркостью въ характерѣ, вонзилась ему глазами въ лицо:

— Она здѣсь эта актриса, въ вашей труппѣ?

— Н-нѣтъ, почему вы думаете! уклончиво проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

— Я увѣрена... я угадала... Это Ларина, notre charmante *Marie Stuart!*..

И она даже руками всплеснула.

Славскій какъ бы испуганно вскинулъ свои вверхъ.

— Я ее не называлъ, прошу замѣтить! счелъ онъ нужнымъ заявить.

Губернаторша, особа „развитая“, какъ и подобаетъ быть русской сановницѣ послѣдней формаціи, величаво пожала плечами на это.

— Вы могли бы назвать ее безо всякой опасности для себя и для нея: я допускаю *всѣ* убѣжденія, когда они искренни, подчеркнула она, и, обратившись къ сидѣвшимъ тутъ двумъ, тремъ дамамъ изъ ея *intimité*: — я хочу пригласить ее завтра обѣдать къ намъ; nous la ferons causer, voulez vous?

Дамы единогласно и шумно изъявили на это согласіе. Славскій ожидалъ, что вслѣдъ за тѣмъ хозяйка обратится и къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ, но таковаго не послѣдовало. Онъ тотчасъ же поднялся и ушелъ въ великой досадѣ, „сыгравъ лишь на руку“, какъ говорилъ онъ себѣ, „этой недотрогѣ проклятой“.

Сановница между тѣмъ отправила въ тотъ же день съ полицейскимъ „милую записку“ къ Лариной, въ которой заключалось приглашеніе на обѣдъ, исполненное изощреннѣйшихъ любезностей. Записка пришла въ очень тяжелую для

получившей ее минуту. У молодой актрисы сидѣлъ студентъ Коробкинъ, который, въ качествѣ горячаго приверженца ея и перваго покровителя, счелъ нужнымъ притти „предварить ее о *мерзостяхъ*, распространяемыхъ Фіоринскою и Славскимъ насчетъ ея и Печорина". Дѣвушка была глубоко взволнована и возмущена этимъ; вслѣдъ за постановкой *Маріи Стюартъ* на сцену Печоринъ даже ни разу не былъ у нея; она видѣлась съ нимъ только въ театрѣ и никогда не вела съ нимъ бесѣды a parte. „Извините меня предъ генеральшей", молвила она растерянно, со стоявшими еще у нея въ глазахъ слезами, торопливо влетѣвшему къ ней посланному губернаторши, „но я нездорова и не въ силахъ принять ея приглашенія; я очень благодарю ее, но не могу у нея быть („сплетня пошла теперь по всему городу, *тамъ* еще пожалуй будутъ мнѣ на это намеки дѣлать", проносилось у нея болѣзненно въ головѣ, „да и на что мнѣ эти свѣтскія барыни!"), никакъ не могу"... „Генеральша" была поражена какъ громомъ нежданною „дерзостью" этого отказа, этимъ „manque comlet de savoir vivre". „Развѣ она писать не умѣетъ, не знаетъ, что на письмо отвѣчаютъ письмомъ"? Она потребовала, чтобъ ей было *подробно* доложено, „*какъ* исполнено было ея порученіе и *что* именно было сказано въ отвѣтъ на ея записку". Полицейскій Меркурій, отставной *унтеръ*, не старый и видимо шустрый, держа руки по швамъ, но бойко пяля зрачки на генеральшу, доложилъ ей все „до малости".

— Одна она была или кто-нибудь былъ тутъ. еще? спросила сановница.

— Былъ-съ! гаркнулъ онъ.

— Много было?

Генеральша даже покраснѣла отъ мысли, что афронтъ, сдѣланный ей этою не умѣющею жить лицедѣйкой, имѣлъ свидѣтелей...

— Никакъ нѣтъ-съ: одинъ всего гость тутъ съ ними сидѣлъ.

— Не знаете кто?

— Не могу знать, ваше пр—ство... Изъ самыхъ изъ этихъ

ни[illegible]стовъ, надо полагать, ваше... нежданно домолвилъ онъ, какъ бы сообразивъ.

Она изумленно вскинула на него глаза.

— Почему вы полагаете?

— А какъ намъ по примѣтамъ хорошо извѣстно, ваше—ство, потому нечесаный и шляпа, значитъ, широкая, и одѣяло этто опять на плечахъ, все какъ слѣдуетъ у студентовъ ихней націи...

„Mon billet est venu la déranger dans sa conférence politique ou amoureuse“, со злою ироніей проговорила мысленно губернаторша и, отпустивъ проницательнаго унтера, прошла къ мужу въ кабинетъ передать ему о своей „déconfiture“.

Начальникъ губерніи, послѣ совѣщанія съ супругой, отправилъ въ свою очередь посланнаго за антрепренеромъ театра и, по прибытіи сего послѣдняго, приступилъ тотчасъ же къ разспросамъ о томъ, что ему извѣстно о личности и прошломъ состоящей въ его труппѣ актрисы Лариной,—„по всей вѣроятности псевдонимъ“? ввернулъ губернаторъ мимоходомъ,—о которой дошли до него кое-какія *неблагопріятныя* свѣдѣнія.

— Въ какомъ отношеніи, ваше пр—ство? спросилъ огорошенный содержатель театра.

Губернаторъ, нѣсколько кисло усмѣхнувшись, заявилъ, что онъ „разумѣется, не намѣренъ, да и не считаетъ себя въ правѣ касаться частной жизни молодой артистки“, которая „впрочемъ, сколько ему извѣстно, и не заслуживаетъ въ этомъ отношеніи никакого упрека“, любезно промолвилъ онъ, но тутъ же, слегка поморщившись, добавилъ:—„къ сожалѣнію, этого, кажется, нельзя сказать про ея *воззрѣнія* на существующій государственный и общественный порядокъ“...

Антрепренеръ со своей стороны заявилъ, что о „воззрѣніяхъ“ г-жи Лариной ему ничего не извѣстно, кромѣ того, что по театральной своей службѣ она весьма исправна, роли свои знаетъ *на зубокъ* и на репетиціи никогда не опаздываетъ; а что также и насчетъ знакомствъ весьма осторожна и мало кого къ себѣ принимаетъ, такъ какъ постоянно занята ролями. О „прошедшемъ“ ея онъ равно ничего не имѣлъ со-

общить его превосходительству, кромѣ того, что познакомился съ нею въ Москвѣ въ началѣ зимняго сезона, принявъ ее въ труппу по рекомендаціи одного извѣстнаго въ московскомъ театральномъ мірѣ лица, а что „настоящая ей фамилія, какъ значится въ ея видѣ, Буйносова, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера".

— Буйносова! вскрикнулъ губернаторъ:— такъ я отца ея зналъ, Дмитрія Васильевича Буйносова... Большую игру велъ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и въ свое время чуть въ посланники не попалъ... И это его дочь, скажите пожалуйста!..

Почтенный сановникъ вздохнулъ, задумчиво пожалъ руку „вызваннаго" и отпустилъ его на этомъ съ миромъ. Но, встрѣтившись въ тотъ же вечеръ въ клубѣ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ его губерніи, онъ отвелъ его въ сторону и, передавъ о „ходящихъ довольно *странныхъ* слухахъ относительно *политическаго прошлаго* этой милой молодой актрисы Лариной", оказывающейся дочерью очень извѣстнаго въ свое время и хорошо ему знакомаго человѣка, просилъ сообщить ему „келейно, помимо всякой официальности", имѣются-ли по *ихъ* вѣдомству какія-либо подтверждающія такіе слухи данныя. Штабъ-офицеръ озабоченно сжалъ брови, собирая свои воспоминанія, и, припомнивъ, объявилъ категорично, что по процессу *ста девяноста трехъ* судился дѣйствительно нѣкій студентъ Буйносовъ; — „по всей вѣроятности братъ нашей здѣшней Рашели", засмѣялся онъ, — былъ судомъ оправданъ и сосланъ затѣмъ административно въ Вологодскую губернію, откуда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ успѣлъ бѣжать и скрыться за границей, но что о какой-либо дѣвицѣ Буйносовой у *нихъ* никакого рѣшительно производства не было, и что поэтому то, что разсказывается объ актрисѣ Лариной слѣдуетъ объяснить „*подвохомъ* подъ нее", устроеннымъ кѣмъ-либо изъ „ея же *театральныхъ*". Губернаторъ вспомнилъ со своей стороны, что „*это* было *пущено* въ гостиной его жены *знаменитымъ* Славскимъ".

— Ну такъ, извѣстный интриганъ! прибавилъ штабъ-офицеръ:—я его къ себѣ въ домъ пускать пересталъ.

— Да и я велю ему съ нынѣшняго же дня запереть мою дверь, строго сказалъ на это губернаторъ.

Вмѣстѣ съ этимъ изгнаніемъ его изъ салоновъ ***скихъ властей, Славскаго ожидалъ въ театрѣ новый и даже сугубо непріятный „пассажъ“. Возмущенные пущенною имъ клеветой на предметъ ихъ культа, *ларинцы* торжественно освистали его на другой же день послѣ визита Коробкина у Настасьи Дмитріевны, — освистали такъ, что онъ, не доигравъ сцены, долженъ былъ уйти за кулисы. Весь зеленый отъ бѣшенства подъ своими румянами, выскочилъ онъ туда, *ища кого поглотить.*

— Это все изъ-за вашей ст...! рявкнулъ онъ площадною бранью попавшемуся ему подъ глаза Печорину.

Лицо молодаго человѣка стало блѣдно какъ саванъ; онъ двинулся съ мѣста, не помня себя:

— Что вы сказали... про кого? еле въ силахъ былъ онъ выговорить.

— Ваша ст... Ларина устроила—извѣстно, повторилъ тотъ.

Оглушающая оплеуха чуть не сшибла его съ ногъ. Онъ пошатнулся, схватился за щеку... Присутствовавшіе оттащили отъ него Печорина.

— Если угодно вамъ будетъ потребовать отъ меня сатисфакціи, крикнулъ ему отставной корнетъ,—я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Но „знаменитый артистъ“ былъ уже снова въ полномъ обладаніи своей прирожденной наглости. Онъ окинулъ своего оскорбителя полнымъ презрѣнія взглядомъ и, ударивъ себя ладонью по груди:

— Чиномъ не вышелъ еще, чтобъ отъ тебя *Славскій* сатисфакціи требовалъ! надменно произнесъ онъ, повернулся на длинныхъ ногахъ своихъ и величественно зашагалъ къ своей уборной...

„Сокрушеніе врага и торжество добродѣтели въ лицѣ дѣвицы Лариной“, какъ выражались ***скіе шутники, разумѣвшіе подъ этимъ новыя восторженныя овація, которыя были сдѣланы молодой актрисѣ при выходѣ ея на сцену вслѣдъ за сдѣлавшимся тотчасъ же извѣстнымъ въ залѣ театра „наказані-

емъ“ Славскаго за оскорбленіе ея, не въ силахъ были разогнать то тяжелое, подавляющее настроеніе духа, которое владѣло ею теперь. „Послѣ того, что̀ суждено мнѣ было испытывать въ жизни, ничто меня не устрашитъ и все отъ меня отскочитъ“, похвалялась она Борису Васильевичу Троекурову въ молодой самонадѣянности своей, когда наканунѣ поступленія ея на театральное поприще говорилъ онъ ей объ ожидавшихъ ее тамъ тяжкихъ испытаніяхъ... Въ дѣйствительности оказывалось, что ничто отъ нея не „отскакивало“, а каждая малость, напротивъ, причиняла ей рану и засѣдала въ ней надолго. Мотивы къ вѣчно новымъ душевнымъ мукамъ какъ бы находили въ ней тѣмъ болѣе воспріимчивости, чѣмъ давнѣе знакома она была со страданіемъ. Ее еще съ первыхъ дебютовъ начало гнести сознаніе безпомощности ея и *сиротства* среди этихъ „товарищей по искусству“, съ которыми не связывало ее ничего, кромѣ взаимныхъ *репликъ* на подмосткахъ сцены. Ее постоянно коробило внутренно отъ ихъ „нравовъ“ и привычекъ, отъ ихъ „ремесленническаго“ отношенія къ своему дѣлу. Ей подчасъ казалось, что она рано или поздно должна задохнуться въ этой атмосферѣ раздраженныхъ самолюбій, лютой зависти и безпощадныхъ клеветъ, среди этой разнузданности рѣчей, въ невылазномъ омутѣ этихъ мелкихъ интригъ и грязныхъ кляузъ... Но ее лично щадило все это относительно, пока случай, а затѣмъ и несомнѣнный ея талантъ не выдвинули ея на первый планъ, пока не объявлена она была „свѣтиломъ“. Мелкая букашка, она могла кой-какъ пройти сторо̀ною отъ лужи; ей роковымъ образомъ слѣдовало быть обрызганною съ ногъ до головы, разъ ей приходилось переѣзжать поперекъ этой лужи на золотой колесницѣ успѣха... Имя ея теперь было на всѣхъ устахъ,—а много-ли чистыхъ человѣческихъ чувствъ въ этомъ мірѣ! Злостная, грубая, нелѣпая клевета, пущенная на нее,—она знала, она помнила извѣстную апофтегму Бомарше,—отъ нея „всегда что-нибудь останется“... „Найдутся всегда люди, десятки, сотни людей, которые радостно ей повѣрятъ и станутъ злорадно повторять ее другимъ“... Ларина была умна, мы уже сказали, и слишкомъ изстрадалась, изстрадалась съ дѣтства,

чтобы не вынести изъ опыта жизни значительной доли горечи и недовѣрія къ людямъ. Въ тотъ самый вечеръ, когда послѣ „пассажа„ со Славскимъ привѣтствовала ее публика шумными рукоплесканіями и кликами, очевидно выражая этимъ и неизмѣнное расположеніе свое къ ней, и негодующій протестъ противу взведенной на нее въ двойномъ видѣ напраслины (объ „анекдотѣ“ Славскаго у губернаторши зналъ тоже весь городъ), а она низко присѣдала, приложивъ руку къ груди и поводя благодарными глазами съ высоты сцены на всѣ стороны залы, внутренній голосъ неотступно шепталъ ей: „Сколько изъ этого хора привѣтствующихъ тебя голосовъ слѣдуетъ отнести на долю любителей гама и скандала, по поводу чего бы онъ ни производился, и многіе-ли изъ этихъ неистово апплодирующихъ тебѣ теперь искренно убѣждены въ томъ, что ты заслуживаешь уваженія“?... Самое заступничество за нее этой публики представлялось ей въ глубинѣ души чѣмъ-то обиднымъ; какія-то вспышки родовой гордости загорались въ ней; „она не изъ тѣхъ, кому нужны защитники въ *толпѣ*“... Такое же недоброе чувство, какъ ни старалась она побороть его въ себѣ, внушалъ ей выступившій за нее рыцаремъ Печоринъ: она избѣгала его, насколько это было въ ея власти, не обмѣнялась съ нимъ словомъ послѣ той *исторіи*. Молодой человѣкъ въ свою очередь точно прятался отъ нея въ театрѣ и, когда приходилось ему репетовать съ ней, упорно глядѣлъ въ землю, боясь встрѣтиться съ ней глазами... У себя дома Ларина теперь ни души уже болѣе не принимала.

Она сидѣла дома одна и жадно зачитывалась вѣстей съ театра войны, которыя обильно сообщались въ тѣ дни газетами обѣихъ столицъ. Какая-то неодолимая сила все лихорадочнѣе влекла мысль ея „*туда*“, гдѣ люди теперь гибнутъ тысячами за святое дѣло“, и все настойчивѣе шептала ей, что „*тамъ* теперь *настоящая задача, тамъ* — призваніе“... Измученная, раздраженная безпрерывною сутолокой и ядовитыми уколами театральной жизни, она въ какомъ-то невыразимо заманчивомъ свѣтѣ рисовала себѣ это „высшее изо всѣхъ существующихъ для женщины“ *призваніе*. Тамъ, далеко, въ *баракѣ*, среди раненыхъ, въ поглощающихъ все время и

всѣ физическія силы занятіяхъ, никому невѣдомая *сестра*,— тамъ для нея „миръ душевный и *удовлетвореніе*“...

Послѣ „второй Плевны“ она не выдержала. Годовой срокъ контракта ея съ антрепренеромъ ***скаго театра кончался. Труппа собиралась перекочевать на Нижегородскую ярмарку; на время пребыванія ея тамъ Лариной предложенъ былъ ангажементъ въ 600 рублей и бенефисъ. Она отказалась и уѣхала въ Одессу. Тамошнее отдѣленіе Краснаго Креста опредѣлило ее *сестрой* и переслало недѣли черезъ двѣ за Дунай.

По пути туда, на какой-то станціи не доѣзжая Унгенъ, къ окну вагона, изъ котораго она разсѣянно глядѣла на толпу пассажировъ ея поѣзда, высыпавшую на платформу, подошелъ къ ея окну какой-то съ отроставшею бородой молодой человѣкъ въ китель и военной фуражкѣ.

— Вы тоже туда... *на театръ войны*, Настасья Дмитріевна? произнесъ онъ робкимъ, слегка даже дрожавшимъ голосомъ, прикладывая руку къ козырьку.

— Печоринъ! невольно вскликнула она, увнавая недавняго „товарища“.

— Ряполовскій, чуть-чуть усмѣхнулся онъ: — настоящую мою фамилію ношу опять... Я въ прежній мой полкъ поступилъ, поспѣшилъ объяснить онъ.

— Гдѣ же онъ? спросила она.

— А и самъ не знаю, отвѣтилъ Ряполовскій съ какою-то совсѣмъ ребяческою интонаціей и съ видимою благодарностью за вопросъ: — гдѣ-то тамъ, говорятъ, въ самомъ центрѣ дѣйствій...

— Въ Нижній не захотѣли? спросила она, усмѣхнувшись тоже.

Онъ какъ-то мгновенно вскинулъ на нее глаза, весь заалѣвъ.

— Нѣтъ... что же, васъ ужь нѣтъ въ труппѣ...

И, такъ же мгновенно испугавшись недовольнаго, показалось ему, выраженія ея лица, торопливо приложилъ опять пальцы къ фуражкѣ, пролепеталъ какія-то неразслышанныя

ею слова прощанія—и исчезъ... Онъ такъ и не показывался болѣе Настасьѣ Дмитріевнѣ...

Четыре мѣсяца спустя, въ госпиталь Краснаго Креста, въ которомъ она, за отбытіемъ графини Драхенбергъ, оставалась одно время старшею, привезли послѣ сраженія подъ Горнимъ Дубнякомъ значительную партію раненыхъ. Въ одномъ изъ нихъ она узнала Ряполовскаго. Онъ былъ тяжело раненъ въ голову и долго не приходилъ въ сознаніе. „Такъ и отойдетъ, не очнувшись“, отвѣтилъ сквозь зубы осматривавшій его рану врачъ на вопросительный взглядъ стоявшей у койки Настасьи Дмитріевны... Но предсказаніе оказалось не совсѣмъ вѣрнымъ. Раненый очнулся поздно вечеромъ, открылъ глаза. Женскій ликъ, съ повязанною бѣлою косынкой головой, съ большими устремленными на него темными глазами, полуосвѣщенный мерцаніемъ лампы, спускавшейся съ потолка, наклонялся надъ нимъ... Какимъ-то лучомъ освѣтилось внезапно его мертвенно блѣдное лицо. „Марія Стюартъ“, еле слышно пролепеталъ онъ...—„Вамъ надо повязку перемѣнить“, дрогнувшимъ голосомъ проговорила она... Онъ не отрывался отъ нея потухающимъ взглядомъ. Она потянулась осторожною рукой къ его повязкѣ... „Сестрица... Настасья Дмитріевна... благословите меня!“ угадала она скорѣе, чѣмъ разслышала... Перемѣнять перевязку было уже не къ чему...

IV.

— Такъ какъ же, сестрица, спрашивалъ Сусальцевъ впавшую въ глубокую задумчивость Наталью Дмитріевну,—согласны вы будете?

— На что? воскликнула она какъ съ просонья.

— А насчетъ этого самаго письма къ графинѣ Драхенбергъ, что я вамъ сейчасъ говорилъ...

— Ахъ да, вспомнила дѣвушка:—что же, если вы считаете это непремѣнно нужнымъ, я готова...

— По-французски-съ, начерно, поспѣшилъ онъ напомнить,—а я ужь собственноручно перепишу потомъ.

— Хорошо. Когда оно вамъ нужно?

— Да если бы возможно, поскорѣе... что-жь съ этимъ медлить? Если бы, къ примѣру, къ завтрему могли вы заготовить?...

Настасья Дмитріевна кивнула въ знакъ согласія. Провъ Ефремовичъ схватилъ ея руку и пожалъ ее до боли въ своей могучей длани.

— И не могу вамъ сказать просто, сестрица, какъ благодаренъ вамъ за родственныя ваши ко мнѣ чувства! воскликнулъ онъ разстроеннымъ тономъ: — я человѣкъ не дурной, повѣрьте, и если-бъ Антонина Дмитріевна понимать это хотѣла...

Онъ оборвалъ короткимъ вздохомъ, прищурился слегка на свояченицу и заговорилъ опять какъ бы нѣсколько смущенно:

— Позвольте васъ, сестрица, обезпокоить однимъ моимъ вопросомъ.

— Какимъ? спросила она, подымая на него глаза въ свою очередь какъ бы чуть-чуть испуганно.

— Не нуждаетесь-ли вы въ чемъ теперь?

Она не успѣла отвѣтить.

— Потому, продолжалъ онъ торопливо,—вы бы меня смертельно оскорбили и огорчили сердечно, если-бъ обошли меня въ такомъ случаѣ... Я всею моею душой, могу сказать, всегда готовъ по-родственному... по-братски...

— Спасибо вамъ, прервала его Ларина, морщась и краснѣя;—мнѣ ничего не нужно...

Но у него былъ такой просящій и какъ бы оробѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ видъ, что она тутъ же прибавила:

— Я не изъ гордости, Провъ Ефремовичъ, право... Если-бъ я очутилась когда-нибудь въ большой нуждѣ, я скорѣе бы, конечно, обратилась къ вамъ, чѣмъ къ кому-либо другому за... за *временнымъ* одолженіемъ, чуть-чуть подчеркнула она.

Онъ еще разъ ухватилъ ея руку обѣими своими:

— И повѣрьте, не то чтобъ я, *вы* одолжите меня этимъ превыше мѣры... Потому я, сестрица, расположеніемъ вашимъ дорожу чрезвычайно и близкое себѣ лицо вижу въ васъ. Я лаской не избалованъ: *родительницы* лишился еще въ дѣтствѣ, батюшка мой былъ человѣкъ суровый... Такъ если такая особа, какъ вы, которую я по всѣмъ правамъ долженъ уважать, оказываетъ мнѣ дружественное чувство, то я со своей стороны всю душу, кажется, готовъ положить...

Онъ смолкъ отъ нахлынувшаго на него умиленія и отвернулся, мигая влажными глазами...

Настасья Дмитріевна вдумчиво глядѣла на него: въ мысли ея слагалось какое-то соображеніе:

— Вы добрый человѣкъ, Провъ Ефремовичъ, молвила она,—вашимъ словамъ вѣрить можно, и я вамъ вѣрю дѣйствительно... Я не въ нуждѣ, повторяю, и съ этой стороны мнѣ не о чемъ у васъ просить, но вы, быть можетъ, могли бы мнѣ послужить добрымъ совѣтомъ въ одномъ обстоятельствѣ...

Она какъ бы вдругъ заколебалась продо

— Говорите, сестрица, сдѣлайте милость, воскликнулъ Сусальцевъ:—я радъ-радешенекъ буду, если только чѣмъ могу...

Она еще разъ зорко воззрилась ему въ лицо:

— Знаете-ли вы, начала она дрогнувшимъ голосомъ,—кто этотъ молодой человѣкъ, Поспѣловъ, котораго вы видѣли въ Венеціи у графини Драхенбергъ... и про котораго Тоня говорила вамъ такія гадости? примолвила дѣвушка со мгновенно выступившимъ у нея опять при этомъ воспоминаніи румянцемъ негодованія на щекахъ.

Онъ раскрылъ широко глаза:

— Нѣтъ, не знаю-съ, впервой и увидалъ его только тутъ на самомъ канунѣ моего отъѣзда... А вамъ, что же, извѣстенъ онъ развѣ?

— Это братъ нашъ съ Тонею, медленно прошептала она, безсознательно озираясь кругомъ,—Володя... Владиміръ Дмитріевичъ Буйносовъ.

Провъ Ефремовичъ руками всплеснулъ и даже поблѣднѣлъ весь:

— Сосланный?

Ларина утвердительно кивнула.

— Уйти значитъ успѣлъ, и теперь... въ Венеціи... А Антонина Дмитріевна „Альфонсомъ“ его зоветъ, роднаго-то брата!..

Онъ вскочилъ съ мѣста, прошелся, пробѣжалъ въ лихорадочномъ волненіи по *залицу*, сѣлъ опять:

— Вамъ какъ же это извѣстно, сестрица?

— Я отъ него письмо получила.

— Оттуда?.. по почтѣ? промолвилъ тутъ же испуганно Сусальцевъ.

— Нѣтъ; я была еще тогда въ Болгаріи. Письмо доставлено мнѣ было по случаю...

Она опять пріостановилась, почитая *неудобнымъ* сообщить ему подробно о „случаѣ“. А произошло это такъ:

На первыхъ порахъ службы ея въ госпиталѣ, послѣ извѣстнаго дѣла на Зеленыхъ горахъ, привезенъ былъ въ числѣ раненыхъ молодой пѣхотинецъ изъ вольноопредѣляющихся, долго раненый въ ногу. Это былъ субъектъ непри-

влекательной наружности и жестокаго нрава, мрачно относившійся ко всему его окружавшему и переносившій какъ бы съ досадой уходъ и заботы о немъ врачей и сестеръ. Настасья Дмитріевна была поэтому весьма удивлена, когда однажды послѣ перевязки,—дѣло было вечеромъ, большинство раненыхъ кругомъ спало,—человѣкъ этотъ, какимъ-то страннымъ, какъ бы испытующимъ взглядомъ посмотрѣвъ ей въ глаза, тихо проговорилъ:

— Возьмите у меня подъ подушкой письмо,—это вамъ отъ брата.

— Отъ... вашего брата? спросила она, не понявъ.

— Отъ *моего!* фыркнулъ онъ:—никакого брата у меня не имѣется; отъ вашего, отъ Буйносова.

Она поспѣшно сунула руку подъ подушку, ощупала и вытащила конвертъ.

— Какъ оно къ вамъ попало? невольно спросилось ею.

— Изъ Горнаго Студня доставлено, какъ бы также невольно сорвалось у него съ языка.

— Отъ кого?

Онъ вдругъ весь пришелъ въ раздраженіе:

— Вамъ этого нисколько знать не нужно, прошипѣлъ онъ,—и не старайтесь... и оставьте меня, прошу; вы свое дѣло сдѣлали, и мнѣ съ вами разговаривать нечего...

Она удалилась въ большомъ недоумѣніи. Какимъ путемъ могло это письмо попасть въ Горный Студень, письмо отъ русскаго бѣглаго ссыльнаго, и очутиться теперь для передачи ей въ рукахъ темнаго армейца, не имѣющаго очевидно никакихъ точекъ соприкосновенія съ блестящею средой, пребывавшею въ ту пору тамъ, въ томъ неказистомъ болгарскомъ мѣстечкѣ? „Неужели это въ связи съ тѣми толками?“ спрашивала она себя, вспоминая слышанное ею что-то за нѣсколько дней назадъ отъ пріѣзжавшаго изъ Горнаго Студня врача о прибытіи-де туда какого-то „довѣреннаго отъ русскихъ эмигрантовъ“, благосклонно будто бы выслушаннаго въ продолжительной аудіенціи и уѣхавшаго съ какими-то надеждами... Все это очень походило на сказку, и Настасья Дмитріевна, *озабоченная своимъ* насущнымъ дѣломъ, пропустила въ ту

пору эти „розказни“, какъ говорится, мимо ушей. Они теперь невольно приходили ей на память.

Но ей не удалось провѣрить ихъ: проѣзжавшій врачъ уже вернулся къ мѣсту своей службы, а мрачный передатчикъ письма умеръ нѣсколько дней спустя отъ воспаленія венъ... Въ самомъ же письмѣ не заключалось ни слова о способѣ, какимъ оно доставлялось ей. Володя въ нѣсколькихъ строкахъ извѣщалъ сестру, что онъ благополучно пребываетъ въ Вѣнѣ, гдѣ имѣлъ случай поступить учителемъ въ одно русское семейство, съ которымъ уѣдетъ по всей вѣроятности на зиму въ Италію. „Письмо твое изъ ***, говорилось далѣе (она отправила его чрезъ посредство Коробкина), въ которомъ ты сообщаешь о *патріотическомъ* (прилагательное это было въ подлинникѣ подчеркнуто) намѣреніи твоемъ поступить въ госпиталь за Дунаемъ, я получилъ и пишу тебѣ на всякій случай туда, отвѣчать же мнѣ, если вздумаешь, очень прошу не по почтѣ, дабы ты себя совершенно безполезно не компрометтировала, ибо не сомнѣваюсь, что гдѣ русская власть, тамъ всѣ письма читаются. А такъ какъ особенныхъ оказій доставить мнѣ письмо частнымъ образомъ ты легко не найдешь, то и воздержись вообще отъ писанія. Впрочемъ можешь и такъ поступить: напиши, вложи въ конвертъ съ адресомъ *Василію Ивановичу Поспѣлову* (значусь нынѣ подъ сею кличкой), а конвертъ вложи въ другой на имя *Степана Михайловича Мурзина* въ Москвѣ, и отошли опять-таки не по почтѣ, а если найдешь кого ѣдущаго прямымъ путемъ въ Москву, то съ нимъ. Тамъ пусть спроситъ Мурзина, его всѣ знаютъ, а онъ ужь найдетъ средство переслать мнѣ письмо за границу, гдѣ бы я ни былъ“.

Настасья Дмитріевна воспользовалась указаніемъ и отправила „съ оказіей“ отвѣтъ брату въ Москву на имя указаннаго имъ лица. Получилъ-ли письмо Володя или нѣтъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ она затѣмъ до настоящей минуты не получала отъ него ни строчки и, по возвращеніи ея въ Россію, узнала о судьбѣ его впервые изъ того, что ей пришлось услышать отъ Прова Ефремовича Сусальцева.

— Ахъ, вѣчная для меня мука эта мысль о братѣ! гово-

рила она теперь сочувственно и жадно внимавшему ей зятю;— я бы, кажется, полжизни отдала съ радостью, если бы могла его спасти!

— То-есть, какъ это „спасти?“ спросилъ недоумѣло тотъ:— конечно, какъ если-бъ онъ рѣшился просить помилованія... такъ и тогда вѣдь...

Дѣвушка скорбно улыбнулась.

— Развѣ такіе люди, какъ онъ, на это способны? Онъ въ *свое* вѣритъ, какъ язычникъ какой-нибудь въ идоловъ своихъ... а если и пересталъ вѣрить, все равно, умретъ, а не сознается, самолюбіе!... Нѣтъ, я объ этомъ и думать не могу... Но вотъ то, что о немъ говоритъ Тоня,— это ужасно!.. И какой онъ педагогъ, чему онъ со всѣми этими идеями своими можетъ научить ребенка этой бѣдной доброй графини? Вѣдь это также безсовѣстно... испортить, отравить молодую жизнь.. Самъ онъ пропалъ, зачѣмъ же чужихъ губить!... У меня все это не выходитъ изъ головы... И вотъ объ этомъ я и хотѣла бы посовѣтоваться съ вами, Провъ Ефремовичъ... Нельзя-ли было бы его тамъ, за границей, пристроить къ какому-нибудь занятію, работу ему найти, а то что же это за бродячее, безцѣльное... позорное наконецъ существованіе! горячо воскликнула она, судорожно заламывая руки.

— Чего ужь хуже, когда человѣкъ изъ себя дѣлаетъ, что не знаетъ! утвердительно закачалъ головой Провъ Ефремовичъ и прибавилъ, подумавъ: — занятіе, почему же, можно найти ему и за границей, и даже не то чтобы какимъ-нибудь ремесленникомъ, а по коммерческой части... Языки вѣдь онъ знаетъ?

— Такъ же хорошо, какъ Тоня и я.

— И чудесно! Такъ вотъ я бы могъ предложить прямо: по нашему дѣлу, напримѣръ, постоянно требуются свѣдѣнія изъ Франціи и Англіи насчетъ новыхъ образцовъ, красокъ и всего прочаго. Какъ если-бъ онъ захотѣлъ этимъ заняться, я бы его на свой счетъ туда отправилъ, пусть бы поучился, а тамъ коммиссіонеромъ бы его назначилъ, и отъ другихъ фирмъ современемъ могъ бы онъ заказы получать. Не то что прошитаться, капиталецъ бы такимъ способомъ, и даже не въ

очень продолжительное время, могъ бы зашибить Владиміръ Дмитричъ, жизнь свою навсегда обезпечить.

Наталья Дмитріевна привскочила даже на стулѣ отъ радости.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за это, Провъ Ефремовичъ, какъ благодарить, я ужь право не знаю! Это именно спасенье для него, исходъ... Я ему сейчасъ же объ этомъ напишу...

— По почтѣ! еще разъ испуганно воскликнулъ Сусальцевъ.

— Нѣтъ, невольно усмѣхнулась она:—тутъ есть, въ Москвѣ, одно лицо, чрезъ которое я уже однажды переслала ему письмо...

— Смотрите, сестрица, и Провъ Ефремовичъ закачалъ головой,—вы осторожнѣе съ этимъ народомъ, потому, по нынѣшнему времени, сами знаете, кавардакъ у насъ по государству идетъ, путаница; кто вѣрный, кто измѣнникъ, разобрать даже трудно; такъ чтобы какъ-нибудь вамъ, да и мнѣ, не вляпаться во что-нибудь неподходящее?..

— Васъ я даже и не назову въ письмѣ, сказала на это дѣвушка,—скажу просто, что дѣлаютъ ему такое-то предложеніе, а что отъ кого оно идетъ, онъ узнаетъ впослѣдствіи, если будетъ согласенъ принять его .. А насчетъ того человѣка, чрезъ котораго я думаю писать, примолвила она, подумавъ,—то я не знаю, имѣю-ли я право сообщить вамъ его имя...

— А Богъ съ нимъ! воскликнулъ Сусальцевъ:—знать мнѣ его нисколько не требуется, я вѣдь единственно изъ опасенія относительно васъ собственно, чтобы вамъ не нажить себѣ какой непріятности изъ-за этого.

— Авось я миную ее, усмѣхнулась Настасья Дмитріевна,—а во всякомъ случаѣ великое вамъ спасибо за все!

Провъ Ефремовичъ поднялся съ мѣста и вытащилъ часы:

— Въ добрый часъ, сестрица!.. А я, будьте ужь въ этомъ вполнѣ благонадежны, во всякое время готовъ служить вамъ, чѣмъ могу... Съ вами я теперь прощусь, ждутъ меня по одному дѣлу...

Онъ протянулъ ей руку и крѣпко пожалъ ея тонкіе пальцы:

— Какъ если дозволите опять заѣхать къ вамъ... Позвольте однако объ одномъ спросить васъ, сестрица, вспомнилъ

онъ вдругъ:—почтенная старушенція ваша сказывала мнѣ, что вы думаете теперь на нашу Малую сцену поступить. Очень было бы хорошо, коли-бъ такъ, и я даже всею душой порадовался... На чемъ же дѣло стоитъ въ настоящую пору, желалъ бы знать?

Ларина передала ему о разговорѣ своемъ утромъ съ Ашанинымъ.

— Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, засмѣялся Сусальцевъ,—милый человѣкъ...

— Вы его знаете?

— Кто-жь его по Москвѣ-то не знаетъ! Стараго закала, хорошій баринъ, благородный... Только ужь вы, сестрица, того... поосторожнѣе съ нимъ, нежданно принимая вдумчивый видъ, выговорилъ Провъ Ефремовичъ.

— Въ какомъ же это отношеніи? удивилась Настасья Дмитріевна.

— А какъ вы дѣвушка, пролепеталъ онъ нѣсколько смущенно, и однѣ... потому насчетъ женскаго пола они тутъ съ Николаемъ Григорьичемъ Эдельштейномъ, съ капельмейстеромъ, первые ходоки...

— Сердце у меня за семью замками, Провъ Ефремовичъ, полувздохнула, полуулыбнулась въ отвѣтъ ему она:—добраться до него и этому всеобщему покровителю не удалось бы, если только допустить, что ему бы это взумалось.

— И чудесно, скажу вамъ-съ, что подъ замками держите, вздохнулъ въ свою очередь Сусальцевъ, потому золотое оно у васъ, такъ и хранить его надо для достойнаго... А какъ вотъ если, какъ у супруги моей, у Антонины Дмитріевны, вмѣсто сердца булыжникъ съ мостовой имѣется...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и, торопливо пожавъ еще разъ руку свояченицы, вышелъ быстрыми шагами изъ комнаты.

Настасья Дмитріевна прошла въ свою и принялась за письма.

V.

Ne nous faisons pas d'illusions, le monde est gouverné par les sociétés secrètes.
Napoléon III.

Было еще не поздно, когда она дописала. На небѣ прояснѣло. „Съѣздить къ этому Мурзину сейчасъ, попросить переслать скорѣе письмо къ Володѣ“, пришло ей въ голову.

Она его никогда не видала, но „вѣдь не наобумъ же указалъ Володя на него, какъ на лицо, чрезъ которое могутъ быть доставляемы ему письма“ и которому она уже разъ послала изъ Болгаріи такое письмо для передачи брату,—„не прогонитъ же онъ ее отъ себя“!..

Въ казенномъ домѣ, куда она прежде всего отправилась, швейцаръ какъ-то особенно предупредительно (лицо, о которомъ она спрашивала, внушало ему видимо большой *респектъ*,) сообщилъ ей адресъ Мурзина, сказавъ, что „Степанъ Михайлычъ должны быть безпремѣнно у себя дома теперь“.

Мурзинъ жилъ въ Старой Конюшенной, въ нововыстроенномъ домѣ, и занималъ довольно большую квартиру во второмъ этажѣ, куда и направилъ дѣвушку дебелый парень въ синей сибиркѣ, состоявшій здѣсь на положеніи привратника.

Она подошла къ указанной имъ двери налѣво, дернула за пуговицу колокольчика... Но въ то же самое время дверь внезапно отворилась, чуть не задѣвъ ея по головѣ, и на площадку лѣстницы быстро вышла женская особа въ пальто и низко надвинутой на брови шапочкѣ, повязанной внизъ къ подбородку чернымъ вязанымъ шарфомъ, который она какъ

бы инстиктивно потянула себѣ на лицо испуганнымъ движеніемъ при неожиданномъ видѣ Настасьи Дмитріевны.

За нею на порогѣ показался очевидно хозяинъ квартиры, проводившій ее до передней, средняго роста, лѣтъ тридцати пяти, съ продолговатыми, блѣдно-голубыми глазами, словно застывшими подъ своими недвижными вѣками. Онъ не то смущенно, не то подозрительно глянулъ на стоявшую предъ нимъ въ недоумѣніи Ларину и тотчасъ же перевелъ глаза на торопливо сбѣгавшую внизъ по ступенькамъ лѣстницы недавнюю гостью свою. Ему видимо хотѣлось остановить ее, сказать ей нѣсколько словъ, но онъ не рѣшался въ присутствіи посторонней...

— Вы ко мнѣ? скороговоркой обратился онъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, когда шаги той смолкли за отворенною ей привратникомъ дверью на улицу.

— Господинъ Мурзинъ... Степанъ Михайловичъ? проговорила Ларина.

— Я.

— Мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами... неувѣреннымъ голосомъ объяснила она.

Онъ еще разъ подозрительно оглянулъ ее снизу вверхъ.

— Фамилія моя Буйносова.... Вы изъ Болгаріи получили отъ меня въ началѣ этого года письмо для передачи...

— А, знаю! не далъ онъ ей кончить:—не угодно-ли будетъ войти?...

Онъ пропустилъ ее впередъ, въ темную переднюю, вошелъ самъ, заперевъ за собой дверь на крюкъ.

Она скинула пальто, калоши. Онъ повелъ ее въ свой кабинетъ, довольно просторную комнату, съ полками библіотеки кругомъ и цѣлымъ ворохомъ газетъ, брошюръ и бумагъ на столахъ и стульяхъ.

— Не угодно-ли вамъ присѣсть будетъ? коротко проговорилъ онъ, указывая кресло у письменнаго своего стола.

Она опустилась въ него.

Онъ сѣлъ насупротивъ, уставившись на нее пристальнымъ, смущавшимъ ее своею неотступностью, взглядомъ и видимо ожидая, чтобъ она начала разговоръ.

Но она оставалась безмолвна, какъ-то безсознательно ожидая въ свою очередь, чтобъ онъ *поощрилъ* ее говорить.

Такъ прошло съ полминуты.

— Я письмо ваше своевременно отправилъ, сухо, какъ бы официально проговорилъ онъ наконецъ,—и, какъ мнѣ извѣстно, оно дошло по назначенію.

— Я чрезвычайно благодарна вамъ, поспѣшно отвѣчала она,—и прошу извиненія, что такъ прямо, безо всякаго съ моей стороны объясненія, отправила его на вашъ адресъ... Мнѣ такъ сказано было сдѣлать въ письмѣ, полученномъ мною отъ брата предъ этимъ...

— Вы гдѣ его получили, прервалъ ее Мурзинъ:—въ Горнемъ Студнѣ?

— *Изъ* Горняго Студня, объяснила она:—я была въ госпиталѣ въ **.

— Развѣ онъ тамъ былъ? воскликнулъ изумленно ея собесѣдникъ.

— Кто? съ неменьшимъ удивленіемъ спросила дѣвушка.

Мурзинъ не отвѣчалъ; брови его сжались, и блѣдные глаза вскинулись опять съ тѣмъ же выраженіемъ подозрительности на Ларину.

— *Какъ* именно доставлено вамъ было это письмо, можете мнѣ сказать?

— Чрезъ одного раненаго послѣ второй Плевны, котораго привезли къ намъ...

Онъ еще разъ поморщился.

— Знаете, кто это былъ?

— Нѣтъ; мы фамилій никогда не спрашивали тамъ... Онъ умеръ притомъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ передалъ мнѣ это письмо.

— Онъ ничего вамъ не говорилъ, передавая его?

— *Ровно ничего!* подчеркнула Настасья Дмитріевна.

— Писалъ вамъ опять братъ съ тѣхъ поръ? спросилъ онъ обрывисто.

— Нѣтъ, но я имѣю о немъ извѣстіе... стороной, онъ въ Венеціи былъ въ послѣднее время, на мѣстѣ...

Мурзинъ повелъ головой, какъ бы говоря: „знаю“.

— И мнѣ теперь необходимо извѣстить его объ одномъ обстоятельствѣ, продолжала Ларина, быстро доставая изъ кармана заготовленное письмо къ брату: — мнѣ ужасно совѣстно безпокоить васъ опять, но если вы имѣете все также возможность доставить его...

— Очень нужное? не давая ей договорить, кивнулъ онъ на конвертъ, который она съ какою-то невольною робостью протягивала ему черезъ столъ.

— Да, очень, подтвердила она: — у насъ съ нимъ родственникъ есть одинъ... зять, онъ имѣетъ дѣла съ за-границей и хочетъ доставить тамъ брату мѣсто по своей торговлѣ...

На лицѣ Мурзина выразилось очевидное для Лариной безпокойство.

— Развѣ онъ не доволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ? воскликнулъ онъ поспѣшно.

— Я не знаю... не думаю, возразила она,—и даже полагаю напротивъ: графиня Драхенбергъ—онъ поступилъ учителемъ къ ея сыну,—очень хорошая женщина; я съ ней познакомилась въ Болгаріи... Но братъ мой вовсе не созданъ... не подготовленъ быть педагогомъ... особенно воспитателемъ. Но если-бъ онъ былъ и другой даже, какое будущее въ учительствѣ, притомъ за границей, гдѣ Русскіе живутъ лишь проѣздомъ?.. Разъ ужь онъ принужденъ жить въ изгнаніи, вздохнула тяжело дѣвушка,— надо подумать, какъ ему лучшимъ образомъ устроиться тамъ.

— А я полагаю, молвилъ на это Мурзинъ, *ехидно,* показалось ей, прищурившись на дѣвушку,—я полагаю, что человѣкъ тѣхъ убѣжденій, которыхъ держится вашъ братъ, и которыя вы вѣроятно раздѣляете...

Онъ пріостановился на мигъ, пытливо глядя ей прямо въ глаза.

„Не раздѣляю, нѣтъ!“ чуть не крикнула она на это въ первую минуту, но тутъ же, въ силу какого-то инстинкта, прикусила губы и опустила глаза. „Пусть договоритъ!“ проносилось у нея въ головѣ.

— Такой человѣкъ, я полагаю, докторально продолжалъ Мурзинъ,—имѣетъ въ виду „занятія“ нѣсколько болѣе широ-

каго и общеполезнаго характера, чѣмъ эгоистическую заботу о собственномъ „устроеніи“ по какой-нибудь торговой части — и мы съ вами, съ этой стороны, никакъ не въ правѣ отрицать raison d'être его настоящаго „учительства“:—оно, весьма можетъ быть, заключаетъ въ себѣ очень серіозную и *опредѣленную* цѣль, вѣско заключилъ Мурзинъ.

Настасья Дмитріевна не поняла и пытливо въ свою очередь взглянула на говорившаго.

— Если это состоитъ въ томъ, что онъ мальчику, котораго поручили ему учить, станетъ проповѣдывать тѣ же „убѣжденія“, какія самого его заставили бѣжать за границу, то, по моему, это... *(не добросовѣстно*, срывалось у нея съ языка, но она удержалась,) слишкомъ рано во всякомъ случаѣ.

Ученый собесѣдникъ ея двусмысленно усмѣхнулся.

— Это зависитъ отъ взгляда. Нѣкоторые полагаютъ, что на той стадіи гражданскаго развитія, на которой находимся мы въ настоящую пору, наука вообще къ дѣлу не важна, а что главное развивать съ юныхъ лѣтъ въ наростающемъ поколѣніи критическое отношеніе къ существующему соціальному порядку...

— Ахъ, вотъ за это самое и расплачивается теперь братъ! скорбно вырвалось теперь у Настасьи Дмитріевны;—вѣдь онъ оторванъ ото всего близкаго, роднаго... и это безвозвратно, на всю жизнь...

— Кто же вамъ это сказалъ? съ какимъ-то не то ироническимъ, не то вызывающимъ оттѣнкомъ въ звукѣ голоса промолвилъ на это Мурзинъ.

Она вскинула на него изумленно свои большіе глаза.

— Онъ стоекъ, онъ не повинится никогда! пролепетала она недоумѣло.

Онъ повелъ плечомъ.

— Это отъ него и не потребуется.

— Но тогда какъ же?...

Мурзинъ поднялъ руку на высоту глазъ, поглядѣлъ на свои ногти и чуть-чуть усмѣхнулся еще разъ.

— Мало-ли какія перемѣны могутъ быть! лѣниво уронилъ онъ. Но какая-то необыкновенная увѣренность въ чемъ-то,

что, въ его убѣжденіи, должно было непремѣнно случиться, слышалась въ этихъ словахъ.

— Амнистія? радостно всклинула подъ впечатлѣніемъ ихъ дѣвушка.

— Н-да... то или другое, загадочно произнесъ Мурзинъ, и тутъ же, какъ бы спохватившись:—Вы пишете здѣсь (онъ указалъ глазами на положенное ею на столъ письмо ея къ „Володѣ“,) объ этомъ... коммерческомъ мѣстѣ, которое предлагается вашему брату?

— Пишу, да.

Онъ помолчалъ.

— Вы продолжаете желать, чтобъ оно было ему доставлено?

— Да, желаю... если это васъ не безпокоитъ, добавила она, невольно смущенная холодностью его тона.

Онъ въ первую минуту не отвѣчалъ, и на лицѣ его она прочла самое искреннее удивленіе тому, что она упорствовала въ желаніи своемъ отправить письмо о томъ, что онъ, Мурзинъ, почиталъ почему-то безполезнымъ сообщать эмигранту.

— Хорошо-съ, процѣдилъ онъ наконецъ, закуривая папироску и медленно пуская изъ нея струйки дыма въ воздухъ,— я постараюсь найти случай... препроводить... это письмо... по адресу...

И вдругъ воззрился въ нее съ какимъ-то суровымъ, чуть не угрожающимъ выраженіемъ въ чертахъ.

— Вы понимаете, что было бы совершенно не умѣстно съ вашей стороны повѣрять кому бы то ни было, чрезъ кого вы нашли средство переписываться съ вашимъ братомъ... Я съ нимъ не знакомъ, не принадлежу къ его... фракціи и оказываю вамъ услугу единственно изъ того, что порядочные люди... какіе бы ни были во мнѣніяхъ ихъ *оттѣнки*, ввернулъ онъ подчеркивая,—должны по возможности давать другъ другу руку помощи въ виду.... общей цѣли, уже словно проглотилъ онъ.

Настасья Дмитріевна вспыхнула вся и поднялась съ мѣста.

— Меня еще никто въ жизни не былъ въ правѣ упрекнуть въ нескромности, дрогнувшимъ голосомъ вымолвила она.

Мурзинъ всталъ тоже.

— Вы меня извините, я говорилъ на всякій случай... а заподозривать васъ я не имѣю никакого права, хотя...

— „Хотя“? повторила она вопросительно.

Насилованная усмѣшка пробѣжала по его губамъ.

— Хотя собственно о вашихъ *личныхъ* убѣжденіяхъ мнѣ ничего не извѣстно.

— Это должно быть для васъ совершенно безразлично, съ такою же улыбкой отвѣтила она.

— Однако же...

Она не дала ему времени продолжать.

— Я актриса, была одно время сестрой милосердія, и въ томъ и въ другомъ положеніи ни о чемъ, кромѣ своего дѣла, не думала.

— А-а! какимъ-то страннымъ возгласомъ протянулъ Мурзинъ.

Она протянула ему руку:

— Позвольте мнѣ еще разъ искренно благодарить васъ, молвила она, пожимая его тонкіе и холодные пальцы, наклонила голову въ знакъ прощанія и направилась къ двери.

Онъ вышелъ молча за нею въ темную переднюю, подалъ ей пальто...

— Если бы вамъ, промолвилъ онъ весьма неожиданно для нея, налагая руку на крюкъ отворить ей двери на лѣстницу,— если бы вамъ пришла когда-нибудь охота „думать серіозно“, я буду всегда радъ помочь вамъ, какъ и чѣмъ могу.

Она не отвѣчала, поклонилась еще разъ и поторопилась уйти.

„На что же *они* надѣются всѣ“? стояло у нея неотступно въ головѣ во все время проѣзда своего отъ Мурзина къ Харитонію въ Огородникахъ:—„есть же у нихъ что-то опредѣленное, положительное въ виду, чего они увѣрены достигнуть... Вѣдь вотъ не мальчикъ... человѣкъ, пользующійся здѣсь извѣстностью, и онъ такъ убѣжденно говорилъ о перемѣнахъ, послѣ которыхъ Володя могъ бы будто вернуться въ Россію открыто, не боясь за прежнее... Страшно даже!“ сказа-

ла она себѣ вдругъ, и нервная дрожь пробѣжала у нея по тѣлу...

Она вернулась вся озабоченная домой.

Въ зальцѣ у Лизаветы Ивановны сидѣли за пяльцами, подъ наблюденіемъ хозяйки (шла спѣшная работа ковра), три молодыя особы. Всѣ онѣ, завидя входящую, съ любопытствомъ подняли на нее глаза. Двухъ изъ нихъ Лариной уже случалось видѣть здѣсь; третья, высокая, тонкая брюнетка, съ роскошными темными волосами и блѣднымъ лицомъ, была ей не знакома, но она тотчасъ же узнала ее: это была та самая особа, съ которою она встрѣтилась у дверей Мурзина.

Дѣвушка видимо узнала ее въ свою очередь, зардѣлась мгновенно румянцемъ по самые глаза и низко, низко склонила голову надъ своею работой.

Настасья Дмитріевна, не останавливаясь, поспѣшила пройти къ себѣ.

— Ну что, анделъ мой, каковы дѣла? заговорила, входя за нею, Лизавета Ивановна:—хлопочете вы?

— Да, нужно мнѣ было съѣздить опять... по одному обстоятельству, пролепетала она.—Скажите, кто это у васъ новая, блѣдная такая, красивая, за пяльцами сидитъ? спросила она тутъ же.

— Красивая, точно, анделъ мой, и хорошая, больно хорошая, благочестивыхъ родителей дочь, завздыхала вдругъ маленькая особа, — я за нее каждый день особливо молюсь, потому... начала и не договорила она.

Ларина поглядѣла на нее съ удивленіемъ:

— Потому... *что?*

Та озабоченно замотала головой.

— А чтобы, значитъ, Царица Небесная, прошептала она своимъ своеобразнымъ языкомъ,—прикрыла ее ризою Своею, душу ея отъ соблазна и навожденія лукаваго отвела...

— Какъ ее зовутъ?

— Курсакова, анделъ мой, Курсакова, Лидія Петровна. Отецъ ея казначеемъ служитъ... Хорошей фамиліи люди, старинные, пожилые ужь, по-Божески живутъ. Младшая это дочь у нихъ; старшія замужъ хорошо выданы... И этой вотъ самой

Лидіи Петровнѣ отличныя партіи представлялись, да вотъ тутъ это самое... не договорила она опять.

— Несчастная любовь? сказала съ полуусмѣшкой Настасья Дмитріевна.

— Несчастная, именно что несчастная! вскликнула Лизавета Ивановна,—потому, первое, женатый человѣкъ...

— Женатый?

— Съ женой они, пононѣшнему, врозь живутъ; она съ другимъ, съ мужемъ родной сестры въ связь вошла, и дѣти у нихъ даже, — нонѣ-вѣдь это, анделъ мой, очень просто, безъ стыда, потому страха Божескаго въ людяхъ нѣту ужь нисколько, и кто законъ блюдетъ, того даже глупымъ почитаютъ... Ну, а самъ онъ тоже вотъ этимъ самымъ занимается, какъ бы душу невинную дѣвичью съ пути истиннаго совратить...

„Мурзинъ“! чуть не произнесла громко Ларина.—Влюбилъ ее въ себя? спросила она.

Лизавета Ивановна скорбно закачала головой:

— Влюбилъ, или чѣмъ инымъ смутилъ, только какъ потерянная она ходитъ, не ѣстъ, не пьетъ, родителей своихъ ажъ до отчаянія сокрушаетъ. Потому понять нельзя: въ домъ къ нимъ самый этотъ человѣкъ не вхожъ, и о немъ даже, можно сказать, болѣе догадываючись дошли, а не такъ, чтобы доподлинно, то-есть... Можетъ, даже и напрасно на него поклепъ взвели (маленькая особа набожно перекрестилась при этомъ), а только-что съ того самаго времени у нея это и пошло, какъ начала она разными науками заниматься.

— Что же она, лекціи что-ли слушаетъ?

— Нѣ, отецъ пущать пересталъ. Самъ онъ человѣкъ съ понятіемъ, доходить до всего можетъ... Ну, и полюбопытствовалъ онъ въ эти тетрадки заглянуть, и замѣтилъ онъ,—что именно, не скажу вамъ, анделъ мой, потому я *отъ Писанія* сколько-нибудь могу, а насчетъ этихъ наукъ и прочаго свѣтскаго темна-темношенька, прямо говорить надо; а только-что онъ мнѣ,—я съ нимъ въ давнемъ пріятельствѣ нахожусь,—„это, говоритъ, и не такую молодую голову съ толку сбить можетъ, потому наболтано тутъ всяческаго; лучше, говоритъ,

пусть поменьше знаетъ, да чтобы въ Бога и законъ вѣру не потеряла". Такъ и запретилъ ей ходить. Тутъ и затосковала она не въ мѣру, однако противу отца съ матерью не супротивилась, какъ они люди почтенные, настоящіе, и она ихъ дѣйствительно душой уважаетъ, да и нравъ-то у нея вообще, какъ у голубки, знаете, самый это тихій, ласкательный... А только, завздыхала опять Лизавета Ивановна,—узнали намнясь ея родители, что она съ какимъ-то ученымъ гдѣ-то видается и всѣ ночи на пролетъ книжки какія-то отъ него читаетъ, и отъ того самаго и сонъ, и аппетитъ потеряла совсѣмъ...

— Голубушка, Лизавета Ивановна, сказала Ларина,—познакомьте меня съ этою дѣвушкой! Ея душевное состояніе интересуетъ меня... и понятно мнѣ, я сама чрезъ все это прошла, я бы, можетъ быть, могла ей быть полезна.

— Ахъ, анделъ вы мой, на словѣ на этомъ вашемъ душевномъ спасибо! воскликнула радостно та:—дай-то вамъ Царица Небесная въ эвтомъ предметѣ благоспоспѣшенія всякаго!.. Сейчасъ, сейчасъ я вамъ ее сюда приведу...

— Куда же вы? я сама могу къ ней пойти туда; ноги вы свои берегите! удерживала ее Настасья Дмитріевна.

Но старушка съ юношескою торопливостью поднялась на эти слабыя ноги свои и поплелась въ зальцу.

— Ушла! объявила она, разводя руками, чрезъ нѣсколько минутъ возвращаясь оттуда:—васъ испужалась-ишь, говорятъ дѣвушки.

— Меня! промолвила Ларина машинально; ей было совершенно понятно, изъ-за чего именно видъ ея „испугалъ" эту заинтересовавшую ее собой жертву той же умственной путаницы, изъ которой сама она „выкарабкалась какимъ-то чудомъ", говорила она себѣ теперь.

— Какъ теперь чужой кто, объяснила Лизавета Ивановна,—такъ она и прочь, аль вся въ себя, какъ улитка, уйдетъ, слова отъ нея не добьешься. Ко мнѣ даже рѣдко ходить стала, какъ-анъ прежде всѣхъ чаще, бывало, по сосѣдству—на Чистыхъ Прудахъ они тутъ живутъ, домикъ у нихъ свой,—всѣхъ чаще за пяльцами шить приходила, аль другую какую работу возьметъ, потому насчетъ жалости, если помочь кому

нужно, первая это она завсегда бывала... Ну, а ноньче развѣ въ недѣльку разъ на часокъ забѣжитъ, да и опять домой, эти *его* книги читать, что отъ нихъ покой потеряла она совсѣмъ.

Маленькая особа глубоко-печальнымъ взглядомъ глянула на свою собесѣдницу, примолкла на мигъ и заключила нежданно:

— Что это, анделъ мой, какъ нынче свѣтъ мудренъ сталъ! Умныхъ-то да ученыхъ почитай развелось видимо-невидимо, а только я такъ спрошу: кому нонче жить хорошо?

„Кому, въ самомъ дѣлѣ?“ — словно никогда не представлялся ей этотъ вопросъ съ той высшей, *душевной* точки отправленія, съ которой, чувствовала она, дѣлался онъ ей теперь Лизаветой Ивановной,—пронеслось въ головѣ Настасьи Дмитріевны. И обѣ онѣ тяжело задумались и примолкли.

Часу въ одиннадцатомъ вечера—половина дома уже отошла на покой, и сама хозяйка, уложивъ свою сиротку и разцѣловавшись на сонъ грядущій съ привередницей Таисіей Филипповной, собиралась опочить на узкомъ и жесткомъ диванчикѣ, служившемъ ей ложемъ,—никогда небывалый въ такую позднюю пору звонъ колокольчика въ передней поднялъ переполохъ въ укромномъ обиталищѣ Лизаветы Ивановны. Таисія Филипповна привскочила и застонала на своемъ *сѣнникѣ;* проснувшаяся дѣвочка заплакала; гимназистикъ въ одной рубашенкѣ растерянно метнулся въ сѣни отворять, по привычкѣ, дверь. Лизавета Ивановна принялась испуганно креститься, но, тутъ же вспомнивъ слышанное ею утромъ отъ Лариной, что къ ней вечеромъ обѣщался пріѣхать „по дѣлу“ Ашанинъ, успокоила своихъ домочадцевъ и спустилась со своей свѣтелки внизъ, какъ-то вдругъ инстинктивно разсудивъ, что съ такимъ „кавалеромъ“, какимъ она помнила „Владиміра Петровича“ (она его лѣтъ пятнадцать не видала), „не годится оставлять *дѣвицу* одну“, да еще „въ ночной часъ“.

Поздній гость былъ дѣйствительно Ашанинъ. Маленькая особа (онъ ее едва узналъ; но привѣтствовалъ самымъ дружескимъ образомъ,) пригласила его въ зальцу, куда вышла изъ своей комнаты и Ларина, и усадила все къ тѣмъ же пяльцамъ, составлявшимъ какъ бы *центръ тяжести* этого покоя.

Вѣсти, привезенныя Ашанинымъ, очень обрадовали Настасью Дмитріевну:

— Артистическій кружокъ, говорилъ онъ, — чрезвычайно доволенъ, узнавъ, что вы согласны будете дать въ немъ нѣсколько представленій. Условія такія: вамъ—половина чистаго сбора; выборъ піесъ предоставляется вамъ, а они со своей стороны подберутъ подходящихъ актеровъ. Завтра утромъ будетъ къ вамъ старшина-распорядитель, съ которымъ, если вамъ будетъ угодно,—и это я вамъ совѣтую,—вы можете заключить формальное условіе.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, Владиміръ Петровичъ!...

Онъ надѣялся, что вслѣдъ за этимъ у нихъ завяжется „артистическая бесѣда“, съ которой ничего не будетъ уже легче перейти на обычныя ему *амурныя* темы, но дѣвушка ограничилась этою „благодарностью“; она очевидно не была вообще расположена теперь *разговаривать*. Онъ попробовалъ было „приняться“ за Лизавету Ивановну, заговорилъ о покойной Марьѣ Яковлевнѣ Лукояновой, о Троекуровыхъ,—но маленькая особа умирала отъ сна и то-и-дѣло крестила маленькимъ крестомъ свои позѣвывавшія поблеклыя губы. Старый красавецъ повертѣлся еще минутъ пять на своемъ стулѣ, всталъ наконецъ, простился и въ довольно кисломъ настроеніи духа отправился прямо спать домой.

Это нисколько не помѣшало ему впрочемъ, два дня спустя, сидя за утреннимъ пасьянсомъ съ актеромъ Ростиславцевымъ и распространяясь опять о „необыкновенномъ прозрѣніи“ гадалки Варвары Аѳанасьевны, разсказывать пріятелю съ самымъ искреннимъ внутреннимъ убѣжденіемъ слѣдующее:

— И вообразите, какъ напророчила, такъ въ-точію и исполнилось. *Моя* (онъ разумѣлъ *Фараонку*,) третьяго дня, какъ вамъ извѣстно, написала мнѣ, чтобъ я непремѣнно пріѣзжалъ къ ней вечеромъ. Я обѣщалъ и непремѣнно хотѣлъ исполнить, но мнѣ послѣ театра необходимо было заѣхать къ этой Лариной, которой я устроилъ спектакли въ Артистическомъ клубѣ. *Я тамъ у нея засидѣлся такъ долго*, что ѣхать къ моей было уже поздно. Отправляюсь къ ней вчера. Пріѣ-

ѣзжаю, — мебель куда-то перетаскиваютъ; выбѣгаетъ ея кухарка и объявляетъ мнѣ, что „Татьяна Николаевна *уѣхали* на новую квартиру, а на случай я буду, приказала мнѣ сказать, чтобъ я не трудился болѣе ѣздить къ ней"...

— Что вы! вскликнулъ отставной теноръ:—такъ, значитъ, у васъ съ ней кончено?

— На вѣки вѣчные! торжественно возгласилъ Ашанинъ, сверкая глазами,—буквально по предсказанію Варвары Аѳанасьевны, что выйдетъ у насъ ссора изъ-за той самой дамы, которая привезетъ мнѣ изъ Пятербурга извѣстіе объ отказѣ намъ барономъ въ декораціяхъ.

— Удивительно! глухо произнесъ Ростиславцевъ, качнулъ значительно головой и перенесъ даму пикъ на короля червей.

VI.

Кто герой? Тотъ, кого не потрясетъ взглядъ женщины.
(Изъ индійской рукописи I вѣка по Р. Х.).

Въ третьей изъ залъ галлереи palazzo Pitti *), предъ *Видѣніемъ Іезекіиля* Рафаэля, этою *маленькою* картиной, по грандіозности замысла и очаровательности исполненія не имѣющей себѣ равной въ мірѣ, стояли въ одно свѣтлое октябрьское утро бѣлокурый молодой человѣкъ и молодая же дама въ круглой, черной шляпѣ съ перомъ, изъ-подъ которой выбивались въ изящномъ безпорядкѣ пряди вьющихся рыжеватыхъ волосъ. Оба они равно молча и недвижно глядѣли на возносимаго „поверхъ облакъ“ апокалиптическими звѣрями и ангелами-дѣтьми *Бога силъ*, но далеко не равное повидимому впечатлѣніе производило на нихъ это геніальное полотно. Между тѣмъ какъ въ жадно взиравшихъ на него, широко раскрытыхъ глазахъ молодой женщины сказывался неподдѣльно-страстный художественный восторгъ, на лицѣ ея спутника выражалось не то какое-то тоскливое утомленіе, не то досадливое сознаніе чего-то удручающаго и раздражающаго.

Она быстро обернулась на него, вся сіяющая.

— Что̀ вы про это скажете? проговорила она по-русски въ полголоса, въ виду цѣлой стаи Американокъ, облеченныхъ во всѣ цвѣта радуги, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ и

*) Во Флоренціи.

подъ водительствомъ *чичероне* подвигавшихся въ это время къ картинѣ.

— Символика какая-то! процѣдилъ онъ сквозь зубы и какъ-то неестественно щурясь.

— Ну да, конечно, живо возразила она,—такъ и должно быть: вѣдь это видѣніе пророка... въ Библіи... Развѣ вы не читали?

— А вы? спросилъ онъ ухмыляясь.

— Что я?

— Читали сами?

Нѣтъ, она, бѣдная, „сама“ не читала, или хорошо не помнила, и залепетала, видимо сконфузясь:

— Все равно... Вещь сама за себя говоритъ... Эта такая прелесть, такое величіе и поэтичность концепціи!...

— Принято восхищаться, извѣстно!...

— The famous vision of Hezekiel! скверным англійскимъ акцентомъ произнесъ за ними водившій американскую компанію чичероне.

Заатлантическія дѣвы и Джонатаны такъ и ткнулись всѣ вооруженными pince-nez глазами на картину.

— Beautiful indeed!... O-o, the lovely painting! *) загоготали кругомъ ихъ птичьи гортани.

— Тоже вотъ, пропустилъ бѣлокурый, — не сказать бы имъ—онѣ бы такъ и прошли мимо, не замѣтивъ; а на, молъ, говорятъ имъ, вотъ этимъ самымъ восхищаться требуется,—онѣ и въ писькъ!...

— Такъ на то онѣ и изъ той страны, гдѣ ничего *этого* нѣтъ и быть не можетъ, проговорила дама чуть-чуть пренебрежительно и скороговоркой, отходя и направляя шаги въ слѣдующую залу.

„Да и не нужно вовсе никому“, чуть не добавилъ къ словамъ ея молодой человѣкъ, но почему-то сдержался и поплелся за нею, устало передвигая ноги.

Она повела его прямо къ очаровательному портрету гер-

*) Превосходно, ослѣпительно, какая милая картина.

догини Урбино, извѣстному подъ названіемъ: „La bella di Tiziano“ *), остановилась и опять спросила:

— Ну, а это какъ вамъ нравится?

Онъ посмотрѣлъ на полотно, потомъ на нее и усмѣхнулся слегка.

— Въ родѣ васъ нѣсколько!...

Она вся вспыхнула отъ удовольствія.

— Развѣ потому, что и она рыжа, какъ я..!. Это любимѣшій цвѣтъ женскихъ волосъ у мастеровъ венеціанской школы, какъ бы поучительно вставила она,—но гдѣ же мнѣ съ моей frimousse итти въ сравненіи съ этою идеальною красавицей! Я никакъ не ожидала, что вы способны льстить.

— Льстить? повторилъ онъ:—а я думалъ, напротивъ, вы на меня разсердитесь.

— За что?

— Да потому, что лицо у этой госпожи самое неинтеллигентное.

— Ахъ, вы съ *этой* стороны нашли у нея сходство со мною? расхохоталась молодая женщина.

Онъ не смутился:

— Нѣтъ, у васъ все же больше смысла въ выраженіи.

— Mercі beaucoup!... Но скажите, перемѣняя тонъ, молвила она, глядя ему съ любопытствомъ въ глаза,—неужели вы и къ этой, просто *женской*, прелести остаетесь равнодушны, какъ и ко всему остальному?

Молодой человѣкъ засмѣялся:

— Съ чего же приходить въ восторгъ отъ нѣмаго полотна!

— А если-бъ она была живая, влюбились бы? быстро спросила она.

— Не знаю... Я не влюбчивъ, почелъ онъ какъ бы нужнымъ прибавить.

Она видимо хотѣла что-то сказать на это, не сказала, и только съ неопредѣленнымъ выраженіемъ пожала полными плечами своими:

---

*) Въ галлереѣ Degli Uffizii находится не менѣе извѣстная нагая Венера того же мастера, писанная съ той же красавицы.

— Поѣдемте домой, васъ ничѣмъ не разшевелишь.

— Поѣдемте! усмѣхнулся онъ опять.

Они вышли, спустились съ лѣстницы. Ливрейный слуга въ штиблетахъ и culotte courte кинулся за ожидавшимъ на площади ландо нашей дамы... Но она уже перемѣнила намѣреніе.

— Не хотите-ли на полчаса сюда, въ Boboli? *) обратилась она къ своему спутнику:—у меня есть билетъ для входа отъ префекта.

— Извольте.

— Предложите мнѣ руку, по крайней мѣрѣ, засмѣялась она опять.—Quel sauvageon! прибавила она, глядя ему еще разъ прямо въ глаза.

Онъ молча подставилъ ей локоть; она продѣла въ него руку и такъ и повисла на его рукѣ...

У входа въ садъ разгуливалъ полицейскій стражъ. Взглянувъ на пропускной билетъ, поданный ему молодою женщиной, онъ почтительно приложилъ руку ко лбу и указалъ вслѣдъ за тѣмъ на раздваивавшуюся впереди аллею, какъ-бы говоря: „вправо или влѣво, куда угодно“!

Въ саду было пустынно, какъ на Робинзоновомъ островѣ. Тѣнь и свѣжесть такъ и манили укрыться отъ жгучаго италіянскаго солнца подъ густолиственную сѣнь вѣковыхъ платановъ. Наша чета усѣлась на скамью у мраморнаго Фавна...

— Ахъ, какъ хорошо! заговорила дама, сладостно вдыхая полный аромата воздухъ: — когда подумаю, какая теперь гадость въ Петербургѣ!.. А здѣсь „лавромъ и лимономъ пахнетъ“. Это у Пушкина, кажется, гдѣ-то...

— Не знаю.

— Въ *Каменномъ Гостѣ*, да, вспомнила... Вы читали?

— Н-нѣтъ, кажется...

— Вы и поэзіи не любите? вскликнула она чуть не въ отчаяніи.

— Отчего же! Некрасова даже и очень люблю.

---

*) Садъ при дворцѣ Pitti.

— Не-кра-сова, протянула она съ гримаской неудовольствія на алыхъ губахъ.

— Ну, конечно, „мужицкій поэтъ“, по-вашему? скривилъ онъ губы въ свою очередь.

— Развѣ онъ „мужицкій“ въ самомъ дѣлѣ? удивилась она:—я ничего его не читала... Нѣтъ, нѣтъ, погодите: „Что ты жадно глядишь на дорогу“, что Цыгане поютъ, — это вѣдь его?

— Его.

— Ну, вотъ это я знаю. Ce n'est pas mal du tout... И все въ такомъ родѣ, въ демократическомъ, у него?

— „Муза мести и печали“, какъ-то невольно изысканно проговорилъ молодой человѣкъ: — настоящій поэтъ своего... *нашего*, какъ бы поправился онъ,—поколѣнія.

— Да-а? Ахъ, я непремѣнно въ такомъ случаѣ хочу прочесть его всего. Я хоть и старуха сравнительно съ вами, но все же еще не далеко отстала отъ этого *вашего поколѣнія*... Мы заѣдемъ отсюда къ Vieusseux *), и я скажу ему выписать для меня...

— Хорошо сдѣлаете! одобрилъ онъ, качнувъ головой, — просвѣтитесь.

— Вы находите, что мнѣ это нужно? промолвила она серіознымъ тономъ, межъ тѣмъ какъ глаза ея смѣялись.

— Вы, разумѣется, говорите это насмѣхъ, возразилъ онъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ, — и полагаете, что вамъ черезчуръ достаточно того, что вы знаете и въ чемъ, по-вашему, вся мудрость человѣческая заключается, а что вотъ меня, напротивъ, требуется выдрессировать къ разумѣнію всѣхъ тѣхъ прелестей, которыя мнѣ не доступны... по великой тупости моей, конечно,—такъ вѣдь это? заключилъ онъ съ насилованною ироніей.

— За что же вы разсердились, Василій Иванычъ? жалобнымъ голосомъ произнесла молодая женщина:—я ничего про себя не думаю, кромѣ того, что ничего серіозно не знаю,

*) Извѣстный во Флоренціи кабинетъ для чтенія, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ по числу выписываемыхъ имъ повременныхъ изданій и книгъ на всевозможныхъ языкахъ.

какъ всѣ мы, свѣтскія, а ужь никакъ не имѣю претензіи „дрессировать“ васъ къ чему-то... А мнѣ просто жалко... ну да, жалко, что такой молодой человѣкъ... молодая душа не находитъ въ себѣ никакого отклика на всѣ эти чудеса искусства, которыя я вожу васъ показывать вотъ ужь сколько дней, а вы, какъ слѣпой какой-то, точно не видите совсѣмъ... Вѣдь все это наслажденія, autant de jouissances, которыя вы будто нà-зло отбрасываете отъ себя, а мнѣ это больно... не разсердитесь на меня опять! — больно за васъ... Вы не можете же мнѣ запретить de vous porter intérêt, какъ бы неудержимо досадливо вырвалось у нея, и легкій румянецъ выступилъ подъ бѣлоснѣжною кожей ея лица.

Та же внезапная краска покрыла на мигъ и его блѣдныя щеки; глаза сверкнули... Но онъ тотчасъ же опустилъ ихъ.

— Что же дѣлать, не такъ воспитанъ, видно, чтобы понимать *изящное*, подчеркнулъ онъ, стараясь сохранить тотъ же ироническій тонъ.

— Не правда! горячо вскликнула она: — вы не семинаристъ какой-нибудь, чтобы не понимать...

— Бывшій семинаристъ именно, перебилъ онъ ее: — вы мой паспортъ видѣли: „Не кончившій курса въ Казанской Духовной Академіи, сынъ священника“...

Она замахала руками.

— Не правда, не правда, vous parlez le français tout aussi bien que moi, я не вѣрю вашему паспорту!..

— Вы полагаете, онъ... фальшивый?

Молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ...

— Оставьте, какое мнѣ дѣло! торопливо, не доканчивая фразъ, заговорила она:— я знаю *васъ*, а имя все равно... Вы имѣете свои причины, и я уважаю... Когда-нибудь потомъ... когда я заслужу ваше довѣріе... вы мнѣ скажете. А теперь я не хочу, не хочу, и не смѣйте говорить объ этомъ!.. Я знаю только que vous êtes aussi bien né que moi, и совсѣмъ не то, чтобы вы не были въ состояніи понимать, а просто vous vous faites fort de mépriser l'art, и вотъ это самое я и хотѣла бы знать, почему вы считаете нужнымъ его презирать?

Невольная усмѣшка пробѣжала въ складкахъ губъ Поспѣ-

лова (читатель, не сомнѣваемся, давно успѣлъ узнать его, равно какъ и его собесѣдницу): слова ея видимо польстили его самолюбію. Но брови его въ то же время сжались съ какимъ-то сосредоточеннымъ, чтобы не сказать мрачнымъ, видомъ.

— Я ваше *искусство*, „l'art", не презираю, началъ онъ съ замѣтно дидактическимъ оттѣнкомъ въ рѣчи,—и не скажу, какъ сказано это было нѣсколько лѣтъ назадъ, впрочемъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой былъ данъ этимъ словамъ во враждебномъ лагерѣ, что „сапоги выше Шекспира". Я даже нахожу, что оно имѣло свою raison d'être въ прежнее время, когда человѣчество не было такъ развито, или, говоря опредѣлительнѣе, когда изъ этого человѣчества почиталось *людьми* лишь извѣстное привилегированное меньшинство, — все же остальное были илоты, рабы, вассалы, порабощенныя, безправыя, безгласныя существа, потерявшія всякій образъ человѣческій. Для этого меньшинства *искусство* дѣйствительно представляло собою нѣкій облагороживающій элементъ. Заказывать картину какому-нибудь Рафаэлю или Тиціану все же былъ шагъ впередъ противъ гладіаторской рѣзни или глупыхъ рыцарскихъ турнировъ, хотя бы уже потому, что тутъ уважался человѣкъ безотносительно къ его происхожденію и за трудъ его платили деньги, а не брали его даромъ. Наконецъ это давало производящей этотъ трудъ личности возможность выходить изъ состоянія илотизма, въ которомъ находились ея собратія...

— Отчего же „илотизма?" возразила графиня Драхенбергъ: — искусство въ Италіи разцвѣло именно въ ту эпоху, когда почти каждый городъ былъ отдѣльною республикой и граждане этихъ городовъ пользовались полною свободой. Здѣсь, во Флоренціи, я читала, было даже время междоусобныхъ ея войнъ, когда самый низшій классъ народа,—его такъ и называли „i popolani",—взялъ верхъ надъ остальными и правилъ ими сколько-то мѣсяцевъ или лѣтъ, уже не помню.

— Ну, это все равно! нетерпѣливо воскликнулъ эмигрантъ, въ своемъ качествѣ революціонера не вѣдавшій да и не почитавшій нужнымъ знать никакихъ историческихъ фактовъ:— полнаго соціальнаго равенства здѣсь, какъ и въ остальномъ

мірѣ, никогда не было; свободой пользовались только богатые умѣвшіе тѣмъ или другимъ путемъ накопить себѣ капиталы, которыми они, какъ всюду и всегда, эксплуатировали трудъ бѣдняка, наживались потомъ его и кровью.

— Да, это конечно... недоумѣло пролепетала сбитая съ позиціи молодая женщина; — и это „всюду, всегда", comme vous dites, бываетъ avec les pauvres gens!... вздохнула она самымъ искреннимъ образомъ при этомъ.

Голосъ Поспѣлова зазвенѣлъ внезапнымъ, горячимъ увлеченіемъ:

— И вамъ, скажите, никогда не приходило на мысль, что этотъ вѣчный гнетъ богатаго надъ бѣднымъ не можетъ быть долѣе терпимъ, что соціальныя условія, при которыхъ возможенъ онъ, должны быть низвергнуты?...

— Une révolution, да? прошептала она дрогнувшимъ голосомъ, забѣгая впередъ того, что̀ ожидала отъ него услышать. Мурашки пробѣжали у нея по тѣлу, ей стало разомъ и жутко, и въ то же время сладко, сладко отъ того именно чувства неопредѣленнаго страха, которое заставило ее вздрогнуть.

— Вамъ это кажется очень страшно? чуть-чуть насмѣшливо сказалъ онъ.

Она подняла на него глаза съ какимъ-то внезапнымъ и очень забавнымъ выраженіемъ отваги:

— Совсѣмъ нѣтъ; en France, sous la Terreur, женщины, которыхъ вели на гильйотину, удивляли всѣхъ своимъ безстрашіемъ. Если les gens de notre classe должны погибнуть въ Россіи, я не побоюсь, soyez sûr... Мнѣ кажется даже, что эта мысль умереть на эшафотѣ, предо всѣми, должна экзальтировать такъ, что на него пойдешь весело, какъ на балъ... „Décolletée et manches courtes", пронеслось у нея тутъ же капризнымъ зигзагомъ мысли, „чтобы показать имъ себя въ послѣдній разъ dans tous mes avantages", и сама она чуть не расхохоталась громко этому своему „сумасшедшему" представленію.

— Для чего же вамъ погибать, когда вы могли бы, напротивъ... вскликнулъ было и тутъ же оборвалъ эмигрантъ.

— Что̀ могла бы, что̀, говорите... говорите же! съ лихо-

радочнымъ нетерпѣніемъ въ глазахъ, въ звукѣ голоса приставала она къ нему: — вы можете все мнѣ говорить, все, я умру скорѣе, чѣмъ васъ выдать... я вѣдь знаю...

— Что вы знаете? быстро обернулся онъ на нее, въ свою очередь, съ изумленнымъ и недовольнымъ выраженіемъ въ чертахъ.

Она мгновенно сложила руки на груди какимъ-то дѣтски умоляющимъ движеніемъ:

— Ради Бога, не сердитесь на меня, я нечаянно... слышала...

— Что слышали?...

— Вашъ разговоръ съ товарищемъ въ гондолѣ, въ Венеціи... помните, на серенатѣ?... Вы не подозрѣвали, что подлѣ васъ были Русскіе и говорили между собою громко... Со мною была Топу, ея мужъ и маркизъ. Но всѣ они слушали музыку, и я одна... Я никому изъ нихъ не сказала, никому, клянусь вамъ... И мнѣ такъ захотѣлось послѣ этого познакомиться съ вами...

— Такъ, значитъ, смущенно спросилъ Поспѣловъ,—маркизъ не случайно нашелъ меня въ моемъ отелѣ?

— Нѣтъ, я его послала, сказавъ, что мнѣ нуженъ русскій... наставникъ для моего сына... Мнѣ и нужно было дѣйствительно, поспѣшила она прибавить,—и что я слышала отъ моего курьера, что въ отелѣ Бауеръ есть одинъ такой... Онъ васъ нашелъ тамъ... и привелъ тогда...

Поспѣловъ поникъ головой и какъ-то неопредѣленно развелъ руками.

— Я узнала изъ вашего разговора, съ лихорадочнымъ одушевленіемъ продолжала между тѣмъ графиня, — что вы были сосланы куда-то на сѣверъ... C'est inique cela! вскликнула она какъ бы въ скобкахъ, — но ушли съ какимъ-то мужикомъ и чуть не погибли въ лѣсу отъ холода, и васъ только спасъ un flacon de cognac, который вамъ дала эта дочь кого-то... я не разслышала... Скажите мнѣ, пожалуйста: c'était une jeune fille, или замужняя?...

— Она была дочь становаго... и не замужняя, какъ-то само собою сорвалось съ устъ молодаго человѣка. Его словно

вдругъ захватило и понесло что-то, чему онъ противостоять уже не могъ.

— И она любила васъ?

— Думала вѣроятно... Во всякомъ случаѣ я былъ не первый, кажется, прибавилъ онъ не то пренебрежительно, не то какъ бы въ чемъ-то извиняясь.

— Вамъ не было жаль ее покидать?

Онъ пожалъ плечами:

— Въ нашемъ исключительномъ бытѣ, промолвилъ онъ съ извѣстною долей полунапущенной, полуискренней театральности, — субъективныя чувства каждаго изъ насъ такъ привыкли подчиняться верховной, *гражданской* идеѣ, которой всѣ мы посвятили жизнь, подчеркнулъ онъ,—что о нихъ никому изъ насъ просто не думается, да и какъ бы стыдно думать... Особа эта къ тому же и не имѣла ничего привлекательнаго для меня... Она мнѣ была нужна, какъ соглядатай за отцомъ, которому поручено было наблюдать за мною, и какъ пособница для моего бѣгства; и я воспользовался ея... расположеніемъ.

Графиня словно только и ждала этого, на иной взглядъ безсердечнаго, чтобы не сказать циническаго признанія. Она всплеснула руками и воззрилась восхищеннымъ взглядомъ въ своего собесѣдника:

— Вы герои всѣ, герои!... Знаете, вѣдь я всю жизнь мечтала встрѣтить кого-нибудь такого, какъ вотъ вы, un citoyen, un Brutus, который отдалъ бы себя всего на служеніе d'une noble idée, восклицала она, вполнѣ убѣжденная въ эту минуту, что ни о чемъ иномъ дѣйствительно не мечтала „всю жизнь“:—я даже думала, что сага patria ихъ вовсе производить не можетъ... но теперь я вижу, что есть они, есть!...

Эмигрантъ съ видимымъ изумленіемъ вперилъ въ нее глаза.

— Я этого никакъ не ожидалъ, признаюсь, промолвилъ онъ радостно зазвенѣвшимъ голосомъ: — вы, аристократка, петербургская барыня... какимъ образомъ могли сложиться у васъ такія честныя убѣжденія?

— Ахъ, именно потому, что я петербургская и все это тамъ наизусть знаю... весь нашъ *мондъ*... Понимаете, вѣдь

они всѣ тамъ „рабы“, comme vous dites... хуже — лакеи! Ils vous disent de belles paroles, такіе либеральные на словахъ, а на дѣлѣ... Alexis Толстой такъ хорошо про нихъ сказалъ, что у нихъ въ натурѣ у всѣхъ „ползать предъ тѣмъ или этимъ на брюхѣ“... *) Я всю жизнь провела съ ними, насмотрѣлась на войнѣ... Патріотизма, des sentiments élevés, ни на грошъ ни у кого; смѣлаго, честнаго слова никто сказать не смѣетъ; только и въ мысли, какъ бы ножку подставить своему же collégue, и самому сѣсть на мѣсто повыгоднѣе, entrer en faveur, да денегъ, денегъ побольше сорвать, жалованья, арендъ, земель съ лѣсами, тамъ ихъ теперь тысячами десятитъ раздаютъ, кто только выпросить сумѣетъ... Вы понимаете, что когда все это видѣла вблизи и всю эту изнанку знаешь, можно получить отвращеніе къ Петербургу и тѣмъ, кто въ немъ держитъ le haut du pavé?...

И алыя, полныя какъ спѣлая вишня, губы молодой вдовы сложились въ очень милое въ своей искренности и весьма шедшее къ характеру ея подвижнаго лица выраженіе гадливости.

Эмигрантъ не отрывался теперь глазами отъ этого свѣжаго лица съ румянцемъ объявшаго ее внутренно волненія, и Богъ вѣсть, что въ эту минуту преобладало въ его чувствѣ: восхищеніе-ли *женщиною*, или уваженіе ко *гражданкѣ*, которую „прозрѣвалъ“ онъ въ ней теперь... Онъ усмѣхался какою-то счастливою улыбкой:

— Безполезно было бы, слѣдовательно, говорилъ онъ,— объяснять вамъ raison d'être революціонной партіи въ русской молодежи, партіи, прямо положившей себѣ задачей, coûte que coûte, низвергнуть ту монгольскую власть и азіятскіе порядки, при которыхъ у насъ плодиться и множиться могутъ только рабы и лакеи; вы сами это теперь должны понимать.

— О да, я понимаю!... И это у васъ все такъ интересно, вскликнула она снова:—заговоры, тюрьмы, бѣгства, точно въ романѣ Александра Дюма-père... Я говорила это тогда же маркизу... *вообще*, разумѣется, говорила, поспѣшила она при-

*) *Потокъ-Богатырь*, баллада.

бавить,—мы съ нимъ послѣ этой серенаты поѣхали въ гондолѣ подъ Pont des soupirs, и мнѣ такъ страшно сдѣлалось, вспомнивъ, что тутъ прежде происходило... Скажите, неожиданно вдругъ спросила она,—вы не надѣваете масокъ, когда собираетесь для вашихъ совѣщаній въ какомъ-нибудь souterrain?

— Н-нѣтъ... для чего это? проговорилъ онъ, нѣсколько огорошенный.

— Я думала... Прежде всегда такъ, кажется, дѣлали, чтобы не могли узнать лицъ, въ случаѣ, если бы тутъ случился какой-нибудь шпіонъ...

— Правительство такъ мало даетъ денегъ на своихъ шпіоновъ, и всѣ они такъ глупы, кромѣ тѣхъ, которые для пользы дѣла поступаютъ иногда въ эту должность изъ нашихъ же, что всѣхъ мы ихъ наперечетъ знаемъ, возразилъ на это не то хвастливымъ, не то пренебрежительнымъ тономъ Поспѣловъ:—изъ нашей же собственной среды предателей быть не можетъ, потому каждый знаетъ, что за малѣйшую измѣну его ожидаетъ смерть.

— Смерть! повторила протяжно графиня съ омрачившимся внезапно лицомъ и вздрагивая,—да, это конечно... Но зачѣмъ, скажите, пронеслось у нея и громко сказалось тутъ же,—зачѣмъ этого бѣднаго Мезенцова убили,—un si brave homme! Я его хорошо знала.

— Убили не *бравома*, не вашего знакомаго, а офиціальную личность, шефа царскихъ шпіоновъ.

— Вы же сами говорили, что всѣ они такъ глупы...

Поспѣловъ нахмурился.

— Тутъ вопросъ въ принципѣ, докторально проговорилъ онъ:—надо было доказать правительству, что ни brave homme'а ссылки, ни преслѣдованія не въ силахъ сломить энергію и живучесть революціонной партіи. Смерть генерала Мезенцова—это вызывная перчатка, смѣло брошенная теперь революціонною молодежью въ лицо автократіи! подвернулась ему подъ языкъ бойкая фраза, уже сказанная имъ въ разговорѣ съ Волкомъ, и фраза эта произвела теперь желанное дѣйствіе:

графиня опустила глаза, закачала головой и убѣжденно произнесла:

— Oui, certainement, le principe est une grande chose...

— Борьба началась, продолжалъ Поспѣловъ торжественнымъ тономъ,—борьба на жизнь и смерть...

Она, мгновенно забывъ о „principe“, схватила его за локоть, глядя ему съ какимъ-то жаднымъ перепугомъ въ глаза:

— Да? Вы знаете? Кого-нибудь еще будутъ убивать?...

— Я ничего не знаю, а только... Послушайте, Елена Александровна, перебилъ онъ себя, говоря себѣ мысленно, что „ее требуется нѣсколько просвѣтить“,—если только вы, какъ я въ правѣ заключить изо всего того, что вы сейчасъ говорили, личность вполнѣ развитая, вы должны понимать, что есть высшія требованія и что жертвы, приносимыя имъ, представляются для каждаго истиннаго революціонера вопросомъ совершенно второстепеннымъ. Русская пословица говоритъ: „дрова рубятъ, щепки летятъ“, а французская: „qui veut la fin veut les moyens“. Прямая задача состоитъ въ достиженіи побѣды революціонныхъ, *избавительныхъ* началъ, пояснилъ онъ,—а что при этомъ придется устранить нѣсколько личностей, такъ вѣдь это только необходимое... весьма печальное, можетъ быть, я согласенъ, но необходимое, повторяю, неизбѣжное, естественное послѣдствіе самаго революціоннаго процесса. Ни одинъ изъ фазисовъ поступательнаго движенія человѣчества къ своему освобожденію не обходился безъ крови,—ничего съ этимъ не подѣлаешь, Елена Александровна... Въ мірѣ насѣкомыхъ даже, вспомнилось ему вдругъ смутно прочитанное имъ въ какой-то популярной зоологической статьѣ нѣчто, могшее, по его мнѣнію, „итти къ дѣлу“ въ эту минуту,—есть породы, въ которыхъ абсолютнымъ условіемъ рожденія особей является повальная смерть всѣхъ рожениць.

Фантастическая зоологія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ:

— Это ужасно, что вы мнѣ говорите, тяжело вздохнула графиня,—mais c'est bien intéressant! И она еще разъ склонила покорную голову предъ „неотразимою“, представлялось ей, аргументаціей своего собесѣдника. „Онъ такъ хорошо го-

ворилъ и такъ умно *смотрѣлъ* при этомъ", что она „все бы, кажется, слушала, слушала его... и глядѣла"...

Новый вопросъ, имѣвшій вызвать новое съ его стороны „краснорѣчивое" возраженіе, готовъ былъ уже слетѣть съ ея устъ, когда вдругъ изъ-за поворота аллеи донесся до нихъ скрипъ чьихъ-то торопливыхъ шаговъ по песку и сквозь зелень вѣтвей мелькнулъ свѣтлосѣрый цилиндръ...

— Маркизъ! вскрикнула графиня, и все говорившее въ ней за мигъ предъ этимъ оживленіе слетѣло разомъ съ ея лица.

Эмигрантъ какъ-то безсознательно быстро поднялся съ мѣста, которое занималъ рядомъ съ нею на скамьѣ, но тотчасъ же оправился и всталъ, вытянувшись въ ростъ, чуть не въ боевую позицію.

Быстро подходившій къ нимъ между тѣмъ маркизъ Каподимонте отнюдь впрочемъ не вызывалъ своимъ наружнымъ видомъ необходимость такой позиціи. Свѣжій, точно сейчасъ изъ ванны, элегантный отъ прюнелевыхъ ботинокъ и до этого своего сѣраго цилиндра, которымъ, скинувъ его съ головы за десять шаговъ не доходя графини, онъ салютовалъ ее (saluer du chapeau) какъ шпагой, откидывая руку въ сторону, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ и широкою улыбкой подъ красиво прикрученными усами,—онъ, казалось, былъ весь веселость, любезность... и безпечность.

— J'arrive de Rome, говорилъ онъ, съ какою-то особенною изысканною почтительностью пожимая протянувшуюся къ нему руку молодой вдовы и самымъ дружескимъ образомъ привѣтствуя въ то же время заморгавшими глазами ея *кавалера*,—et je tenais à vous donner le plus vite possible des nouvelles de madame Tony... Я узналъ въ отелѣ, гдѣ вы останавливались, объяснилъ онъ, — что вы взяли окончательно ту виллу на *Colli* *), на которую я вамъ указывалъ, и уже переселились туда. Я ѣхалъ къ вамъ, когда, проѣзжая мимо Pitti, узналъ ваше ландо,—et me voici!

— Grand merci, cher marquis! преодолѣвая, насколько

*) Возвышенная часть города по лѣвому берегу Арно.

могла, свою досаду, улыбалась ему она:—что Tony, хорошо ей въ Римѣ живется?

— Отлично повидимому; нашла очень приличное и теплое помѣщеніе—въ Римѣ холодно зимой,—и до весны не думаетъ оттуда трогаться.

— Le prince Jean toujours? какъ-то вдругъ разсмѣялась графиня.

— Toujours! подтвердилъ, сдержанно, какъ бы только изъ учтивости улыбнувшись со своей стороны, маркизъ и тутъ же воскликнулъ:—Но какая неосторожность, графиня! вы сидите на мраморной скамьѣ; это гибельно въ нашемъ климатѣ и этого никогда не слѣдуетъ забывать здѣсь. Я вижу, что monsieur Pospelof, примолвилъ онъ съ самою любезною улыбкой по адресу молодаго человѣка, — гораздо предусмотрительнѣе васъ: онъ очевидно все время стоялъ на ногахъ, пока вамъ вздумалось отдохнуть здѣсь отъ вашей... вѣроятно продолжительной... прогулки sous ces ombrages fleuris (онъ указалъ кругомъ рукою), но въ этомъ случаѣ я осмѣливаюсь думать, что къ его courtoisie примѣшивалась нѣкоторая доля эгоизма (un petit grain d'égoisme),—ему слѣдовало бы предварить васъ.

— Никакой courtoisie и никакого эгоизма! отрѣзалъ, впрочемъ видимо смущенно, эмигрантъ:—я не подумалъ... да и не зналъ въ сущности, что не слѣдуетъ садиться...

Маркизъ только взглянулъ на него и все такъ же вѣжливо усмѣхнулся опять.

Графиня Драхенбергъ была уже на ногахъ. „Противный человѣкъ“! проносилось у нея въ мысли: „всегда все видитъ и все угадываетъ!“...

— Mercі pour le bon avis, сказала она громко: — намъ, Русскимъ, никогда не мѣшаетъ напоминать о здоровьѣ: мы нисколько не привыкли беречь его... Можетъ быть потому, промолвила она нежданно, прищурившись куда-то вдаль,—потому, что мы вообще не дорожимъ жизнью...

У Поспѣлова почему-то дрогнули вѣки. Маркизъ вопросительно, чуть не тревожно вперилъ глаза въ говорившую.

Но алыя губы ея улыбались теперь опять съ тѣмъ „certo

non so ché di voluttuoso" *), что неотразимо чаровало его въ этой „сѣверной женщинѣ", и лепетали любезно и лѣниво:

— Вы ѣхали ко мнѣ съ визитомъ, cher marquis; я предлагаю вамъ мѣсто въ моемъ экипажѣ и обѣдъ à la fortune du pot; вы мнѣ за столомъ разскажете подробно о Топу и о „вѣчномъ городѣ".

Прозорливый Италіянецъ былъ обезоруженъ. Онъ молча, съ радостно забившимся сердцемъ поклонился въ знакъ согласія и, подставивъ, не откладывая, локоть молодой женщинѣ, повелъ ее мѣрнымъ шагомъ къ выходу.

Она усадила его рядомъ съ собою въ ландо. Поспѣловъ занялъ мѣсто на передней скамьѣ; во все время пути онъ поводилъ глазами то вправо, то влѣво, тщательно избѣгая встрѣтиться ими со своими спутниками, и, сложивъ губы трубочкой, свисталъ неслышно какую-то арію.

---

*) *Что-то сладострастное.*

VII.

Шесть недѣль прошло уже со дня поступленія Поспѣлова на должность учителя къ маленькому сыну графини Елены Александровны Драхенбергъ, но въ первый еще разъ сегодня довелось ей разговориться съ нимъ въ волю. До этой минуты ей какъ-то не удавалось оставаться съ нимъ рядомъ вдвоемъ. Прежде всего ее, когда они жили въ Венеціи, „стерегли, точно двѣ цѣпныя собаки“ (мы повторяемъ то, что говорила она себѣ внутренно), маркизъ Каподимонте и г-жа Сусальцева, — одинъ изъ ревности, другая изъ того „бившаго въ глаза“ чувства недоброжелательности къ молодому эмигранту, которое, по объясненію пылкаго воображенія графини, происходило, „какъ это почти всегда бываетъ dans les grandes passions, вслѣдствіе страсти, испытанной ими первоначально другъ къ другу“... Долгъ безпристрастнаго повѣтствователя обязываетъ насъ впрочемъ замѣтить, что г-жа Сусальцева, проводя въ ту пору всѣ дни и вечера съ „кузиной“, менѣе всего заботилась о чувствахъ ея къ кому бы то ни было. Послѣ размолвки съ мужемъ и внезапнаго его отъѣзда въ Россію, „кузина“ представлялась ей нѣкіимъ спасительнымъ берегомъ, къ которому удобно было ей до поры до времени подтянуться со своею еще не совсѣмъ надежно оснащенною наново ладьей. Разсчетъ тутъ былъ самый прямой. Во-первыхъ, нужны были деньги, которыя, какъ мы уже знаемъ, и ссужены ей были банкиромъ подъ поручительство графини. Во-вторыхъ, князь Іоаннъ, во слѣдъ которому стремилась она во Флоренцію, долженъ былъ, какъ оказывалось, провести

тамъ не болѣе трехъ, четырехъ дней, предполагая затѣмъ ѣхать въ Римъ и пробыть тамъ до русскихъ святокъ. Надлежало слѣдовательно вмѣсто Флоренціи, куда сначала предполагали ѣхать „этаблироваться“ на зиму обѣ молодыя женщины, склонить „Нелли“ къ переселенію въ италіянскую столицу, куда звалъ ее и князь Іоаннъ, говоря, что „иначе у него во всей тамошней русской колоніи не будетъ ни одной интимной знакомой“. На основаніи сдѣланнаго имъ при этомъ перечисленія лицъ, составлявшихъ въ ту дору эту колонію въ Римѣ, Сусальцева сообразила, съ другой стороны, что это были по большей части все незнакомыя ей, къ тому же принадлежавшія къ самой fine fleur петербургскаго свѣта особы, съ которыми войти въ близость было бы для нея гораздо затруднительнѣе тамъ, особенно при той сравнительно весьма скромной обстановкѣ, въ какой она находилась теперь, чѣмъ на берегахъ Сены, гдѣ она соперничала, благодаря мужней расточительности, со всѣми свѣтилами парижской vie mondaine. Ей нуженъ былъ поэтому въ Римѣ, какъ на будущее время и въ Петербургѣ, женскій, твердо поставленный въ свѣтѣ, chaperon, подъ покровомъ и при содѣйствіи котораго она могла бы быть признана тамошнимъ русскимъ людомъ „своею“, и почувствовать себя „tout aussi à l'aise qu'à Paris“. Chaperon этотъ былъ готовъ въ лицѣ все той же „кузины Драхенбергъ“, состоявшей по родству, воспитанію и отношеніямъ въ ближайшихъ связяхъ съ большинствомъ этихъ лицъ изъ fine fleur. Она перезнакомитъ ее со всѣми. Она же „въ случаѣ чего приметъ на свой страхъ и тѣ „assiduités“ князя Іоанна, которыхъ чаяла прекрасная Антонина Дмитріевна видѣть себя лично предметомъ въ Римѣ, гдѣ при тѣхъ же условіяхъ (то-есть за тою же удобною ширмой *старой дружбы* его къ „Нелли“) нѣтъ никакой причины, весьма правильно разсуждала она, не быть продолженію того, что такъ хорошо началось въ Венеціи“... Объ этомъ своемъ новомъ plan d'installation на зиму г-жа Сусальцева толковала каждый день графинѣ, которую, съ другой стороны, старался всячески склонить на то же маркизъ, принужденный ѣхать самъ въ Римъ по какимъ-то весьма для него важнымъ и не терпѣвшимъ отлагатель-

ства дѣламъ. Но молодая вдова оказывалась неподатливою. Климатъ въ Римѣ, утверждала она, былъ по мнѣнію докторовъ, съ которыми она совѣтовалась еще въ Петербургѣ, вовсе не благопріятенъ для здоровья ея мальчика. Къ тому же она должна была бы тамъ представиться ко двору, такъ какъ лично знакома съ королемъ и королевой Италіи, при которыхъ состоялъ покойный мужъ ея въ пору пребыванія ихъ величествъ въ Петербургѣ. „Это неминуемо повлекло бы за собою то, что я была бы принуждена aller dans le monde, а этого именно я вовсе не хочу“, заключила она самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Но почему не хочешь, почему? приставала къ ней однажды болѣе обыкновеннаго Антонина Дмитріевна: — твой трауръ кончается, ты недостаточно еще стара, чтобъ отказаться вдругъ отъ свѣта безо всякой разумной причины, и если бы ты это сдѣлала, всѣ стали бы отыскивать эту причину,— а такъ какъ люди злы прежде всего, то и нашли бы ее въ томъ, по всей вѣроятности, чего у тебя и въ головѣ нѣтъ, можетъ быть...

Графиня поняла намекъ и вся вспыхнула:

— Причину, ты хочешь знать причину! пылко вскликнула она,—такъ я тебѣ скажу: въ Римѣ проводитъ эту зиму моя мать, графиня Пршехронщевская, имѣвшая безуміе выйти замужъ уже бабушкой за человѣка, годящагося ей по лѣтамъ въ сыновья, который безстыдно обираетъ ее и обманываетъ и котораго она, какъ я видѣла это въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну, ревнуетъ какъ тигрица; а я, ты должна это понимать, отнюдь не желаю ни поощрять смѣшныя стороны моей матери (les ridicules de ma mère), ни краснѣть за нихъ...

Елена Александровна не лгала, не прибѣгала къ изворотту, чтобы скрыть свою тайную мысль; и мнѣніе петербургскихъ докторовъ о климатѣ Рима, и то, что графиня Пршехронщевская, наполовину разоренная своимъ gandin-супругомъ и ревновавшая его „какъ тигрица“, проводила тамъ зиму, все это было совершенно справедливо,—но все же того, что составляло главную, хотя, можетъ быть, и для нея самой не совсѣмъ ясную сущность ея помысловъ графиня не высказы-

вала... А высказать ее могла бы она въ двухъ словахъ: „на что̀ мнѣ теперь свѣтъ, дома гораздо любопытнѣе“.

Любопытство, страстное желаніе узнать, „изучить“ новый, незнакомый ей и „во всякомъ случаѣ интересный типъ“, — „l'attrait de la saveur particulière du nihiliste russe“, какъ объяснялъ это со своей стороны съ саркастическою улыбкой маркизъ Каподимонте въ интимныхъ разговорахъ своихъ объ этомъ съ m-me Tony,—вотъ что̀ несомнѣнно стояло теперь первымъ пунктомъ въ мысленномъ процессѣ молодой вдовы. Она дѣйствительно „знала наизусть“ все, что̀ называютъ свѣтомъ, и чѣмъ-то безвозвратно постылымъ вѣяло для нея теперь ото всего, что̀ носило на себѣ его печать. Какъ старому gourmet, ищущему какою-нибудь особою пряностью доставить еще невѣдомое наслажденіе своему давно пресыщенному вкусу, ея дремавшей со временъ „венгерскаго тигра“ и воспрянувшей теперь съ новою силой жажды жизни и фантазіи требовалось именно то нѣчто, ни съ чѣмъ ей знакомымъ не схожее, не укладывающееся ни въ какія извѣстныя рамки, рѣзко характерное, полустрашное, полузахватывающее, что̀ сказывалось ей нѣмымъ, но уже краснорѣчивымъ для нея языкомъ въ усталомъ лицѣ, въ молчаливой, но высокомѣрной усмѣшкѣ этого бѣлокураго „заговорщика, съ которымъ,“ говорила она мысленно съ какою-то сладостною дрожью по всему тѣлу, „свело ее тайное предопредѣленіе судьбы“...

Но, какъ мы уже сказали выше, образъ жизни ея въ Венеціи не представлялъ ей удобнаго случая къ сближенію съ нимъ, къ тѣмъ „интимнымъ разговорамъ“, которые въ ея чаяніи должны были открыть ей такъ много „d'absolument neuf“, такъ много безконечно интереснаго. Маркизъ, являвшійся къ ней каждый день въ часъ пополудни для поѣздокъ къ антикваріямъ и неизмѣнно сопровождавшій ее по вечерамъ на площадь Святаго Марка, г-жа Сусальцева, съ отъѣзда мужа раздѣлявшая всѣ трапезы съ нею и ея домочадцами, „вѣчно стояли между ею и имъ“, досадливо жаловалась себѣ самой Елена Александровна. Поспѣловъ со своей стороны отнюдь, повидимому, не питалъ намѣренія выходить изъ строго опредѣленной роли учителя-наемника. Онъ аккуратно приходилъ

къ свому ученику въ 10 часовъ утра, диктовалъ ему „изъ Ушинскаго“, выслушивалъ со строгимъ вниманіемъ заданный „разсказать собственными словами“ урокъ изъ *Краткой Священной Исторіи* (графиня непремѣнно требовала, чтобъ „этотъ предметъ“ входилъ въ программу занятій русскаго преподавателя,) и безучастно, но по возможности совѣстливо объяснялъ урокъ „на слѣдующій разъ“ изъ этой же *Исторіи*, видимо стараясь не подымать глазъ на неизмѣнно присутствовавшую при этомъ мать мальчика. То же повторялось за завтракомъ и обѣдомъ: онъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ тарелку и разжимая ротъ лишь для необходимыхъ и по возможности кратчайшихъ отвѣтовъ на робкіе вопросы, съ которыми изрѣдка обращалась къ нему хозяйка. Но самолюбіе, а съ нимъ какое-то всегда присущее женщинамъ въ подобныхъ случаяхъ чутье говорило графинѣ, что источникъ этой чрезмѣрной, ледяной сдержанности съ нею молодаго человѣка слѣдуетъ искать ни въ чемъ другомъ, какъ въ тѣхъ странныхъ, становившихся съ каждымъ днемъ непонятнѣе для нея отношеніяхъ, въ которыхъ находился онъ съ неразлучавшеюся съ нею Тоny, и что пока она, эта Тоny, будетъ *тутъ*, слѣдуетъ отказаться ото всякой надежды, что онъ перемѣнитъ свою явно предвзятую manière d'être.

Лишенная возможности „заглянуть ему въ душу, voir clair dans son âme“, какъ выражалась она внутренно, она тѣмъ прилежнѣе наблюдала за нимъ съ его внѣшней стороны—и приходила все къ болѣе и болѣе благопріятнымъ для него заключеніямъ. „Онъ революціонеръ“, говорила она себѣ (и мы знаемъ, что въ этомъ заключалась для нея не малая доля притяженія), „но *порядочный человѣкъ*, un homme comme il faut, вмѣстѣ съ этимъ. У него ничего нѣтъ общаго съ тѣми *нигилистами*, которыхъ изображаютъ намъ всегда такими грязными, съ длинными волосами и ногтями вѣчно въ траурѣ. У него ногти круглые, taillés en amande, и длинная аристократическая рука; онъ за столомъ никогда не ѣстъ съ ножа, какъ эти бѣдные мои госпитальные доктора въ ***, которые такъ лязгали бывало ножами своими по зубамъ за обѣдомъ, что у меня просто дѣлались des nausées, и я вставала и ухо-

дила, подъ предлогомъ головной боли, чтобы не видѣть этой гадости; его скромный *единственный* костюмчикъ,—бѣдный у него нѣтъ средствъ имѣть ихъ много, а то я увѣрена, онъ не уступилъ бы самому маркизу въ элегантности своей tenue,—костюмчикъ его сидитъ на немъ свободно и красиво... И ко всему этотъ его pur accent français! Сомнѣнія быть не можетъ: онъ—un jenne homme de bonne maison, приставшій по искреннему убѣжденію къ *новымъ теоріямъ*, и изъ-за этого вѣроятно разсорился съ родными, покинулъ ихъ и все, et comme les nobles chevaliers errants d'autrefois, отправился искать правды въ этомъ скверномъ мірѣ, а за это попалъ въ тюрьму и изгнаніе, pauvre jeune homme!..." И все сильнѣе разгоралось у молодой вдовы желаніе „повѣрить все это въ дѣйствительности", услышать подтвержденіе своихъ предположеній изъ собственныхъ устъ „бѣднаго *жёнома*".

Съ неотвязчивою Топу и союзникомъ ея, маркизомъ, графиня согласилась наконецъ на томъ, что она пріѣдетъ въ Римъ, „но не надолго и не сейчасъ, такъ какъ намѣрена прежде всего устроиться le plus chaudement possible во Флоренціи, которую избираетъ своею главною *кантониръ-квартирой*, какъ говорилъ ея покойный мужъ, и откуда она уже будетъ дѣлать, если только позволитъ здоровье сына,—„ceci avant tout", внушительно объясняла она,—непродолжительныя поѣздки въ то или другое мѣсто, въ Римъ, Неаполь, можетъ быть, въ Палермо, котораго она никогда еще не видала... Антонина Дмитріевна не спорила болѣе, такъ какъ заручилась формальнымъ обѣщаніемъ „кузины" дать ей письмо къ проводившей зиму въ Римѣ пріятельницѣ своей Lizzy Ваханской, самой живой и извѣстной изо всѣхъ петербургскихъ mondaines, которая знала Топу еще въ Петербургѣ, когда та жила у старушки Лахницкой, всегда была мила съ нею, „и будетъ теперь въ восхищеніи, я тебѣ за это отвѣчаю", горячо утверждала Елена Александровна, „сдѣлать тебѣ les honneurs de Rome и не только познакомить, но и подружить тебя со всею русскою колоніей". Кромѣ того, положено было, что Сусальцеву будетъ провожать въ Римъ маркизъ, который брался устроить ее тамъ наикомфортабельнѣйшимъ образомъ

и содѣйствовать ея вступленію въ общество мѣстной римской аристократіи, съ которою связывали его многія дружескія и даже родственныя связи, такъ какъ мать его была Римлянка родомъ.

Въ силу такой комбинаціи вся наша компанія перекочевала съ венеціанскихъ лагунъ на берега Арно, съ тѣмъ, чтобы прожить еще тамъ вмѣстѣ недѣли двѣ... Когда, собираясь туда, графиня, замѣтно краснѣя и съ тревогою на душѣ, сообщила русскому учителю Никса о предположенномъ отъѣздѣ, спѣша оговорить при этомъ, что „это впрочемъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того, согласится-ли онъ, Василій Иванычъ, переселиться съ *ними* во Флоренцію и продолжать давать тамъ уроки своему ученику", Поспѣловъ счелъ почему-то нужнымъ изобразить на лицѣ своемъ какъ бы нѣкоторое недоумѣніе и колебаніе... Елена Александровна ужасно заволновалась.

— Если бы вы имѣли жестокость мнѣ отказать, вскликнула она жалобнымъ тономъ,—я просто не знала бы, что дѣлать! Никсъ сдѣлалъ съ вами такъ много успѣховъ et je tiens tant, чтобъ онъ хорошо учился по-русски... Насчетъ условій, вы понимаете, и она, заикаясь, смущенно отвела голову въ сторону, не зная, „какъ деликатнѣе приступить къ этому отвратительному вопросу о деньгахъ",—я тамъ хочу нанять виллу... вы будете жить *съ нами* et quant aux honoraires, вы, понимаете, уже не по урокамъ... а помѣсячно, я думаю... Я впрочемъ не знаю, словно испуганно перебила она себя тутъ же,—какъ вы захотите... И сумму тоже назначьте, ради Бога сами... сколько хотите... Я все съ радостью готова, когда идетъ дѣло объ образованіи моего сына...

— Нѣтъ, ужь это вы какъ знаете, обрывисто промолвилъ эмигрантъ,—а ѣхать мнѣ все равно.

— Я даю нашему Англичанину trois cent livres *) par an, заторопилась сказать графиня,—и если вы найдете, что это достаточно...

---

*) Триста фунтовъ стерлинговъ.

„Много!“ невольно сказалось въ первую минуту въ сознаніи молодаго человѣка, но онъ вспомнилъ о Волкѣ, какъ-то безсознательно вздохнулъ... и кивнулъ въ знакъ согласія.

Она обернулась теперь на него вся сіяющая.

— Mercі dc toute mon âme!...

И протянула ему свою мягкую, бѣлую руку съ узоромъ синенькихъ жилокъ, будто разрисованныхъ подъ ея тонкою кожей.

Онъ прикоснулся къ ней оконечностью пальцевъ, глядя куда-то поверхъ головы ея и силясь не моргнуть, между тѣмъ какъ кровь внезапнымъ приливомъ била до боли въ его виски.

Угадала-ли это молодая вдова, не знаемъ; но никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ познакомился онъ съ ней, не случалось Поспѣлову подслушать въ ея голосѣ такихъ радостно звенящихъ нотъ.

— Маркизъ и Топу, дѣйствительно точно пѣла она какой-то торжествующій гимнъ,—пробудутъ съ нами тамъ только двѣ недѣли, а потомъ уѣдутъ въ Римъ.

— И вы тоже? какъ бы невольно вторя ей, зазвучалъ въ свою очередь голосъ эмигранта какою-то нежданною, ребяческою шутливостью. „Она не поѣдетъ“, говорило ему внутреннее чутье съ неотразимою увѣренностью. „Ни за что не поѣдетъ“!..

Онъ былъ правъ: она отвѣтила ему такимъ же ребяческимъ, беззавѣтнымъ смѣхомъ и задвигала отрицательно указательнымъ пальцемъ по воздуху.

— Ни, ни, ни, никакъ! Я имъ обѣщаю и буду говорить до конца, что буду, и пусть они меня тамъ ждутъ, а я... я ихъ *надую*... надую! повторила она, какъ бы чувствуя какую-то особую потребность и удовольствіе выразиться теперь именно этимъ вульгарнымъ, смѣшнымъ“ въ ея понятіи словомъ.—Я жажду тихой домашней жизни послѣ нашей здѣшней toute en dehors... Развѣ что вамъ очень скучно будетъ? не то вызывающимъ, не то робкимъ тономъ домолвила она вопросительно.

Поспѣловъ хотѣлъ что-то отвѣтить... и не нашелъ... Глаза ихъ встрѣтились на мигъ и разомъ опустились у обоихъ.

Разговоръ на этомъ оборвался и не возобновлялся болѣе. А въ первое время по переѣздѣ во Флоренцію, графиня, повидимому, и думать позабыла о намѣреніяхъ своихъ вести „тихую домашнюю жизнь“. Тамъ, во многочисленной колоніи соотечественниковъ, нашлось у нея такъ много давнихъ друзей, а тѣ, кого встрѣчала она здѣсь впервые, выражали такъ искренно и сердечно желаніе сблизиться съ нею и ея красавицей „кузиной“, что дамы наши еще болѣе, чѣмъ въ Венеціи, охвачены были и унесены круговоротомъ свѣтской разсѣянности; имъ не хватало дня для всѣхъ тѣхъ matinées, luncheons, обѣдовъ и parties de campagne, которые давались и устраивались въ честь ихъ... Такъ продолжалось до отъѣзда г-жи Сусальцевой въ „вѣчный городъ“, куда рыцаремъ-охранителемъ отправился съ нею маркизъ Каподимонте. На слѣдующій же день графиня Драхенбергъ перебралась всѣмъ домомъ изъ hôtel Victoria въ нанятую ею виллу подъ городомъ, по сосѣдству съ San Miniato, знаменитымъ во дни флорентинской независимости монастыремъ-цитаделью, гдѣ на разрушенныхъ нынѣ валахъ, возведенныхъ въ тѣ дни всетворящимъ геніемъ Микель-Анжело, стоялъ великій художникъ съ фитилемъ у пушекъ, отстаивая родной городъ отъ осаждавшаго его врага,—и увѣдомила знакомыхъ, что назначила у себя пріемные дни и вечера по пятницамъ. „Иначе“, говорила она любезно и весело,—„тѣ, кого я желаю и кто желаетъ меня видѣть, рискуютъ, совершая цѣлое путешествіе сюда, не заставать меня почти никогда дома: я жадна до искусства, а его цѣлыя сокровища въ этихъ итальянскихъ Аѳинахъ, какъ говорятъ Нѣмцы, и ихъ мнѣ въ цѣлый годъ не пересмотрѣть“. Эти обязательно посвященныя *свѣту* пятницы давали ей возможность располагать свободно своимъ временемъ во всѣ остальные дни недѣли. „Наконецъ-то!“ воскликнула она съ радостнымъ всплескомъ рукъ, сообщая Василію Ивановичу о томъ, какъ она „хитро распорядилась“...

Наконецъ!.. Надо было прежде всего, по ея понятіямъ, растормошить его, заставить зазвенѣть въ немъ артистическую

струнку, а то „онъ черезчуръ уже какъ-то кажется ко всему равнодушнымъ“, разсуждала молодая женщина... И начались у нихъ тѣ художественныя странствованья по галлереямъ и храмамъ Флоренціи, обращикъ которыхъ мы имѣли случай представить читателю въ предыдущей главѣ и о конечныхъ послѣдствіяхъ коихъ онъ узнаетъ изъ слѣдующихъ.

VIII.

Какое счастіе: и ночь, и мы одни.
Фетъ.

— Вы устали, графиня? говорилъ въ десятомъ часу послѣ обѣда на виллѣ молодой вдовы маркизъ Каподимонте, исчерпавъ весь свой запасъ новостей о Римѣ и о „M-me Tony", которая, какъ оказывалось изъ его передачи, при содѣйствіи Lizzy Ваханской, воспылавшей къ ней съ первой минуты ея пріѣзда самою горячею симпатіей, была тамъ отлично принята, успѣла представиться ко двору и весьма даже понравиться королевской четѣ, и „плыла теперь на всѣхъ парусахъ по волнамъ самаго неоспоримаго успѣха".

— Да, признаюсь, отвѣчала полулежавшая въ длинномъ креслѣ хозяйка, улыбаясь и сдерживая зѣвокъ, прорывавшійся сквозь ея пышныя губы:—это путешествіе по переходамъ изъ Uffizii въ Pitti съ ихъ нескончаемыми подъемами и спусками m'a cassé bras et jambes.

— Если прибавить еще къ этому вашу продолжительную прогулку въ Boboli, чуть-чуть подчеркивая пропустилъ онъ лукаво,—можно только удивляться вашей неутомимости.

— Мой спутникъ за то, живо возразила она, все такъ же улыбаясь и насмѣшливо кивая на Поспѣлова, который, опершись о косякъ открытыхъ на обѣ половины дверей, выходившихъ на широкій балконъ-террасу, увитый пахучими розами и козьею жимолостью, глядѣлъ куда-то вдаль, не принимая участія въ разговорѣ, — мой спутникъ никакъ не въ правѣ этимъ похвалиться: онъ до сихъ поръ не можетъ притти въ себя отъ утомленія.

— Или отъ избытка (le trop plein) перечувствованнаго имъ... *артистическаго* наслажденія, съ легкою задержкой, какъ бы затруднившись на мигъ въ выборѣ надлежащаго прилагательнаго, и самымъ любезнымъ тономъ промолвилъ Каподимонте:—monsieur Pospelof ne nous a pas fait ses confidences.

— Я не художникъ, для меня этихъ наслажденій не существуетъ, отрѣзалъ тотъ, не перемѣняя положенія.

Маркизъ усмѣхнулся недоброю усмѣшкой подъ своими прикрученными усами, но не почелъ нужнымъ отвѣтить и, обращаясь къ графинѣ:

— Я осмѣлюсь дать вамъ совѣтъ пораньше спать лечь сегодня, сказалъ онъ: — вы собираетесь, кажется, завтра опять на довольно утомительную экскурсію. Vous allez à Vallombrosa *) avec la comtesse Gamba, n'est-ce pas?

— Какъ это вы успѣли узнать, едва пріѣхавъ? засмѣялась она.

— Мнѣ сказала сама графиня, которую я встрѣтилъ на Lungarno **), ѣдучи съ желѣзной дороги въ мой отель, и которая даже имѣла любезность пригласить меня быть ея кавалеромъ... если только, разумѣется, *вы* будете на это согласны, добавилъ онъ, почтительно склоняя свою тщательно расчесанную и раздушенную голову.

— Ah, marquis, pouvez vous en douter! протянула она въ свою очередь съ шутливою преувеличенностью акцента и движенія округло приподнявшихся рукъ. И тутъ же: — Что за прелестная женщина эта графиня Гамба! вскликнула она: — je suis plus que jamais sous son charme... И какая наружность, красивая, умная и характерная! Да, это дѣйствительно дочь вашего жгучаго неба, вашей плодородной земли...

— Вы и она — равной величины свѣтила въ созвѣздіяхъ противоположныхъ полушарій: въ ней, вы правы, жгучій и рѣзкій пламень нашего юга; въ васъ—обаятельно мягкая пре-

*) Одна изъ очаровательныхъ окрестностей Флоренціи. Старинное бенедиктинское аббатство XI вѣка, на склонѣ холма Prato magno, въ густомъ лиственномъ лѣсу; съ высоты его открывается великолѣпная панорама всей долины Арно.

**) Набережная Арно, обычное мѣсто прогулки Флорентинцевъ.

лесть вашихъ задумчивыхъ сѣверныхъ сіяній, проговорилъ на это маркизъ съ тою цвѣтистостью и образностью рѣчи, которыя такъ неподготовленно и заурядъ, въ силу генія самой народности ихъ, срываются съ языка людей его страны и сопровождая слова свои страстнымъ взглядомъ по адресу „della bella Russa".

Она звонко разсмѣялась:

— Monsieur Pospelof, vous entendez? Вотъ какъ надо говорить съ женщинами, а ваше поколѣніе этого не умѣетъ; хуже, пренебрегаетъ этимъ!...

— У нашего поколѣнія задачи посерьезнѣе, чѣмъ говорить любезности женщинамъ, все также не двигаясь, уронилъ на это эмигрантъ точно съ башни.

„Che brutta bestia (какое животное")! чуть не произнесъ громко изящный Италіянецъ, и губы его сложились въ выраженіе какой-то неодолимой гадливости.

— Вотъ почему, можетъ быть, возразилъ онъ, медленно и вѣско, но все съ тою же благовоспитанною сдержанностью въ тонѣ,—и оказывается оно, къ сожалѣнію, такимъ безплоднымъ до сихъ поръ въ своихъ попыткахъ всякаго рода создать что-либо могущее стать на высотѣ его претензій (pouvant s'élever à la hauteur de ses prétentions).

Онъ сидѣлъ, полуобернувшись къ дверямъ балкона, въ какой-то выжидательной позѣ, какъ бы готовясь къ новому, *рѣшительному* возраженію на то, что̀ ожидалъ услышать отъ своего оппонента... Графиня, со внезапною тревогой, готовая со своей стороны, въ качествѣ хозяйки дома, тотчасъ же остановить (mettre le holà) чаемую ею „стычку" между этими двумя — она давно это разумѣла, — взаимно враждебными по натурѣ своей лицами, быстро перебѣгала взглядомъ отъ одного къ другому...

Но никакой „стычки" не послѣдовало. Молодой человѣкъ какъ бы и вовсе не слыхалъ „вражьей отповѣди". Онъ невозмутимо продолжалъ глядѣть со своего мѣста куда-то въ даль, весьма эффектно облитый золотымъ сіяніемъ полнаго мѣсяца, глядѣвшаго на балконъ со своей недосягаемой высоты.

Каподимонте поднялся не спѣша съ кресла, взялъ шляпу и протянулъ руку хозяйкѣ:

— A demain, comtesse!... Monsieur, j'ai bien l'honneur de vous saleur, примолвилъ онъ съ холодною учтивостью, кивая головой въ сторону Поспѣлова и не ожидая возвратнаго поклона того,—мнѣ его не нужно, молъ,—направился изъ гостиной по пути къ сѣнямъ.

— Au revoir, cher marquis! крикнула ему въ слѣдъ графиня и, обернувшись на эмигранта:—Проводите его, по крайней мѣрѣ! сорвалось у нея досадливо.

— На то у васъ лакеи есть, отрѣзалъ онъ какъ ножомъ и, словно сорвавшись съ привязи, быстро зашагалъ по комнатѣ къ дверямъ, противоположнымъ тѣмъ, откуда вышелъ гость.

— Погодите, куда же вы!... не то испуганно, не то жалобно вскликнула она.

Онъ остановился на порогѣ сосѣдней залы.

— За что вы разсердились... Василій Иванычъ? пролепетала она.

— Не разсердился... А только я у васъ не... мажордомъ... или какъ это у васъ тамъ называется, раздраженно отвѣтилъ онъ.

Прищуренные глаза ея побѣжали за нимъ чрезъ все разстояніе покоя:

— Подите сюда!... Сядьте... вотъ тутъ, противъ меня...

И такъ повелительно и въ то же время ласкательно звучалъ въ эту минуту ея голосъ, что Поспѣловъ, внезапно затихнувъ, молча и послушно двинулся къ ней и опустился, потупивъ вѣки, на указанное ею мѣсто.

— Мажордомъ... какъ вамъ не стыдно! Развѣ я васъ когда-нибудь... развѣ кому-нибудь можетъ притти въ голову de vous traiter en subalterne?... Я обратилась къ вамъ, какъ къ близкому... другу дома, прося васъ оказать любезность человѣку... моему гостю... съ которымъ, passez-moi le terme, вы были просто неучтивы...

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Чѣмъ это? Я не вашъ свѣтскій, тонкостей вашихъ не понимаю.

— Неправда! перебила она:—я вамъ еще утромъ сказала, что̀ я думаю о вашемъ *семинарствѣ*. Вы очень хорошо все понимаете и только нарочно... Вы наконецъ и на меня за что-то вознегодовали: я старалась всячески втянуть васъ въ разговоръ; вы упорно молчали, или когда удостоивали насъ съ маркизомъ отвѣтомъ, то такъ, что онъ ни на минуту не могъ усомниться, что онъ вамъ противенъ...

— За то онъ вамъ необыкновенно пріятенъ! съ какою-то безудержною вдругъ запальчивостью такъ и вылетѣло у Поспѣлова.

„Ревность"!... У молодой вдовы забилось сердце...

— Ужа-сно! насмѣшливо протянула она:—оттого мнѣ такъ и досадно, что вы дѣлаете все, чтобы внушить ему о васъ дурное мнѣніе.

— Очень мнѣ его мнѣніе нуж... Да что̀ вы это дразнить меня вздумали? перебилъ онъ себя на полусловѣ и весь насупился опять.

— А немножко подразнить нельзя развѣ? спросила она нежданно, полушопотомъ, наклоняясь къ нему и снизу вверхъ, словно впиваясь смѣющимися глазами въ его глаза. По лицу его пробѣжало благоуханною струйкой ея свѣжее дыханіе...

У него задвоилось въ глазахъ и ссохлось какъ-то разомъ во рту будто отъ приступа жестокой лихорадки... Но онъ не хотѣлъ поддаться... Нѣтъ, не такъ, не *этимъ путемъ*, „какъ бы тамъ ни злосовѣтовалъ Волкъ", разсчитывалъ онъ, „человѣкъ *убѣжденія*", достичь власти надъ нею...

Онъ откинулъ голову назадъ, провелъ себѣ по лбу слегка дрожавшею рукой...

— Вамъ все смѣшки, Елена Александровна (онъ, въ силу все тѣхъ же своихъ „убѣжденій", избѣгалъ постоянно называть ее ея титуломъ), смѣшки да потѣхи, все тотъ же вашъ свѣтскій обычай, хоть и увѣряли вы меня сегодня же, предъ появленіемъ этого вашего фата-Италіянца, что надоѣло все это вамъ давно до смерти... Не даромъ, видно, говорится,

что горбатаго одна могилка исправитъ, примолвилъ онъ съ видимо намѣренною грубоватостью.

Но пресыщенную свѣтомъ петербургскую барыню чаровала въ немъ именно эта непривычная ея слуху грубоватость. Какая-то высшая сила мнилась ей въ этомъ... Она съ принявшимъ мгновенно выраженіе виноватости лицомъ, безмолвно, чуть не благоговѣйно внимая, глядѣла на него теперь...

— Вы меня поймали сегодня на эту вашу удочку, продолжалъ онъ все такъ же,—я вамъ открылъ, и самъ не знаю какъ, многое, чего вамъ знать вовсе не нужно... что, какъ вижу я теперь, можетъ лишь развѣ на часъ какой-нибудь занять, faute de mieux, ваше праздное любопытство...

Она уже чуть не плакала.

— Нѣтъ, ради Бога, не говорите такъ, молила она.— Vous me faites mal!... То, что я вамъ сказала утромъ, я вамъ повторю теперь: вы для меня toute une révélation, я поняла, что вы... и такіе же, какъ вы, благородные молодые люди... toute une jeunesse généreuse... что вы поклялись всѣ спасти Россію отъ этихъ ея взяточниковъ и чиновниковъ, et rendre tout le monde heureux, и что васъ за это гонятъ, сажаютъ въ тюрьмы и посылаютъ Богъ знаетъ куда... Я это, клянусь вамъ, Василій Иванычъ,—и ея бѣлоснѣжныя, сквозившія до плечъ сквозь легкую ткань платья руки сложились крестомъ на груди,—такъ уважаю... И что это вамъ вздумалось про меня?... Такъ уважаю, je sens en moi tant d'échos à ces nobles aspirations, что я Богъ знаетъ, кажется, что дала бы, чтобы помочь вамъ всѣмъ, чтобы добиться того, къ чему вы стремитесь!...

У нашего революціонера судорожно заморгали вѣки. „Неужели такъ просто, безъ труда и *работы* съ его стороны, сами козыри просятся въ руки?“ проносилось у него въ мозгу.

— Вы, говорите, готовы были бы... *помочь?* глухо произнесъ онъ, будто не разслышавъ...

— О, да, всѣмъ, чѣмъ могу! восторженно подтвердила молодая женщина.

— И могли бы многимъ!... съ какою-то внезапною, нервною торопливостью выговорилъ Поспѣловъ.

— Чѣмъ, чѣмъ, говорите, я готова...

Онъ задвигался въ своемъ креслѣ, собираясь начать... И вдругъ, словно какою-то иголкой, кольнуло его внутренно. Слова Волка предъ разставаньемъ съ нимъ въ Венеціи звенѣли въ его ухѣ: „Ты тамъ съ нею свои барскіе выкрутасы сумѣешь продѣлать!“ И въ то же время почувствовалось ему, что „это самое, столь справедливо презираемое въ *партіи* барство“, переданное ему въ кровь отъ рожденія, „будто какая-то наслѣдственнаа язва“, стоитъ теперь „бревномъ“ между имъ и тѣмъ, что̀ поручено ему исполнить, что „языкъ у него вдругъ какой-то *суконный* сталъ“ и не поворачивается, не въ силахъ „*просить денегъ у женщины*... и еще у этой женщины, которую онъ“... А между тѣмъ онѣ необходимы *имъ тамъ*, деньги, онъ это знаетъ. Не далѣе какъ два дня назадъ получено имъ было отъ Волка письмо изъ Лемберга, писанное шифромъ, въ которомъ, разобравъ его посредствомъ условленнаго ключа, прочелъ онъ слѣдующія, обрывистыя какъ телеграммы, но многознаменательныя строки: „Застрялъ здѣсь по пути; за грошами дѣло. Пришли, что̀ можешь, скорѣе, ждутъ меня тамъ. Предпріятія задуманы великолѣпныя. Средства *Лорда* (это былъ псевдонимъ молодаго, богатаго энтузіаста, принадлежавшаго къ *партіи*), всѣ туда пойдутъ. На твой источникъ полныя надежды всѣхъ; не ударь лицомъ въ грязь. Говорилъ, большой авторитетъ пріобрѣсти можешь, отъ тебя зависитъ“... Поспѣловъ поторопился тотчасъ по означенному въ письмѣ подробному адресу выслать товарищу четыреста франковъ изъ шести сотъ, которые по счастливой случайности принесены ему были въ то же утро „въ счетъ жалованья“ курьеромъ графини, Джіакомино, исправлявшимъ у нея должность приходорасходчика... Но дальше, но задуманныя „великолѣпныя предпріятія“, о которыхъ говорилъ Волкъ, на нихъ не сотни, а тысячи нужны, и ихъ необходимо достать: на его „источникъ“, прямо сказано, разсчитываютъ *всѣ*“, и будущее положеніе его въ революціонной іерархіи зависитъ безусловно отъ той великой услуги, которую онъ въ настоящемъ случаѣ можетъ оказать *партіи*... И самый благопріятный моментъ для этого насталъ: *она* сама чуть прямо не

предлагаетъ, говоритъ, что „готова всѣмъ, чѣмъ можетъ“ и жадно ждетъ отъ него указанія... Но все же просить у нея денегъ, *денегъ*... когда ей можетъ притти въ голову, что тутъ не *партія*, а онъ, онъ самъ для себя... *вымогаетъ*...

Онъ заговорилъ спѣша, съ „насилованною горячностью“, „взвинчивая себя“, какъ говорится, шумихою собственныхъ словъ, въ надеждѣ какъ-нибудь *съ-разлета*, какъ скакуны на охотѣ переносятся черезъ ровъ и ограды, оставить за собою то чувство неодолимой, „барской“ брезгливости, что̀ сковывало ему языкъ, не дозволяло ему съ первой же минуты прямо, открыто, „какъ требовалъ его революціонный *долгъ*“, приступить къ дѣлу.

— Чѣмъ вы можете помочь, спрашиваете? говорилъ онъ:— всѣмъ! Апостолатомъ, миссіонерствомъ, распространеніемъ въ вашемъ кругу тѣхъ честныхъ убѣжденій, которыми руководится революціонная молодежь и лучшіе люди нашей интеллигенціи, тѣхъ „nobles aspirations“, какъ вы выражаетесь, которымъ, какъ говорите, вы вполнѣ сочувствуете...

— О да, да! закивала она и головой, и руками,—я всегда была d'opinions libérales и объявляла это громко, sans me gêner, всѣмъ... Au prince Jean сколько разъ, et il était même toujours de mon avis... Миташевъ, когда онъ *былъ* министромъ, называлъ даже меня за это écureuil révolutionnaire“, écureuil, потому что бѣлки рыжи какъ я,—ce qui au fond n'était pas très aimable pour moi, и что эту бѣлку непремѣнно когда-нибудь повѣсятъ въ клѣткѣ на окно III Отдѣленія... Je m'en moquais comme de raison и продолжала, и буду теперь „распространять“ plus que jamais!..

— Вашъ либерализмъ до сихъ поръ былъ ни на что̀ не нужное свѣтское фрондерство pour passer le temps, перефразировалъ въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ эмигрантъ грубый приговоръ по этому предмету, высказанный ему Волкомъ,— отъ этого ни на шагъ не можетъ двинуться впередъ дѣло революціи. Если вы дѣйствительно желаете служить этому дѣлу, итти вмѣстѣ съ нами къ тѣмъ же освободительнымъ цѣлямъ, вы не должны, не имѣете болѣе права довольствоваться этимъ либеральнымъ дилеттантствомъ. Вы обязаны проникнуться

искреннею, святою ненавистью къ нашему азіятскому правительству, къ соціальному строю, держащемуся имъ и для него, къ тѣмъ преступнымъ порядкамъ, подъ гнетомъ которыхъ изнываютъ милліоны живыхъ человѣческихъ организмовъ... Вы обязаны постоянно помнить, что по всему лицу Россіи ежедневно, ежечасно, стонутъ разбитыя груди бѣдняковъ, текутъ слезы по изнеможеннымъ лицамъ страдальцевъ...

Бойкія слова и готовыя формулы изъ революціоннаго катихизиса кипучимъ и обильнымъ ключемъ полились изъ его устъ; онъ заговорилъ о „неисходной *страдѣ* народной“, о „голодныхъ желудкахъ массъ“ и о „разжирѣвшихъ *на потѣ ихъ и крови кулакахъ и хищникахъ* на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы“, о „бездарности“, о „тупости правителей“ и о „доводимыхъ до полнаго отупѣнія, до лишенія всякаго человѣческаго образа населеніяхъ“...

— Oh, c'est affreux! вскрикивала отъ времени до времени внимавшая ему свѣтская барыня. Вся трепетная, блѣдная отъ волненія, глядѣла она не отрываясь на этого краснорѣчиваго и прекраснаго „tribun populaire“... Mirabeau, Mirabeau“! проносилось у нея въ головѣ, „какъ онъ хорошъ былъ бы à la chambre des députés, на возвышеніи, съ этимъ выразительнымъ лицомъ и чудесными глазами, et que la Russie serait heureuse“!..

— Но часъ избавленія близокъ, продолжалъ онъ съ улыбкой чаемаго торжества на устахъ:—съ каждымъ днемъ пріобрѣтаемъ мы все болѣе и болѣе приверженцевъ въ интеллигентной средѣ русскаго общества, въ печати и вліятельныхъ кругахъ, и съ каждымъ часомъ все очевиднѣе начинаетъ пасовать правительство предъ силой общественнаго сознанія, примыкающаго къ революціи...

— И вы побѣдите, весь народъ пойдетъ за вами! произнесла въ энтузіазмѣ своемъ она, всплескивая ладонями.

— Народъ, повторилъ машинально эмигрантъ и словно поперхнулся на этомъ словѣ... Въ памяти его, во всемъ ея *безобразіи* возставала сцена въ кабакѣ, въ эпоху „хожденія въ народъ“, три дня его революціонной проповѣди...—Народныя массы, заговорилъ онъ оправясь,—опять доведены вѣко-

вою тиранніей до полускотскаго состоянія,—относительно этого нечего себя обманывать. У насъ была своя пора розовыхъ иллюзій, страстной вѣры въ народъ, когда намъ казалось легко мирною пропагандой соціальныхъ идей уяснить ему его экономическія условія и гражданскія права, пробудить въ немъ сознаніе своей силы и тѣмъ вызвать его самого на борьбу съ автократіей, но мы должны были убѣдиться, что на это потребовались бы годы, а насъ по пятамъ преслѣдовало правительство... Мы попрежнему теперь служимъ народу, какъ бы въ чемъ-то извиняясь, добавилъ эмигрантъ,—но уже не разсчитываемъ на его иниціативу. Побѣда революціи безо всякаго спроса его дастъ ему свободу и счастіе...

Графиня не спрашивала, *въ чемъ же* именно должно было состоять то „счастіе“, на которое не требовалось никакого предварительнаго „спроса“ у тѣхъ, кому предполагалось дать оное, и хорошо дѣлала. Ей не съумѣлъ бы отвѣтить ея бѣлокурый Мирабо. Для него, какъ и для всей *партіи*, это всегда составляло „вопросъ второстепенный“, *подробность*, которую предоставлялось разрѣшить „самой жизни“. Ему достаточно было какъ-то огульно вѣрить, что стоило только „революціи“ побѣдить „автократію“ — и потекутъ отовсюду млеко и медъ по селамъ и весямъ пространной Россіи, и неизъяснимымъ блаженствомъ исполнятся немедля тѣ „разбитыя груди“, засіяютъ тѣ „изнеможенныя лица бѣдняковъ“, о которыхъ говорилъ онъ своей слушательницѣ... И никогда еще такъ искренно, такъ всецѣло не вѣрилось ему въ это близкое „наступающее“ счастіе *всѣхъ*, какъ въ эту минуту, въ этомъ высокомъ, слабо освѣщенномъ одною лампой покоѣ, съ его обтянутыми старинною шелковою тканью стѣнами, расписнымъ плафономъ и широко открытыми на балконъ дверями, сквозь которыя вмѣстѣ съ запахомъ цвѣтовъ словно врывалась къ *нимъ* вся млѣющая нѣга италіянской ночи...

Въ голосѣ его нежданно зазвучала какая-то умиленная нота:

— Недаромъ, по крайней мѣрѣ, скажемъ мы себѣ тогда, потребовала отъ насъ эта борьба съ деспотизмомъ столько силъ, столько жертвъ... А если бы вы знали, сколько луч-

шихъ изъ нашихъ братьевъ, пока еще не пришелъ нашъ часъ, томится теперь въ изгнаніи, голодаетъ, зябнетъ, изнываетъ въ казематахъ, въ центральныхъ тюрьмахъ!..

— C'est affreux, affreux! даже всхлипнула на этотъ разъ глубоко растроганная молодая женщина:— такая преданность à une noble idée и такая награда за это!.. Но, скажите, неужели нельзя сдѣлать такъ, чтобъ эти несчастные ссыльные имѣли, по крайней мѣрѣ, чѣмъ топить у себя и что ѣсть?..

— Какъ сдѣлать! Насъ много, а ограниченныхъ денежныхъ средствъ, которыми можетъ располагать *партія*, едва достаетъ на самое дѣло революціи. Теперь же болѣе чѣмъ когда-нибудь, въ виду задуманныхъ *предпріятій*, таинственно подчеркнулъ онъ,—нужны ей средства, большія средства... и ихъ могло бы доставить ей лишь какое-нибудь очень состоятельное лицо, сочувствующее нашимъ цѣлямъ, внезапно „съ-разлета“, какъ онъ и чаялъ, сорвалось у него само собою съ языка.

— Что же, не дала ему передохнуть графиня,—я первая буду ужасно рада дать, что могу... что нужно...

— А рады, такъ чего же лучше!..

Рубиконъ былъ перейденъ, и такъ легко, такъ просто! Словно птицы запѣли на душѣ Поспѣлова.

— Я ничего не *вымогаю* у васъ, Елена Александровна, замѣтьте, вы сами предлагаете, какъ бы для *очистки совѣсти* вымолвилъ онъ съ веселою улыбкой и въ первый разъ съ начала разговора обнимая ее всю широко-раскрывшимся горячимъ взглядомъ.

Она чуть-чуть прижмурила глаза, какъ бы отъ внезапнаго свѣта...

— Я бы хотѣла, чтобы мнѣ это стоило хоть какой-нибудь жертвы, но у меня больше денегъ, чѣмъ надо...: Я не проживала здѣсь и половины моихъ доходовъ, и мой управляющій пишетъ, что за прошлое полугодіе у него оказалось невысланныхъ мнѣ двадцать восемь тысячъ, которыя онъ положилъ въ банкъ на текущій счетъ... Disposez-en по мѣрѣ того, какъ нужно будетъ, я вамъ дамъ чекъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, живо возразилъ онъ, — я отстраняюсь. Этимъ распорядиться могутъ только на мѣстѣ. Я напишу, если позволите, кому слѣдуетъ... со всѣми предосторожностями, разумѣется, чтобы вашего имени никогда не было... а тамъ можно будетъ выслать вашъ чекъ тому лицу, которое будетъ уполномочено *партіей*.

— Дѣлайте, какъ найдете лучшимъ, небрежно уронила графиня и поднялась съ мѣста, какъ бы съ тѣмъ, чтобы прекратить *дѣловой* разговоръ. — А ночь какая, посмотрите, и видъ отсюда при этомъ освѣщеніи! молвила она чрезъ мигъ, выходя на бѣломраморныя плиты, устилавшія балконъ.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею...

Вся потонувшая въ морѣ луннаго свѣта, у ногъ ихъ лежала вѣчно юная, убранная во всѣ сокровища своей художественной красоты Флоренція и, разсѣкая ее пополамъ, желтый Арно катилъ по узкой ея долинѣ свои рябившія золотомъ воды. Узорчатая цѣпь обнимающихъ ее горъ бѣжала темно-синею грядой по всей линіи горизонта. „Какъ мужъ на стражѣ въ тишинѣ“, выступалъ вѣнчанный хвоями Monte Senario съ пріютившимся на его склонѣ мирнымъ Фіезоле, родиною Fra Angelico. На противоположной окраинѣ, справа надъ холмомъ, гдѣ нѣкогда, спасаясь отъ ужасовъ чумы, внималъ Боккаччіо изъ устъ очаровательныхъ синьйоръ и лукавыхъ кавалеровъ соблазнительнымъ разсказамъ своего *Декамерона*, неслись блѣдно-лиловою дымкой пары вечерняго осенняго тумана... А прямо, прямо насупротивъ, поверхъ десятковъ тысячъ крышъ, памятниковъ, башенъ, изъ самаго сердца города, какъ лучшая его жемчужина, какъ бы синтезъ всей изшедшей отъ него творческой силы искусства, несся къ серебрянымъ звѣздамъ волшебный Campanile (колокольня) Джотто, съ надвигавшимся на него сзади осьмиугольнымъ куполомъ Santa Maria del fiore... А надо всѣмъ этимъ небо, темно-лазурное, словно окаменѣвшее, италіянское небо, и тишь, блаженная тишь какъ въ могилѣ... какъ въ раю... Тамъ, внизу, будто гдѣ-то неизмѣримо далеко отъ *нихъ*, горятъ огни, снуютъ кучками люди. А здѣсь кругомъ ни звука человѣческаго, ни струи въ воздухѣ, ни шелеста въ листкахъ розъ, цѣпляющихся по

пиластрамъ терассы и доносящихъ до *нихъ* свой упоительный запахъ...

Графиня уронила руки на перила и налегла на нихъ своею пышною грудью.

— Ахъ, какъ хорошо! вылетѣло у нея глубокимъ счастливымъ вздохомъ.

— Да... хорошо! вырвалось за ней у эмигранта.

Она, не измѣняя положенія, быстро повернула къ нему шею.

— А! наконецъ-то нашелся такой моментъ, когда и васъ *зацѣпило*, monsieur l'indifférent au beau!..

— Попался, нечего дѣлать! засмѣялся онъ въ отвѣтъ весело звенѣвшимъ смѣхомъ.

Такого „момента“, такого свѣтозарнаго *луча*, дѣйствительно, еще не бывало, не сверкало еще никогда на мрачномъ фонѣ его жизни... Онъ еще не вполнѣ могъ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, но его уже охватывало чувство какого-то никогда еще неиспытаннаго имъ удовлетворенія. Онъ исполнилъ все, что отъ него ожидалось, болѣе, чѣмъ могли ожидать отъ него: *партіи* теперь открывался кредитъ на такую крупную сумму, что успѣху „предпріятій“ ничто уже не могло помѣшать.. И достигнуто это прямо, „честно“, побѣднымъ словомъ „гражданскаго убѣжденія“, а не тѣмъ претившимъ его „барству“ циничнымъ путемъ, на который злорадно указывалъ ему Волкъ... Да, онъ совершилъ все, что предписывалъ ему его „революціонный долгъ“, — и въ правѣ теперь дать наконецъ волю своему „субъективному чувству“, пойти, широко раскрывъ жадныя объятія, на соблазнъ этой ночи, этой женщины...

— Попались, повторила она трепетнымъ голосомъ, какъ бы вся млѣя и *ожидая* въ свою очередь...

Онъ безъ словъ подошелъ къ самымъ периламъ, полусклонившись надъ ней, со страстнымъ, едва сдерживаемымъ желаніемъ прильнуть тутъ же поцѣлуемъ къ отдѣлявшейся отъ ворота платья нѣжной кожѣ ея затылка, à la naissance des cheveux, какъ говорятъ Французы, къ той черточкѣ, на кото-

рой безчисленными колечками вились ея роскошные пахучіе волосы.

— Одна Тоny никогда не пойметъ этой прелести, говорила она тѣмъ временемъ, какъ бы задумавшись на мигъ. И вдругъ, со мгновенно засверкавшимъ взглядомъ обернулась къ нему всѣмъ тѣломъ, очутясь при этомъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ него, что онъ невольно подался шагъ назадъ: — скажите, вы ее очень любили?

— Тоny?

И онъ повелъ съ усмѣшкою плечомъ:—Тоny мнѣ сестра, и мы терпѣть не могли другъ друга съ самаго дѣтства.

Она всплеснула руками въ невыразимомъ изумленіи:

— Ваша сестра?...

— Да... Настоящее имя мое: Владиміръ Буйносовъ.

— Такъ вы... вы тотъ ея братъ, о которомъ она мнѣ какъ-то разъ сказала en passant, что онъ давно пропалъ безъ вѣсти... Vous êtes mon cousin?...

— Если хотите...

— Что?

— Давать мнѣ это названіе.

— А вы?

И лихорадочно раскрывшіеся глаза ея съ поблѣднѣвшимъ внезапно лицомъ такъ и вонзились въ его глаза...

— Я... мнѣ этого мало, едва былъ онъ въ силахъ выговорить отъ подымавшагося ему къ горлу внутренняго трепета.

Она вскинулась вся, вздрогнула...

— О, я это знала, я предчувствовала! вырвалось у нея какимъ-то кликомъ торжества.

— Что... что предчувствовали?...

— Что?... Что ты будешь мой—вотъ что! пролепетала она, нежданнымъ движеніемъ закидывая ему руку за голову и притягивая ее къ своимъ пылавшимъ губамъ...

IX.

Nec defuit fides.
Tacit. *Annales.*

Вѣяло весной. Жаворонки уже звенѣли въ разрѣженномъ воздухѣ. Стаявшій снѣгъ журчалъ и прядалъ ручьями по канавамъ и оврагамъ. Теплый вѣтеръ несся въ лицо и коегдѣ на *взлобкахъ* паровыхъ полей ложилась уже маслянистыми пластами взрѣзанная земля подъ сохой прилежнаго крестьянина...

Но въ кабинетѣ Бориса Васильевича Троекурова во Всесвятскомъ еще трещалъ каминъ,

...отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая, *)

и у этого камина не то въ усталомъ, не то въ угрюмомъ безмолвіи сидѣли самъ хозяинъ и два пріятеля его, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ и князь Пужбольскій, вернувшійся изъ Италіи позднею осенью съ Борисомъ Васильевичемъ и его дочерью и прогостившій всю зиму во Всесвятскомъ.

Они только-что вернулись всѣ трое пѣшкомъ изъ церкви, гдѣ, въ присутствіи почти трехтысячнаго населенія крестьянъ окрестныхъ деревень и рабочихъ Троекуровскаго сахарнаго завода, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ за „чудодѣйственное спасеніе Освободителя-Царя отъ руки злодѣя“...

Всѣ трое равно казались поглощенными тѣми глубоко захватывавшими ощущеніями, которыя вынесли они изъ храма,

*) Гр. А. Толстой.

и менѣе всего, видимо, хотѣлось каждому говорить о томъ, чѣмъ были вызваны они у него на душѣ, — а на языкъ не шло ничто другое.

Троекуровъ прервалъ молчаніе первый. Онъ прищурился на стоявшіе на каминѣ старинные Нортоновскіе часы:

— Второй часъ, сказалъ онъ,—а Гриши все нѣтъ.

— На Савельевской греблѣ застрялъ, пари держу, быстро возразилъ на это Павелъ Григорьевичъ: — тамъ теперь проѣхать—адъ!

— Я все ждалъ, признаюсь, что онъ къ молебну подъѣдетъ... началъ было опять и тутъ же замолкъ Борисъ Васильевичъ.

На мигъ настало опять молчаніе.

— Да, прислали-бъ ихъ сюда посмотрѣть, какъ этотъ народъ молился... неопредѣленно, понуривъ голову и какъ бы про себя, проговорилъ старый морякъ.

Пужбольскій понялъ и такъ и привскочилъ на своемъ креслѣ.

— И отдали-бъ ихъ на его, *на его* судъ! воскликнулъ онъ: — онъ бы имъ *показывалъ* настоящій jugement de Dieu, какъ dans le moyen âge!

Онъ пропустилъ пальцы въ свою огненную бороду и дернулъ ее свирѣпо внизъ, словно желая испытать на самомъ себѣ предвкушеніе того, что могло ожидать *ихъ* при такомъ „средневѣковомъ“ судѣ народномъ.

Дверь изъ гостиной въ эту минуту шумно отворилась. На порогѣ ея, вся сіяющая, показалась красавица Маша, крикнула: „Пріѣхалъ!“ и стремительно понеслась назадъ.

Сидѣвшіе поднялись съ мѣста и пошли навстрѣчу пріѣзжему.

Онъ стоялъ посреди гостиной, наклонясь надъ протянувшеюся къ нему рукой Александры Павловны и, цѣлуя ее, въ помятомъ дорожномъ пальто, успѣвшій уже загорѣть докрасна отъ вѣтра и весеннихъ лучей въ продолженіе двадцативерстнаго переѣзда въ коляскѣ изъ города, гдѣ онъ вышелъ изъ вагона Московско-Курской желѣзной дороги.

— Наконецъ-то, Гриша, наконецъ! лепетала радостно Александра Павловна, цѣлуя его въ свою очередь въ лобъ.

Маша стояла подлѣ, широко раскрывъ свои вишневые глаза, и глядѣла на него съ какимъ-то недоумѣлымъ выраженіемъ, точно спрашивая себя: все тотъ-ли онъ, не подмѣнили-ли ей его?.. Она съ нимъ около году не видалась. По возвращеніи своемъ съ отцомъ изъ-за границы она не застала Гриши въ ихъ странахъ: онъ уѣхалъ въ ноябрѣ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу въ одномъ изъ департаментовъ стараго Сената о какой-то лѣсной пустоши, доставшейся ему по наслѣдству отъ матери, и только теперь возвращался съ береговъ Невы въ родные края.

„Красный такой... и бороду отпустилъ... и совсѣмъ не идетъ къ нему“, проносилось у нея короткими абзацами въ головѣ, „и начнутъ они теперь всѣ обнимать его и разспрашивать... и до самаго вечера не успѣешь съ нимъ поговорить“...

Его дѣйствительно всѣ спѣшили обнять теперь: и отецъ, и Борисъ Васильевичъ, и достигшій за два послѣдніе года размѣровъ пивной бочки докторъ Ѳирсовъ, и большой пріятель его, Mr. Blanchard, едва переводившій дыханіе отъ спѣха, съ которымъ прибѣжалъ съ завода на звонъ бубенцовъ его ямщицкой тройки. Гриша едва успѣвалъ отвѣчать и улыбался съ тѣмъ растереннымъ, словно опьянѣвшимъ видомъ, какой имѣется всегда у человѣка въ этихъ случаяхъ, на возгласы, спросы, предложенія, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ:

— Цѣлъ вернулся, здоровъ?

— Слава Богу, какъ видите!.. Телеграмму мою когда получили?

— Третьяго дня вечеромъ... Что такъ долго изъ города ѣхали?

— Дорога ужасная...

— На Савельевской греблѣ, воображаю...

— Два часа бились, едва вывезли лошади...

— Проголодался? Завтракъ тебѣ готовъ.

— Нѣтъ, благодарю, позавтракалъ на станціи желѣзной дороги, ѣсть не хочется. А чаю выпилъ бы съ удовольствіемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!

И Анфиса Дмитріевна Ѳирсова, бывшая тутъ же, кинулась распорядиться.

— Мы васъ поджидали къ молебну, говорила Александра Павловна.

— Къ молебну? вопросительно повторилъ Гриша и тутъ же, вспомнивъ, слегка вздрогнулъ, потеръ себя рукой по лицу:—да, ужасно!...

— Ужасно!.. На такомъ близкомъ разстояніи... пять пуль— и ни царапины...

— Одна впрочемъ, какъ говорятъ, нашлась въ подкладкѣ пальто.

Александра Павловна крестилась:

— Чудо Божіе, чудо!... Какъ зато и молились за *него* у насъ сегодня, Гриша! Старики, молодые, дѣти, все плакало...

— Vous l'avez vu? съ жаднымъ любопытствомъ въ глазахъ и голосѣ допытывался Blanchard.

— Qui?

— L'assassin... Le prestoupnik? счелъ онъ нужнымъ перевести по-русски.

— Потомъ, потомъ! прервалъ хозяинъ дома, — дайте ему прежде всего привести себя въ порядокъ и напойте чаемъ, а тамъ милости просимъ ко мнѣ.

Чрезъ полчаса пріѣзжій, умытый и переодѣтый, сидѣлъ на диванѣ подлѣ хозяйки въ кабинетѣ ея мужа, куда собрались всѣ обитатели дома внимать вѣстямъ о страшномъ событіи, привезенномъ имъ изъ Петербурга. Онъ передавалъ ихъ взволнованнымъ голосомъ, еще весь подъ впечатлѣніемъ видѣннаго имъ тамъ и слышаннаго. Напряженно, не отрывая отъ него глазъ, съ лихорадочнымъ волненіемъ на лицахъ, слушали его всѣ. Одинъ Борисъ Васильевичъ, сидя къ нему въ полоборота, какъ бы разсѣянно слѣдилъ, прищуривъ вѣки, за колечками табачнаго дыма, срывавшимися съ его губъ и уносимыми теченіемъ воздуха въ пылавшій предъ нимъ каминъ. Чѣмъ озабоченнѣе бывалъ онъ внутренно, тѣмъ по обыкновенію невозмутимѣе казался его наружный видъ... Молодая дочь его, въ свою очередь, видимо не намѣрена была выдавать то впечатлѣніе, которое производили на нее слова гово-

ривша́го: она сидѣла поодаль ото всѣхъ, у окна, и, наклонивъ голову, складывала быстро двигавшимися пальцами *пѣтушокъ* изъ какого-то листочка печатной бумаги, поднятой ею съ пола.

Я былъ на Дворцовой площади, разсказывалъ Гриша, когда Государь, часа уже три послѣ происшествія, выѣзжалъ изъ Зимняго Дворца; онъ ѣздилъ къ часовнѣ у Лѣтняго сада въ память 4 апрѣля, оттуда въ Казанскій соборъ и затѣмъ вернулся. Я стоялъ у самаго Салтыковскаго подъѣзда и видѣлъ его близко, когда коляска его съѣзжала и въѣзжала потомъ опять подъ крыльцо. Онъ былъ совершенно спокоенъ... нѣсколько блѣденъ,—онъ страдаетъ астмой и, говорятъ, иногда совсѣмъ задыхается, — въ шинели и бѣлой конногвардейской фуражкѣ. Площадь съ утра кипѣла народомъ: часть толпы успѣла уже разойтись, но еще много оставалось, тысячи двѣ, я думаю, а когда онъ возвращался изъ Казанскаго, все, что̀ было на Невскомъ проспектѣ, ринулось бѣгомъ за его экипажемъ... И все это стономъ стонало *ура*, пополамъ со слезами... которыя всѣхъ насъ, признаюсь, равно душили и никто удержать не могъ. Подлѣ меня у самыхъ перилъ стоялъ старикъ съ длинною бѣлою бородой, какой-то лабазникъ или мелкій торговецъ, по одеждѣ судя. Онъ обѣими руками такъ и уцѣпился за эти перила, чтобы не сбили его напиравшіе сзади, и захлебывался громкимъ рыданіемъ: „Батюшка, Божій Помазанникъ, храни тебя Отецъ Небесный“!.. Поразилъ-ли Государя этотъ старческій голосъ среди общаго клика, только онъ вдругъ обернулся, кивнулъ въ нашу сторону съ высоты коляски и чуть-чуть усмѣхнулся... Я этой усмѣшки забыть не могу: такая безконечная доброта и глубокая, глубокая печаль... А старикъ, какъ стоялъ, такъ и рухнулъ на колѣни... Государь тутъ же вошелъ во дворецъ, сказавъ нѣсколько словъ полицейскому офицеру, стоявшему на подъѣздѣ. Тотъ подошелъ къ намъ: „Его величество, говоритъ, изволилъ приказать всѣхъ благодарить, но проситъ разойтись, такъ какъ императрица не здорова и можетъ быть потревожена шумомъ“. Все смолкло въ одну минуту и стало расходиться. Я помогъ моему старику подняться на ноги,—но онъ до того былъ взволнованъ, что

шатался отъ слабости, и мы его съ какимъ-то парнемъ изъ рабочихъ насилу довели до Адмиралтейскаго бульвара, гдѣ и усадили чуть живаго на скамейку. Парень побѣжалъ къ Невѣ за водой, принесъ ему. Онъ выпилъ, отдышался и опять свое началъ: „Грѣхъ-то, грѣхъ на всю Россію какой, въ Помазанника Божія палятъ... Убивцы, измѣнники“! И до сихъ поръ такъ и звенятъ у меня въ ухѣ его голосъ и эти слова, „измѣнники“, примолвилъ Гриша, нервно передернувъ плечами.

— И это, воскликнулъ Пужбольскій,— dans sa prorpe capitale, въ трехъ шагахъ отъ своего дворца, Русскій царь... И все это возможно, все это будто такъ *должно быть* у нихъ!...

— Именно такъ, продолжалъ молодой Юшковъ;— я въ тотъ же вечеръ встрѣтился въ одномъ домѣ съ однимъ чиновнымъ лицомъ, тайный совѣтникъ какой-то... Разговоръ, разумѣется, шелъ о томъ, что произошло утромъ. Каждый сообщалъ, что ему пришлось узнать, услышать въ теченіе дня, всякія подробности, слухи. Господинъ этотъ сидѣлъ, развалясь въ своемъ креслѣ, молча и позѣвывая, какъ человѣкъ, которому все это ужасно надоѣло. И вдругъ слышу: „Ну да“, говоритъ онъ самымъ равнодушнымъ тономъ, „духъ вѣка, повѣтріе на царствующихъ лицъ: прошлою осенью стрѣляли въ Италіянскаго короля, мѣсяцъ спустя въ Испанскаго... у насъ сегодня этотъ Соловьевъ“... И посмотрѣли бы вы, съ какимъ пренебреженіемъ взглянулъ онъ при этомъ на всѣхъ и плечами пожалъ: „стоитъ-ли, молъ, толковать о такомъ вздорѣ“!...

— Что же, сказали вы ему, что онъ... вся запылавшая крикнула съ мѣста Маша, и, не досказавъ, поспѣшно отвернулась къ окну, учащенно дыша высоко подымавшеюся грудью.

— Не успѣлъ бы, если-бъ и вздумалъ, отвѣтилъ Гриша:— ему въ это время сунулъ въ руки карту хозяинъ дома, и они преспокойно отправились къ ломберному столу. И какая польза говорить,—мало-ли ихъ такихъ въ этомъ миломъ городѣ Петербургѣ!...

— Да, раздраженно промолвилъ Павелъ Григорьевичъ,— вѣдь то, что выросло и выплодилось на этомъ болотѣ, мы ни въ какомъ другомъ углу вселенной не увидимъ. Ни одного вѣдь живаго мѣста въ этой ходячей мертвечинѣ, что зовутъ

петербургскимъ человѣкомъ, не осталось. Для чего, на какую потребу живетъ такой человѣкъ и какъ самому ему не придетъ въ голову никогда, что онъ зловредный паразитъ на русскомъ организмѣ, я никогда не понималъ.

— Скажите: гангрена, Павелъ Григорьевичъ, замѣтилъ докторъ,—съ каждымъ днемъ все сильнѣе заражающая организмъ этотъ своимъ гніеніемъ.

Троекуровъ, все также не оборачиваясь и задумчиво глядя въ пламя камина, усмѣхнулся унылою улыбкой:

— Въ Петербургѣ люди изъ породы вашего тайнаго совѣтника обросли словами, будто мхомъ какимъ-то непроницаемымъ, и ихъ тараномъ не прошибешь. Способность къ самостоятельному сужденію въ нихъ такъ слаба, что они ни минуты не могутъ продержать никакой идеи въ головѣ и тотчасъ же роняютъ ее на полъ... Не всѣ же они отъ природы дураки и негодяи, и у многихъ изъ нихъ, я полагаю, должно было не разъ являться мучительное сознаніе своей несостоятельности во всемъ, къ чему только прилагаютъ они руки. Но уяснить себѣ ея причины никто изъ нихъ не въ состояніи, какъ не въ состояніи разгрыть орѣха беззубый старческій ротъ.. Возникла въ мозгу мысль—и тутъ же и вылетѣла вонъ, по непривычкѣ, по неспособности къ самому простому собственному логическому построенію. Рука злодѣя подымается на русскаго вѣнценосца. Въ здравомъ, ничѣмъ постороннимъ не исковерканномъ сужденіи какого-нибудь лабазника тотчасъ же совершенно правильно и притомъ исторически-вѣрно складывается понятіе, что покушеніе на его Царя, „на Помазанника Божія“, есть „грѣхъ *на всю Россію*“ и что въ какой бы мѣрѣ ни былъ къ этому грѣху причастенъ русскій подданный, дѣломъ ли, словомъ или хотя бы помышленіемъ однимъ, онъ все равно *измѣнникъ* предъ своею страной, своимъ народомъ... У петербургскаго *чина* изъ того же даннаго факта слагается въ мозгу нѣчто невыразимо корявое. „Въ Европѣ“, разсуждаетъ онъ, „носятъ высокіе цилиндры и длиннополыя пальто, — и мы носимъ пальто и такіе же цилиндры; ergo, если въ Европѣ стрѣляли и въ Италіянскаго, и въ Испанскаго короля, то почему же не стрѣлять и у насъ?“

И онъ этимъ выводомъ своимъ совершенно удовлетворенъ и успокоенъ. Онъ доказалъ себѣ лишній разъ, что онъ настоящій „Европеецъ“ и „современный“ человѣкъ, и ничего ему больше не нужно, и онъ благодушно отправляется затѣмъ играть въ карты, такъ какъ, въ убѣжденіи его, онъ безаппелляціонно все рѣшилъ и спорить съ нимъ можетъ притти въ голову лишь какому-нибудь „московскому ретроградству!“

— Et remarquez, заораторствовалъ опять Пужбольскій на своемъ миѳическомъ русскомъ языкѣ,—что этотъ петербургскій Européen меньше всего Européen dans le sens высшей культуры, что онъ ничему никогда серіозно не *учивается*, никогда ничего durch und durch не знаетъ, а помнитъ опять-таки только одни „слова“, которыми онъ „поросъ“, comme vous dites très bien, mon cher, какъ мухоморъ какой-нибудь, не *разумѣвая*, что они *настоящее* (то-есть настоящимъ образомъ) значутъ, изъ чего вышли и къ чему дѣйствительно могутъ *примѣниваться*...

— Имъ оттого и царь ни по чемъ, что его у нихъ въ головахъ нѣтъ, хихикнулъ какимъ-то глухимъ смѣхомъ докторъ Ѳирсовъ.

Пужбольскій схватился обѣими руками за голову:

— Oh mon Dieu, mon Dieu, что за путаница, и какою все это скверною штукой un jour ou l'autre *разыграться будетъ!*..

Гриша утвердительно кивнулъ:

— Симптомы скверные, дѣйствительно. Наканунѣ отъѣзда моего, утромъ, проѣзжаю я по набережной Мойки на Пѣвческій мостъ; вижу, — на тротуарѣ у зданія Гвардейскаго Штаба стоитъ толпа, человѣкъ пятьдесятъ, уткнувшись глазами въ стѣну. Я соскочилъ съ извощика, — туда. На этомъ самомъ мѣстѣ, какъ вамъ извѣстно изъ газетъ, произошло покушеніе... Въ стѣнѣ, вдавленныя въ известь штукатурки, три углубленія: первое въ три четверти человѣческаго роста и въ одинъ почти дюймъ глубины; другія перпендикулярно надъ нимъ, одно другаго выше и слабѣе. Это слѣды удара и рикошетовъ одной изъ пуль... И съ ранняго утра до поздней ночи, какъ говорилъ мнѣ стоявшій тутъ на мосту горо-

довой, третій ужь день стоятъ предъ этимъ и глядятъ, одна смѣняя другую, толпы кафтановъ и чуекъ, — *народъ*... Подошелъ я, слышу громкій разговоръ, не стѣсняясь... Не молодой какой-то, видимо рабочій, скуластый и сухой, въ фуражкѣ и синей поддевкѣ, руки въ карманъ запущены, голосъ хриплый, но не пьяный,—ни одного тутъ пьянаго не было,—и глаза моргаютъ съ какимъ-то очень злымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ,—прямо около меня стоитъ. Стоитъ и возглашаетъ: „Не долга расправа—въ Неву всѣхъ"!.. Я привыкъ къ рѣчи рабочаго нашего, крестьянина; только тутъ тонъ какой-то совсѣмъ особый — нахальный... Заинтересовало это меня. „Кого это, говорю, собираетесь топить, ребята"? спрашиваю и улыбаюсь нарочно... Посмотрѣли бы вы, какъ онъ на меня обернулся, какъ взглянулъ, — точно раздавить меня этимъ взглядомъ хотѣлъ. „А это чьихъ рукъ дѣло"? спрашиваетъ, тыча пальцемъ на стѣну. Я не успѣлъ отвѣтить, какъ загалдѣла уже чуть не вся толпа. Съ другой моей стороны очутился какой-то, судя по закоптѣлому лицу и рукамъ, слесарь,—такой же на языкъ бойкій. И пошли вдвоемъ,—а остальные поддакиваютъ и словечки свои ввертываютъ... Ну, и наслушался я!.. „Кто, говорятъ, постоянно бунты затѣваетъ? А на Казанскомъ мосту въ позапрошломъ году что было?.. А нонече зимой какъ даже черезъ мостъ ихъ не пускали, медицинскихъ этихъ самыхъ, что вздумали они, очумѣлые, къ самому Наслѣднику Цесаревичу продрать?... А какъ эту поганку, что въ генерала Трепова стрѣлила, судъ отпустилъ, что было? кто въ жандармовъ камнями пущалъ"?.. „Извѣстно, *господа, студенты!* Царь-Батюшка народъ отъ крѣпости избавилъ, такъ этто они со злости на него убивцу послали", подкрикивали уже со всѣхъ сторонъ и все громче... Даже городовой подошелъ и сталъ увѣщевать: „потише, что галдите!" но съ видимою робостью и pro forma,—полиція въ Петербургѣ теперь „въ полномъ конфузѣ", какъ говорятъ... Попробовалъ я однако возразить: „злодѣй, говорю, показывая на стѣну,—и не *господинъ*, и не *студентъ*"... „Все одно", кричатъ, „изъ ихняго сословія, одного гнѣзда воронье. Всѣхъ бы на одну осину"!..

— На чистоту, значитъ! ввернулъ еще разъ докторъ.

— Такъ я и отошелъ, не добившись возможности быть выслушаннымъ. А городовой стоитъ тутъ, глядитъ на меня и только плечами пожимаетъ: ничего, молъ, баринъ, съ ними не подѣлать!

— На этомъ весь разсчетъ основанъ, сказалъ Борисъ Васильевичъ:—люди, держащіе нити того, что у насъ происходитъ теперь,—люди глупые и *оппортунисты* не хуже самого monsieur Gambetta. Попробовали они произвести смуту пропагандой въ народѣ. Ничего изъ этого не вышло, но изъ полученнаго отъ этихъ попытокъ опыта вынесли они себѣ въ будущее руководство два равно и совершенно вѣрныя положенія: *народъ крѣпокъ*, но *правительство слабо*. Ergo: народъ надо оставить въ сторонѣ, а всѣ усилія направить къ тому, чтобы это правительство „сдѣлать окончательно невозможнымъ“. Пошли убійства правительственныхъ лицъ, „терроръ“, въ Харьковѣ, Кіевѣ... нагнали дѣйствительно страха на мѣстныя власти; въ Петербургѣ сконфузились... Изо всего этого все-таки никакого переворота, никакого бунта, никакого прямаго успѣха для *анархіи* не произошло. Надо очевидно *выше взять*, надо прямо схватиться съ тѣмъ, на чемъ зиждется весь смыслъ, вся мощь, всѣ упованія страны. То, чего не въ состояніи была достигнуть „пропаганда“, разсудили они, сдѣлаетъ цареубійство. Оно подыметъ этотъ народъ во имя этого же царя, противъ всего, что стоитъ между нимъ, народомъ и престоломъ, наводнитъ кровью Россію... Да, недурно, недурно разсчитано! какъ-то вдругъ оборвавъ, заключилъ устало Троекуровъ и снова повернулся лицомъ къ камину.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ судорожно провелъ рукой по лицу:

— „Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный“, повторилъ онъ, вспоминая, слова Пушкина.

— О назначеніи временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями вы знаете? спросилъ Грища.

— Какъ же читали: трехъ...

— Для *единства* власти, договорилъ Борисъ Васильевичъ,

совершенно повидимому серіозно, но на всѣхъ устахъ въ то же время пробѣжала улыбка.

— А Ветлянская чума что же? спросилъ въ свою очередь Өирсовъ.—Налетѣлъ орелъ, все въ порядокъ привелъ?.. А ужаса-то какого нагнали на все государство! Въ Петербургскомъ *Таймсѣ* телеграмма изъ Царицына помните: „Крикните кличъ къ Русскому народу. Люди мрутъ безпомощно“. И ни слова правды не оказалось... Вотъ вы не объясните-ли намъ, провинціаламъ: на что *эта* штука понадобилась? Европу пугать что-ли?

— Ну да, ну да, визгнулъ Пужбольскій,—лишній дать ей *резонъ* кричать о нашемъ варварствѣ...

— И безсиліи, прибавилъ Троевуровъ,—это тоже въ разсчеты входитъ...

— C'est ça! Я уже и читалъ въ *Débats* или какой-то другой газетѣ: „Un nouveau fléau vient de s'abattre sur la malheureuse Russie, déjà dévorée par le double lèpre de la banqueroute et du nihilisme“...

— Въ Петербургѣ разсказываютъ, сказалъ молодой Юшковъ, — что въ Германіи одинъ очень умный человѣкъ про наши теперешнія дѣла выразился очень зло и, по несчастію, не безосновательно: „Dummheit ist eine Gottes Gabe, doch misZbrauchen darf man sie nicht *).

Всѣ улыбнулись опять...

— И въ Петербургѣ всѣ этимъ ужасно довольны и другъ другу сообщить спѣшатъ? какъ бы уронилъ Борисъ Васильевичъ.

— Я человѣкъ отъ десяти слышалъ.

— Непремѣнно! Это удивительная черта русскихъ, и по преимуществу петербургскихъ, современныхъ людей: они въ оплеваніи ихъ чужими и собой самими находятъ какое-то высшее наслажденіе и цинически гордятся этимъ. Геніальнѣйшій, напримѣръ, и любимѣйшій для нихъ отечественный писатель—Щедринъ, который имъ изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ безъ церемоніи говоритъ, что всѣ они или

*) Глупость—Божій даръ, но злоупотреблять ею все же не слѣдуетъ.

взяточники, или идіоты, когда не то и не другое вмѣстѣ. Это уже не Гоголевскій „видимый смѣхъ и невидимыя слезы“; это безкорыстное самоуслажденіе своимъ умственнымъ и нравственнымъ холопствомъ, ничего не имѣющее общаго съ трезвымъ сознаніемъ своихъ недостатковъ, которое влечетъ за собою и стыдъ, и естественное желаніе отрѣшиться отъ нихъ...

— Нѣтъ, ни отчего они не отрѣшатся и ничему не научатся! вырвалось на это у стараго моряка такимъ глубоко скорбнымъ тономъ, что всѣхъ какъ бы разомъ обдало холодомъ: — явятся новые злодѣи, новое покушеніе, и *онъ*, и съ *нимъ* Россія очутятся въ томъ же безпомощномъ положеніи!

— Вася, что̀ съ тобою! вскликнула безмолвно внимавшая до этой минуты разговору Александра Павловна, испуганно воззрясь въ сына.

Юноша (ему только-что минуло 17 лѣтъ) сидѣлъ за угломъ камина, полускрытый кресломъ отца отъ расположившихся кругомъ его собесѣдниковъ, но матери его съ ея мѣста онъ весь былъ виденъ; отъ заботливаго взгляда ея не ускользнуло то алчное и болѣзненное выраженіе, съ какимъ прислушивался онъ къ словамъ говорившихъ... Она давно уже слѣдила за нимъ: она видѣла полтора часа тому назадъ, съ какимъ страстнымъ умиленіемъ молился онъ въ церкви за молебномъ, знала, что съ самаго дня полученія во Всесвятскомъ извѣстія о покушеніи на царскую жизнь онъ „самъ не свой сталъ“, какъ выражалась она мысленно... Она всегда боялась за его здоровье — онъ былъ всегда такой тонкій, *деликатный*, росъ такъ быстро, такой былъ воспріимчивый и *чувствительный*, — а тутъ онъ аппетита лишился... или нарочно морилъ себя голодомъ, можетъ быть, ѣлъ за обѣдомъ черезъ силу, когда она ему замѣчала объ этомъ, плохо спалъ... Вячеславъ Хлодоміровичъ Павличекъ, наставникъ его, съ которымъ онъ жилъ въ одной комнатѣ, передавалъ ей, что, проснувшись третьяго дня среди ночи, увидѣлъ его, Васю, на колѣняхъ предъ стуломъ, на которомъ онъ разложилъ Евангеліе и читалъ при свѣтѣ зажженной имъ свѣчи,—и Павличекъ счелъ нужнымъ сдѣлать ему за это замѣчаніе, сказавъ ему, что „на все есть время“... Сама она всегда была на-

божна, и Вася унаслѣдовалъ это отъ нея. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ „думалъ о Богѣ, но въ послѣднее время это приняло такой характеръ... Особенно съ тѣхъ поръ какъ попалъ ему въ руки *Дневникъ* Достоевскаго... Она, конечно, „должна благодарить Отца Небеснаго за такого сына“: онъ ни единожды еще въ жизни не подалъ повода ни ей, ни отцу упрекнуть его въ чемъ-нибудь, онъ не по годамъ строгъ къ себѣ, разсудителенъ и серіозенъ... Но *это... это...* Странно!.. Не въ монахи же онъ себя готовитъ... И „Борисъ это давно замѣтилъ“, она видитъ, „и его тоже безпокоитъ это“. Онъ ей до сихъ поръ ничего не говорилъ,—„онъ, можетъ быть, думаетъ, что я это одобряю“, проносилось у нея въ головѣ,—но онъ видимо старается отвлечь его отъ его *мыслей*, разсѣять его, сталъ много ѣздить съ нимъ верхомъ, бралъ его зимой всегда съ собой на охоту. И Вася одно время какъ бы встрепенулся, не такъ безучастно глядѣть сталъ на все... Но вотъ „этотъ ужасъ“ въ Петербургѣ, и онъ опять... И не нужно было ему совсѣмъ здѣсь сидѣть въ эту минуту. Они говорятъ о *томъ*, а онъ слушаетъ,—и ни кровинки у него въ лицѣ, и руки дрожатъ, она это чуетъ... Господи, онъ чуть со стула не свалился...

— Вася, что съ тобой!..

И она кинулась къ сыну.

Борисъ Васильевичъ съ судорожно заморгавшими глазами быстро обернулся къ нимъ на колескахъ своего кресла. Все встревожилось, вскинулось...

— Ничего, мама, ничего... усталъ немножко... голова закружилась, лепеталъ Вася, борясь, что было силъ.

Маша уже летѣла къ нему съ захваченными ею на столѣ графиномъ съ водой и стаканомъ.

— Усталъ, да и спалъ, вѣрно, дурно опять, и въ церкви потомъ... говорила, сама дрожа вся, Александра Павловна.

— Марія Борисовна, захватите-ка въ уборной папеньки флаконъ съ одеколонцемъ и дайте братцу понюхать, да ужь и мамашѣ кстати... она вѣдь рада случаю изъ-за вздора въ отчаяніе приходить... А молодца сейцасъ въ постель—и спать безпробудно до самаго обѣда, а за обѣдомъ бифштексъ по-

краснѣе и рюмку добраго портвейну — и онъ у насъ изъ-за стола какъ встрепаный встанетъ, успокоивалъ всѣхъ толстякъ докторъ наливая „молодцу“ воды и посмѣиваясь со своимъ грубоватымъ и веселымъ добродушіемъ.

Юноша отпилъ, поднялся разомъ на ноги, оглянулся кругомъ не то застѣнчиво, не то задумавшись,—глаза его какъ-то вдругъ загорѣлись и засверкали,—и прямо направился къ креслу старика Юшкова.

— Павелъ Григорьевичъ, трепетнымъ голосомъ проговорилъ онъ,—вѣдь этого не будетъ, не можетъ быть...

— Чего это, мой голубчикъ, о чемъ ты? воскликнулъ недоумѣвая тотъ.

— Что еще разъ... въ Государя?.. Вѣдь Богъ этого не можетъ дозволить?.. Вѣдь это грѣхъ, грѣхъ „на всю Россію“, какъ говорилъ этотъ старикъ Гришѣ...

— И ничего не будетъ, и нечего вамъ объ этомъ думать, и сейчасъ спать, а не то мушку на все тѣло налѣплю! закричалъ на него докторъ, схватилъ за плечи, повернулъ къ себѣ спиной и затолкалъ къ двери.

— А ты, Вася, хорошій, я тебя люблю!..

И Маша съ разбѣга кинулась къ брату, охватила его шею обѣими руками, прижалась щекой къ его щекѣ, — и оба они разомъ залились дѣтски неудержимыми, внезапными и стремительными слезами...

X.

Маша пришла въ себя пе́рвая и, съ краской стыда во всю щеку за свою „глупость“, вылетѣла вонъ изъ комнаты. Братъ и Александра Павловна послѣдовали за нею.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ какимъ-то безсознательнымъ движеніемъ— на его старческихъ вѣкахъ дрожали блестящія росинки,—обернулся къ сыну:

— Это поколѣніе лучше, чѣмъ ваше, будетъ, Гриша!..

Пужбольскій не далъ ему говорить далѣе, путаясь самъ въ словахъ и съ трудомъ разбираясь въ хаосѣ мыслей, приливавшихъ ему въ голову:

— Да много-ли ихъ, много-ли такихъ! Вѣдь это... Comment dites vous ça?.. Это *отпрыскъ* отъ оставшихся еще кое-гдѣ хорошихъ корней... послѣ общей рубки. Mais la forêt n'est plus! Было, fuit — и нѣтъ больше. De profundis отпѣли и сдали въ архивъ... Мы вотъ всѣ тутъ, мы—les dernières épaves, выкинутые на берегъ,—на новый берегъ, гдѣ такъ скверно... Не намъ однимъ скверно — lisez Nekrassof: *кому на Руси жить хорошо! Его* дѣти (онъ кивнулъ подбородкомъ на хозяина,) не могутъ думать, чувствовать иначе, какъ самъ онъ, какъ мы... У насъ, comme on dit, связующія нити были, вѣковыя связи, и съ верхомъ, и съ низомъ, des attaches et des traditions... „Грѣхъ на всю Россію“ — это прямо изъ народнаго чувства *выскакивало*, и мы это всѣ тутъ понимаемъ in imo pectore, потому мы то же самое чувство съ молокомъ матерей нашихъ *сосали*, et le jeune homme a fondu en larmes, потому что онъ le fils de son père... A le современный петер-

бургскій тайный совѣтникъ, la satanée *„интеллигенція“* qui se croit l'Europe и ни съ одной серіозной европейской книгой *слаживать* (сладить) не можетъ, — они себя съ дѣтства какимъ молокомъ *питывали?* визжалъ уже пламенный князь на самыхъ высокихъ нотахъ своего фальцета:— Они лягушки du Базаровъ de monsieur Tourguenef *сасывали* вмѣсто молока, потому что у ихъ матерей, у стриженыхъ, и молока никакого не можетъ быть, а должна *прыскивать* изъ грудей одна желчь пополамъ съ чернилами изъ аптеки—самыя скверныя de toutes comme on sait, пояснилъ онъ въ заключеніе.

Смѣшливый толстякъ-докторъ не выдержалъ и покатился со смѣху на всю комнату.

Пужбольскій вперилъ въ него широко раскрывшіеся, недоумѣлые глаза, не зная, разсердиться-ли на него, или расхохотаться самому...

Вошедшій торопливо слуга подалъ въ это время Борису Васильевичу крупнаго размѣра визитную карточку.

Визитная карточка—въ деревнѣ... Это было такъ необычно, что Троекуровъ, не дотрогиваясь еще до нея, поднялъ глаза и спросилъ:

— Что такое?

— Господинъ Свищовъ изволили пріѣхать, отвѣтилъ слуга,—а съ ними этотъ самый... графъ...

— Какой графъ?..

Троекуровъ поднялъ съ подноса карточку и прочелъ громко:

Графъ Петръ Капитоновичъ
Снядецкій-Лупандинъ
Двора Е. И. В. Камергеръ.

Онъ чуть-чуть пожалъ плечами, прижмурился:

— Проси! сказалъ онъ:—да спроси прежде, не желаютъ-ли они закусить или переодѣться, и въ такомъ случаѣ отведи въ отдѣленіе для гостей.

Слуга вышелъ.

— Ты знаешь этого господина? поспѣшилъ спросить любопытный Пужбольскій.

— Понятія не имѣю.

— Еще одинъ изъ syptômes du temps! хихикнулъ князь:— всѣ демократы, привилегіи и титулы презираютъ, и въ то же время то-и-дѣло выростаютъ, какъ грибы, Dieu sait comme et pourquoi, какіе-то графы, которыхъ никто не знаетъ...

— Я вамъ скажу, кто этотъ, вспомнилъ Павелъ Григорьевичъ:—у насъ въ уѣздѣ вдова-старушка, помѣщица жила, бездѣтная,—умерла недавно, — Слуцкая по фамиліи, рожденная Лупандина; такъ онъ ей племянникъ родной, и имѣніе отъ нея наслѣдовалъ, во владѣніе вступать пріѣхалъ изъ Петербурга. А графомъ сдѣлался года три почитай тому назадъ, по матери: Полька она была, послѣдняя въ родѣ, стало быть... Только онъ какъ-то добился, чтобъ ему ея фамилію съ титуломъ дозволили присоединить къ своей. Старушка Слуцкая разсказывала мнѣ, помню, это очень подробно, да я забылъ... И не интересно впрочемъ... Ну-съ, а вотъ Свищовъ для чего къ вамъ явился, обратился онъ къ Троекурову,—курьезно!...

— Le général Suichof, усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ.

— Да, засмѣялся и Юшковъ,—дѣйствительно, по фамиліи: *свищъ*. А знаете, что̀ ему нужно?

— Не знаю.

— Пари готовъ держать: въ мировые судьи баллотироваться вздумалъ, а не то и въ предсѣдатели управы.

— Вы полагаете?

— Посмотрите! Съ тѣхъ поръ, какъ пріятель его Троженковъ провалился торжественно второй разъ на выборахъ, и вся ихъ партія разбита въ пухъ и не смѣетъ головы поднять, благодаря вамъ...

— Отчего же *мнѣ?* запротестовалъ, прерывая его, Троекуровъ: — скажите, благодаря тому, что вы у насъ четвертое трехлѣтіе предводитель и предсѣдатель земскаго собранія и что съ вами готовы служить всѣ порядочные люди въ уѣздѣ.

— А не будь васъ и вашего *тузоваго* положенія, засмѣялся старый морякъ, — при которомъ никто не почитаетъ для себя выгоднымъ быть съ вами въ оппозиціи, давно бы и я не сидѣлъ на своемъ консульствѣ, всѣ „порядочные люди“ прогнаны бы были на черняхъ на выборахъ, и въ управѣ распоряжалась бы на полной своей волюшкѣ извѣстная орда

охочихъ до земскихъ денегъ. Нечего вамъ скромничать, довольно и того, что сами вы никакой должности принять не хотите.

— Помилуйте, возразилъ весело Борисъ Васильевичъ,—я гласный, да и кандидатомъ къ вамъ подбаллотированъ на послѣднихъ выборахъ...

Онъ не успѣлъ докончить. Дверь изъ гостиной отворилась, и изъ нея, расшаркиваясь на-ходу, выступили въ кабинетъ пріѣзжіе: Свищовъ, какъ *интродукторъ*, впереди, за нимъ графъ съ польско-русскою фамиліей.

Хозяинъ съ вѣжливою поспѣшностью всталъ и пошелъ имъ навстрѣчу.

— Графъ Петръ Капитоновичъ Снядецкій-Лупандинъ, нашъ новый землевладѣлецъ и согражданинъ, пылая горячимъ желаніемъ знакомства съ вашимъ превосходительствомъ, какъ главнымъ представителемъ крупнаго землевладѣнія... а также, смѣю сказать, интеллегенціи въ нашемъ уѣздѣ, просилъ меня доставить ему случай... явиться предъ васъ, si j'ose m'exprimer ainsi, широко округляя руки, произнесъ Свищовъ напыщеннымъ тономъ, въ которомъ чуткое ухо Троекурова тотчасъ же различило извѣстный оттѣнокъ шутовства, того, что Французы называютъ blague и что было ему всегда особенно ненавистно.

— Я не губернаторъ и не архіерей, ко мнѣ просто *пріѣзжаютъ*, а не „являются", медленно промолвилъ онъ, но съ такимъ оттѣнкомъ въ свою очередь, что мгновенно „потерявшій контенансъ" Свищовъ отскочилъ отъ него и стремительно кинулся жать руку только теперь замѣченнаго имъ Павла Григорьевича Юшкова.—Очень радъ! сказалъ тутъ же Борисъ Васильевичъ, протягивая руку „новому согражданину".

— Enchanté, промурлыкалъ тотъ, садясь въ кресло, на которое указывалъ ему хозяинъ, и, видимо, также не совсѣмъ увѣренный въ своемъ „контенансѣ".

Это былъ средняго роста, гладко выбритый и подчесанный, съ красненькими щечками, похожій на подержаннаго вербнаго херувима, господинъ, которому при этой наружности можно было равно дать въ иные дни тридцать пять лѣтъ,

какъ въ другіе — пятьдесятъ, смотря по тому состоянію, въ которомъ находилось его пищевареніе (онъ, какъ истый Петербуржецъ, страдалъ катарромъ желудка), и по количеству сна, отпущеннаго ему капризною судьбой за прошлую ночь. Самъ онъ всячески изощрялся придать себѣ какъ можно болѣе моложавости, такъ какъ со времени полученія имъ графскаго титула чрезвычайно озабоченъ былъ мыслію „передать его въ дальнѣйшее потомство“, для чего требовался прежде всего *прямой* „законный наслѣдникъ“, — новоиспеченный же графъ былъ холостъ, а слѣдовательно ближайшій in spe продолжатель его рода могъ явиться у него не иначе какъ продуктомъ брака, притомъ „выгоднаго“, къ чему онъ и стремился всѣми задушевными помыслами своими. Графскій титулъ, скажемъ къ слову, былъ для Петра Капитоновича источникомъ безконечнаго самоуслажденія — и такой же неустанной муки: онъ съ нимъ, если можно такъ выразиться, потерялъ всякій центръ тяжести. Неважный и небогатый чиновникъ одного изъ безчисленныхъ петербургскихъ министерствъ, онъ прожилъ лучшую часть своей жизни въ той сѣренькой атмосферѣ тамошняго „втораго общества“, изо всѣхъ силъ напрягающагося корчить *первое*, гдѣ равныя тамъ и здѣсь претензіи и скука не искупаются у подражающихъ тою безукоризненностью формъ, внѣшней культурности и обстановки, которою по крайней мѣрѣ могутъ похвалиться подражаемые; гдѣ представительницы прекраснаго пола смахиваютъ на *грандамъ* Александринскаго театра, или *шикозны* (sic) на манеръ героинь романовъ г. Боборыкина и въ счастливомъ смѣшеніи французскаго языка съ нижегородскимъ называютъ другъ друга „madame Гринева“, „madame Булыжникова„; гдѣ на *суареяхъ* ведетъ мазурку неистово ревностный и топочущій гвардейскій юнкеръ и въ кабинетѣ хозяина, превращенномъ въ коптильную печь, меланхолическіе столоначальники, облеченные (говоря языкомъ тѣхъ же романовъ,) въ „безукоризненныя *„фрачныя пары*“, и сумрачные военные академисты въ поручичьихъ погонахъ ведутъ „дебаты“ о „соціальныхъ вопросахъ“, а *козыремъ* вечера (извѣстно, что въ каждомъ петербургскомъ домѣ, на какой бы ступени общественной

іерархіи ни стоялъ онъ, есть всегда кто-то вышепоставленный, которымъ *козыряютъ* хозяева,) является какой-нибудь „дяденька статсъ-секретарь“ или „дипломатъ“ изъ турецкаго или бразильскаго посольства... Петръ Капитоновичъ почитался въ этомъ обществѣ „вполнѣ *комильфотнымъ кавалеромъ*“, съ прекраснымъ французскимъ *прононсомъ* (sic) и „настоящими камеръ-юнкерскими манерами“... Но, увы! этимъ манерамъ и „прононсу“ долгіе годы дано было являть себя на свѣтскомъ поприщѣ никакъ не выше салона madame Егуше*вой*, жены сенатора и чьего-то *товарища*, весьма рѣшительной и расписанной барыни, принимавшей „по середамъ“ въ своей огромной казенной, казной же омеблированной квартирѣ, гдѣ у каждой двери стоялъ *по службѣ* министерскій курьеръ съ горящею какъ жаръ мѣдною бляхой во всю грудь... И вдругъ, благодаря вліятельному ходатайству за него той же благоволившей къ нему „madame Егуше*вой*“, министръ особымъ докладомъ испрашиваетъ ему высшее соизволеніе присоединить къ своей фамилію его матери съ принадлежавшимъ ей титуломъ,—мечтой всей его жизни, въ осуществленіе которой онъ до послѣдней минуты вѣрить не смѣлъ. Онъ — графъ, *графъ*, „его сіятельство“... Петръ Капитоновичъ недѣли двѣ кряду не могъ притти въ себя отъ восторга и метался въ наемной каретѣ по городу, развозя знакомымъ новыя свои карточки, украшенныя короной „о девяти жемчужинахъ“, заказывалъ и покупалъ себѣ по магазинамъ платки, бѣлье, бумагу, бювары, костяные ножи, всякую нужную и ненужную *штуку*, лишь бы можно было налѣпить на нее въ томъ или другомъ видѣ все ту же корону надъ вычурнымъ шифромъ... Но вслѣдъ затѣмъ настали часы „серьезнаго размышленія“ о новомъ своемъ положеніи, въ теченіе коихъ новый графъ, вспомнивъ прочтенное имъ во всякихъ французскихъ романахъ о томъ, что „noblesse oblige“ и что „on doit frayer avec ses pairs“, рѣшилъ, что для него *нѣтъ болѣе общества* въ томъ „кругу“, гдѣ онъ вращался до сихъ поръ; что разъ онъ теперь „вельможа“ (онъ даже усмѣхнулся не то радостно, не то нѣсколько совѣстясь, когда это именно слово „вельможа“ влетѣло ему какъ-то въ голову), ему „такъ и нужно держать себя“! Вслѣдствіе этого Петръ

Капитоновичъ, весьма аккуратно до тѣхъ поръ сообразившій свои расходы съ получаемымъ имъ жалованьемъ и процентами съ капитала, тысячъ въ двадцать пять, наслѣдованнаго имъ отъ родителей, ухлопалъ въ первый же годъ половину этого капитала на омеблированіе нанятой имъ на Сергіевской („въ аристократическомъ кварталѣ", какъ онъ выражался,) квартиры въ rez-de-chaussée, покупку „по случаю" кареты и саней съ медвѣжьею полостью и заказъ выѣздной съ гербовыми басонами ливреи своему слугѣ. Устроившись такимъ образомъ, перекрасивъ заново карету, на дверцахъ которой велѣлъ, само собою, намалевать опять-таки свой графскій гербъ, и нанявъ мѣсячнаго извощика, онъ увидѣлъ себя вполнѣ готовымъ и достойнымъ „frayer avec ses pairs"... Но къ нѣкоторому, нѣсколько нежданному, удивленію своему, новый графъ на первомъ же вечерѣ въ свѣтѣ, въ *настоящемъ*, куда повезъ его одинъ изъ его сослуживцевъ, не „титулованный", какъ онъ, но давно *свой* въ этомъ мірѣ, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что его *перы* отнюдь не выражали особенной радости, ни даже удовольствія видѣть его въ своей средѣ, что на ледяныхъ устахъ обольстительныхъ дамъ, которымъ *называли* его, пробѣгала, при этомъ неслыханномъ ими до тѣхъ поръ имени: „графъ Снядецкій-Лупандинъ", не то удивленная, не то—о ужасъ!—насмѣшливая улыбка... Петру Капитоновичу стало какъ-то вдругъ до очевидности ясно, что въ этомъ высокомѣрномъ въ своемъ рабскомъ тщеславіи и всезнающемъ въ суетливой мелочности своей петербугскомъ grand-monde ему не суждено пустить корней, что онъ для этого *монда* останется на вѣки вѣковъ все тотъ же какой-то чиновникъ, „изъ тѣхъ, изъ которыхъ никогда не дѣлаются министры", безъ состоянія и *родства*, и не совсѣмъ уже молодой притомъ, и даже „не élégant de tournure"... и, наконецъ, просто „ridicule", смѣшной, съ этимъ, ни къ селу, ни къ городу, пристегнутымъ къ нему *графствомъ*... Онъ вернулся, весь желтый съ того вечера, проклиная все и вся. „Вотъ если-бъ я, говорилъ онъ, кривя губы отъ горечи, чувствуемой имъ во рту,—вотъ если-бъ я съумѣлъ подцѣпить сиротку съ полумилліончикомъ дохода, какъ какой-нибудь „duc" de-Печенѣговъ,

да притомъ апломбомъ бы его владѣлъ, такъ они бы всѣ мнѣ подошвы вылизали, а я... я бы имъ показалъ тогда"... Невѣдомо что бы показалъ *имъ* нашъ графъ, если бы „владѣлъ апломбомъ" *дюка*, но во всякомъ случаѣ „сиротки" съ подобающимъ доходомъ, имѣвшей служить ему первою ступенью къ тому, чтобы „показать", у него никакой въ виду не имѣлось. Петръ Капитоновичъ весьма благоразумно разсудилъ поэтому, что „до поры до времени надо касательно свѣта попридержаться", и рѣшилъ искать пока себѣ „перовъ" въ клубѣ, куда какъ разъ выбаллотированъ былъ къ этому времени.

Тамъ онъ, дѣйствительно, въ качествѣ *винтёра*, играющаго „по четверти point, при малыхъ онёрахъ", тотчасъ попалъ въ желанный соусъ aux fines herbes. Партнеры его, конечно, не всѣ были графы и князья, но за то все тайные совѣтники или генералъ-адъютанты, „Александровскіе кавалеры,"—шутка! „Да-съ, это не то, что *каротировать* по сороковой съ madame Буряткин*ой*, моей директоршей департамента", говорилъ онъ себѣ мысленно, съ нѣмою, но блаженною гордостью обѣгая взглядомъ троицу сановныхъ лысинъ, сидѣвшихъ съ нимъ за однимъ зеленымъ столомъ, и тщательно изучая при этомъ самоувѣренный пошибъ ихъ сужденій и рѣчей, тотъ, выражаясь его языкомъ, отличавшій ихъ „форсъ", котораго не доставало ему самому, да и на который, смиренно сознавалъ онъ внутренно, онъ и „претендовать" не могъ до тѣхъ поръ, пока носимый имъ теперь титулъ „не уравнялъ положеній"...

Съ практической же точку зрѣнія судя, „титулъ" скорѣе ухудшилъ, чѣмъ вознесъ „положеніе" Петра Капитоновича. Продолжавшая все также оказывать ему протекцію „madame Егушев*а* выхлопотала ему, правда, камергерскій ключъ; но министръ, чрезъ котораго должно было итти объ этомъ представленіе, человѣкъ свѣтскій и *чрезъ свѣтъ* попавшій на свой высокій постъ, скорчилъ весьма кислую гримасу, когда *товарищъ* его повелъ ему объ этомъ рѣчь. „Я не хочу отказывать вамъ, mon cher", заявилъ онъ,—„но, пожалуйста, чтобъ ужь это было *послѣднее*. Я видѣлъ вашего Лупандина dans le monde: il y fait triste figure, сказать по правдѣ, и камергерство такъ

же мало, какъ и графство, которое мы ему выхлопотали, поможетъ ему съ этой стороны... Онъ къ тому же и способностями не боекъ, кажется, а?..“ Вслѣдствіе такого приговора графъ обойденъ былъ денежною наградой къ Новому Году, на которую онъ весьма разсчитывалъ, такъ какъ его „перы“ въ клубѣ нещадно обыгрывали его въ винтъ „по четверти съ малыми онёрами“. Съ другой стороны, министерскіе сослуживцы его, частью завидуя, частью негодуя на тотъ самый „форсъ“, который онъ дѣйствительно начиналъ мало-по-малу „напускать на себя“, честили его на всѣхъ перекресткахъ „индюкомъ въ графскомъ званіи“, „камергеромъ царя Бобеша“ *) и тому подобными изысканными наименованіями, и устраивали ему по службѣ всякіе, какъ выражались они, „камуфлеты“, имѣвшіе цѣлью заставить его „перейти въ другое вѣдомство“... А остатки капитала его въ то же время таяли у него въ рукахъ съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе, и близокъ уже былъ, съ трепетомъ сознавалъ онъ, тотъ часъ, когда послѣдній отъ нихъ грошъ вылетитъ изъ его изукрашеннаго короной „о девяти жемчужинахъ“ бумажника.

Внезапная смерть еще не совсѣмъ древней скопидомки тетки,—онъ былъ единственный ея наслѣдникъ,—оставлявшей ему сотъ пять десятинъ хорошаго чернозема, не заложенныхъ ни въ какомъ банкѣ, и кое-какія деньги въ бумагахъ, выручила его. Онъ возликовалъ душой и немедленно понесся на крыльяхъ пара въ обѣтованный край, къ той землѣ, о которую, новый Антей, ему стоило, разсчитывалъ онъ, лишь ударить ногой, чтобы воспринять отъ нея новую, невѣдомую силу... Да, онъ теперь землевладѣлецъ, ландлордъ, „представитель крупной собственности“,—ему предстоитъ теперь, „настоящая, соотвѣтствующая *его фамиліи* карьера“: онъ „распрощается съ министерствомъ“ и перейдетъ на службу по выборамъ... Его изберутъ сначала въ уѣздные—даже можетъ быть, прямо въ губернскіе—предводители, а тамъ... Тамъ уже, само собою, говорилъ онъ себѣ въ радужныхъ мечтахъ, придутъ и „сиротка“, и связи, и „лизаніе у него подошвъ

*) Персонажъ изъ *Barbe-bleue* Оффенбаха.

петербургскимъ *мондомъ*",—вся возобновленная для него справедливою судьбой одиссея *дюка*, „le duc de Petschenégof",—этого вѣчнаго образца, этой лучшей жемчужины петербургской *умѣлости*...

Въ одномъ съ нимъ вагонѣ ѣхалъ, возвращаясь изъ-за границы „въ родныя палестины", говорилъ онъ, давно знакомый читателю, если не позабытый имъ за давностью времени, Свищовъ *). Московскій „браво", какъ называли его смѣясь знакомые, успѣлъ совершенно околдовать за это время новаго ландлорда.

Все тотъ же коренастый коротконогій, чрезмѣрно по мѣрѣ накопленія лѣтъ раздавшійся въ ширь, Свищовъ, со своею щетиной полусѣдыхъ волосъ на плоской головѣ, густою *барбишкой* и „угрожающими небу" усами, дѣйствительно подходилъ теперь характеромъ своего облика подъ типъ средневѣковаго наемнаго убійцы, но еще вѣрнѣе напоминалъ стараго французскаго зуава, повидавшаго и продѣлавшаго *всякое* въ жизни... Этой наружности соотвѣтствовало и то *духовное* содержаніе, которое заключалось подъ нею. Его безцеремонные пріемы и безшабашное благёрство давало, по мнѣнію многихъ, полное основаніе называть его „среднимъ братомъ между Хлестаковымъ и Ноздревымъ". Но онъ во всякомъ случаѣ былъ умнѣе Хлестакова и тоньше, даже добродушнѣе въ своей наглости, чѣмъ Ноздревъ. Онъ всегда умѣлъ кстати самъ посмѣяться надъ своимъ враньемъ и почти всегда находилъ какой-нибудь остроумный выходъ, когда чувствовалъ себя уже слишкомъ тѣсно припертымъ къ стѣнѣ. Принятый въ гомеопатической дозѣ, онъ былъ даже иногда забавенъ, но не было человѣка, который послѣ *пріема* его не пришелъ бы въ извѣстное раздраженіе нервовъ... Кромѣ благёрства, его одолѣвала вѣчная страсть „помистифицировать" ближняго, и требовалось съ перваго же раза „lui donner sur les pattes", какъ говорятъ Французы, чтобъ отнять у него охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ навязать своему собесѣднику смѣхотворную роль... Онъ былъ, впрочемъ, довольно остороженъ и дозволялъ себѣ

*) *Четверть вѣка назадъ.*

разыгрывать свои „штучки“ на полной волюшкѣ только съ тѣми, кто, какъ наивный въ самомнѣніи своемъ графъ Петръ Капитоновичъ Снядецкій-Лупандинъ, довѣрчиво совалъ голову въ его крокодилову пасть.

Что онъ дѣлалъ, чѣмъ наполнялъ жизнь съ того времени, какъ видѣли мы его въ числѣ исполнителей *Гамлета* въ Сицкомъ, мы не беремся сказать. Онъ нѣсколько лѣтъ сряду пропадалъ изъ Россіи. Злые языки увѣряли, что онъ былъ во Франціи актеромъ, торреадоромъ въ Испаніи и что, проигравшись однажды въ пухъ въ Гомбургѣ, поступилъ въ должность *крупье* въ то же милое заведеніе, гдѣ „пропустилъ“ онъ до послѣдняго гроша свои кровныя русскія деньги. Все это сильно отзывалось фантазіей, но отнюдь нельзя было поручиться, чтобы самъ онъ, Свищовъ, въ пылу своего неудержимаго привиранья, не распустилъ про себя эти слухи.... Несомнѣнно было то, что въ парижскомъ театральномъ и газетномъ мірѣ, гдѣ у него видимо были какія-то знакомства, онъ разсказывалъ про себя невѣроятныя вещи, чему служила доказательствомъ одна попавшая случайно въ руки Борису Васильевичу Троекурову за границей книжонка, посвященная, подобно сотнямъ подобныхъ ей, появляющихся въ наши дни въ Парижѣ, закулисной жизни „столицы міра“, а въ книжонкѣ этой, между прочимъ, повѣствовалось о нѣкоемъ „извѣстномъ кавказскомъ генералѣ Свищовѣ,—le général Suichof, une vieille illustration des guerres de la Russie au Caucase“, состоявшемъ будто бы въ должности „главнаго агента Императорскихъ русскихъ театровъ во Франціи“, „agent général des théâtres Impériaux russes en France“. Генералъ этотъ, читалось далѣе, „извѣстный въ своемъ отечествѣ многочисленными сочиненіями по исторіи и архитектурѣ, состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ руководящимъ редакторомъ (directeur) одного изъ вліятельнѣйшихъ московскихъ журналовъ (une des revues politiques les plus influentes de la vieille cité des czars) и владѣетъ, при этомъ, сотнею тысячъ десятинъ дѣвственныхъ лѣсовъ (une centaine de milliers d'hectares de fôrets vierges) подлѣ этого города“... „Сотни тысячъ десятинъ дѣвственнаго лѣса“ *генерала* Свищова соотвѣтствовала, увы! въ дѣйствительности, про—

порціи 1.000:1, такъ какъ изъ довольно порядочнаго имѣнія, наслѣдованнаго имъ отъ отца, онъ, послѣ всѣхъ „эволюцій“ и „трибуляцій“ своей жизни, успѣлъ сохранить полуразрушенную усадебку верстахъ въ десяти отъ Всесвятскаго, съ количествомъ въ ней земли, едва достигавшимъ нормы ценза, установленнаго въ этой мѣстности для пользованія полнотой земскихъ правъ... Этотъ лоскутъ земли далъ ему возможность нѣсколько лѣтъ назадъ попасть, какъ говорится, „фуксомъ“ въ члены уѣздной управы вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Троженковымъ, вернувшимся въ то время изъ Западнаго края, гдѣ бывшій корреспондентъ Герцена, затѣмъ пламенный „руссификаторъ“, пріобрѣлъ отъ казны на „льготныхъ правахъ“ конфискованную ферму, которую тутъ же тайною сдѣлкой передалъ за приличную мзду во владѣніе мѣстному Поляку-помѣщику, вслѣдствіе чего и былъ удаленъ „безъ шума“ отъ занимаемой имъ должности... Ни онъ, ни Свищовъ не продержались долго и на земскихъ должностяхъ своихъ, и завалены были „черняками“ на слѣдовавшихъ за тѣмъ выборахъ, не смотря на то, что Троженковъ успѣлъ составить себѣ довольно большую партію среди избирателей-крестьянъ, благодаря кабакамъ, коихъ держалъ цѣлыхъ пятнадцать въ уѣздѣ, и ростовщичеству, въ которомъ никакой выжига-„міроѣдъ“ не могъ съ нимъ сравняться. Послѣ этого пораженія Свищовъ, владѣвшій счастливою способностью всякое непріятное для него обстоятельство обращать въ шутовство, объявилъ тутъ же въ буфетной земскаго собранія, что, „за такимъ *проваломъ*, ему ничего другаго не остается дѣлать, какъ удалиться на берега Гвадалквивира“.

— Не въ Пиренеи-ли? спросилъ его случившійся подлѣ него въ ту пору докторъ Ѳирсовъ.

— Почему „въ Пиренеи?“ удивился онъ въ первую минуту.

— Контрабанду перевозить, невозмутимо отвѣтилъ тотъ.

— Отличное занятіе, отличное, непремѣнно попробую! во всю глотку, не смутясь нисколько, расхохотался Свищовъ.

И, дѣйствительно, улетѣлъ опять года на два къ какимъ-то невѣдомымъ берегамъ...

Онъ только теперь возвращался оттуда въ родныя мѣста,

съ намѣреніями, которыя дальнѣйшій разсказъ разъяснитъ намъ по всей вѣроятности...

— Вы недавно изъ Петербурга? спрашивалъ хозяинъ графа Снядецкаго-Лупандина, познакомивъ его первоначально съ лицами, находившимися въ комнатѣ, и учтивымъ движеніемъ указывая ему затѣмъ на ящикъ папиросъ, стоявшій на столѣ, подлѣ котораго они сидѣли.

Графъ повелъ молча головой въ знакъ благодарности, взялъ папироску, помялъ ее въ рукахъ и, еще не закуривая:

— Третьяго дня... Я впрочемъ еще на прошлой недѣлѣ думалъ выѣхать, но тутъ случилось это... покушеніе, выговорилъ онъ таинственно и внушительно:—неловко, знаете, надо было во дворецъ показаться,—я и отложилъ на нѣсколько дней...

— Отсутствіе графа во дворцѣ было бы слишкомъ замѣтно, вы понимаете, тономъ серіознѣйшаго убѣжденія поспѣшилъ объяснить стоявшій за нимъ Свищовъ, высовывая языкъ и плутовски подмигивая въ то же время Николаю Ивановичу Өирсову, съ которымъ только-что успѣлъ обмѣняться рукопожатіемъ.

— Д-да, меня знаютъ... скромно промямлилъ въ подтвержденіе Петръ Капитоновичъ и счелъ нужнымъ тутъ же перемѣнить разговоръ: — Я такъ благодаренъ... (Онъ запнулся на мигъ, такъ какъ никакъ не могъ вспомнить имени и отчества Свищова,) à monsieur Свищовъ за то, что онъ доставилъ мнѣ случай пред... (онъ опять запнулся, сообразивъ, что выраженіе „представиться“ было бы не совсѣмъ прилично его *графскому* достоинству,) случай... войти въ сношенія съ такими лицами, какъ... Онъ не договорилъ, но обвелъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ, любезно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы нѣсколько снисходительно улыбаясь, вспомнивъ кстати „очаровательную манеру“, съ которою улыбался въ подобныхъ случаяхъ *генералъ* Павановъ, подъ начальствомъ котораго онъ имѣлъ счастіе начать свою службу.—Вы мнѣ позволите, обратился онъ тутъ же къ Павлу Васильевичу Юшкову,—явиться лично къ вамъ, какъ къ достойному представителю здѣшняго дворянства, къ которому я въ настоящую пору имѣю тоже честь принадлежать...

Павелъ Васильевичъ молча поклонился.

— И вашей... почтенной... вашей семьѣ тоже? повернулся графъ къ хозяину, кланяясь въ свою очередь изящнымъ кивкомъ внизъ.

— Что „моей семьѣ?“ спросилъ озадаченный Борисъ Васильевичъ, который разсѣянно слушалъ его фразы.

— Je voudrais avoir l'honneur de me présenter à madame *de* Troëkourof et aux autres personnes de votre famille, произнесъ графъ отчетливо и галантерейно, но съ такимъ оттѣнкомъ, что въ этомъ, молъ, случаѣ „честь“ не для одного меня.

— Ахъ, да, конечно!... Троекуровъ взглянулъ на часы:— мы будемъ скоро обѣдать, вы ихъ увидите всѣхъ...

Петръ Капитоновичъ повелъ еще разъ уже съ полнымъ самодовольствомъ головой внизъ.

— И надолго вы къ намъ? спросилъ его старый морякъ.

— Самъ еще опредѣлить не могу... Я просилъ Савву Леонтьевича — нынѣшняго моего министра — отпустить меня недѣльки на три безъ формальнаго отпуска, разумѣется, по моимъ домашнимъ обстоятельствамъ; но, можетъ быть, пробуду долѣе... Во-первыхъ, всякія тутъ формальности по вводу во владѣніе меня въ имѣніе покойной тетки моей Лупандиной, а кромѣ того (графъ при этомъ широко и съ тѣмъ же выраженіемъ нѣкоторой снисходительности осклабился и перекинулъ правую ногу на лѣвую,) я совершенный новичекъ въ провинціальной жизни и ея, такъ сказать, интересахъ... и желалъ бы поучиться... У васъ, я слышалъ, на дняхъ выборы.

— 14 числа экстренное земское собраніе по случаю избранія новаго предсѣдателя управы на мѣсто... недавно скончавшагося, проговорилъ какъ бы нехотя Павелъ Григорьевичъ,— Ѳедора Ивановича Бароцкаго!...

— Да, который застрѣлился?... бухнулъ прямо графъ.

— Никто не отвѣтилъ ему.

— Какая-то, говорятъ, была усмотрѣна въ управѣ растрата земскихъ суммъ? продолжалъ онъ, понижая голосъ.

— По ревизіи, назначенной тотчасъ по его смерти, оказалось все на лицо до копѣйки, сухо выговорилъ на это Юшковъ.

— Конечно, такъ какъ... началъ было Петръ Капитоно-

вичъ, поднялъ глаза на Свищова и замолкъ, внезапно сконфуженный киваніемъ и морганіемъ, которыми очевидно приглашалъ его тотъ прикусить языкъ.

Дѣло состояло въ томъ, что покойный Бароцкій, служившій когда-то во флотѣ, подъ командой Павла Григорьевича, человѣкъ честный, но слабый, вовлеченъ былъ безпутнымъ сыномъ въ какую-то спекуляцію, въ результатѣ которой обоимъ имъ грозилъ судъ. Чтобы выкарабкаться изъ волчьей ямы, въ которую попали они, надо было немедленно внести куда-то или кому-то деньги... Предсѣдатель управы имѣлъ слабость воспользоваться имѣвшимися у него въ распоряженіи земскими деньгами, разсчитывая немедленно же пополнить ихъ чаемою имъ въ самомъ скоромъ времени какою-то „получкой“. Получка, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, оказалась призракомъ, а слухи о растратѣ уже бѣжали по уѣзду, и „оппозиціонная“ партія, съ Троженковымъ во главѣ, кричала крикомъ о „*мошенничествѣ* пресловутыхъ *охранителей*“ и о безотлагательной необходимости ревизіи денежной отчетности управы. При такихъ обстоятельствахъ явился въ одинъ прекрасный день Бароцкій къ Борису Васильевичу Троекурову. „Спасите мою ничѣмъ до сихъ поръ незапятнанную честь“, началъ онъ съ перваго слова и разсказалъ ему все. Троекуровъ выслушалъ молча до конца, поднялся съ мѣста, вынулъ изъ бюро свою банковую книжку и, не подымая глазъ, коротко спросилъ: „Сколько?“—„Двѣнадцать тысячъ“. Онъ надписалъ эту сумму на чекѣ, оторвалъ его и, все такъ же не глядя, передалъ черезъ столъ Бароцкому. Тотъ взялъ листикъ дрожащими пальцами, съ выступившимъ на лбу холоднымъ потомъ. „Скажите откровенно“, вырвалось у него вдругъ стономъ, „вы презираете меня?“—„Нѣтъ... Я васъ жалѣю“, промолвилъ чрезъ мигъ Борисъ Васильевичъ.—„На моемъ мѣстѣ вы не поставили бы себя въ такое положеніе?“ Троекуровъ подумалъ. „Не знаю... не думаю“.—„Съ вами бы и случиться не могло: вы такъ богаты“. Троекуровъ подумалъ опять. — „Конечно, это принять въ соображеніе надо“... Бароцкій всталъ, протянулъ руку. — „Спасибо, я изъ города пришлю вамъ законный документъ“.—„Къ чему?“...—„Нѣтъ, милостыни я не

прошу; не съ меня, такъ съ наслѣдниковъ моихъ взыщете". Онъ уѣхалъ изъ Всесвятскаго прямо въ Москву, получилъ по чеку, положилъ, вернувшись, недостававшія деньги въ сундукъ управы и въ тотъ же вечеръ застрѣлился. Онъ сознавалъ себя „спасеннымъ" въ чужихъ, но не въ собственныхъ глазахъ...

Ни единымъ словомъ никому о томъ, что произошло между ними, не проговорился Борисъ Васильевичъ. Но когда ревизія, назначенная Павломъ Григорьевичемъ вслѣдъ за смертью Бароцкаго, засвидѣтельствовала, къ немалому удивленію всѣхъ, что всѣ числившіяся по книгамъ управы суммы состоятъ „полностью" въ кассѣ, старый морякъ тотчасъ же сообразилъ, *какъ* это могло произойти. Сообразили это и другіе, и Троженковъ (къ которому первымъ дѣломъ отправился Свищовъ по пріѣздѣ, захвативъ съ собою „по пути" и спутника своего графа), передавая имъ „веселенькую исторію управскихъ грошей", объяснилъ прямо, что „выкраденныя *ихнимъ* (то-есть „охранителей") предсѣдателемъ управы деньги пополнены были „ихнимъ же атаманомъ, *магнатомъ*" (подъ этою кличкой значился Троекуровъ), причемъ повѣствовалось, что хотя „магнатъ этотъ, опосля того, что Бароцкій у него два часа въ ногахъ валялся, и согласился дать ему взаймы тѣ деньги по два процента въ мѣсяцъ, одначе такъ унизилъ притомъ *сего бѣднягу* своею грубостью, что тотъ стерпѣть не могъ и *съ гонору своего большаго* застрѣлилъ себя *на финалъ*".

Сообразивъ изъ знаковъ Свищова, что продолжать разговоръ о „семъ бѣднягѣ" въ *этомъ* домѣ не удобно", Петръ Капитоновичъ счелъ нужнымъ перевести его „на болѣе такъ сказать общій сюжетъ", какъ выразилъ онъ это себѣ мысленно.

— Замѣчательно, какъ въ наше время люди часто и легко лишаютъ себя жизни, началъ онъ съ озабоченнымъ выраженіемъ въ физіономіи, и какъ бы сообразивъ въ тотъ же моментъ, отчего это можетъ происходить, пріятно усмѣхнулся и добавилъ:—все отъ роскоши; дороговизна жизни все увеличивается...

— А честность все *упадываетъ*, выпалилъ какъ изъ пистолета, прерывая его, князь Пужбольскій, какъ рыба молчавшій все это время и наблюдавшій изподлобья за пріѣзжимъ,

въ которомъ съ первыхъ же его словъ призналъ родовые признаки ненавистнаго ему петербургскаго „*чина*“.

— Д-да, конечно... пролепеталъ графъ, словно съ нѣкоторымъ испугомъ взглянувъ на него, и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ, обратившись съ вопросомъ къ старику-предводителю: — будутъ-ли въ губерніи въ этомъ году дворянскіе выборы?

— Въ декабрѣ, да, будутъ, отвѣтилъ тотъ и спросилъ въ свою очередь:—думаетъ-ли графъ пріѣхать на нихъ?

— Непремѣнно-съ... Я бы вообще почелъ для себя честью... послужить *моему* дворянству... насколько хватило бы у меня... способностей, скромно опустивъ глаза и слегка заикаясь, заявилъ Петръ Капитоновичъ.

— Изъ Петербурга? буркнулъ опять Пужбольскій.

— Что-съ?...

— Изъ Петербурга *служить?*

— Почему же „изъ Петербурга?“... Я намѣренъ *очень много* жить въ деревнѣ, почитая это, такъ сказать, наиболѣе раціональнымъ и даже въ видахъ общей, государственной пользы для дворянина-*собственника* съ извѣстными средствами... и именемъ, какъ бы слегка подчеркнулъ графъ Снядецкій-Лупандинъ и, улыбнувшись въ сторону хозяина,—чему я даже вижу такой поощрительный примѣръ здѣсь, галантерейно примолвилъ онъ.

— Что же, отлично съ! одобрительно проговорилъ Павелъ Григорьевичъ, чуть-чуть усмѣхаясь подъ сѣдыми усами.

— Я полагаю, что дворянству предстоитъ въ настоящую пору стремиться возвратить себѣ утерянное имъ значеніе, продолжалъ Петръ Капитоновичъ, входя постепенно „въ форсъ“:— я конечно не отрицаю благодѣтельности совершенныхъ у насъ реформъ, и даже съ большимъ вниманіемъ постоянно читаю газету *Призывъ*, которая именно стоитъ на этой точкѣ... Я самъ даже, могу сказать, либералъ... какъ долженъ быть всякій образованный человѣкъ въ наше время... Но у меня есть имя, я понимаю que je ne suis pas un chacun... И потомъ вѣдь это нельзя же, въ каждомъ государствѣ должно быть высшее сословіе, une aristocratie, а у насъ...

— У *васъ* въ Петербургѣ „интеллигенція"; mein Liebchen was willst du noch mehr? не удержался ввернуть опять Пужбольскій, котораго раздражала уже одна мысль, что „ce monsieur" принималъ на себя роль защитника русской аристократіи.

— Да-съ, возразилъ графъ,—но вѣдь все это, entre nous, сбродъ; я имѣлъ случай со многими изъ нихъ встрѣчаться... хотя ни съ кѣмъ изъ этого міра, разумѣется, близко не знакомъ, поспѣшилъ онъ объяснить:—у нихъ нѣтъ того чувства, которое у насъ, напримѣръ, у людей de bonne maison... того, что̀ Французы такъ хорошо выражаютъ словами *noblesse oblige*...

— А „интеллигенція" n'oblige pas!... громко расхохотался неугомонный князь.

— Именно, именно! довѣрчиво разсмѣялся и Петръ Капитоновичъ,—у нихъ нѣтъ того, знаете... въ одной московской газетѣ, которую я впрочемъ не люблю, очень хорошо было сказано разъ „преемство"... У нихъ „преемства" нѣтъ... А безъ этого развѣ можно?... Возьмите англійскую палату лордовъ, все тамъ на этомъ стоитъ. Особенно теперь это у насъ чувствуется, когда...

Онъ пріостановился на мигъ.

— Когда что̀?

Румяненькое лицо графа приняло еще разъ выраженіе необыкновенно значительное и таинственное.

— Когда мы идемъ къ конституціи...

— Да-а? загадочно протянулъ Борисъ Васильевичъ своимъ спокойнымъ тономъ.

— Такъ и „идемъ?" хихикнулъ за нимъ Пужбольскій.

— Непремѣнно-съ! Огромные шансы *за*... въ самыхъ высшихъ сферахъ...

— Можетъ быть, не спорю, есть и въ самомъ персоналѣ нынѣшнихъ правительственныхъ лицъ такія, которыя объ этомъ мечтали, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ сказалъ на это Павелъ Григорьевичъ,—по теперь, послѣ этого покушенія...

— Напротивъ! не далъ ему кончить графъ, чувствовавшій себя въ этотъ моментъ уже на апогеѣ „форса" въ присутствіи этихъ провинціаловъ, которымъ, сознавалъ онъ съ тор-

жествомъ, не могли быть извѣстны тѣ закулисные ходы петербургской интриги, о коихъ онъ почерпалъ свѣдѣнія у „перовъ“ своихъ въ клубѣ. — Нужныя мѣры для внѣшней безопасности, само собою, приняты: генералъ-губернаторы, безсмѣнное дежурство дворниковъ у воротъ, и прочее; но всѣ понимаютъ, что это мѣры „профилактическія“, какъ говоритъ le comte Pavanof, со своимъ всегдашнимъ краснорѣчіемъ, а не радикальныя... Одно лицо... я не хочу назвать его по фамиліи... Андреевскій кавалеръ, прекрасно даже сказалъ по этому случаю, что „на событіе 2 апрѣля надо смотрѣть какъ на второе предостереженіе абсолютному режиму?“

— „Предостереженіе“ въ чемъ? и почему „второе“?

— Первое — Каракозовъ, прошепталъ Петръ Капитоновичъ,—а „въ чемъ“ (и онъ покровительственно усмѣхнулся опять) понимается само собою... У насъ объ этомъ именно былъ очень интересный разговоръ въ клубѣ. Играемъ мы: Basile Шастуновъ—въ должности шталмейстера, объяснилъ онъ въ скобкахъ, —Михаилъ Иванычъ Луповъ, генералъ-адъютантъ, статсъ-секретарь Мольскій и я. На второмъ робберѣ подходитъ къ намъ баронъ Фицгеймъ—Александровскій кавалеръ—и говоритъ: „я...“

Борисъ Васильевичъ, поглядѣвъ на часы, поднялся съ мѣста.

— Вы докончите намъ интересный вашъ разсказъ за столомъ, учтиво сказалъ онъ:—четыре часа, мы въ деревнѣ обѣдаемъ рано.

Графъ поспѣшно поднялся въ свою очередь, галантерейно шаркнувъ и склоняя голову на-бокъ...

Хозяинъ направился первый къ двери, указывая ему дорогу. Остальные потянулись за ними.

Послѣднимъ шелъ Пужбольскій, пресеріозно взбѣшенный, и ругался сквозь зубы, что было мочи, по адресу „de ce comte pour rire“ *).

— Oh l'animal, le cuistre, le чиновникъ! Я бы на мѣстѣ Троекурова къ чорту его *посылалъ*, а онъ его обѣдать *приглашивалъ*, и онъ будетъ намъ свои писарскія глупости *отмочить!*...

*) Непереводимый каламбуръ: *comte*, графъ; *conte*, сказка.

XI.

Въ столовой собрался весь тотъ же знакомый уже читателю кругъ домочадцевъ Всесвятскаго, окружавшихъ вмѣстѣ съ хозяйкою и ея дочерью только-что прибывшаго новаго гостя, человѣка лѣтъ двадцати шести, одутловатаго и отъѣвшагося какъ купчикъ изъ Зарядья, и съ совершенно *купецкимъ* пошибомъ наружности и пріемовъ, хотя онъ и видимо тщился изображать собою то, что̀ Французы называютъ fine fleur d'élégance. Подстриженные à la Capoul волосы; отложные, длинными мысками спускавшіеся на бѣлый плáстронъ рубашки воротнички (онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ), надъ которыми гораздо болѣе чѣмъ нужно выставлялась жирная бѣлая шея; улыбочки сердечкомъ и вылощенные пудрой ногти сдобныхъ рукъ, которыми онъ то-и-дѣло проводилъ по рыжеватой продушенной иланг-иланг̀омъ бородкѣ, свидѣтельствовали прежде всего о необыкновенно лестномъ мнѣніи, которое внушала ему его собственная особа, а затѣмъ и о непреклонномъ желаніи внушить о себѣ такое же мнѣніе въ *этомъ* домѣ.

Степанъ Гавриловичъ Остромѐтовъ принадлежалъ къ породѣ тѣхъ фонъ-Визинскихъ недорослей, типъ которыхъ, постепенно измѣняясь во внѣшнихъ чертахъ съ теченіемъ десятилѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ вѣка Екатерины, и приладживаясь къ „требованіямъ времени“, остается по сущности все тѣмъ же и въ наши блаженные дни. Сынъ богатой, взбалмошной и не отличавшейся избыткомъ нравственныхъ правилъ матери, это былъ ничему серьезно не учившійся, ни-

гдѣ не успѣвшій кончить курса и ни на что дѣльное не пригодный малый, съ огромными претензіями на „шикъ“ и „эффектъ“,—въ чемъ, какъ извѣстно, выражается, увы! весь духовный идеалъ современнаго человѣчества. Онъ не былъ лишенъ своего рода даровитости, владѣлъ большою памятью, пѣлъ звучно мягкимъ баритономъ разухабистый репертуаръ „Стрѣльненскихъ Цыганъ“ съ надлежащими придыханіями, присвистами и притопываніями, и сыпалъ риѳмами какъ бисеромъ, уснащая ими самодѣльные куплеты на мотивы всякихъ *Маленькихъ Фаустовъ*, *Зеленыхъ острововъ* и иныхъ классическихъ произведеній опереточной музы. Онъ вылѣпливалъ при этомъ изъ воска или глины всякія „пикантныя“ женскія головки, рисовалъ каррикатуры, выкрадывая мотивы ихъ изъ стараго *Musée Philippon* и „занимался *египтологіей*“, то-есть покупалъ всякія трактующія объ Египтѣ дорогія изданія съ рисунками и атласами, пріобрѣлъ „подлинную“ мумію и вздѣвалъ на голову по утрамъ какой-то ржавый чугунный горшокъ, который выдавалъ за пріобрѣтенный имъ будто бы цѣною золота въ Булакскомъ музеѣ подлинный шлемъ Рамзеса II. Въ силу этихъ данныхъ Острометовъ почиталъ себя не въ шутку „артистомъ“, и даже большимъ артистомъ, талантамъ котораго удивился бы несомнѣнно міръ, если-бъ его „боярскій родъ“ дозволилъ ему явить ихъ „предъ толпою“. Въ это свое боярство Острометовъ вѣрилъ такъ же искренно, какъ и въ свою артистичность, хотя въ дѣйствительности выходило, что изо всѣхъ его именитыхъ предковъ извѣстенъ былъ лишь одинъ его дѣдъ, безпощадный кулакъ и ростовщикъ, успѣвшій всякими неправдами „отъ двухсотъ душъ нажить цѣлыя пять тысячъ“, какъ выражались мѣстные старожилы, и пять или шесть заложенныхъ ему и просроченныхъ платежомъ домовъ въ Москвѣ, а артистичность сводилась на мелкотщеславную, увлекающуюся à froid, неустойчивую и лживую *актерскую* натуру... Онъ въ прошломъ году лишился матери и пріѣхалъ на весну въ унаслѣдованное имъ отъ нея имѣніе Борисово, верстахъ въ 12 отъ Всесвятскаго, навезя съ собой туда цѣлую компанію непризнанныхъ поэтиковъ, печатавшихъ произведенія свои въ московскихъ мелкихъ лист-

кахъ по 7 копѣекъ за стихъ, учениковъ консерваторіи съ сомнительнымъ голосомъ и провинціальныхъ актеровъ, не добившихся ангажемента. Все это пило, ѣло, скакало по полямъ на рабочихъ лошадяхъ, голосило опереточныя аріи, било посуду, нахлеставшись ликеромъ, и состояло съ хозяиномъ въ тѣхъ „амикошонскихъ“ отношеніяхъ, которыя возможны между людьми только въ наше просвѣщенное время и при той убогой долѣ воспитанности, какая дается девяти-десятымъ нашего теперешняго такъ называемаго „интеллигентнаго“ общества. Степанъ Гавриловичъ, или, какъ называла его компанія, „Степа Говориловъ“, словно въ благовонномъ маслѣ купался въ этомъ морѣ гама, сиплаго смѣха, циническихъ разговоровъ и заискивающей лести подъ замаскированною грубостью выраженій. Онъ чувствовалъ себя орломъ, парящимъ надъ этимъ стадомъ „умственнаго пролетаріата“, и считалъ нужнымъ поражать его каждый день новыми доказательствами изобрѣтательности своего „художественнаго“ воображенія. Онъ выходилъ утромъ въ столовую, куда собиралась завтракать компанія, облеченный съ ногъ до головы въ старобоярскую одежду, въ парчевомъ охобнѣ и *аксамитовомъ* полукафтаньѣ, въ желтыхъ кожаныхъ сапогахъ и высокой собольей шапкѣ, садился къ столу и, треснувъ пятерней по спинѣ сосѣда, говорилъ ему: „А плесни-ка мнѣ щецъ, парень“!... А на другой день вылеталъ Испанцемъ, въ короткихъ штанахъ и цвѣтной сѣткѣ севильскаго цирюльника на головѣ, съ гитарой въ рукѣ и со свѣжеиспеченною серенадой на мотивъ *Мандолинаты*... Онъ нисколько не стѣснялся являть себя во всемъ шутовствѣ этихъ переодѣваній и по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, на тройкѣ грохочущихъ бубенцами лошадей, или верхомъ на лошади, увѣшанной яркими кистями и золочеными бляхами какого-то „марокскаго“ конскаго прибора. Крестьянскія бабы высыпали съ хохотомъ на улицу поглазѣть на невиданное зрѣлище; босоногіе мальчишки стремительно бѣжали за нимъ, визжа отъ удовольствія и указывая на него пальцами, но Степа нисколько этимъ не возмущался. Онъ съ торжествующею улыбкой, медленно проѣзжалъ мимо курныхъ избъ печальной родины подъ своимъ испанскимъ sombrero, въ пол-

номъ сознаніи своихъ неотъемлемыхъ правъ на общее вниманіе: каковъ-молъ ни на есть и хоть бы предъ мужичьемъ, а все же шикъ....

Но въ одинъ недавній прекрасный день Степа „Говориловъ" предсталъ предъ сонмъ своихъ гостей въ новомъ и нежданномъ воплощеніи. Онъ вышелъ къ завтраку въ безукоризненномъ утреннемъ туалетѣ нашихъ дней, застегнутый на всѣ пуговицы, нахмуренный и важный, обвелъ компанію строгимъ взглядомъ и въ глубокомъ безмолвіи принялся за ѣду. Никто въ первую минуту не счелъ нужнымъ обратить на это вниманіе,—но вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ, опрокинувъ себѣ въ горло стаканъ вина и отеревъ усы салфеткой, Степа повелительно кашлянулъ, прерывая этимъ обычные звуки смѣха и легкаго разговора, раздававшихся кругомъ стола, откинулся въ спинку своего сѣдалища и началъ такъ:

— Ну, ребята, довольно погуляно, довольно повыпито и всяческой ерунды наболтано; пора и честь знать!

Дюжины двѣ изумленно раскрывшихся глазъ разомъ устремились на него:

— Это насчетъ чего ты?

— Кому это ты вздумалъ нотацію прочесть?

— Самъ-то ты ерунда нумеръ первый! заголосили кругомъ.

— Оставьте, господа, сказалъ, приглашая къ молчанію движеніемъ руки, актеръ Костяковъ, остроумный малый, напоминавшій широкимъ лысымъ лбомъ и вьющимися кругомъ затылка длинными кудрями чуть-чуть сѣдѣвшихъ волосъ извѣстный портретъ поэта Беранже, и спеціальностью котораго было „рѣзать" Степу при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ,—оставьте! Вы не видите развѣ, что онъ намъ импровизатора хочетъ представить? Теки словомъ, Степа, теки, да не проливай, гляди!

Все расхохоталось.

— Презрѣнье — мой отвѣтъ на *глупыя* слова, возразилъ трагическою интонаціей Островетовъ, высокомѣрно глядя на актера,—а слово мое такое, что гульбѣ моей съ вами конецъ... А потому—никого не гоню, но и никого не удерживаю! до-

говорилъ онъ, такимъ же театральнымъ жестомъ руки указывая на дверь.

Компанія такъ и завыла вся:

— Что-о?

— Какъ?...

— За такую дерзость можно и въ физію получить, хрипѣлъ пьяный съ утра быкообразный эксъ-телеграфистъ, писавшій обличительныя статьи въ одномъ изъ листковъ малой прессы подъ всевдонимомъ „Коломенскій Монперъ“.

— Какая блестящая импровизація! невозмутимо хохоталъ Костяковъ, одобрительно кивая головой Степѣ.

— Vous êtes bête, Степа! прошепелявилъ въ то же время съ мѣста, вскидывая плечомъ, недоучившійся студентъ Пятковъ, лучшій его пріятель.

— Господа, *па гро мо, па!* примирительно воскликнулъ на это Пельцъ, декораторъ одного изъ московскихъ театровъ, бывшій въ числѣ компаніи.

Степа вскочилъ, принялъ подходящую, по его мнѣнію, къ данному случаю позу, а именно: сунулъ правую руку за бортъ своего моднаго застегнутаго сюртука, а вытянутыми пальцами лѣвой забарабанилъ по стоявшей предъ нимъ тарелкѣ.

— Répétez! возгласилъ онъ, грозно уставясь глазами на своего обидчика.

— Чего это?

— Répétez! пробасилъ еще разъ Остромстовъ.

— Je vous répéte que vous êtes bête, Степа, повторилъ въ рифму все тѣмъ же своимъ шепелявымъ языкомъ Пятковъ, спокойно глядя ему въ лицо.

Воинственность нашего героя спасовала разомъ за этими словами. Но нельзя же было такъ-таки и поджать хвостъ предо всѣми. Онъ величаво и избѣгая упорно направленнаго на него взгляда Пяткова, проговорилъ, щурясь на противоположную стѣну:

— Вы понимаете, милостивый государь, что потомокъ бояръ Остромстовыхъ не можетъ требовать удовлетворенія отъ перваго встрѣчнаго.

— А ты попробуй, я, можетъ быть, и согласенъ буду, громко засмѣялся на это студентъ.

— Ну-ка, бояринъ, ну-ка, вывернись!.. Тащить тебѣ что-ль царя Рамсая шлемъ, или суповою крышкой голову прикроешь, а то вѣдь тебя Пятковъ пополамъ расшибетъ,—онъ у насъ Бова-королевичъ, надрывался отъ хохота Костяковъ.

Степа быстро повернулся, кинулся къ двери и, полуотворивъ ее, крикнулъ съ порога:

— Убирайтесь вы всѣ къ чорту!..

Коляска была по его приказанію заблаговременно запряжена; онъ вскочилъ въ нее и уѣхалъ.

Невообразимый гамъ и ругня поднялись въ компаніи... „Такъ на вотъ тебѣ, подлецу“, крикнулъ Коломенскій Монперъ, ухватываясь за скатерть и скидывая ее на полъ со всею стоявшею на столѣ посудой... Костяковъ насилу удержалъ расходившихся протестантовъ отъ дальнѣйшаго разора Степинаго обиталища...

Къ вечеру компанія кой-какъ угомонилась и потянулась, кто какъ успѣлъ, на дрогахъ или въ деревенскихъ телѣгахъ, въ городъ, отстоявшій отъ Борисова въ нѣсколькихъ верстахъ, и укатила съ вечернимъ поѣздомъ въ Москву.

Причины, побудившія Острометова такъ безцеремонно изгнать отъ себя живую коллекцію „талантовъ“, которыхъ почиталъ онъ себя меценатомъ, исходили изъ нѣкоего романическаго источника. Еще въ прошломъ году въ Москвѣ, зимой, онъ однажды въ Маломъ театрѣ увидѣлъ въ ложѣ бель-этажа, рядомъ съ графинею Бородинскою, одною изъ почтеннѣйшихъ особъ московскаго большаго круга, бѣлокурую съ темными глазами и бровями дѣвушку, всю отмѣченную тѣмъ высшимъ изяществомъ, о которомъ до сихъ поръ и не снилось никогда нашему недорослю въ томъ разнузданномъ мірѣ, въ которомъ онъ былъ рожденъ, повитъ и вскормленъ. Она была предметъ общаго вниманія и любопытства. Изъ креселъ въ антрактахъ всѣ глаза и бинокли оборачивались то-и-дѣло на ложу, въ которой сидѣла она. „Кто это, кто?“ спрашивалъ Степа, спрашивали и кругомъ его. Но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Юная красавица была очевидно

не Москвичка, а пріѣзжая, „какая-нибудь петербургская родня графини Бородинской“, а изъ знакомыхъ Степы никто, какъ и самъ онъ, не былъ вхожъ въ домъ графини... „Погодите, сейчасъ узнаемъ“, объявилъ онъ, выбѣжалъ въ корридоръ бель-этажа, отыскалъ глазами единственнаго ливрейнаго лакея, находившагося тамъ, и поманилъ его къ себѣ кончиками пальцевъ. Высокій, благообразный слуга, со внушительными бакенбардами и физіономіей, исполненною чрезвычайной важности, только поглядѣлъ на него и не шевельнулся съ мѣста. Степа въ свою очередь изобразилъ на лицѣ своемъ важность и, подойдя къ нему близко, спросилъ его небрежнымъ тономъ:

— Вы графини Бородинской человѣкъ?

— Такъ точно, съ видимою неохотой пропустилъ тотъ сквозь зубы.

— Кто это съ графиней сидитъ молодая особа, не можете мнѣ сказать?

— Не могу знать, отрѣзалъ слуга и отвернулся.

У Степы сжались кулаки, и губы дрогнули въ безсильномъ гнѣвѣ. А дѣлать было нечего: онъ повернулъ налѣво кругомъ и удалился.

Графиня Бородинская и ея спутница поднялись съ мѣста уѣзжать до окончанія спектакля. Степа, не сводившій бинокля съ ихъ ложи, соскочилъ тотчасъ же со своего мѣста и понесся къ подъѣзду. Но дамы уже садились въ карету. „Montez, Marie!“ донесся до него изъ глубины ея старческій голосъ. Дѣвушка легкимъ, словно птичьимъ движеніемъ порхнула въ дверцы; ручка щелкнула, лакей вскочилъ на козлы къ кучеру, лошади тронули...

Ее зовутъ „Marie“: ничего другаго не могъ увнать Степа. Напрасно искалъ онъ случая новой встрѣчи, ѣздилъ каждый день по театрамъ, добился приглашенія на одинъ большой балъ, на который непремѣнно, по его соображеніямъ, должна была пріѣхать графиня Бородинская. Графиня Бородинская была тамъ дѣйствительно, но одна, совершенно одна, и никто на *тонкіе* разспросы его не сумѣлъ отвѣтить, гостила-ли у нея въ послѣднее время какая-нибудь ея петербургская

родня. Степа впалъ даже въ нѣкоторое уныніе и каждый день, закатывая глаза подъ лобъ, присаживался къ фортепіано и тоскливо запѣвалъ:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье...

Видѣнье такъ и *улетучилось*, какъ говорятъ теперь, съ тѣмъ, казалось, чтобы никогда уже болѣе не представать предъ его очарованныя очи...

И вдругъ опять, на дняхъ, среди еле зеленѣющихъ весеннихъ полей, на границѣ своихъ владѣній, онъ встрѣтился съ нею,—она промчалась мимо него на гнѣдомъ англійскомъ скакунѣ, свѣжая, какъ майскій день, подъ своею мягкою шляпой, украшенною вороньимъ крыломъ,—промчалась и тутъ же черезъ минуту сдержала лошадь, остановилась и обернулась, глядя на него издали съ выраженіемъ глубокаго изумленія и едва сдерживаемаго смѣха... А онъ—онъ ѣхалъ шутомъ, въ боярской своей шапкѣ и обшитомъ галунами охобнѣ, на своей гремящей бубенцами тройкѣ,—ѣхалъ къ какому-то мелкопомѣстному сосѣду изъ отставныхъ поручиковъ, состоявшему въ числѣ все той же его „забубенной“ компаніи. Степа покраснѣлъ по самые глаза: сознаніе этого своего шутовства въ первый еще разъ сказалось у него въ мысли. „Пошелъ“! крикнулъ онъ кучеру, машинально опустивъ голову и съежась какъ бы съ тѣмъ, чтобъ умалиться, стаять, исчезнуть отъ этихъ направленныхъ на него издали дѣвичьихъ глазъ. Онъ мчался такъ съ версту, погоняя своего возницу и рискуя сто разъ сломать дроги и колеса своего экипажа на рытвинахъ и колеяхъ размытой тающими снѣговыми ручьями дороги. Когда онъ рѣшился наконецъ глянуть назадъ, наѣздница уже исчезла. „Легче“! приказалъ онъ и вздохнулъ не то радостнымъ, не то тяжелымъ вздохомъ.

Кучеръ, бойкій молодой парень, обращавшійся съ бариномъ съ тою фамильярностью, которую современный прогрессъ внесъ въ нравы молодаго поколѣнія русскаго простонародья (со Степой впрочемъ никто иначе не обращался), обернулся къ нему, широко осклабясь:

— Лихо ѣздитъ барышня! подмигнулъ онъ съ видимымъ одобреніемъ,—первый сортъ!

— Не знаешь кто? быстро спросилъ Степанъ Гавриловичъ.

— Какъ не знать! Перваго, значитъ, богача по здѣшнему мѣсту, генерала Троекурова, дочка будетъ...

Онъ еще разъ обернулся и подмигнулъ барину:—Посвататься бы вотъ вамъ, Степанъ Гавриловичъ.

— А ты помалчивай лучше, своротишь сейчасъ! крикнулъ какъ бы гнѣвно на него Острометовъ.

Но слова парня такъ сочувственно откликались въ глубинѣ его души, что онъ въ то же время чуть не прыгалъ на своемъ сидѣньи... „Дочь генерала Троекурова, перваго богача по здѣшнему мѣсту, вліятельнѣйшаго лица по всей губерніи, со связями, значеніемъ въ Петербургѣ, гордеца, не желающаго принять никакой, ни дворянской, ни земской должности, а между тѣмъ вертящаго всѣмъ и всѣми“,—объ этомъ довольно наслушался Степа отъ сосѣдей со времени пріѣзда своего въ деревню: да кому же и въ самой Москвѣ не извѣстно было имя этого *аристократа*... „Вотъ этакую *кралю* подхватить, да сѣсть съ нею рядомъ въ ложѣ бельэтажа, или проѣхать на тысячныхъ рысакахъ въ коляскѣ, на гуляньѣ въ Паркѣ,—фу ты, *шикъ* какой“! стояло у него неотразимо въ головѣ... Да и чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, не женихъ онъ ей? Онъ и самъ богатъ, и „именитъ родомъ“, и „собой картина“, и „артистъ“,—онъ не видитъ причины, которая могла бы ему помѣшать стать претендентомъ на руку этой красавицы, дочери этого „аристократа“... Надо конечно покончить тотчасъ же съ тѣмъ безобразіемъ, съ тою компаніей, въ которой протекала его жизнь до сихъ поръ: это сказалось какъ-то разомъ, какъ бы какою-то извнѣ налегавшею на него властью въ эту минуту. Кучеръ его поэтому былъ весьма удивленъ, когда, не доѣзжая полуверсты до усадьбы сосѣда, къ которому отправлялись они, баринъ велѣлъ ему свернуть направо и править на Углы, имѣніе предводителя Юшкова, съ которымъ Острометовъ уже былъ знакомъ, какъ съ лицомъ офиціальнымъ, являвшись къ нему по случаю ввода его во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти матери.

Но бойкій парень удивился еще болѣе и даже вознегодовалъ нѣсколько, когда, не отъѣхавъ и нѣсколькихъ саженъ по новому направленію, баринъ отдалъ новое ему приказаніе повернуть назадъ.

— Куда-жь это опять? грубовато спросилъ онъ.

— Домой.

Парень круто и сердито дернулъ вожжами.

— Ну вы, баламуты!.. невѣдомо по какому адресу пропустилъ онъ сквозь зубы.

— А баринъ въ это время разсуждалъ про себя, оглядывая свой боярскій костюмъ: „Нельзя въ этомъ, нельзя; старыхъ понятій господинъ, за *ряженаго* приметъ, въ серьезъ теперь играть требуется“...

Онъ вернулся домой, а на другой день, облачившись съ утра *въ серьезный* туалетъ, вышелъ къ завтраку, за которымъ и произошла та сцена, о которой мы только что доложили читателю и послѣ коей Степанъ Гавриловичъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, выскочилъ изъ столовой и укатилъ изъ Борисова во всю прыть своихъ лошадей.

Онъ на этотъ разъ направился прямо въ Углы, засталъ Павла Григорьевича Юшкова дома и, принявъ, насколько это было въ его силахъ, скромный видъ, сообщилъ ему заискивающимъ тономъ, что онъ, рѣшившись поселиться на постоянное жительство въ деревнѣ, желалъ бы имѣть честь познакомиться съ достойнѣйшими представителями мѣстнаго дворянскаго сословія, а потому и счелъ нужнымъ явиться прежде всего къ нему, Павлу Григорьевичу, а затѣмъ осмѣливается просить представить его, какъ новаго помѣщика, и „его превосходительству генералу Троекурову“, о которомъ онъ такъ много слышалъ, „какъ о лицѣ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ“.

Старый морякъ, чуть-чуть нахмурившись, поглядѣлъ на него (о безсмысленномъ образѣ жизни „новаго помѣщика“ въ его Борисовѣ дошли до него слухи); не нравился ему этотъ жирный, бѣлый, купеческаго склада франтъ, но отказать ему въ просьбѣ онъ не считалъ возможнымъ уже по своему званію предводителя относительно дворянина его уѣзда.

— Извольте-съ, проговорилъ онъ скороговоркой:—я сейчасъ самъ собираюсь во Всесвятское, такъ если вамъ угодно будетъ...

Огоньки запрыгали отъ радости въ глазахъ Степы:

— Съ наслажденіемъ! точно захлебываясь, проговорилъ онъ.

Но, къ немалому его огорченію, тому, на что такъ страстно надѣялся онъ, не суждено было сбыться на этотъ разъ. Во Всесвятскомъ дома была одна Александра Павловна; Троекуровъ съ дочерью уѣхали верхомъ въ городъ, гдѣ у Бориса Васильевича было какое-то дѣло по заводу, и должны были вернуться только вечеромъ. Сама хозяйка страдала мигренью, и Острометовъ понялъ, что было бы съ его стороны совершенно безтактнымъ продолжить свой визитъ болѣе, чѣмъ этого требовало строгое приличіе. Онъ поднялся чрезъ полчаса совершенно безцвѣтнаго разговора и принялся прощаться. Александра Павловна протянула ему руку:

— Борисъ Васильевичъ будетъ очень сожалѣть, что вы не застали его дома. Но, надѣюсь, вы у насъ не послѣдній разъ... Пріѣзжайте по-просту, по-деревенски, какъ-нибудь обѣдать, примолвила она съ обычною ей доброжелательностью и ласковостью обращенія.

— Съ наслажденіемъ! вскликнулъ Степа, поднося руку къ сердцу и расшаркиваясь настоящимъ театральнымъ маркизомъ.

Боясь возвратиться въ Борисово,—гдѣ гости его могли бы остаться на-зло ему, его могла ожидать „нѣкоторая трепка“, какъ говорилъ онъ себѣ мысленно,—онъ отправился изъ Всесвятскаго къ тому сосѣду, къ которому не доѣхалъ наканунѣ, и остался у него ночевать, отправивъ кучера въ Борисово за вѣстями и съ приказомъ пріѣхать за нимъ на слѣдующій день на свѣжихъ лошадяхъ. Парень вернулся съ докладомъ объ отбытіи компаніи, причемъ, молъ, перебита была ею вся фаянсовая и стеклянная посуда, стоявшая на столѣ въ минуту *сцены*.

— Ну ее и съ ними къ чорту! махнулъ на это молодецки рукой Степанъ Гавриловичъ и, сіяющій какъ піонъ, отправился съ успокоеннымъ сердцемъ восвояси.

И вотъ онъ теперь чистокровнымъ Европейцемъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, продушенный иланг-иланговъ, прикатилъ въ каретѣ четверкой къ обѣду во Всесвятское и, округляя руки, раскланивался направо и налѣво и жалъ руки незнакомымъ ему до этой минуты лицамъ, которыхъ ему поименно называла Александра Павловна: „monsienr Blanchard", „Владиміръ Христіановичъ Пецъ", „Петръ Петровичъ Молотковъ"...

— А вотъ и мужъ мой, обернулась она ко входившему въ столовую Троекурову;—monsieur Острометовъ, Борисъ... Ахъ, скажите мнѣ пожалуйста ваше имя и отчество; такъ не ловко безъ этого, улыбнулась она.

— Степанъ Гавриловичъ, низко кланяясь, проговорилъ молодой человѣкъ.

Троекуровъ протянулъ ему руку:

— Очень радъ...

И, обернувшись въ сторону шедшаго за нимъ лица, подвелъ его легкимъ движеніемъ руки къ женѣ:

— Графъ Снядецкій-Лупандинъ, ma chère... А это дочь моя, Марья Борисовна Троекурова, примолвилъ онъ, съ улыбкой указывая гостю на Машу.

Что-то словно шиломъ кольнуло Степу Острометова въ грудь.

Хозяйка представила его до сихъ поръ всѣмъ, кромѣ дочери. А тутъ отецъ первымъ дѣломъ знакомитъ съ нею этого какого-то графа, „навѣрно ужь петербургскаго", и несомнѣнно, чуялъ онъ съ невыразимою тревогой, пріѣхавшаго сюда въ тѣхъ же цѣляхъ, съ тѣми же намѣреніями, съ какими онъ самъ... Но лицо его тутъ же просіяло:

— Pardon, Степанъ Гавриловичъ, поспѣшно проговорила Александра Павловна:—я забыла познакомить васъ съ моею Машей.

Дѣвушка, широко усмѣхаясь своими румяными устами, протянула ему руку и пожала его слегка задрожавшіе пальцы быстрымъ и твердымъ, какъ бы мужскимъ, движеніемъ, между тѣмъ какъ графъ, съ которымъ она только-что обмѣнялась такимъ же рукожатіемъ *на мужской манеръ*, продолжалъ рас-

шаркиваться, склонивъ почтительно голову нѣсколько на-бокъ, словно никакъ не желая уступить въ изяществѣ самому ему, Островетову.

— Ты помнишь господина Свищова? сказалъ Троекуровъ женѣ, указывая на быстро подходившаго къ нимъ „московскаго браво".

— Certainement... Какъ васъ давно не видать было! Вы не живете болѣе въ нашихъ странахъ? спросила она.

— Je suis comme les paladins, toujours par monts et par vaux, отвѣтилъ Свищовъ, молодцовато приподнимая вверхъ одинъ изъ разбойничьихъ усовъ своихъ, наклоняя галантно голову и слегка пристукивая каблукомъ.

— Vous revenez de France, comme toujours? спросилъ его, въ свою очередь, смѣясь, M. Blanchard.

— Un peu, mon neveu! отвѣтилъ тотъ, подмигивая, чистѣйшимъ пошибомъ парижскаго гарiп *).

Blanchard только поглядѣлъ на него и чуть-чуть повелъ плечомъ.

— Господа, милости просимъ, сказалъ хозяинъ, направляясь къ столу.

Александра Павловна сѣла, пригласивъ взглядомъ петербургскаго графа занять мѣсто около себя съ лѣвой стороны (съ правой постоянно сидѣлъ подлѣ нея за столомъ Павелъ Григорьевичъ Юшковъ, когда бывалъ во Всесвятскомъ).

Островетова хозяинъ посадилъ подлѣ себя. Маша заняла свое обычное мѣсто по другой бокъ отца, — и восхищенный Степа имѣлъ такимъ образомъ возможность увидать вблизи предметъ своего тайнаго обожанія. Онъ находился, впрочемъ, въ довольно угнетенномъ состояніи духа. Онъ еще въ первый разъ въ жизни видѣлъ себя въ настоящемъ порядочномъ обществѣ. Все, начиная отъ хозяевъ и кончая послѣднимъ изъ слугъ, носило на себѣ печать той *почтенности*, внутренняго достоинства и какого-то величаваго устоя жизни, о какихъ и понятія не могъ онъ себѣ составить въ богатомъ, но безалаберномъ домѣ своей матери, съ его грубымъ госте-

*) Ученикъ или подмалевщикъ въ мастерской художника.

пріимствомъ и распущенностью, полнымъ съ утра гама, сутолоки и сброда всякихъ, Богъ вѣсть откуда и какъ являвшихся и пропадавшихъ, гостей, имена которыхъ часто едва помнила его хозяйка. Это были совершенно русскіе семья и домъ въ ихъ лучшемъ, возведенномъ въ „перлъ созданія“, по выраженію Гоголя, образѣ, въ которыхъ жилось честно и истово, по завѣтамъ дѣдовской старины, безъ всякихъ уступокъ наслѣдственной правды безпочвенной суетѣ новыхъ временъ. Степа не былъ въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что чувствовалось имъ въ этихъ стѣнахъ, но что-то похожее на испугъ овладѣло имъ въ первыя минуты,—первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ боязнь за свою „порядочность“... Но присущее ему самомнѣніе тотчасъ же взяло верхъ надъ этимъ проблескомъ внутренней скромности, и онъ, поднявъ глаза, обвелъ ими смѣло широкій кругъ своихъ сотрапезниковъ. Вниманіе его привлекалъ болѣе всего „петербургскій графъ“, въ которомъ онъ почему-то чуялъ себѣ соперника и который въ свою очередь испытывалъ, казалось, такое же чувство нѣкоторой неувѣренности въ себѣ. Онъ съ видимымъ стараніемъ тщился попасть въ настоящій тонъ грансеніорства, какой почиталъ для себя обязательнымъ въ своемъ новомъ званіи, отвѣчая на далеко не сложные вопросы хозяйки о томъ, давно-ли онъ изъ Петербурга и долго-ли думаетъ оставаться въ ихъ странахъ. Островетовъ не могъ не замѣтить при этомъ, что глаза этого соперника, обращаясь къ матери, то-и-дѣло искрились косымъ лучомъ по направленію дочери и что выраженіе ихъ не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ впечатлѣніи, какое производила на него юная красавица. Самъ Степа едва смѣлъ глядѣть на нее, а тѣмъ болѣе завести съ нею разговоръ. Сидѣвшій между ними хозяинъ, учтиво обмѣнявшійся съ нимъ нѣсколькими словами безсодержательнаго разговора и впавшій затѣмъ въ какое-то озабоченное повидимому молчаніе, счелъ бы это вѣроятно неприличнымъ, разсуждалъ Степа... Маша видимо также не испытывала никакого особеннаго желанія завести съ нимъ рѣчь и съ серьознымъ лицомъ разговаривала въ полголоса съ высокимъ Француэомъ Бланшаромъ, чертившимъ кончикомъ ножа

по своей тарелкѣ какой-то воображаемый планъ (планъ строившейся во Весвятскомъ новой школы, находившейся подъ особымъ попеченіемъ дѣвушки). Отъ времени до времени глаза ея, какъ замѣтилъ Степа, отрывались на мигъ отъ этой тарелки ея сосѣда и, чуть-чуть прищурившись, устремлялись на противоположную сторону стола, гдѣ, между сѣдовласою дамой съ англійскимъ типомъ облика и плотнымъ господиномъ съ огненною бородой и сердитымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ бѣлокурый и нѣжнолицый молодой человѣкъ, который въ свою очередь задумчиво и украдкой вскидывалъ отъ времени до времени глаза на Машу и тотчасъ же какъ бы боязливо опускалъ ихъ... „Это еще кто?“ спрашивалъ себя Острометовъ, покусывая озабоченно усы.

Маша и Гриша Юшковъ поглядывали другъ на друга съ какимъ-то страннымъ чувствомъ любопытства и какъ бы нѣкоторой безсознательной тревоги. Они давно не видались, почти годъ цѣлый. Что-то совсѣмъ новое сказывалось молодому человѣку въ выраженіи, во взглядѣ, въ сдержанныхъ движеніяхъ этой дѣвушки, успѣвшей за время его отсутствія разцвѣсти во всю полноту своей женской прелести. Онъ не имѣлъ еще случая говорить съ нею, но чувствовалъ заранѣе, что въ ней не оставалось уже и тѣни тѣхъ угловатостей, тѣхъ ребяческихъ вспышекъ и выходокъ, которыхъ такъ часто въ прежнее время былъ у нея предметомъ и „жертвой“, какъ говорилъ онъ ей тогда смѣясь. „Совсѣмъ, совсѣмъ женщина стала“, думалъ онъ, и ему отъ этой мысли становилось какъ будто неловко, и онъ какъ-то невольно морщился и опускалъ глаза. Въ ушахъ его, нежданнымъ наплывомъ воспоминанія, звенѣли слова, сказанныя ему отцомъ въ одну мучительную минуту его недавняго прошлаго, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда, послѣ свадьбы и отъѣзда Антонины Дмитріевны Буйносовой, онъ не зналъ, куда дѣваться отъ снѣдавшей его тоски. Не выдержалъ старикъ однажды, глядя на него. „Не въ томъ бѣда“, сурово проговорилъ онъ, „что муку терпишь, а въ томъ, что счастье ты свое на вѣки погубилъ.“ Озадаченный Гриша поднялъ на него блѣдное лицо свое. „Коли-бъ теперь Борисъ Васильевичъ и Александра Павловна и думали о тебѣ по-

прежнему для Маши", объяснилъ старый морякъ, „такъ я бы самъ по долгу совѣсти счелъ нужнымъ положить этому конецъ..." Хотя ни слова никогда объ этомъ до сихъ поръ не было говорено ему отцомъ, Гриша зналъ, что этотъ бракъ съ Машей былъ сладостнѣйшею мечтой и пламеннымъ чаяніемъ старика и что того же ждали Троекуровы, мужъ и жена, съ самыхъ юныхъ лѣтъ Маши. Онъ зналъ, что въ этой семьѣ не выдадутъ дочери иначе, какъ за человѣка, котораго будутъ знать вдоль и поперекъ, прошлая жизнь котораго будетъ открытою книгой для озабоченныхъ *дѣйствительнымъ* ея счастіемъ родителей. А онъ—его Александра Павловна называла прямо своимъ старшимъ сыномъ, въ немъ Борисъ Васильевичъ видѣлъ своего воспитанника, довѣренное лицо, которому поручалъ онъ ближайшіе свои интересы и надзоръ за управленіемъ своими имѣніями во время своихъ отсутствій изъ Россіи. Онъ зналъ при этомъ, что въ гордомъ сознаніи своей духовной и матеріальной независимости, при своемъ своеобразномъ взглядѣ на обязанности человѣка его положенія *къ землѣ*, Троекуровъ менѣе всего склоненъ былъ прельщаться тѣми преимуществами, которыя давало бы будущимъ претендентамъ на руку его Маши то „свѣтское положеніе", на которое ловятся девяносто девять сотыхъ папенекъ и маменекъ въ Россіи. Ему не нужно было въ зятѣ ни титула, ни денегъ, ни шифра на эполетахъ: онъ хотѣлъ благовоспитаннаго человѣка и работника, который могъ бы быть ему преемникомъ въ той дѣйствительно *земской* дѣятельности, которой посвятилъ онъ всего себя и къ которой, какъ бы предчувствовалъ Борисъ Васильевичъ, его прямой наслѣдникъ, сынъ, питалъ мало склонности. „Къ иному тянетъ Васю"! вырвалось у него однажды въ присутствіи Гриши съ какимъ-то болѣзненнымъ вздохомъ... Все это зналъ Гриша, и давно, не придавая даже этому какого нибудь особеннаго значенія, считалъ какъ бы дѣломъ порѣшеннымъ, что ему въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предстоитъ сдѣлаться мужемъ этой подраставшей бойкой дѣвочки, съ которою онъ постоянно находился въ какихъ-то дружескихъ отношеніяхъ, ссорясь и мирясь съ нею по десяти разъ на день... Страсть къ Антонинѣ Буйно-

совой вырвала какъ бы всесокрушающимъ ударомъ грома изъ души его всѣ его мирныя прежнія помышленія. Читатель уже знаетъ изъ первыхъ главъ нашего разсказа, какое смущеніе вызвала эта страсть въ томъ тихомъ интимномъ мірѣ, среди котораго жилъ до сихъ поръ молодой человѣкъ.

Онъ понялъ тогда изъ словъ отца, что имъ разбито было цѣлое зданіе иллюзій и надеждъ. Но въ ту пору онъ равнодушно, чуть не пренебрежительно отнесся къ этимъ словамъ... А теперь, теперь они звучали въ его воспоминаніи чѣмъ-то щемящимъ и назойливымъ и вызывали рядъ новыхъ воспоминаній всякихъ мелкихъ, ничтожныхъ по себѣ фактиковъ, но изъ совокупности которыхъ слагалось во внутреннемъ его сознаніи убѣжденіе, что отецъ его былъ правъ, что въ намѣреніяхъ родителей Маши относительно его, Гриши, произошло существенное измѣненіе, что „ими потеряна въ него вѣра“, что, обращаясь съ нимъ все такъ же, какъ съ близкимъ, они не видѣли уже въ немъ того, кто такъ долго былъ для нихъ исключительно, родственно дорогъ... И все темнѣе становилось на душѣ молодого человѣка... Время успѣло сдѣлать свое: развращающее, болѣзненное чувство, которое внушила ему Антонина Буйносова, успѣло замереть, оставивъ въ немъ лишь какой-то осадокъ желчныхъ сожалѣній и стыда за себя, за „позорную роль“, въ которую она поставила его относительно себя. Онъ если еще и не забылъ ея, то вспоминалъ какъ сонъ, какъ тяжелый сонъ, подъ впечатлѣніемъ котораго человѣкъ долго не въ состояніи очнуться и войти въ обычную колею жизни. Онъ почиталъ себя теперь радикально исцѣленнымъ, возвращеннымъ къ жизни, „къ здоровой, нормальной жизни“, какъ выражался онъ внутренно. Онъ съ какимъ-то особенно радостнымъ чувствомъ ѣхалъ изъ Петербурга во Всесвятское; онъ тамъ, на берегахъ Невы, жадно стремился „скорѣе, скорѣе опять въ ту родную, здоровую атмосферу, подальше отъ тамошняго безсмыслія и безсердечія, отъ цинизма этого себялюбія, тщеславія и мошенничества“... И вотъ онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь,—но это уже не то, не то, онъ это чувствовалъ какими-то тончайшими фибрами своего существа. А она, эта недавняя „бѣдовая“ дѣвочка, какъ она хороша стала съ этою

ея теперь сдержанностью движеній и спокойнымъ взглядомъ!..

Что думала въ то же время Маша—трудно сказать. Она сама не разбиралась въ путаницѣ мыслей, мгновенно набѣгавшихъ и такъ же быстро исчезавшихъ въ ея головѣ. Это были даже не мысли, а какіе-то обрывки мыслей, какія-то недочувствованныя, торопливыя, рѣзко противорѣчившія другъ другу ощущенія. „И гораздо лучше, если-бъ онъ остался себѣ тамъ, въ Петербургѣ, а то, о чемъ намъ теперь говорить съ нимъ?... Бороду отпустилъ и красный такой... И что онъ тамъ дѣлалъ въ Петербургѣ,—опять въ какую-нибудь влюбился... Папа говорилъ, что ему онъ процессъ выигралъ въ Сенатѣ и что онъ свое дѣло, за которымъ ѣздилъ, хорошо ведетъ, что онъ становится очень *дѣловымъ*,—это очень хорошо... И совсѣмъ не идетъ къ нему борода, зачѣмъ онъ старитъ себя!... Я ему разскажу, непремѣнно разскажу, что я видѣла *ее* за границей... Онъ какой-то сердитый пріѣхалъ, миссъ Симпсонъ говоритъ съ нимъ, а онъ едва отвѣчаетъ; это даже не учтиво... И какъ долго я его не видѣла, цѣлую вѣчность!... Какъ будетъ съ нимъ maman теперь, любопытно. А то она въ послѣднее время будто избѣгала совсѣмъ говорить о немъ... Да и папа тоже...“

— Вы недавно изъ-за границы вернулись, Борисъ Васильевичъ? спрашивалъ между тѣмъ Острометовъ, тяготясь молчаніемъ, которое считалъ нужнымъ хранить до этой минуты.

— Да, отвѣтилъ Троекуровъ, словно съ просонковъ,—я былъ за границей.

— Avec mademoiselle? продолжалъ тотъ, взглядывая на Машу съ видимымъ желаніемъ вызвать ее на отвѣтъ.

— Да, и я была тоже, сказала она.

— Въ первый разъ?

— Въ первый, да.

Степа выразилъ на лицѣ своемъ необыкновенное удовольствіе:

— Я воображаю ваше восхищеніе!

— Чему?

— Ah mon Dieu, всѣмъ... Помилуйте, Европа... Послѣ нашего-то...

Маша подняла на него весело загорѣвшіеся глаза:

— Я наше предпочитаю... Да и вы тоже, кажется?

— Я? Почему вы такъ думаете?

— Я васъ встрѣтила на дняхъ...—вѣдь это были вы? въ такой большой шапкѣ, наряженные въ до-петровскій костюмъ... Я такъ и разсудила, что вы непремѣнно должны быть славянофилъ.

Подъ усами Бориса Васильевича скользнула невольная улыбка; онъ повелъ чуть-чуть взглядомъ въ сторону Степы и затѣмъ осторожно покачалъ головой по адресу дочери.

Степа покраснѣлъ до самыхъ ушей, но нашелся:

— Это у меня фамильный нарядъ, отъ предка моего, Ефрема Остромётова, бывшаго стольникомъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ онъ у васъ хорошо сохранился! самымъ серьезнымъ тономъ проговорила Маша:—я думала, вы его изъ театра взяли.

Хозяинъ счелъ нужнымъ положить конецъ этому разговору:

— Monsieur Blanchard, обратился онъ къ Французу,—въ какую вышину полагаете вы вывести стѣны школы?

Blanchard пустился въ техническія объясненія.

Но и до хозяйки, и до ея гостя съ лѣвой стороны донесся черезъ раздѣляющее ихъ отъ Маши пространство стола хвостикъ разговора ея съ потомкомъ „стольника Остромета“. Александра Павловна вспомнила, какъ Маша на дняхъ, по возвращеніи съ прогулки, разсказывала ей хохоча объ этой встрѣчѣ съ нимъ, и съ ужасомъ, широко окрывъ глаза, устремила ихъ теперь на дочь. Графъ Снядецкій-Лупандинъ повелъ въ свою очередь глазами на смутившееся на мигъ лицо Степы—и ухмыльнулся. Степа поймалъ на-лету этотъ взглядъ и вскипѣлъ съ этой минуты непримиримою ненавистью къ петербургскому „аристократу“...

— Вы объ этомъ съ Борисомъ Васильевичемъ поговорите, громко промолвилъ въ это время Павелъ Васильевичъ Юш-

ковъ, отвѣчая этими словами на цѣлую рѣчь, которую велъ ему съ самаго начала обѣда сидѣвшій подлѣ него Свищовъ.

— О чемъ это? спросилъ оборачиваясь Троекуровъ.

— О желѣзной дорогѣ на ***, которая должна примкнуть къ магистральной линіи у нашего города.

— А развѣ такая линія предполагается?

— Это будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ вашего превосходительства, полушопотомъ, какъ бы таинственно, произнесъ „московскій браво“ и даже подмигнулъ слегка.

Борисъ Васильевичъ вопросительно взглянулъ на него только, и обратился снова съ какимъ-то вопросомъ къ Бланшару.

XII.

Въ гостиной, куда перешли пить кофе, общество разбилось на группы. Хозяйка, ужасно озабоченная мыслью объ „incovenance“ Маши съ этимъ „бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, который въ первый разъ пріѣхалъ въ домъ обѣдать“, всячески старалась собственною своею любезностью изгладить въ немъ „дурное впечатлѣніе“, какое, по ея мнѣнію, должна была произвести на него ея дочь. Она посадила его теперь подлѣ себя, разспрашивала подробно обо всемъ, что въ ея понятіяхъ могло интересовать его: о его матери, о которой она слыхала, какъ о большой музыкантшѣ, о мѣстѣ его воспитанія, о томъ, живалъ-ли онъ и прежде въ деревнѣ и нравится-ли ему природа ихъ мѣстностей. Степа, состоявшій всегда съ матерью въ отношеніи двухъ враждующихъ лагерей, ни въ какихъ мѣстахъ воспитанія не пробывшій долѣе шести мѣсяцевъ и любившій природу единственно на холстѣ театральной декораціи, отвѣчалъ на это, закатывая глаза къ потолку, что, молъ, потеря матери нанесла ему „зіяющую рану, которую никакое время не въ состояніи будетъ закрыть“, что „счастливѣйшими годами его жизни будутъ конечно всегда его студенческіе годы“ и что „жизнь онъ разумѣетъ только *въ природѣ и для природы*“. Александра Павловна даже нѣсколько умилилась, услыхавъ такія хорошія, хотя и не совсѣмъ понятныя ей, слова.

А графъ Снядецкій-Лупандинъ между тѣмъ расточалъ всѣ цвѣты своей петербургской свѣткости предъ взиравшею на него безмолвно и какъ бы пытливо Машей. Она будто

изучала его, она „такихъ“ еще не видала. „Говори, говори, любопытно!“ прочелъ бы онъ, если бы былъ способенъ къ наблюдательности, въ эту минуту въ ея голубыхъ, искрившихся и внимательныхъ глазахъ. Но онъ, сидя противъ нея на кончикѣ кресла съ чашкою кофе въ рукахъ, до горячей влаги котораго не рѣшались еще притронуться его губы, онъ объяснялъ себѣ внимательное выраженіе этихъ глазъ тѣмъ выгоднымъ впечатлѣніемъ, которое очевидно производили на нее его особа, его „свѣтское положеніе“, интересъ, вносимый въ ея „скучную деревенскую жизнь“ тѣмъ, что онъ разсказывалъ ей о столичной жизни, о томъ высшемъ мірѣ, о которомъ, говорилъ онъ себѣ, „она не можетъ имѣть никакого понятія“... Онъ со своего чиновничьяго міровоззрѣнія не въ состояніи былъ угадать, что эта воспитанная въ деревенской глуши дѣвушка складывала въ умѣ своемъ изо всего того, что сообщалъ онъ ей, заключеніе о немъ самомъ, не далеко расходившееся съ тѣмъ, какое о немъ вывелъ большой петербургскій свѣтъ, вслѣдъ за его появленіемъ въ гостиныхъ въ его новоприобрѣтенномъ графскомъ званіи. Онъ почиталъ себя ровней, чуть даже не выше стоящимъ на іерархической лѣстницѣ („вѣдь она же не титулованная“, разсуждалъ онъ) этой дочери „никакой должности незанимающаго отставнаго генерала“, которой повѣствовалъ онъ теперь все о тѣхъ же александровскихъ кавалерахъ, партнерахъ его въ клубѣ, о послѣднемъ выходѣ въ „Зимнемъ“ и о назначеніи графа Паванова, — „этого véritable homme d'état“, поясняялъ онъ внушительнымъ тономъ,—на высшій государственный постъ.

— Павановъ? повторила вопросительно Маша: — ахъ да! вспомнила она,—онъ еще родня папа.

— Род-ня? протянулъ Петръ Капитоновичъ съ особымъ оттѣнкомъ уважительности и впалъ даже въ нѣкоторую задумчивость по этому случаю.

„Тутъ все, все, — красота, воспитаніе, богатство, связи, большія связи!“ перебиралъ онъ мысленно,—„и къ тому еще какой-то оригиналъ или лѣнтяй отецъ, который держитъ ее взаперти въ деревнѣ и ждетъ, чтобы петербургскіе женихи явились къ нему сюда за лакомымъ кусочкомъ... Ну, и пре-

красно, прекрасно, я тутъ теперь, тутъ и посмотримъ теперь, посмотримъ"...

И Петръ Капитоновичъ умильно, искательно прижмуривая глазки отъ сладости охватывавшихъ его чаяній, обращался снова къ дѣвушкѣ съ разсказами о шталмейстерѣ князѣ Шастуновѣ и статсъ-секретарѣ Мольскомъ, съ которыми онъ былъ „tout à fait intime"...

А на противоположномъ концѣ гостиной „Московскій браво", стоя покачиваясь на каблукахъ и вздергивая молодцоватымъ движеніемъ руки зуавскіе усы свои вверхъ, объяснялъ безмолвно курившимъ, сидя на диванѣ, хозяину дома и Павлу Васильевичу Юшкову „неисчислимыя выгоды", обѣщаемыя новопредполагавшеюся желѣзною дорогой, о которой, многозначительно подчеркивалъ Свищовъ, „онъ уполномоченъ переговорить съ ними".

— Кѣмъ же это? коротко спросилъ Троекуровъ.

— Позвольте до поры до времени умолчать объ этомъ, съ тѣмъ же многозначительнымъ видомъ отвѣтилъ тотъ: — *для насъ* прежде всего важно, чтобы ваше превосходительство и многоуважаемый Павелъ Васильевичъ, какъ лица, вліятельныя не только въ здѣшнемъ уѣздѣ, но и во всей губерніи, дали, такъ сказать, моральную опору нашему проекту.

— „Вашему?" Кто же это *вы?* спросилъ опять Борисъ Васильевичъ; — извините меня, я съ анонимами имѣть дѣло не люблю.

Свищовъ сдвинулъ брови:

— Позвольте васъ спросить прежде всего, Борисъ Васильевичъ, признаете-ли вы въ принципѣ полезность этой линіи?

— Это будетъ зависѣть отъ того, на какое серьозное количество грузовъ можетъ разсчитывать она, а слѣдовательно отъ степени ея доходности.

— У насъ все это выработано до малѣйшей подробности. Со мною здѣсь въ портфелѣ подробное исчисленіе, данныя, карта, смѣты, словомъ, всѣ нужныя и точнѣйшія свѣдѣнія... Я все это вамъ сейчасъ же представить могу... Вы на

цифрахъ убѣдитесь, что она будетъ одна изъ доходнѣйшихъ для своихъ акціонеровъ линій въ Имперіи.

— Мѣстности, черезъ которыя должна пройти она, могутъ дѣйствительно доставить ей значительное число зерна, но едва ли чего-либо другаго, замѣтилъ старый предводитель.

— А заводъ его превосходительства, воскликнулъ восторженно Свищовъ,—что онъ одинъ на нее грузовъ дастъ.

Троекуровъ холодно усмѣхнулся:

— Ну-съ, обо мнѣ вы пожалуйста не хлопочите; я и безъ желѣзной дороги могу обойтись.

— Знаю-съ, знаю-съ, воскликнулъ опять тотъ: — у васъ на пятнадцать верстъ къ городу шоссе проводится на собственный вашъ счетъ; вы, по принципу Смайльса, все самопомощью, подмигнулъ онъ по привычкѣ, склоняя преувеличенно голову и прихлопнувъ каблуками.—Я впрочемъ, прошу вѣрить, никакъ бы и не осмѣлился выразить что-либо, что могло бы быть сочтено за captatio benevolentiae, если смѣю такъ выразиться, съ моей стороны. Ваши гражданскіе принципы извѣстны... Я и имѣю единственно въ виду всѣмъ извѣстную ревность вашего превосходительства объ общемъ благѣ...

— Но позвольте, съ видимымъ неудовольствіемъ перебилъ его Троекуровъ, — прежде всего надо знать: входитъ-ли эта линія въ предполагаемую правительствомъ сѣть?

— Нѣтъ-съ, не входитъ... Но ее включатъ, если только земство нашей губерніи согласно будетъ взять на себя инициативу этого дѣла, вѣско произнесъ Свищовъ.

— Вотъ какъ. То-есть, какъ это было въ Орлѣ и Саратовѣ? Но съ тѣхъ поръ, если не ошибаюсь, состоялось именное повелѣніе, чтобы никакихъ *земскихъ* дорогъ не строить и не гарантировать.

Свищовъ ухмыльнулся съ нѣкоторою уже торжественностью:

— Ни строить, ни гарантировать земству и не нужно будетъ. Желается только, чтобъ отъ него получено было формальное постановленіе, что оно считаетъ линію эту необходимою для пользы края.

— И такъ ему и поднесутъ ее, по щучьему велѣнью, вы полагаете? засмѣялся Павелъ Васильевичъ.

— Такъ и „поднесутъ", какъ вы изволите говорить, подтвердилъ, вторя его смѣху и садясь противъ него на стулъ, Свищовъ.

— Вы увѣрены? протянулъ, все болѣе и болѣе хмурясь, хозяинъ дома.

— Безъ этой увѣренности я бы и не осмѣлился заговорить съ вами объ этомъ предметѣ... Я для этого нарочно посланъ сюда изъ Петербурга...

— Въ качествѣ чего же? спросилъ Борисъ Васильевичъ такимъ тономъ, который какъ бы сразу сбилъ съ позиціи петербургскаго посланца.

Онъ даже чуть-чуть покраснѣлъ:

— Я состою участникомъ въ компаніи, которой можетъ быть отдана постройка предполагаемой линіи, отвѣтилъ онъ не сейчасъ, — я предъ вами не считаю нужнымъ это скрывать... Каждый, вы понимаете, при общемъ нашемъ теперешнемъ дворянскомъ разореніи, принужденъ стараться пристроиться, какъ можетъ... Я не полагаю впрочемъ, счелъ онъ нужнымъ примолвить уже бравурно, — я не полагаю, чтобы было стыдно принимать участіе въ дѣлѣ, гдѣ выгода, которую можешь самъ получить отъ него, сопряжена съ прямымъ благомъ цѣлыхъ сотенъ тысячъ населенія... Я вотъ въ этихъ самыхъ видахъ и уполномоченъ моими довѣрителями войти въ сношеніе съ вліятельнѣйшими лицами въ земствѣ нашей и сосѣдней губерній, дабы склонить ихъ къ принятію *активнаго*, такъ сказать, участія въ предпріятіи, дѣйствительно обѣщающемъ—ваше превосходительство никакъ не можете отвергнуть это,—развитіе величайшаго благосостоянія во всей окрестной странѣ.

Троекуровъ пристально воззрился въ него и—неожиданно разсмѣялся:

— Скажите откровенно, кому это нужно въ Петербургѣ?

„Московскій браво" не былъ рѣшительно способенъ къ дипломатической выдержкѣ. Распущенность и благёрство его

натуры тотчасъ же сказались во всемъ выраженіи его задергавшагося лица, его плутовски замигавшихъ глазъ:

— Нужно-съ, до зарѣза нужно кое-кому высокопоставленному...

Но онъ тутъ же смекнулъ, что это была далеко не подобающая серьезности предмета „tenue“ съ его стороны, и, быстрымъ превращеніемъ придавъ чертамъ своимъ глубокомысленность и таинственность, примолвилъ шопотомъ:

— Я могу вамъ только сказать, Борисъ Васильевичъ, что гарантіей въ успѣхѣ нашего дѣла служитъ ближайшее участіе въ немъ одной прекрасной особы... которой отказа быть не можетъ... И онъ подмигнулъ еще разъ.

Хозяинъ не далъ ему договорить. Онъ какъ-то весь разомъ поднялся съ мѣста:

— Ну, знаете, mon cher monsieur Свищовъ, мы лучше этотъ разговоръ оставимъ. Попробуйте ужь вашу агитацію— такъ вѣдь это, кажется, называется теперь въ газетахъ?—начать съ другихъ уѣздовъ или губерній; тамъ вы, можетъ быть, найдете „вліятельныхъ людей“ посговорчивѣе насъ съ Павломъ Васильевичемъ... Потому что, примолвилъ Троекуровъ, взглянувъ на стараго моряка, — мы съ нимъ вѣроятно и теперь, какъ всегда, не разойдемся во мнѣніи...

— Само собой! кивнулъ только подбородкомъ въ отвѣтъ старый морякъ—и поднялся тоже.

Они молча прошли чрезъ всю гостиную къ столу, за которымъ одиноко сражались въ пикетъ докторъ Ѳирсовъ и князь Пужбольскій, продолжавшій все также внутренно дуться на этихъ наѣхавшихъ во Всесвятское гостей, которыхъ онъ на своемъ энергичномъ французскомъ діалектѣ называлъ мысленно огуломъ „une collection d'infects personnages“.

Свищовъ, сильно озадаченный, но видавшій на своемъ вѣку и не такія, какъ говорится, „взбучки“, язвительно поглядѣлъ во слѣдъ отходившимъ отъ него послѣднимъ „Могиканамъ стараго режима“, дернулъ презрительно плечомъ, и безъ васъ, молъ, обойдется дѣло, и направился, улыбающійся, словно

къ грушѣ, сидѣвшей около хозяйки.

прямо противъ нея и, подмиг-

нувъ по неизмѣнному обыкновенію сидѣвшему подлѣ нея Острометову, съ которымъ, не смотря на разницу лѣтъ, издавна состоялъ на ты, и, обращаясь къ Александрѣ Павловнѣ:

— А вы не слышали, спросилъ онъ съ-оника,—какъ поетъ другъ мой Etienne?

— Вы поете? спросила въ свою очередь Степу она.

— Второй Форъ и Котоньи, помилуйте! *) захихикалъ Свищовъ не то восторженно, не то насмѣшливо.

— Ахъ, тогда пожалуйста laissez vous entendre!

И Александра Павловна повела глазами по направленію стоявшаго посреди гостиной большаго рояля:—вы сами аккомпанируете?.. А то Маша могла бы.

— Я давно отказался ото всякой итальянщины и пою только свое родное, сказалъ на это, какъ бы отговариваясь, Степа.

— Чайковскаго романсы поете? быстро отнеслась къ нему съ вопросомъ Маша,—я обожаю всю его музыку.

— Д-да, небрежно отвѣтилъ онъ,—но это не моя спеціальность.

Она открыла большіе глаза:

— А какая же ваша?

— Я *цыганистъ*, отвѣтилъ онъ, снисходительно улыбаясь.

— А!..

— Да-съ, вмѣшался Свищовъ,—и доходитъ въ этомъ жанрѣ до геніальности. C'est épatant de galbe! присовокупилъ онъ фигурнымъ языкомъ парижскихъ gommeux *) и потянулъ усъ кверху.

— Не понимаю! проговорила дѣвушка, вопросительно глядя на него.

Онъ самодовольно ухмыльнулся:

— Языкъ мой все еще не можетъ отвыкнуть отъ своей

---

*) Форъ—извѣстный баритонъ французской парижской оперы; Котоньи—тоже баритонъ, хорошо извѣстный Петербургу и Москвѣ.

*) Та порода модниковъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ обозначалась во Франціи кличкой *львовъ*, „lions“, получила затѣмъ постепенно прозвища „gandins“, „petits crevés“, „cocodès“ и наконецъ „gommeux“, подъ какови̇мъ нынѣ и состоятъ (отъ „*gomme*“ клей).

парижской рѣчи, je vous demande grâce pour lui, mademoiselle. Я хотѣлъ сказать... Но не скажу,—вы сами поймете, когда услышите моего друга Etienne... Матрена Ивановна съ тобой? обратился онъ къ Острометову съ нежданнымъ вопросомъ, отъ котораго ничего не понявшей въ немъ Александрѣ Павловнѣ сдѣлалось даже въ первую минуту жутко.

— Обязательно; мы съ ней не разстаемся, отвѣтилъ, осклабясь въ свою очередь, Степа.

— „Матрена Ивановна“ другъ моего Этьена, поспѣшилъ объяснить Свищовъ, во успокоеніе замѣченнаго имъ ужаса хозяйки,—не есть какая-либо женская особа plus ou moins *pschut*, *) а нѣкое мусикійское орудіе, которымъ онъ владѣетъ не хуже знаменитаго Сихры **). А „Матреной Ивановной“ названо оно Этьеномъ изъ присущаго ему чувства патріотизма, расхохотался невѣдомо къ чему Свищовъ.—Теки за Матреной Ивановной, Etienne!

Степа всталъ и поспѣшно направился изъ гостиной въ переднюю.

Графъ Петръ Капитоновичъ Снядецкій-Лупандинъ счелъ нужнымъ заявить о своемъ недоумѣніи относительно того, что довелось ему слышать сейчасъ:

— О какомъ это „орудіи“ вы говорили и почему оно должно называться „Матреной Ивановной“, не понимаю!...

И онъ съ нѣкоторымъ ироническимъ намѣреніемъ приподнялъ плечи и прищурился на „московскаго браво“.

— Есть много на землѣ и небѣ, другъ мой графъ, что и не снилось вамъ на берегахъ Невы, возразилъ на это находчивый Свищовъ; — воззрите и уразумѣйте! примолвилъ онъ, указывая на Степу, возвращавшагося въ комнату съ крупною, украшенною перламутромъ, семиструнною гитарой въ рукѣ.

— Гитара! Все же не понимаю, почему она должна называться Матреной Ивановной, игриво началъ опять графъ:— инструментъ преимущественно испанскій; ее бы скорѣе слѣдовало назвать Инезильей или Пахитой, n'est-ce pas, ma-

*) Словцо, въ новѣйшіе дни замѣнившее въ Парижѣ прежнее „chic“.
**) Извѣстный гитаристъ.

demoiselle? обратился онъ съ этимъ вопросомъ и умильною улыбкой къ Маріи Борисовнѣ.

Она ничего не отвѣтила, съ видимымъ молодымъ любопытствомъ вся устремившись глазами на Острометова и его „орудіе".

— Такъ прикажете? спросилъ тотъ хозяйку, усаживаясь на прежнее мѣсто.

— Ахъ пожалуйста, я очень рада...

— Съ чего же начать? говорилъ онъ, натягивая колки на ручкѣ гитары.

— А вотъ сейчасъ графъ про Испанію сказалъ: ты и поднеси ему изъ андалузской поэзіи, посовѣтовалъ Свищовъ.

Степа запѣлъ. Голосъ его, уже значительно надорванный, звучалъ все еще прелестными звуками мягкаго груднаго баритона съ теноровымъ тембромъ и наусканнымъ цыганскимъ пошибомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ по качеству голосовъ, которые, какъ большинство получаемыхъ русскими людьми отъ природы даровъ, гибнутъ безвременно отъ нерадѣнія и недостатка школы... Пѣлъ онъ на весьма извѣстный, дѣйствительно *испанскій* мотивъ какія-то невозможныя слова:

За любовь мою въ награду
Ты мнѣ слезку подари,—
И помчусь я съ ней въ Гренаду
На крылахъ моей любви.

Разсѣянные по угламъ гостиной чада и домочадцы Всесвятскаго торопливыми и осторожными шагами потянулись къ поющему и сомкнулись кругомъ него внимательною тѣсною стѣной. Пужбольскій, сдававшій въ эту минуту карты, откинулся, не додавъ прикупки, въ спинку своего стула, восклицая:

— Tudieu, quelle voix!... Но что это за слова, какія онъ слова поетъ?

Тамъ я въ перстень драгоцѣнный
Эту слезку заключу,
И за талисманъ чудесный
Своей кровью заплачу.

продолжалъ заливаться Степа.

— Non, c'est un peu fort, это чортъ знаетъ, что такое!

такъ и прыснулъ пламенный князь, вскакивая съ мѣста;—онъ хочетъ летѣть въ Гренаду со слезкой, съ одною слезкой, pour la fourrer dans une bague... Да вѣдь она по дорогѣ сто тысячъ разъ успѣетъ *высыхать* „на крылахъ его любви“... И онъ за это будетъ свою кровь проливать; oh l'imbécile, l'imbécile!...

Онъ кинулся съ мѣста къ пѣвцу, сопровождаемый смѣшливымъ докторомъ, которому и голосъ Остроме́това, и этотъ комическій взрывъ его партнера доставляли равно не малое удовольствіе.

— Pardon, monsieur, обратился князь къ Степѣ, едва допустивъ его допѣть до конца,—кто эти слова сочинилъ, которыя вы сейчасъ пѣли?

Степа какъ бы смущенно опустилъ глаза:

— Пріятель мой одинъ...

— Самъ, самъ творилъ, прервалъ его Свищовъ, надрываясь отъ хохота и подмигивая спрашивавшему обоими глазами:— все его, и слова, и *музыка*, подчеркнулъ онъ лукаво.

— Ah!... Alors je n'ai rien à dire, проговорилъ, кланяясь, Пужбольскій и быстро зашагалъ назадъ къ покинутому имъ игорному столу.

Инцидентъ этотъ нисколько впрочемъ не помѣшалъ дальнѣйшему успѣху „втораго Фора“. Несомнѣнно красивый голосъ его и самый этотъ цыганскій пошибъ его пѣнія, неотразимо дѣйствующій на русскіе нервы, произвели на зрителей самое чарующее впечатлѣніе. Маша, не отрываясь, слѣдила за переборами руки его по струнамъ гитары, какъ будто отъ нихъ, отъ этихъ струнъ, неслись тѣ живые звуки, которые глубоко хватали его за душу; но глазъ она не поднимала. „Взглянешь на его лицо — и разочаруешься“, проносилось у нея въ мысли... Самъ Борисъ Васильевичъ, опустившись въ отдаленіи въ кресло и закрывъ глаза рукой, словно ушелъ весь во мглу какихъ-то далекихъ, щемящихъ воспоминаній. Учитель Молотковъ, самъ весьма музыкальный и обладавшій хорошимъ голосомъ молодой человѣкъ, билъ безсознательно ладонями по воздуху, намѣчая ладъ пѣсни и весь словно потонувъ въ ея забирающей мелодіи...

Но вотъ Степа оборвалъ вдругъ, шевельнулъ плечами, огля-

нулся кругомъ какимъ-то строгимъ взглядомъ. Руки его мягко притронулись къ струнамъ опять...

Ай, ту, береза...

Началъ онъ pianissimo, и чѣмъ-то неотразимо жгучимъ ударило теперь по сердцамъ у всѣхъ. Что-то, ни съ чѣмъ не сравнимое, родное, самобытное, несущее къ какой-то далекой, таинственной старинѣ, что-то бодрящее и сладко томительное въ одно и тоже время плыло и сверкало въ волнѣ этихъ звуковъ, приправленныхъ какими-то безсмысленными, дикими словами... Все замерло на мигъ въ лихорадочномъ ожиданіи, готовое тутъ же пристать на самой вершинѣ постепенно крѣпчавшаго crescendo...

Ай, ту, береза,
Ту мира береза,
Ай, ту, матессе,
А я тверeза.
Ой, думала, думала,
Ой, гадала, гадала! *)

И дѣйствительно, Островетовъ внезапно метнулъ еще разъ взглядомъ кругомъ, и всѣ, Маша, Молотковъ, Пецъ, Гриша, докторъ Ѳирсовъ, сіяя мгновенно загорѣвшимися глазами, подхватили разомъ:

Ай, ту, береза...

— Народъ, сочинившій такую вещь—великій народъ, батенька мой! воскликнулъ докторъ Ѳирсовъ, швыряя карты свои на стомъ въ порывѣ восторга.

— Не сочинилъ, закипятился тутъ же Пужбольскій, — а занесъ съ какихъ-нибудь вершинъ Памира, или въ Золотой Ордѣ ей научился. Это Востокъ, чистый Востокъ, mon cher monsieur...

— Россія-матушка, ширь, русская, необъятная ширь, стоялъ на своемъ Ѳирсовъ, смаргивая съ рѣсницъ выкатившіяся на нихъ слезы.

*) Цыганскія пополамъ съ русскими слова: „*Ту*“, ты; „*мира*“, моя „*матессе*“, пьяна (на томъ основаніи, что береза *качается*).

Одинъ графъ Снядецкій-Лупандинъ не примыкалъ впечатлѣніями своими къ такому потоку общаго увлеченія. Онъ даже удивлялся, что „дѣвушка хорошаго дома, какъ дочь генерала Троекурова, могла такъ прямо, вмѣстѣ съ какими-нибудь служащими у ея отца“ подпѣвать „глупой цыганской пѣснѣ“... „Ужь конечно въ Петербургѣ она себѣ этого сдѣлать не позволила бы... но тутъ, конечно, провинція“... А „этотъ поющій купчикъ“, на котораго „точно на Патти глазѣетъ и съ ума сходитъ здѣшняя деревенщина“, — онъ ему рѣшительно не нравился...

Подсѣвшій къ нему Свищовъ еще болѣе разбередилъ проступавшее у него чувство нерасположенія къ „этому купчику“:

— Талантъ-съ своего рода, шепнулъ онъ ему на ухо, подмигивая и хихикая,—соперникъ опасный!

Петръ Капитоновичъ огрызся:

— Не нахожу, и притомъ къ чему тутъ вы о какомъ-то соперникѣ говорите!..

И онъ отвернулся отъ него, изображая на лицѣ своемъ оскорбленное достоинство.

— Тридцать тысячъ дохода и отъ поротыхъ Татарами знаменитыхъ бояръ происходитъ, хихикнулъ еще разъ ему подъ ухо, не смущаясь, нахалъ.

— Еще, еще, пожалуйста!... раздавалось кругомъ между тѣмъ.

— „Чаруй меня, чаруй“! запѣлъ даже съ мѣста, къ общему хохоту, своимъ фальшивымъ голосомъ Өирсовъ, на припѣвъ извѣстнаго романса Даргомыжскаго.

Пѣніе продолжалось до истощенія всего, имѣвшагося въ запасѣ у Степы, репертуара. Общее настроеніе притомъ поднято было до той точки возбужденія, за которою неминуемо должно слѣдовать утомленіе. Но всѣ еще глаза горѣли, и что-то разнѣженное сказывалось у всѣхъ на лицахъ...

— А гдѣ же Вася? спросила вдругъ Александра Павловна, обернувшись къ наставнику сына, Павличку, тихо въ эту минуту подошедшему и опустившемуся на стулъ за ея кресломъ;—онъ тутъ былъ сейчасъ...

— Онъ сказалъ мнѣ, что къ себѣ пойдетъ, отвѣтилъ тотъ какъ бы нѣсколько недовольнымъ тономъ.

— Здоровъ онъ? тревожно спросила она.

— Совсѣмъ здоровъ, я спрашивалъ...

— Такъ отчего же... не договорила она.

— „Шумно", говоритъ, „слишкомъ".

Она вздохнула.

— Я его удерживалъ... Но полагаю, что было бы вредно, если бы принуждали его къ тому, что̀ противно его наклонностямъ. Это только заставило бы его упорнѣе слѣдовать имъ, объяснилъ, будто извиняясь въ чемъ-то, Павличекъ.

— Да, да, конечно, прошептала Александра Павловна, подавляя новый вздохъ.

— Ну-съ, пора, Троженковъ ждетъ насъ, шепнулъ, подходя опять къ графу, „московскій браво",—десятый часъ въ началѣ, пока доѣдемъ...

Петръ Капитовичъ растерянно (ему даже жутко стало отъ мысли, что „вотъ-вотъ сейчасъ и уѣхать отсюда надо",) взглянулъ на него, но тутъ же послушно поднялся съ мѣста и сталъ прощаться.

— Развѣ вы не поужинаете съ нами? спросила любезно, удерживая его, хозяйка.

— Mille mercis, madame, отвѣтилъ за него расшаркиваясь Свищовъ,—луна взошла, какъ разъ время пуститься въ путь по нашимъ отвратительнымъ *путямъ преграждения*, сострилъ онъ;—au clair de la lune mon ami Pierrot и покорный вашъ слуга будутъ имѣть, по крайней мѣрѣ, возможность знать, на какомъ именно мѣстѣ обречены они сломить себѣ шею, громко захохоталъ онъ въ заключеніе, между тѣмъ какъ исполненное все того же достоинства лицо его товарища по путямъ *преграждения* стало вдругъ чернѣе тучи.

Степа, перекинувъ черезъ плечо орденскую ленту, на которой подвязана была его „Матрена Ивановна"—что̀ придавало ему нѣкій видъ маскараднаго трубадура,—принялся прощаться въ свою очередь.

— Спасибо вамъ, ото всей души спасибо! горячо проговорила Маша, протягивая ему руку и крѣпко, своимъ муж-

скимъ движеніемъ, сжимая ее, — вы намъ всѣмъ доставили сегодня такую радость... Я говорю *радость*—это больше, чѣмъ удовольствіе... Надѣюсь, это не въ послѣдній разъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— N'ayez peur, mademoiselle, возгласилъ за него Свищовъ,—другъ мой Etienne и неразрывная съ нимъ Матрена Ивановна къ услугамъ вашимъ во всѣ дни и часы ихъ музами хранимаго существованія.

— Позвольте, говорилъ тѣмъ временемъ графъ, подходя къ Борису Васильевичу и раскланиваясь съ самою отборною свѣтскостью,—позвольте выразить вашему превосходительству душевнѣйшую благодарность за ласковый пріемъ вашъ... и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ дозволеніи теперь, какъ сосѣду, наскучать вамъ изрѣдка моимъ посѣщеніемъ...

— Очень радъ... До свиданія! промолвилъ Троекуровъ, пожимая протянутую ему руку.—*Прощайте-съ*, замѣтно подчеркнулъ онъ, отвѣчая этими словами на прощальный поклонъ подошедшаго въ эту минуту Свищова...

„Э-э, да это, братъ, тебѣ абшидъ en toute forme", основательно объяснилъ себѣ Петръ Капитоновичъ и покосился на своего спутника, сложивъ губы въ презрительную по адресу его улыбку.

Хозяева, по неизмѣнному имъ обычаю, проводили гостей до самой передней.

— Il est vraiment tout à fait impossible, ce monsieur Свищовъ, тихо сказала мужу, возвращаясь въ гостиную, Александра Павловна, — у него со всѣми такая непріятная фамильярность...

— Всѣ они хороши, промолвилъ сквозь зубы Борисъ Васильевичъ: — обращики русской воспитанности въ послѣдовательности поколѣній.

И онъ отошелъ къ Павлу Васильевичу Юшкову и усѣвшемуся подлѣ него директору завода Пецу, оживленно о чемъ-то заговорившимъ въ эту минуту.

Александра Павловна быстро прошла чрезъ гостиную въ

свой покой, а оттуда въ отдѣленіе дома, которое занимали сынъ ея и Вячеславъ Іосифовичъ Павличекъ.

Между тѣмъ, въ тарантасѣ, увозившемъ изъ Всесвятскаго графа Снядецкаго-Лупандина съ его спутникомъ Свищовымъ, происходилъ такого рода разговоръ.

— Вы меня извините, говорилъ Петръ Капитоновичъ (онъ былъ очень возбужденъ и видимо старался поддержать въ себѣ это возбужденіе), — вы меня извините, но я принужденъ выразить... замѣтить, такъ сказать, вамъ мое удивленіе тому, какъ вы, можно сказать, странно... болѣе даже, чѣмъ странно, относились ко мнѣ въ домѣ, гдѣ я въ первый разъ... и гдѣ по моему положенію я заслуживаю, позвольте мнѣ сказать, болѣе уваженія...

— Да вы это о чемъ, съ чего вы? спрашивалъ недоумѣло „московскій браво“, стараясь въ темнотѣ разглядѣть выраженіе лица говорившаго.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ язвительно тотъ,—что, сколько я могъ замѣтить, сами вы не пользуетесь въ этомъ домѣ какимъ-нибудь, такъ сказать, особеннымъ расположеніемъ.

— А на чорта оно мнѣ нужно! воскликнулъ нахалъ, — плюю я на ихъ расположеніе.

— Такъ, можетъ быть, и они со своей стороны... началъ и не договорилъ графъ,—а это мнѣ, позвольте вамъ сказать, весьма не пріятно, что вы позволяете себѣ при дамахъ называть меня такимъ неприличнымъ образомъ...

— Какъ это называть... про что это вы?

— Сами, кажется, должны понять!... Если бы мы были съ вами и въ болѣе, такъ сказать, интимныхъ отношеніяхъ, такъ и тутъ... А мы съ вами недавно только на желѣзной дорогѣ познакомились, и вы позволяете себѣ при дамахъ называть меня какимъ-то Pierrot... Я для васъ не Pierrot, милостивый государь, и ни для кого не желаю быть Pierrot, и не могу дозволить вамъ этой дерзости, кипятился все болѣе и болѣе Петръ Капитоновичъ,—не могу и не хочу! кричалъ онъ уже крикомъ, стуча кулакомъ по кожанному фартуку, пристегнутому къ кузову тарантаса.

Свищовъ расхохотался самымъ безцеремоннымъ образомъ:

— Ахъ, такъ это вы вотъ изъ-за чего, изъ-за французской пѣсенки, которую всякое малое дитя знаетъ:

Au clair de la lune
Mon ami Pierrot...

— И я знаю-съ, я не хуже васъ воспитанъ:

Prête-moi ta plume

и прочее... Только вы не имѣли никакого права относить это ко мнѣ, и я покорнѣйше прошу васъ не забывать, что я въ моемъ положеніи... въ моемъ, такъ сказать, званіи, произнесъ онъ съ необыкновенною внушительностью,—не могу этого ни вамъ, ни кому иному на свѣтѣ дозволить.

— Ого, какъ грозно, ваше сіятельство! захохоталъ, не смущаясь, изъ своего угла Свищовъ;—это что же должно собою изображать: вызовъ мнѣ что-ли?

— То-есть, какъ вы это понимаете: „вызовъ?“ опѣшилъ внезапно графъ Снядецкій-Лупандинъ.

— На барьеръ, то-есть, желаете поставить меня? объяснилъ спокойно тотъ: — такъ я отъ этого никогда не отказываюсь, считаю долгомъ предварить васъ.

Петру Капитоновичу сдѣлалось холодно:

— Я полагаю, въ настоящемъ случаѣ было бы, такъ сказать, рановременно прибѣгать къ такой крайности, пробормоталъ онъ, кутаясь какъ-то особенно тщательно въ шинель свою,—но я васъ очень прошу впредь...

— Такъ что-жь объ этомъ толковать! перебилъ его спутникъ на полусловѣ.—Есть у васъ спички папироску зажечь?..

XIII.

Гриша Юшковъ въ теченіе всего вечера не проронилъ ни слова. Онъ сидѣлъ вдали отъ пѣвшаго Острометова, погруженный въ какое-то странное настроеніе духа. Волна пѣнія уносила и его вмѣстѣ съ прочими, но къ сладостному ощущенію, производимому на него этимъ пѣніемъ, примѣшивалось какое-то назойливое ощущеніе недовольства, что-то похожее на досаду не то на самого себя, не то на пѣвца, на нескрываемый восторгъ, возбуждаемый его голосомъ въ слушателяхъ его и слушательницахъ... Этотъ „концертъ", проносилось у него въ мысли, нарушалъ весь обычай, весь издавна знакомый и дорогой ему обычай вседневной жизни во Всесвятскомъ: тихіе разговоры въ тѣснодружескомъ кружкѣ или чтеніе хорошей книги за круглымъ столомъ, на которое послѣ вечерняго чая собирались всѣ жители дома, веселый смѣхъ Маши, вѣчные споры его съ нею... Онъ ѣхалъ изъ Петербурга, радостно чая найти все тѣми же эти издавна заведенные милые ему порядки. И вдругъ не то, совсѣмъ не то: новыя лица, глупая гитара какая-то... И никогда музыкантшею *она* не была, а теперь и не оторвешь ее, точно будто околдованная сидитъ... И онъ изподлобья слѣдилъ, все замѣтнѣе хмурясь и покусывая губы, за восхищеннымъ выраженіемъ искрившихся глазъ дѣвушки,—и на душѣ его становилось все тоскливѣе и тоскливѣе...

Онъ поспѣшно поднялся съ мѣста и отошелъ въ самый отдаленный уголъ гостиной, къ одному изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, въ ту минуту, когда гости поднялись про-

щаться: ему инстинктивно претило быть вынужденнымъ подать руку этимъ незнакомымъ и уже антипатичнымъ ему людямъ.

Въ окно свѣтилъ сквозь полуобнаженныя еще вѣтви кленовъ и липъ поднявшійся на темно-голубое ночное небо мѣсяцъ, и какія-то веселыя узорчатыя тѣни бѣжали, словно играя, по дорожкамъ сада, по просохшей уже глади террасы, разстилавшейся предъ домомъ. Гриша заглядѣлся на нихъ и обернулся, лишь когда никого изъ „чужихъ“ уже не оставалось въ гостиной. Пецъ, Молотковъ, Blanchard вышли вслѣдъ за хозяевами въ сѣни провожать ихъ. Одинъ Павелъ Васильевичъ, убаюканный музыкой, остался дремать въ углу дивана, да князь Пужбольскій съ докторомъ Ѳирсовымъ продолжали сражаться въ пикетъ на противоположной сторонѣ комнаты... Но нѣтъ, вотъ и она тутъ,—Маша... Она откинулась головой въ спинку своего кресла и, уложивъ руки на его ручки, сидитъ недвижно, уставившись взглядомъ въ пространство въ какомъ-то „блаженномъ“, желчно сказалось ему въ мысли, забытьи...

Онъ подошелъ къ ней съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ.

— Я не зналъ, началъ онъ съ напускною насмѣшливостью,—что на васъ такъ можетъ сильно дѣйствовать музыка.

— Почему же вы думали? сказала она, не перемѣняя положенія.

— Вы никогда даже и учиться ей не хотѣли. Я помню, что̀ изъ-за этого въ оны дни было у васъ слезъ и капризовъ съ маменькой, засмѣялся онъ въ отвѣтъ.

— И не хотѣла играть никогда, потому что чувствовала, что никогда изъ этого у меня ничего не выйдетъ. И оттого именно, что любила всегда музыку, не хотѣла оскорблять своихъ ушей тѣмъ, что̀ могла ожидать отъ собственнаго моего исполненія.

— Оригинально, какъ и все у васъ, а впрочемъ...

Онъ не договорилъ.

— „Впрочемъ“ что̀?

И она пристально теперь остановила на немъ свои лучистые глаза.

— Вы для меня теперь почти совсѣмъ новое лицо. Я оставилъ васъ ребенкомъ...

— А теперь, перебила она его,—находите во мнѣ такую перемѣну, что узнавать болѣе не хотите. Такъ?

— Почему же „не хочу?“ возразилъ онъ съ живостью;— очень прошу напротивъ.

— Чего это?

— Позволить возобновить съ вами знакомство, насилованно засмѣялся онъ опять.

— Вы въ самомъ дѣлѣ этого желаете? спросила чуть не строго дѣвушка.

— Я полагаю, что сомнѣваться въ этомъ вы даже права никакого не имѣете, сказалъ на это Гриша, подавляя внезапное смущеніе.

Она опустила на мигъ глаза, сжавъ раздумчиво брови:

— А Петербургъ что же? какъ бы ни къ селу, ни къ городу обратилась она къ нему съ вопросомъ.

Но онъ понялъ.

— Тоска, мертвечина, отвращеніе! вырвалось у него прямо изъ души.

Она улыбнулась чуть-чуть, какъ бы одобрительно кивнула подбородкомъ, замолкла опять на минуту и вдругъ подняла на него еще разъ глаза снизу вверхъ во всю сіяющую ширину ихъ.

— А я кого-то видѣла въ Венеціи, Григорій Павловичъ!...

— Кого это? спросилъ онъ дрогнувшимъ невольно голосомъ и мгновенно вспыхивая по самые глаза.

— Вотъ этого я терпѣть не могу,—лицемѣрія! вскликнула пылко Маша:—вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю.

— Положимъ—знаю, отвѣтилъ онъ не сейчасъ,—что-жь изъ этого?

Она въ свою очередь не сейчасъ отвѣтила:

— Это вамъ лучше знать, чѣмъ мнѣ.

— Мнѣ это все равно, произнесъ онъ съ неожиданною, поразившею дѣвушку искренностью выраженія, твердостью.

— И это правда? протянула она, глядя на него избока.

— Что же, вы полагаете, и онъ пожалъ плечами, — если

кто-нибудь схватилъ простуду, такъ ему вѣкъ и оставаться простуженнымъ.

— Такъ это часто и бываетъ, возразила она вдумчиво.

Онь усмѣхнулся опять:

— Нѣтъ, слава Богу, я изъ больницы выписался.

Чуть-чуть замѣтная улыбка пробѣжала по губамъ Маши, но она какъ бы недовѣрчиво, медлительно закивала своею бѣлокурою головкой.

— Вы не вѣрите? поспѣшно спросилъ онъ.

— Почему же, если вы говорите... Только..

Она не договорила, какъ бы о чемъ-то задумавшись вдругъ.

— Что̀ „только“?

— Нѣтъ... я думала, чѣмъ же вы жить теперь будете...

„Тобою“! чуть не сорвалось съ устъ молодаго человѣка въ какомъ-то внезапномъ порывѣ всего его охватившей нѣжности.

— Такъ вы полагали, что безъ *этого* мнѣ и жить нельзя будетъ? спросилъ онъ громко, стараясь придать голосу своему насмѣшливый оттѣнокъ;—въ мои годы есть въ жизни другіе задачи и идеалы.

— Ну да, „въ ваши годы“, это у васъ старая привычка говорить о вашихъ годахъ; только годы ничего не значатъ... Вы знаете пословицу: каковъ въ колыбелкѣ, таковъ и въ могилкѣ...

Она вдругъ вздохнула:—У васъ характера нѣтъ, Гриша, вотъ бѣда!

Гришу Юшкова всего передернуло. Ничто такъ обидно и болѣзненно не могло задѣть его, какъ подобный упрекъ, и потому именно болѣзненно и обидно, что самъ онъ въ глубинѣ сознанія не могъ не признать всей основательности этого упрека. Но все же не хотѣлось ему склонить безотвѣтно голову подъ этимъ ударомъ:

— Съ вашей стороны не великодушно, во-первыхъ, злоупотреблять превосходствомъ *характера* вашего надъ моимъ, подчеркнулъ онъ, стараясь принять шутливый тонъ; — а, во-вторыхъ, если это и дѣйствительно такъ, такъ вѣдь это относится не къ одному мнѣ, Марія Борисовна. Я сынъ своего

вѣка, а люди этого вѣка всѣ, какъ извѣстно, безхарактерны... Возьмите хоть всѣ мужскіе типы у Тургенева; развѣ въ нихъ вы найдете хоть одного героя, похожаго на тѣхъ, которыми восхищаетесь вы въ Вальтеръ-Скоттѣ или даже въ вашихъ нынѣшнихъ англійскихъ романахъ? Всѣ они въ своемъ родѣ Гамлеты... или вѣрнѣе даже Гамлетики, маленькіе, узенькіе Гамлетики, прибавилъ онъ съ невеселою ироніей, — но во всѣхъ ихъ одна общая имъ черта: преобладаніе разсудка, фантазіи, „рефлективности“, какъ говорится, надъ волей, надъ дѣйствіемъ. Положимъ, самъ Тургеневъ принадлежалъ къ типамъ этого сорта, но всѣ мы воспитались на нихъ и на немъ; всѣ мы взросли подъ условіями, при которыхъ не на чемъ было развиваться въ насъ элементу воли, некуда было употребить ее...

— А отецъ мой? а вашъ отецъ? пылко перебила его Маша,—вы ими были воспитаны, а никѣмъ другимъ; развѣ есть въ нихъ хоть тѣнь чего-нибудь похожаго на ваши жалкіе „Тургеневскіе типы“?.. Я ихъ оттого-то и терпѣть не могу всѣхъ, что они такъ жалки, такъ постыдны для насъ, русскихъ!...

Горячія слова эти отозвались новымъ щемящимъ чувствомъ въ душѣ молодаго человѣка.

— Да, пробормоталъ онъ,—отецъ вашъ, мой отецъ—это другіе люди, но вы забыли о той прежней школѣ, чрезъ которую прошли они, о тѣхъ устояхъ, на которыхъ держалось все то, чему служили они. А вѣдь мы, мое поколѣніе, мы взросли на свѣжихъ обломкахъ стараго и въ хаосѣ постройки новаго, недодуманнаго, недодѣланнаго, недосказаннаго. У насъ изъ рукъ вырвали нити, связывавшія насъ съ прошлымъ, а свѣта не дали, чтобы разобраться въ темнотѣ обѣщаемаго намъ будущаго. Откуда же намъ характера набраться, Марья Борисовна?

Она медленно покачала головой:

— Не то, совсѣмъ не то вы говорите. Они, тѣ, о ѣ сказала, вынесли изъ стараго все лучшее, что можетъ жить и теперь, и чѣмъ они и теперь „служатъ“, какъ говорите. Ничего отъ васъ больше и не требуется—жи

поступайте такъ, какъ они живутъ и поступаютъ,—по совѣсти и по долгу.

— Я не полагаю, чтобы съ этой стороны могъ кто-либо обвинить меня, возразилъ нѣсколько обидчивымъ тономъ Гриша.

— Ахъ, вы не понимаете меня! вскликнула нежданно со слезами въ голосѣ дѣвушка:—я видно не умѣю объяснить, но понимаете вы, что мнѣ это больно, точно ножемъ меня рѣжутъ, когда я вижу, что послѣ *того*,—вы знаете, проговорила она какъ бы въ скобкахъ,—другое совсѣмъ, чѣмъ прежде, думаютъ о васъ всѣ у насъ. Вы, можетъ быть, и не замѣтите сами, потому что васъ все такъ же любятъ, какъ прежде, но... не знаю, какъ это сказать... но уже *не впрятъ* въ васъ такъ, какъ до *этого*.

— Вамъ и не нужно было говорить мнѣ объ этомъ, вздохнулъ Гриша:—я чутокъ на такіе оттѣнки, я давно замѣтилъ... и не виню никого: такъ это и должно было случиться... Обо мнѣ составилось мнѣніе въ теченіе годовъ, котораго я въ дѣйствительности не заслуживалъ,—никто не виноватъ, кромѣ меня самого, въ томъ, что подо мной разбился пьедесталъ, на который возвела меня слишкомъ большая благосклонность къ моей особѣ... А теперь все кончено, Марья Борисовна, да? спросилъ онъ дрожащимъ шопотомъ, съ лихорадочною тревогой въ глазахъ.

— Ахъ, и не знаю, ничего я не знаю! вскликнула она, вскакивая нежданно съ мѣста,—ничего не могу сказать.

И она быстрыми шагами отошла отъ него.

— Куда же вы? спросилъ онъ чуть не съ отчаяніемъ.

— Къ брату Васѣ. Мама сейчасъ прошла, вы и не замѣтили... Она навѣрно къ нему, не заболѣлъ-ли онъ!...

XIV.

Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ...
И не разъ въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ упоеніи молитвы
Находилъ покой.

Фетъ. *Легенда.*

По пути къ покоямъ брата Маша встрѣтилась съ возвращавшеюся оттуда матерью.

— Ты къ Васѣ? спросила Александра Павловна.

— Да, maman, я вижу, вы ушли къ нему, и подумала, здоровъ-ли онъ...

— Ничего, говоритъ, совершенно здоровъ, и дѣйствительно жару нѣтъ, голова свѣжа. Онъ ушелъ къ себѣ потому, говоритъ, „слишкомъ шумно“, и онъ этого не любитъ... Ахъ, Боже мой, проговорила вдругъ болѣзненно Александра Павловна, опускаясь въ кресло (разговоръ происходилъ въ ея маленькой гостиной),—я ужь и не знаю, что будетъ съ нимъ дальше.

— Съ Васей, maman?... о чемъ вы безпокоитесь?

— Ахъ, Marie, развѣ ты не видишь, развѣ онъ похожъ на мальчика его лѣтъ? Ни рѣзвости, ни смѣха, безотвѣтный и смиренный какой-то, точно подстрѣленная птичка...

— Онъ прелесть просто, maman, святой какой-то! воскликнула восторженно Маша.

Александра Павловна вздрогнула вся отъ словъ дочери:

— Ахъ вотъ то, что ты говоришь, вотъ это самое мнѣ и страшно въ немъ!...

Маша, съ присущею ей порывистостью, кинулась на колѣна предъ матерью, охватила шею ея обѣими руками, цѣлуя ее въ лобъ, въ щеки, въ глаза.

— Мамочка, душечка моя, говорила она не то плача, не то смѣясь,—вѣдь это же все отъ васъ у него, эта кротость, смиреніе; онъ вамъ *настоящій* сынъ! На что же вы сѣтуете?

Александра Павловна въ свою очередь прижала обѣими руками къ груди своей бѣлокурую головку дочери.

— Нѣтъ, Маша, нѣтъ, я въ его годы не такая была, я не объ одномъ Богѣ думала.

Она сложила пальцы и хрустнула ими судорожнымъ движеніемъ.

— И ужасно то, что я не могу, я не въ правѣ... вѣдь правда, Маша, съ тревожною поспѣшностью прибавила она,— не смѣю упрекать его въ этомъ, потому всѣ мы, христіане, должны прежде всего о Богѣ думать. Но онъ, она вздрогнула опять,—онъ, прости меня Господи, онъ уже слишкомъ... И отецъ твой это видитъ, и это его мучаетъ, я знаю...

— Да о чемъ вы, maman, о чемъ? спрашивала тревожно Маша:—Вася очень чувствителенъ, на него сегодня этотъ молебенъ за Государя, и то, что разсказывалъ Гриша, очень подѣйствовало,—это правда; ему, я понимаю, представилось, что въ такой день эти гости и музыка... Онъ былъ такъ настроенъ, что это все могло показаться ему... грѣхомъ, и онъ ушелъ отъ него. Но все-таки я не вижу, почему вамъ такъ безпокоиться, maman...

Александра Павловна тихо провела рукой по лбу:

— Не знаю, Маша; если-бъ я одна была у него, я, можетъ быть, и не безпокоилась бы такъ. На все воля Божья, Онъ лучше знаетъ... Но Вася у отца единственный сынъ, и я понимаю, что Борисъ не *такого* бы хотѣлъ въ немъ видѣть...

Она примолкла на мигъ, глянула безконечно нѣжнымъ взглядомъ въ глаза все такъ же колѣнопреклоненной предъ ней дочери и чуть-чуть усмѣхнулась.

— Тебѣ бы надо было родиться мальчикомъ, Marie, а ему

быть бы вмѣсто тебя. Ты была бы готова на всякую battle of life... *) Ты говорила съ Гришей сейчасъ? спросила она почти безъ перерыва, съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

— Говорила maman, да! отвѣтила дѣвушка, прямо глядя матери въ лицо.

— Что же онъ? спросила та, какъ бы нѣсколько неувѣреннымъ голосомъ.

Маша широко улыбнулась:

— Онъ говоритъ, что „выписался изъ больницы".

— Это что же значитъ,—развѣ онъ былъ боленъ въ Петербургѣ?

— Это онъ, мамочка, symboliquement parlant, и Маша совсѣмъ ужь разсмѣялась: — это значитъ, то-есть, что онъ о *той*, вы знаете, больше не думаетъ.

— Это онъ самъ тебѣ сказалъ, или ты объ этомъ начала? спросила ее поспѣшно мать.

— Я сказала ему, что встрѣтились съ *ней* за границей.

— Ахъ, зачѣмъ ты, зачѣмъ?...

— Потому что и теперь, какъ и во всемъ, maman, я желаю знать ясно, à quoi m'en tenir, твердо и отчетливо отвѣтила на это Маша.

Александра Павловна видимо хотѣла сказать что-то, но сочла неудобнымъ или несвоевременнымъ говорить: она только вздохнула и поднялась съ мѣста.

— Такъ иди къ Васѣ, поговори съ нимъ... Онъ тебѣ, какъ сестрѣ, больше, можетъ быть, скажетъ, чѣмъ матери, проговорила она дрожавшимъ слегка голосомъ...

Отдѣленіе дома, занимаемое Васей Троекуровымъ и его наставникомъ, состояло изъ трехъ комнатъ: первая служила „классною", слѣдующая за ней общею имъ спальней, а третья, въ сторонѣ, съ полками обширной библіотеки по стѣнамъ и большимъ письменнымъ столомъ, занимавшимъ чуть не цѣлую треть ея, отдана была подъ кабинетъ Вячеслава Іосифовича Павличка. Онъ всѣ часы, остававшіеся ему свободными

*) Битву жизни.

отъ занятій съ его воспитанникомъ, проводилъ за писаніемъ большаго историческаго сочиненія „Объ отношеніяхъ юго-западныхъ славянскихъ народностей къ Россіи въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за эпохой апостольской миссіи Святыхъ Кирилла и Меѳодія".

Онъ только-что вышелъ изъ классной, гдѣ оставилъ Васю одного за книгой, и прошелъ къ себѣ, заперевъ за собой, какъ это было въ его обычаѣ, дверь на ключъ.

— Можно войти? громко спросила, не входя еще, Маша, притрогиваясь къ замку двери въ классную.

— Это ты, Маруся? услышала она ласковый голосъ брата:—войди!

Она замѣтила входя, что онъ поспѣшнымъ движеніемъ отпихнулъ, сложивъ, развернутую предъ нимъ книгу и всталъ въ ростъ предъ столомъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы закрыть ее отъ глазъ сестры. Но дальнозоркій, быстрый глазъ Маши уже успѣлъ прочесть ея заглавіе: это было извѣстное *Сказаніе о путешествіи инока Парѳенія ко Святымъ Мѣстамъ*.

— Ты одинъ? спросила она, не подавая вида, что замѣтила его маленькую хитрость.

— Одинъ, отвѣтилъ онъ, садясь опять и укладывая локоть на столъ такъ, чтобъ опять закрыть имъ книгу отъ сестры.

— А Вячеславъ Іосифовичъ? спросила она.

Вася кивнулъ въ сторону кабинета.

— И заперся, какъ всегда? засмѣялась она.

— Да, онъ говоритъ, что безъ этого онъ работать не можетъ... Мама сейчасъ у меня была, началъ онъ тутъ же, съ какимъ-то, показалось ей, безпокойствомъ глядя на сестру.

— Да, она мнѣ говорила, я съ ней сейчасъ встрѣтилась.

— Отчего это, скажи, мамаша тревожится все обо мнѣ, Маша? Она вообразила себѣ почему-то, что я не здоровъ, хотѣла непремѣнно, чтобъ я термометръ подъ мышку взялъ, температуру измѣрить... Сегодня утромъ еще, я понимаю, у папа въ кабинетѣ, я не могъ удержаться, когда говорили про это злодѣйство... и... такъ глупо расплакался... Но теперь, потому, что я ушелъ, когда начались тамъ эти пѣсни и смѣхъ... Правда, я тебѣ скажу откровенно, нервно, обрываясь на сло-

вахъ, говорилъ юноша,— въ такой день, какъ сегодня, когда мы молились утромъ въ церкви за спасеніе Государя...

— Ну вотъ, я отгадала, я такъ и сказала сейчасъ maman, не дала договорить ему Маша,— я поняла, что тебѣ это показалось... грѣхомъ, Вася. Ты строже всѣхъ въ домѣ смотришь на это... Хотя, ты понимаешь, милый, что если-бъ это было не прилично, папа не допустилъ бы у себя этого пѣнія, промолвила она, мягкимъ осторожнымъ тономъ прикрывая легкій упрекъ, заключавшійся въ этихъ словахъ.

Онъ понялъ, зарумянился весь и заволновался.

— Боже мой, Маша, неужели ты или мама можете думать, что я осмѣливаюсь судить моихъ родителей! Да я, я...

Слезы подступали къ его горлу: — для меня каждое ихъ слово, желаніе— законъ... Я просто ушелъ потому, что, сама ты знаешь, мнѣ въ большомъ обществѣ тяжело, особенно съ незнакомыми, я тебѣ прямо скажу: я больше у себя люблю сидѣть за книгой...

— Инока Парѳенія читать? досказала Маша съ чуть-чуть насмѣшливою улыбкой.

Вася вспыхнулъ еще разъ, смутился, машинально отодвигая локоть отъ книги, на которую кивала усѣвшаяся у стола сестра его, и самъ какъ бы невольно усмѣхнулся чрезъ мигъ.

— Да, я читалъ его, словно повинился онъ, и глаза его мгновенно заблистали: — Ахъ, какая это прелесть, Маша, если бы ты знала!...

Она молча, внимательно уставилась на него нѣсколько печальными глазами:

— Отчего это ты, скажи, Вася милый, только такія особенно книги и любишь читать?

— Отчего? медленно повторилъ юноша, опустивъ глаза, и глубоко задумался. — Я тебѣ скажу, тихо заговорилъ затѣмъ онъ, опять вскидывая свои серьезныя свѣтлоголубые глаза на сестру,—но я прошу тебя, умоляю, не говори объ этомъ пока ни мамашѣ, ни папа; они ничего не скажутъ, можетъ быть, но въ душѣ, я знаю, они опять станутъ безпокоиться обо мнѣ... А ты не знаешь, какъ мнѣ тяжело это видѣть, угадывать, Маруся!... Я тебѣ скажу одну ужасную вещь, зашепталъ

онъ вдругъ, блѣднѣя и съ дрожью въ голосѣ: — мнѣ иногда хотѣлось бы, чтобъ они меньше любили меня, меньше думали обо мнѣ.

— Что это ты, Богъ съ тобой, Вася! промолвила испуганно дѣвушка.

Онъ закрылъ себѣ обѣими руками лицо.

— Я тебѣ сказалъ, это ужасно, я чувствую... Но ты пойми, я мучаюсь мыслью, что ихъ огорчаю, что я не отвѣчаю тому, чѣмъ бы желали они видѣть меня, особенно папа... Я понимаю, онъ такой *дѣйствующій*, сильный, а я... Что же дѣлать, Маша, когда я въ жизни ничего милаго для себя не вижу, а одно беззаконіе и грѣхъ?...

— Вася, Господи, откуда это у тебя все? вскрикнула испуганно дѣвушка, схватывая его за руки и наклоняясь вся къ его заплаканному лицу.

— Ахъ, давно, Маша, давно, вотъ ужь больше года все это преслѣдуетъ меня. Я помню, когда мы были прошлою осенью съ maman въ Москвѣ, я говорилъ съ Лизаветой Ивановной разъ вечеромъ, и она мнѣ сказала вдругъ: *Въ послѣдняя времена отступятъ человѣцы отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ*,—это изъ Сираха... И я вотъ съ тѣхъ поръ сталъ думать все объ этомъ больше и больше... Ты только подумай объ этомъ, Маша, говорилъ онъ, весь горя и схватывая въ свою очередь руку сестры,—въ какія времена мы живемъ съ тобой!... Ты скажешь, домъ нашъ... Правда, у насъ „по-божески живутъ“, какъ говоритъ Анфиса Дмитріевна; но мы за то словно островъ среди бурнаго моря... Мы и вотъ у Юшковыхъ тоже... а кругомъ, а дальше по всей Россіи?... Когда Николай Ивановичъ читаетъ послѣ обѣда газеты папашѣ, развѣ это не ужасъ все, что тамъ сообщается? Люди каждый день убиваютъ себя и другихъ, и все больше молодые, у которыхъ родители отъ горя послѣ этого умереть должны... Надъ Богомъ, надъ церковью, безъ стыда и страха смѣются и кощунствуютъ. Повсюду нечестіе, ненависть, неправда; невинныхъ преслѣдуютъ, злодѣевъ защищаютъ и оправдываютъ... И, наконецъ, послѣднее это... на Царя, на Помазанника Божія... По истинѣ, будто въ „послѣднія времена“, о которыхъ ска-

залъ Христосъ... Самъ папа, какъ ты думаешь, какое все это на него дѣйствіе производитъ? Ты никогда не замѣчала развѣ, какое лицо у него бываетъ иногда послѣ такого чтенія? Мнѣ представляется, точно его раскаленнымъ желѣзомъ жгутъ въ эти минуты, такъ ему больно...

— Но онъ и не склоняетъ головы предъ зломъ, Вася, горячо возразила ему сестра:—онъ старается бороться съ нимъ, сколько можетъ, чтобы все, по крайней мѣрѣ, что отъ него зависитъ, не страдало, было ограждено отъ этого зла. Народу, кормящемуся отъ него, жить хорошо, ты самъ знаешь, онъ о немъ заботится какъ о собственныхъ дѣтяхъ. У насъ крестьяне и нравственнѣе, и меньше пьютъ, и богаче живутъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ частяхъ губерніи. Это говорилъ, ты самъ слышалъ, за столомъ губернаторъ, когда былъ здѣсь, и онъ это прямо приписывалъ доброму вліянію папа и порядкамъ, которые заведены имъ во Всесвятскомъ.

Она на минуту примолкла, все такъ же устойчиво глядя въ глаза брату, и заговорила опять:

— Ты наслѣдникъ папа, Вася, ты долженъ быть продолжателемъ его дѣла, когда его не будетъ на свѣтѣ, и прямымъ помощникомъ его, когда пройдешь свой курсъ въ университетѣ.

— Да, я знаю, это мой долгъ, это желаніе и мечта моего отца... Но для этого нужно то, что у него есть, его твердость, его воля. Онъ какой-то богатырь, папа, вырвалось у юноши внезапнымъ, восторженнымъ взрывомъ,—вотъ какъ въ былинахъ нашихъ поется о Вольгѣ или Добрынѣ... Но я, я чувствую, во мнѣ нѣтъ силы. Мнѣ не *командовать*, какъ ему, дано, Маша; я годенъ на то только, чтобы молиться за нашъ народъ и съ нашимъ народомъ, проговорилъ онъ чуть слышно, опуская руки и глаза будто въ изнеможеніи.

— Что же это, ты въ монахи хочешь? вся блѣдная, такимъ же шопотомъ проговорила Маша.

— Нѣтъ... во священники, едва разслышала она его отвѣтъ и всплеснула руками.

— Въ священники! повторила она, какъ бы еще не вѣря ушамъ своимъ.

Онъ быстро поднялъ теперь глаза и заговорилъ лихорадочно-быстро, съ видимымъ намѣреніемъ не дать ей времени на возраженіе:

— Я знаю, знаю все, что̀ на это могутъ мнѣ сказать: что это ни съ чѣмъ не сообразно, не согласно ни съ обычаями, ни со званіемъ, ни съ тѣмъ наконецъ, что̀ мнѣ предстоитъ, какъ ты вотъ сейчасъ сказала, какъ „продолжателю дѣла моего отца“. Но вѣдь противъ этого я могу тебѣ сказать, что прежде, въ Малороссіи, это именно было въ обычаѣ въ дворянскомъ сословіи итти во священники. Не далѣе какъ въ нашемъ родѣ прадѣдъ папа по матери, Моисей Петровичъ Остроженко, полковникъ малороссійскаго войска, подъ старость поставленъ былъ настоятелемъ церкви своего же села, Глубокаго, которое досталось папа послѣ дяди. Ты видишь!... А ты подумай, Маша, если-бъ я тамъ же, въ Глубокомъ, или хоть здѣсь бы во Всесвятскомъ, призванъ былъ священнодѣйствовать, быть духовнымъ отцомъ нашихъ крестьянъ, развѣ я не былъ бы *настоящимъ* тогда помощникомъ въ дѣлѣ моего отца и не избралъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее, что̀ дано человѣку сдѣлать на землѣ?

Маша безмолвно глядѣла на него; она старалась разобрать въ головѣ своей, что̀ изъ этихъ болѣзненно волновавшихъ ее словъ брата слѣдовало отнести на долю юношескаго, временнаго увлеченія и что̀, съ другой стороны, заключалось въ нихъ дѣйствительно грознаго для чаянія, для будущаго ея родителей.

— Мнѣ говорила Лизавета Ивановна про одного отца Алексѣя, продолжалъ между тѣмъ Вася:—онъ теперь въ Петербургѣ въ какомъ-то приходѣ, а предъ этимъ былъ священникомъ въ одномъ селѣ той же Петербургской губерніи. Ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, когда онъ поступилъ туда. Село это было самое разоренное во всемъ уѣздѣ, народъ отъ пьянства дошелъ до того, что нищенствовалъ по дорогамъ, воровалъ и разбойничалъ до того, что многихъ должны были въ Сибирь сослать, а дѣти отъ неухода и бѣдности умирали чуть не всѣ до одного, едва родясь. И, благодаря пастырскому слову этого священника, его заботамъ и участію ко всякой бѣ-

дѣ, ко всякимъ затрудненіямъ прихожанъ, въ пятнадцать лѣтъ времени село это узнать нельзя было: вмѣсто развалинъ построились крѣпкія, здоровыя избы, кабакъ общимъ приговоромъ крестьянъ закрытъ былъ на вѣчныя времена, на ихъ счетъ выстроена прекрасная каменная школа, и теперь въ этомъ селѣ нѣтъ, говорятъ, крестьянскаго дома, въ которомъ не было бы, по крайней мѣрѣ, трехъ лошадей и столько же коровъ. Зимой крестьяне эти ѣздятъ извозничать въ Петербургъ, и одинъ пріѣзжавшій оттуда знакомый Лизаветы Ивановны ѣздилъ съ такимъ извощикомъ и отъ него все это слышалъ про ихъ бывшаго пастыря, котораго тотъ назвалъ „настоящимъ учителемъ и служителемъ Божіимъ“... Какой же еще славы, какой лучше награды можетъ ожидать для себя человѣкъ въ этой жизни и вѣчной, когда дано ему такимъ истиннымъ служеніемъ слову Божьему достигнуть и духовныхъ, и матеріальныхъ результатовъ, — сама скажи, Маша!

Она все также молчала, не сводя съ него глазъ, отражавшихъ болѣзненную тревогу.

А онъ говорилъ съ тѣмъ же лихорадочнымъ одушевленіемъ и какъ бы спѣша цѣликомъ вылиться предъ этою тревожно внимающею ему сестрой:

— Мы съ тобой не знаемъ, Маша, и догадаться даже не въ состояніи, какою жаждой къ божественной истинѣ исполнена душа русскаго человѣка... Ты вотъ посмотри у Достоевскаго, въ каждомъ изъ выводимыхъ имъ лицъ, сквозь все, что онъ писалъ, проходитъ все то же исканіе вѣчной правды,— правды во Христѣ, которая дышетъ въ каждой страницѣ, и вотъ этой самой книги, молвилъ Вася, притягивая къ себѣ отпихнутое имъ въ сторону, при входѣ сестры, *Сказаніе о путешествіи инока Парѳенія* и быстро развертывая его.— Да на вотъ, какъ нарочно развернулось на такомъ мѣстѣ... И онъ принялся читать: „И такъ я, окаянный и несчастный, жаждущій капли живой воды,—напоить свою изсохшую душу, ходилъ повсюду, но все по сухимъ кладезямъ, и нигдѣ не могъ найти скорбной и юной душѣ своей утѣшенія...“ Онъ родился раскольникомъ, Маша, но съ юныхъ лѣтъ „началъ приходить въ нѣкое сумнѣніе о своей вѣрѣ или сектѣ“, гово-

ритъ онъ, „и всегда о томъ размышлялъ, что сколько я ходилъ и странствовалъ по Россіи, по своимъ монастырямъ и скитамъ, а ничего добраго не видалъ и никакой пользы душевной не получилъ, кромѣ одного соблазна и душевнаго вреда“... И мучился онъ такимъ образомъ и искалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока не обратился къ истинной церкви и не успокоилъ души въ подвижничествѣ на Аѳонѣ... Въ нашемъ лживомъ, испорченномъ мірѣ до этой живой душевной стороны русскаго человѣка никому дѣла нѣтъ, о ней и не знаетъ никто... А въ ней-то все и есть,—все будущее наше—и, можетъ быть, всего человѣчества, которое нашъ народъ призванъ спасти отъ мамона, отъ владычества плоти надъ духомъ... Я тебѣ сказалъ: въ мірѣ я вижу одну злобу и отступленіе отъ законовъ Божіихъ,—но не думай однако, чтобъ я, какъ *онъ* вотъ,—Вася кивнулъ на книгу, раскрытую предъ нимъ,—хотѣлъ бѣжать отъ людей на Аѳонъ, душу свою спасать. Это... какъ тебѣ сказать,—въ этомъ было бы какъ бы что-то *эгоистичное* съ моей стороны! Не одну душу мою я хотѣлъ бы спасти, а вырвать изъ духовнаго невѣжества души братій моихъ о Христѣ, достойнымъ пастыремъ этихъ душъ сдѣлаться, Маша... Поняла ты меня?...

Она медленно, неопредѣленно кивнула головой. Она чувствовала, что прямаго, „безотносительнаго“ возраженія ему она не въ силахъ была придумать. Она чувствовала себя не только пораженною, но и словно подавленною этимъ духовнымъ подъемомъ, этимъ восторженно христіанскимъ настроеніемъ юноши брата, все *внутреннее строеніе* котораго, если можно такъ выразиться, во всей полнотѣ своей только теперь нежданно разоблачалось предъ ней. Да и какъ возражать? За него, за правоту его стремленія стояло все, что лежало краеугольнымъ камнемъ въ нравственномъ строѣ, въ быту и преданіяхъ ея семьи. Ни отецъ ея, ни мать, сознавала она, не сочли бы себя въ правѣ запретить, воспрепятствовать сыну принять духовный санъ, если-бъ онъ рѣшительно изъявилъ на это свое желаніе. „Это разбило бы всю жизнь ихъ“, говорила себѣ мысленно Маша, „но они покорились бы этому“...

Но ей все еще не хотѣлось вѣрить, чтобъ это было „со-

всѣмъ серьезно". Она старалась объяснить себѣ то, что говорилъ ей сейчасъ братъ, и впечатлѣніемъ этой книги, читаемой имъ, и тѣмъ, что дано было ему перечувствовать нынѣшнимъ утромъ при молебствіи о Государѣ, и разсказами Гриши Юшкова о страшномъ событіи... „Это въ немъ *уляжется* чрезъ нѣсколько дней, онъ одумается, а спорить съ нимъ теперь значило бы только подливать масла въ огонь... Да я и не сумѣла бы"...

Она чрезъ силу усмѣхнулась:

— Ну положимъ, Вася, ты бы сдѣлался священникомъ. Вѣдь священникъ долженъ быть женатъ. Гдѣ же ты нашелъ бы дѣвушку нашего... воспитанія, которая согласилась бы сдѣлаться *попадьей?*

Вася строгими глазами взглянулъ на нее:

— А какъ ты думаешь, мамаша нашла бы противъ этого что-нибудь сказать, если бы мужу ея вздумалось сдѣлаться „попомъ", подчеркнулъ онъ съ замѣтнымъ намѣреніемъ упрека въ интонаціи этихъ словъ.

— Мамаша! вскинула головой дѣвушка: — развѣ ты найдешь такую другую теперь?

— Это правда...

Онъ уложилъ голову на обѣ руки и примолкъ.

— Ты сказала „воспитаніе", заговорилъ онъ чрезъ минуту опять:—у насъ извѣстно, что называютъ воспитаніемъ: хорошія манеры, чтобъ умѣла одѣваться по модѣ и по-англійски говорить... Мнѣ этого не нужно, я *за душу*, а не за манеры жену себѣ возьму, все равно, будь она самая простая дѣвушка... Анфиса Дмитріевна, напримѣръ, у мамаши просто горничная была, а посмотри, какъ съ нею счастливъ Николай Ивановичъ... И даже чѣмъ проще будетъ она, тѣмъ больше буду я любить ее, только бы понимала она меня и любила то, на что хочу я себя всего отдать, заключилъ вдумчиво юноша.

Маша порывисто вскочила съ мѣста и кинулась къ брату.

— Вася, голубчикъ, милый, залепетала она сквозь слезы, обнимая его и цѣлуя, — ты такой хорошій, чистый... Я тоже понимаю тебя, повѣрь... Но, ради Бога, ради Бога, не отдавайся этому... Да и ты вѣдь слишкомъ молодъ еще, и вѣдь

для этого тебѣ надо было бы въ семинарію итти, а ты долженъ поступить въ университетъ, и папа непремѣнно хочетъ, чтобы ты кончилъ курсъ... Я ничего, ничего не скажу maman о нашемъ разговорѣ. Она и такъ, ты уже знаешь, угадываетъ что-то и мучается за папа. А ему это былъ бы такой ударъ!.. И тѣмъ больше, пойми, что онъ не рѣшится никогда отговаривать тебя прямо... Вася милый, подумай ты объ этомъ, вникни и отложи хоть думать объ этомъ до времени... И ни словомъ пока, ни словомъ не давай *имъ* понимать о твоемъ намѣреніи. Вѣдь иначе это былъ бы дѣйствительно „эгоизмъ“ съ твоей стороны, — а тебѣ именно, такому христіанину, не надо забывать пятую заповѣдь: *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.*

Слезы въ свою очередь брызнули ручьемъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ Васи:

— Маруся, душка, я все готовъ сдѣлать, все... Я ничего не скажу, я поступлю въ университетъ, какъ желаетъ папа, буду учиться прилежно, онъ будетъ доволенъ мною... Но меня зоветъ, Маша, зоветъ какой-то голосъ... Я сны все такіе вижу...

Онъ внезапно оборвалъ, какъ бы встряхнулся весь и поспѣшно отеръ глаза платкомъ...

— Ну и довольно, проговорилъ онъ твердо:—обѣщаю тебѣ, что ни ты, ни кто не услышитъ отъ меня слова объ этомъ, пока я совершеннолѣтнимъ не буду, чтобы никто не имѣлъ права попрекнуть меня ребячествомъ... А тамъ... тамъ какъ Богъ мнѣ повелитъ, такъ я и поступлю!..

Онъ усмѣхнулся, протянулъ руку сестрѣ:

— Такъ, Маша, ты довольна?

Она глубоко вздохнула:

— „Довольна“... не знаю: но, мнѣ кажется, другаго нельзя отъ тебя и требовать *пока*, отвѣтила она не сейчасъ.—Ну и прощай!.. Поздно, ты вѣрно скоро спать ляжешь?

— Да, одиннадцать, лягу сейчасъ.

Она коснулась его лба своими свѣжими губами:

— Ложись и постарайся не видать твоихъ *тѣхъ* сновъ... проговорила она ему на ухо звенѣвшимъ глубокою печалью голосомъ.

Вася довелъ ее до двери, опустилъ голову на грудь и медленными шагами подошелъ къ ближайшему, освобожденному уже отъ своей зимней рамы окну. Онъ растворилъ его на обѣ половинки и жадно потянулъ грудью струю широко ворвавшагося извнѣ свѣжаго весенняго воздуха... Мѣсячная ночь, мягкая и теплая, стояла надъ землей, вся проникнутая торжествомъ и тайною; въ неизмѣримыхъ пространствахъ неба блѣдными точками сверкали алмазныя звѣзды, міры неисчислимые какъ пески морскіе...

Вася долго и недвижно вглядывался въ эту ночь, въ эти неизмѣримо далекія звѣзды. Его уносилъ неудержимый молитвенный восторгъ... „О свѣте тихій безсмертнаго Отца Небеснаго“, шептали безсознательно уста его,—„о Христе Спасе, Сыне Божій“...

Стихи изъ *Іоанна Дамаскина* Толстаго, котораго онъ зналъ наизусть, такъ и ворвались ему въ память, въ душу, въ эту минуту:

„О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ,—

началъ онъ уже громко,—

Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ мыслей благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать“!..

И новыя отрадныя, блаженныя слезы заструились по нѣжному лицу его.

XV.

Въ это же время въ пятнадцати верстахъ отъ Всесвятскаго, въ низенькомъ, закопченомъ зальцѣ усадьбы, принадлежавшей давно знакомому моимъ читателямъ Степану Акимовичу Троженкову, сидѣли самъ хозяинъ и полчаса тому назадъ прибывшій къ нему гость.

Это былъ еще молодой человѣкъ, весьма невзрачнаго и мрачнаго вида, коренастый и сутулый, одѣтый въ поношенное пальто, изъ-подъ котораго, охватывая тѣсно его красновато-бурую, мясистую шею, выглядывалъ косой воротъ грязной ситцевой рубахи, и въ высокихъ сапогахъ поверхъ брюкъ. Выбритая повидимому за нѣсколько дней борода успѣла уже опять отрости рыжеватою щетиной волосъ колючихъ и жесткихъ, какъ и волосы на головѣ, очевидно одновременно съ бородою остриженные подъ гребень. Небольшіе, узкіе глазки, какъ бы неохотно подымавшіеся на говорившаго съ нимъ изъ-подъ нависшихъ надъ ними бровей, бѣгали по сторонамъ съ выраженіемъ какой-то чуткой, стоявшей вѣчно насторожѣ, подозрительности.

Хозяинъ въ свою очередь съ едва скрываемою досадой и внутреннимъ волненіемъ поглядывалъ на своего гостя. Господинъ этотъ, что говорится, какъ снѣгъ на голову упалъ къ нему въ домъ,—въ эту маленькую залу, служившую ему столовой, гдѣ онъ только-что расположился чай пить въ одиночествѣ. Вошелъ нежданно изъ сада въ отворенную туда дверь, спросилъ, не кланяясь и не снимая фуражки съ головы, такой-то ли онъ, „Троженковъ, Степанъ Акимычъ“, и, получивъ

утвердительный отвѣтъ, протянулъ ему вытащенную изъ кармана визитную карточку, а самъ угрюмо и устало опустился на стулъ, насупротивъ хозяина и, не ожидая его приглашенія:

— Налейте-ка мнѣ стаканъ, смерть пить хочется, проговорилъ онъ.

Хозяина видимо покоробила такая нежданная безцеремонность. Онъ молча и насупившись передвинулъ черезъ столъ гостю уже налитый имъ для себя стаканъ, взглянулъ небрежно на переданную имъ карточку...

На ней стояли имя, отчество и фамилія одного его, Троженкова, московскаго знакомаго и приписка рукой этого послѣдняго: „Очень прошу передать подателю сего слѣдующее съ васъ за сдѣланныя мною по вашимъ порученіямъ въ Москвѣ покупки, счеты по которымъ вамъ мною пересланы". Приписка заканчивалась крючкомъ въ видѣ росчерка, имѣвшимъ повидимому нѣкое особенное значеніе, такъ какъ устремившіеся на него глаза Степана Акимовича какъ-то усиленно заморгали, и карточка слегка задрожала въ державшей ее рукѣ его.

— Вы въ Москвѣ... проѣздомъ были? спросилъ онъ гостя какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ.

— Былъ въ Москвѣ, да! уронилъ тотъ, не понимая или не желая понять то именно, что̀ его спрашивали.

— Какъ нашли вы Степана Михайловича? Здоровъ онъ?

— Должно быть.

— Вы съ нимъ давно знакомы?

— Не видалъ никогда.

— Какъ же такъ?...

Троженковъ кивнулъ недоумѣло на карточку, которую все еще держалъ въ рукѣ.

— Одна личность мнѣ отъ него передала... Насчетъ подлинности не сомнѣвайтесь, какъ бы счелъ нужнымъ замѣтить гость.

— Я и не думаю... промямлилъ не договаривая хозяинъ, оглянулся кругомъ и спросилъ:—вы ко мнѣ тутъ садомъ прошли; а экипажъ же вашъ гдѣ остался? я колесъ не слыхалъ...

— И слышать не могли: пѣхтурой добрался.

— Со станціи?

— Съ полустанка***.

— Восемнадцать верстъ! изумленно вырвалось у Троженкова.

Тотъ только плечомъ вздернулъ.

— Съ утра, стало, маршировали?...

И, не дождавшись отвѣта:—Осмѣлюсь спросить имя и отчество ваше, молвилъ, искательно улыбаясь, Степанъ Акимовичъ,—такъ, знаете, не ловко въ разговорѣ, когда не знаешь...

— Зовутъ меня Левъ Гурьевичъ, по фамиліи Бобруйскій... Соотвѣтствующій сему и паспортъ имѣю при себѣ, прибавилъ онъ, съ какимъ-то дерзкимъ вызовомъ на лицѣ глядя на своего собесѣдника.

Тотъ какъ-то растерянно ухмыльнулся:

— Паспортъ, да, конечно, въ виду полиціи... Вы изъ Петербурга собственно? спросилъ онъ вдругъ.

Называвшій себя Бобруйскимъ качнулъ утвердительно головой:

— Состою студентомъ въ Технологическомъ институтѣ.

— Та-а-къ, протянулъ Троженковъ и примолвилъ:—пошла тамъ теперь травля на молодежь, а?

Бобруйскій скривилъ губы въ презрительную усмѣшку:

— Извѣстно, съ перепуга *мѣропріятія* потребовались...

Троженковъ ухмыльнулся опять:

— Какже, какже, читали, безсмѣнныхъ дворниковъ завели, нумера на фонаряхъ чтобы горѣли; генералъ-губернаторовъ по провинціямъ разогнали, добрымъ людямъ жить мѣшать...

Онъ повелъ еще разъ осторожно взглядомъ кругомъ, наклонился черезъ столъ къ гостю и выговорилъ коротко и спѣшно:—А не выгорѣло, а?

Тотъ такъ и вонзился въ него своими пронзительными глазками:

— Вы что же, радуетесь, небось? пропустилъ онъ сквозь стиснувшіеся зубы.

Троженковъ оторопѣлъ на мигъ:

— Можетъ, вы и ошибаетесь, пробормоталъ онъ.

— А коли такъ, то пословицу знаете?...

— Какую?

— Прошлаго поминаемъ, грядущаго чаемъ.

Степанъ Акимовичъ качнулъ недовѣрчиво головой вверхъ:

— Не выгоритъ и впередъ, такъ я полагаю, промолвилъ онъ унылымъ тономъ.

— Кто-жь это вамъ сказалъ? горячо возразилъ Бобруйскій, весь приходя въ движеніе.

— Да ужь такъ, извините, что обѣщаютъ синицы море зажечь, а въ результатѣ нѣтъ ничего, шишъ выходитъ, съ позволенія сказать.

„Технологъ“ съ такою злобною страстностью воззрился теперь на говорившаго, что у того дрожь даже пробѣжала по тѣлу:

— А моральное дѣйствіе, а терроръ напустили на всю Россію,—это вы ни во что считаете? Вся Европа знаетъ теперь о силѣ русской революціонной партіи и что Русскому правительству приходится съ нею считаться какъ равному съ равнымъ.

— „Партія“, конечно, произнесъ вдумчиво Степанъ Акимовичъ,—да *революціи*-то, согласитесь, нигдѣ пока не видать.

Слова эти произвели видимо извѣстное впечатлѣніе на его собесѣдника:

— Извѣстно, промычалъ онъ какъ бы про себя, — какъ если однимъ выносить все на плечахъ, а остальные по норамъ прятаться будутъ...

Троженковъ заговорилъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— А какъ же прикажете имъ быть, вотъ этимъ самымъ, что „по норамъ“, какъ говорите вы, прячутся? Для чего-жь имъ дармо въ петлю лѣзть, когда они *настоящаго* предъ собой не видятъ. Дѣйствительно, и много, можетъ даже очень много, такихъ, которые понимаютъ и готовы (онъ видимо не находилъ надлежащаго выраженія)... готовы на дѣло... Да вѣры у нихъ полной нѣту: не видятъ еще ничего положительнаго... Потому, сами согласитесь, чего по сю пору добилася „партія“? Смѣло, отважно, что говорить! въ Харьковѣ губернатора уложили, въ Кіевѣ барона жандармскаго на тотъ свѣтъ спровадили,—да толкъ-то какой изъ того вышелъ? Ге-

роевъ перехватали, въ острогъ посадили, тѣмъ все и покончилось... Теперь опять въ Петербургѣ: пустили молодца съ револьверомъ, выпустилъ пять пуль, ни одною не попалъ, вздернутъ опять на висѣлицу, тѣмъ все и покончится... На что же послѣ того, сами скажите, надѣяться можно настоящимъ манеромъ?...

— Такъ что-жь вы этимъ глаза-то колете!... Ну, промахнулся, стрѣлять не умѣлъ болванъ... Такъ развѣ съ нимъ и міръ кончился?... Не онъ, такъ другой, не сегодня, завтра... бормоталъ, обрываясь и захлебываясь, молодой человѣкъ, весь видимо кипя обхватившею его злостью: — Ну, а коли бы попалъ онъ въ цѣль и поднялся бы затѣмъ бунтъ въ народѣ...

— Въ народѣ! перебилъ его Троженковъ (его самого теперь повело отъ злости, произнося это слово); — что такое нашъ народъ, мужикъ?... Развѣ это человѣкъ есть? Баранъ это, волъ безмозглый, скотина неразумная! Развѣ можетъ онъ понять телячьими мозгами своими, что люди ему про свободу говорятъ! Какъ если довести его до бунта, такъ онъ всякаго сюртушника, всякаго чисто одѣтаго человѣка рѣзать почнетъ...

Бобруйскій нежданно осклабился, какъ бы чѣмъ-то обрадованный, и прошипѣлъ:

— Этого самаго и требуется.

Троженковъ изумленно воззрился ему въ лицо:

— Такъ онъ вѣдь такимъ манеромъ ни одного интеллигентнаго человѣка не оставитъ въ живыхъ въ Россіи?...

— Коли не изъ нашихъ, такъ туда и дорога! фыркнулъ на это тотъ.

— Такъ какъ же въ томъ случаѣ овецъ отъ козлищъ отличишь?

— Тамъ видно будетъ, отрѣзалъ какъ ножомъ Бобруйскій.

У Степана Акимовича пробѣжали опять по спинѣ мурашки; онъ опустилъ глаза и поглядѣлъ чрезъ очки уже совсѣмъ оробѣвшимъ взоромъ на своего собесѣдника:

— Что же потомъ? спросилъ онъ еле слышно.

— Извѣстно что—анархія!

И Бобруйскій презрительно покосился на него: какъ-молъ ты самыхъ простыхъ вещей не понимаешь!...

Степанъ Акимовичъ примолкъ на мигъ, кашлянулъ...

— Такъ какъ же „анархія“, началъ онъ опять,—вѣдь то только на время можетъ годиться, а къ устройству какому-нибудь должно же притти; безъ устройства никогда еще люди не жили.

— „Устройство“, повторилъ какъ бы машинально Бобруйскій:—коли нужно оно, сама жизнь покажетъ, а намъ, революціонной партіи, то-есть, поспѣшилъ онъ поправиться,—до него дѣла нѣтъ. Ея дѣло—разрушеніе, разрушеніе, понимаете вы!

Онъ вдругъ поднялся, вскочилъ съ мѣста, выпрямился, словно выросъ; въ расширившихся глазахъ загорѣлось внезапно какое-то дикое, безпощадное вдохновеніе:

— *Легальные*, какъ вашъ Мурзинъ, какъ вы,—понимаемъ мы васъ, насквозь видимъ, не надуете! — разсчитываютъ руками партіи жаръ загрести въ свою пользу: пусть, молъ, она черную работу сдѣлаетъ, а мы плоды отъ нея пожнемъ... Такъ этому не бывать! Мы вамъ камня на камнѣ не оставимъ, изъ чего бы вамъ было зданіе свое строить... не дадимъ вамъ!... Все уничтожимъ, спалимъ, разобьемъ! глухимъ, сдавленнымъ голосомъ восклицалъ онъ;—прогнилъ старый міръ до мозга костей своихъ, мы снесемъ его съ лица земли, на то отдаемъ свою энергію, силы, жизнь, и мы побѣдимъ, побѣдимъ, побѣдимъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы уже безсильный говорить далѣе; губы его, руки поводило судорогами; накипь злобныхъ чувствъ, испытанныхъ неудачъ, жажды мщенія и чаемаго торжества словно заливала его до края. Онъ былъ страшенъ, и Степанъ Акимовичъ, съежась всѣмъ тѣломъ на своемъ стулѣ, чувствовалъ, какъ леденѣли у него оконечности, и опущенные глаза не смѣли оторваться отъ какого-то пятна на полу, на которое устремлены были они.

Но Бобруйскій сѣлъ опять, передохнулъ и неожиданно спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— Ну-съ, такъ насчетъ денегъ какъ же?

— Какихъ денегъ? растерянно пробормоталъ Троженковъ.

— А по карточкѣ-то, коротко объяснилъ тотъ.

— Ахъ да... Степанъ Михайловичъ проситъ передать, что̀ я остался ему долженъ по покупкамъ моимъ въ Москвѣ... Только я сумму не припомню...

Бобруйскій чуть-чуть ухмыльнулся:

— Я помню: четыреста.

— Что̀-съ?

— Четыреста рублей пожалуйте!

Степанъ Акимовичъ даже въ лицѣ измѣнился.

— Четыреста рублей!... Этого быть не можетъ!... У меня ихъ нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ, проговорилъ онъ тутъ же, встрѣтившись взглядомъ съ устремленными на него свирѣпыми, показалось ему, глазами гостя;—время у насъ теперь рабочее настало, только выдавай, а о получкѣ раньше осени и думать нечего.

— Очень досадно, невозмутимо промолвилъ его собесѣдникъ:—въ такомъ случаѣ, извините, я буду принужденъ сидѣть у васъ тутъ, пока не добуду средствъ двинуться далѣе.

Онъ сунулъ руку въ карманъ панталонъ, вытащилъ оттуда нѣсколько мелкихъ монетъ и кинулъ ихъ на столъ:

— Съ этими куда доѣдешь?

— А вамъ далеко нужно? спросилъ Троженковъ.

— Далеко, кивнулъ утвердительно тотъ.

Троженковъ смущенно почесалъ себѣ за ухомъ:

— Сто могу предложить... Послѣдніе, ей-Богу!..

— Четыреста, ни копѣйки меньше.

— Коли нѣту у меня, нѣту! увѣрялъ, чуть не плача, Степанъ Акимовичъ.

— Какъ знаете! Ждать мнѣ, значитъ, у васъ надо.

— Чего это ждать?

— Сказано мнѣ такъ въ Москвѣ, что, на случай у васъ не окажется, вышлютъ мнѣ съ одною особой, которая должна пріѣхать въ ваши мѣста.

— Куда-жь именно-то? Уѣздъ у насъ великъ...

Бобруйскій не сейчасъ отвѣтилъ:

— Тутъ есть отъ васъ по близости село одно Юрьево, Буйносово тожь...

— Знаю...

— Такъ вотъ туда.

— Кто же такой, что̀ за личность?

— Знакомая одна Степана Михайловича... Вамъ впрочемъ это должно быть совершенно безразлично, грубымъ тономъ отвѣтилъ гость.

Троженковъ съежился весь опять и задвигался на своемъ сидѣньѣ:

— Конечно, конечно, мало-ли у него знакомыхъ... И скоро должна она быть?

— Не знаю.

— Такъ она, можетъ, и долго не будетъ? озабоченно промолвилъ Степанъ Акимовичъ.

— Можетъ и долго, со злорадною насмѣшливостью подтвердилъ Бобруйскій. — А боязно вамъ, а? тѣмъ же тономъ спросилъ онъ, — что засяду я у васъ невѣсть на сколько времени?

— Чего же мнѣ бояться, я... началъ было, пріободрясь, Троженковъ, но тутъ же смолкъ и поблѣднѣлъ, напрягая ухо къ донесшемуся до него въ эту минуту сквозь открытое окно шуму колесъ какого-то экипажа.—Тсс!..

— Ѣдутъ... Кто? спросилъ, прислушиваясь тоже, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ гость.

— Темно и далеко еще, не видать, отвѣчалъ хозяинъ, подбѣгая къ окну и выставляя наружу голову:— знакомые одни тутъ мои хотѣли быть: можетъ, они.

— Кто такіе?

— Владѣльцы тутъ здѣшніе... Одинъ изъ Петербурга впрочемъ, графъ новоиспеченный,— не слыхали?— Снядецкій-Лупандинъ по фамиліи; другой—Свищовъ, по всей Москвѣ извѣстный,—знаете, можетъ?

— Не вожжаюсь я съ вашими графами! отрѣзалъ на это сердито Бобруйскій, и тутъ же: — а какъ не они? прошепталъ онъ.

Степанъ Акимовичъ не отвѣчалъ.

— Я тутъ по пути къ вамъ мѣста замѣчалъ: рѣчка у васъ вся камышемъ заросла... Въ случаѣ чего, забиться туда, самъ чортъ не сыщетъ... Развѣ выдадите, промолвилъ онъ съ засвѣркавшимъ еще разъ грознымъ пламенемъ въ глазахъ, такъ вѣдь вамъ въ такомъ случаѣ мѣсяца не прожить, хихикнулъ онъ въ заключеніе.

— Они, они! радостно воскликнулъ въ отвѣтъ на эти слова Степанъ Акимовичъ, поспѣшно возвращаясь отъ окна къ столу: — тарантасъ свой узнаю, въ немъ они поѣхали... Никуда забиваться вамъ не треба; сидите, поужинаете въ веселой компаніи... Да еще, можетъ, добудемъ отъ нихъ, что вамъ нужно для путешествія вашего, говорилъ онъ, уже весело потирая руки.

— Какъ такъ? спросилъ изумленно гость.

— А вотъ...

И Троженковъ торопливо изложилъ ему планъ нѣкоего образа дѣйствій, о приведеніи коего въ исполненіе читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

XVI.

Колеса новоприбывшихъ грохотали уже подъ самыми окнами. Хозяинъ выбѣжалъ встрѣчать ихъ на крыльцо.

Свищовъ первый выскочилъ изъ экипажа.

— Готовь ужинать на троихъ гостей! съ хохотомъ возгласилъ онъ:—tres faciunt collegium, кромѣ насъ двухъ съ графомъ, привезъ тебѣ третьяго,—и онъ указалъ на Острометова, вылѣзавшаго изъ своей, слѣдовавшей за тарантасомъ, кареты. — Степанъ Гавриловичъ Острометовъ, Степанъ Акимовичъ Троженковъ, разводилъ онъ театрально руками, представляя ихъ другъ другу:—два Степана, два стакана, достойные чокаться на дружеской пирушкѣ...

Edite, bibite, collegiales,
Post multa saecula
Pocula nulla,

запѣлъ онъ громкимъ и хриплымъ голосомъ, надрываясь отъ смѣха и похлопывая тяжелою какъ пудовая гиря дланью по спинѣ то одного, то другаго представленныхъ имъ другъ другу лицъ.

— Очень радъ, очень радъ! повторялъ хозяинъ, пожимая кругомъ руки.

— О немъ до тебя навѣрно вѣсти дошли, продолжалъ расписывать Свищовъ, указывая на Острометова:—Степа Говориловъ, душа-человѣкъ, милліонеръ, поэтъ, музыкантъ, балетоманъ, на всѣ руки хватъ,

Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!..

— Ну полно тебѣ, голубчикъ, полно! прерывалъ его съ притворною скромностью Степа, весь пыжась между тѣмъ отъ удовольствія, которое причиняли ему эти шутовскія похвалы.

Графъ въ то же время, изображая на лицѣ своемъ видъ грансеніора, удостоивающаго своимъ присутствіемъ любительскій спектакль въ „буржуазномъ“ домѣ и вспоминая, „какъ очаровательно при такихъ оказіяхъ умѣлъ держать себя“ его бывшій начальникъ и вѣчный образецъ, графъ Павановъ, снисходительно и тонко усмѣхался однимъ кончикомъ губъ.

— Въ комнаты пожалуйте, господа, приглашалъ хозяинъ,— свѣженько еще на дворѣ... А у меня, прибавилъ онъ, понижая голосъ, пріѣзжій тутъ одинъ сидитъ.

— Кто такой? вопросилъ графъ, чуть-чуть морщась, но все съ тѣмъ же намѣреніемъ грансеніорской снисходительности въ интонаціи голоса.

— Рекомендованный мнѣ изъ Москвы Степаномъ Михайловичемъ Мурзинымъ...

— Три Степана, три стакана!.. запѣлъ, прерывая его съ новымъ хохотомъ, Свищовъ.

— Степанъ Михайловичъ Мурзинъ, одно изъ свѣтилъ русской науки, многодумно качнулъ головой Степа, вспомнивъ кстати о занятіяхъ своихъ „египтологіей“.

— Да-съ... Такъ вотъ онъ самый прислалъ мнѣ письмо съ этимъ молодымъ человѣкомъ... Спеціалистъ по техническимъ знаніямъ, а я мельницу думаю перестраивать, такъ вотъ... Пожалуйте, господа, пожалуйте! не договорилъ Троженковъ, пропуская гостей своихъ изъ передней въ залу.

— Левъ Гурьевичъ Бобруйскій, представилъ его хозяинъ новымъ гостямъ своимъ и назвалъ ихъ поименно тоже.

Графъ, не подавая руки, повелъ поощрительно головой въ сторону „спеціалиста по техническимъ занятіямъ“: не стѣсняйтесь, молъ, тѣмъ, что видите предъ собою такое лицо, какъ я. Свищовъ подозрительно прищурился, выводя очевидно свое какое-то особенное заключеніе изъ мрачной наружности того же „спеціалиста“.

Тотъ, со своей стороны, отвѣчалъ на поклонъ ихъ небрежнымъ, чтобы не сказать грубымъ, движеніемъ головы.

— Ну что, позабавились у нашего магната? поспѣшилъ заговорить Троженковъ, обращаясь къ графу.

— Очень пріятно было, очень, отвѣчалъ тотъ,—почтенная семья и барскій домъ въ настоящемъ смыслѣ слова.

— Отъ вонючей свѣчки стараго помѣщичьяго плантаторства послѣдній огарокъ догораетъ, вотъ такъ вѣрнѣе могли бы сказать! злобно хихикнулъ на это „московскій браво".

— Странное сравненіе!

И графъ съ недовольнымъ видомъ высоко приподнялъ плечи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, нѣтъ, это въ точности такъ, господинъ этотъ деспотизмомъ старыхъ предразсудковъ своихъ и реакціонерствомъ имѣетъ самое пагубное вліяніе на весь здѣшній околотокъ; настоящій врагъ прогресса...

— Насчетъ нашего проекта—полнѣйшее фіаско, сказалъ Свищовъ, значительно взглянувъ на хозяина,—въ содѣйствіи своемъ отказалъ наотрѣзъ: сахаръ свой онъ и по шоссе повезетъ, а на общій интересъ ему наплевать.

— Потому гражданинъ великій! язвительно прошипѣлъ Троженковъ:—отъ него другаго и ожидать нельзя было.

— Это на счетъ чего же? спросилъ Петръ Капитоновичъ.

— Желѣзная дорога предполагается, имѣющая принести неисчислимыя пользы всему краю, но отъ которой не ожидаетъ для себя личной выгоды нашъ генералъ, значитъ, и не треба ея!...

Графъ насторожилъ ухо:

— Желѣзная дорога! и генералъ Троекуровъ на нее не согласенъ? Удивляюсь!... Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ каждая новая линія есть, такъ сказать, новый проводникъ цивилизаціи... Я со своей стороны, господа, имѣю честь состоять нынѣ въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ здѣшней мѣстности и готовъ всегда... Такъ что если бы вамъ по этому дѣлу нужна была, такъ сказать, рука въ Петербургѣ...

— Сильнѣйшею располагаемъ уже тамъ, сильнѣйшею,—и Свищовъ замигалъ обоими глазами; — согласіе отъ здѣшняго

генерала требовалось единственно pro forma; обойдемся безъ него отлично.

— Я предложилъ, а тамъ какъ вамъ угодно будетъ, сказалъ на это графъ, видимо уколотый тѣмъ, что его „рука въ Петербургѣ“ оставлялась безъ вниманія.

Свищовъ, со свойственною ему фамильярностью, потрепалъ его по плечу:

— Спасибо намъ скажете, что не почитаемъ нужнымъ воспользоваться въ настоящее время протекціей вашего сіятельства, не желая мѣшать на первыхъ порахъ дружеству вашему съ нашимъ магнатомъ... Планамъ вашимъ препятствовать не хотимъ, поймите деликатность! добавилъ онъ, понижая голосъ до шопота и лукаво подмигивая.

Петръ Капитоновичъ покраснѣлъ даже:

— Какіе планы, я васъ не понимаю? досадливо пробормоталъ онъ.

— Ну, ну, сіятельный, не притворяйтесь!... Вѣдь и ты туда же, Степа? обратился онъ къ Остромстову.

— Что я?

— На счетъ культа красоты генеральской дочки, Маріи Борисовны... Губа-то у тебя не дура, братъ, почитаю обязаннымъ сознаться. Тиціановыхъ красавицъ напоминаетъ барышня, да и деньжищъ не малую толику отвалитъ въ приданое ей папаша. Такихъ невѣстъ въ Россіи много-ли!...

Степа въ свою очередь изобразилъ недовольство на своемъ, сіяющемъ обыкновенно какъ мѣдный тазъ, лицѣ.

— У тебя всегда дурацкія шутки!...

Но Свищовъ продолжалъ гаерничать, какъ говорится, „во всю“.

— А ну-ка, ну-ка, поклянись графу, что не питаешь злокозненнаго намѣренія стать ему поперекъ дороги?

— Милостивый государь, позвольте, воскликнулъ, выходя изъ себя, Петръ Капитоновичъ, между тѣмъ какъ Степа растерянно хлопалъ глазами, не зная, обижаться ему или радоваться мальчишеской выходкѣ стараго нахала.

Хозяинъ счелъ нужнымъ вмѣшаться.

— Не обращайте вниманія, господа, закивалъ онъ на Сви-

щова,—не можетъ человѣкъ безъ того, *зудà* извѣстный, школьникъ и на шестомъ десяткѣ, какой былъ студентомъ...

— Я полагаю, надо знать, съ кѣмъ шутить можно, величественно отрѣзалъ на это Петръ Капитоновичъ. „И чортъ меня понесъ сюда ѣхать!“ проносилось у него въ головѣ.

— Ну, а насчетъ кормленія что же? спрашивалъ тѣмъ временемъ Свищовъ, какъ бы ничего не слыхавъ и не замѣчая.

И онъ побѣжалъ навстрѣчу слугѣ, входившему въ эту минуту въ комнату съ грудой тарелокъ и столовыхъ приборовъ.

Компанія усѣлась за столъ.

— Вина тащи больше, Ѳедька, вина! командовалъ „московскій браво“.

— Не важное оно у меня, въ городѣ нашемъ лядащемъ купленное, извинялся Степанъ Акимовичъ, — а вотъ насчетъ вишневки, молвилъ онъ, направляясь къ одному изъ оконъ, на которомъ стояло нѣсколько засмоленныхъ бутылокъ этого напитка, — могу рекомендовать; настоящая наша хохлацкая, *съ пидъ Пивтавы*, запеканка.

— Давай, давай ее сюда, отличная штука!... А *старка* *) есть?

— И *старка* найдется, смѣялся Степанъ Акимовичъ, отправляясь къ шкафу и доставая оттуда новую бутылку.

— Восхити-тельно, упои-тельно! запѣлъ діаконскимъ басомъ Степа Островетовъ, ужасно, видимо, старавшійся изображать изъ себя въ эту минуту *лихаго малаго*.

Старка дѣйствительно оказалась отличною. Черезъ десять минутъ отъ нея не оставалось ни капли.

Ѳедька между тѣмъ внесъ, съ трудомъ держа въ рукахъ, и уставилъ на столъ блюдо съ огромнымъ кускомъ жареной говядины.

— A la française, messieurs, я буду рѣзать, заголосилъ Свищовъ, вооружаясь большимъ кухоннымъ ножомъ:—давайте ваши тарелки; побольше или поменьше—говори каждый! Вамъ

*) Старая водка.

побольше разумѣется? съ безцеремоннымъ смѣхомъ спросилъ онъ Бобруйскаго, не проронившаго ни единаго слова до этой поры и прислушивавшагося къ рѣчамъ этихъ незнакомыхъ ему людей съ нескрываемымъ выраженіемъ глубокаго къ нимъ презрѣнія въ прищуренномъ взглядѣ и судорожно подергивавшихся губахъ.

— Побольше дѣйствительно, отвѣтилъ тотъ совершенно спокойно,—а только вы-то изъ чего заключили?

— Да ужь вижу, зубы у васъ такіе, объяснилъ Свищовъ, не смущаясь.

— Какіе-жь у меня зубы, по-вашему?

— Извѣстно, волчьи, расхохотался онъ во всю мочь.

„Спеціалиста“ словно обухомъ пришибли эти слова въ пѣрвое мгновеніе. Онъ смолкъ, замѣтно поблѣднѣлъ и повелъ только на нахала взглядомъ, отъ котораго тому стало неожиданно жутко.

Лицо его тотчасъ же пріятно осклабилось, и голосъ зазвучалъ какъ бы искательно:

— Вы давно изъ Петербурга?

— Недавно! отрѣзалъ Бобруйскій, принимаясь уписывать свою порцію.

— Что у васъ тамъ дѣлается, что дѣлается въ Петербургѣ! поспѣшилъ заговорить хозяинъ, обращаясь къ графу.

— А что?

— Помилуйте, жить покойно никому не даютъ: что ночь, то у одного, то у другаго обыски производятъ, въ III Отдѣленіе таскаютъ; интеллигентное юношество подъ власть дворниковъ отдали...

Свищовъ закивалъ утвердительно головой:

— У насъ, извѣстно, никогда и ни въ чемъ мѣры не знаютъ.

Графъ Снядецкій-Лупандинъ счелъ нужнымъ протестовать:

— Вы согласитесь однако, господа, произнесъ онъ внушительно,— что послѣ того, что произошло въ день 2 апрѣля, правительство не могло не прибѣгнуть къ нѣкоторымъ исключительнымъ, такъ сказать, мѣропріятіямъ...

— Положимъ, возразилъ съ напускною горячностью Троженковъ, — оно можетъ тамъ себѣ распоряжаться для самоогражденія, употреблять своихъ агентовъ на разоблаченіе *крамолы*, какъ строчатъ себѣ извѣстные московскіе публицисты, ядовито пропустилъ онъ,—но оно, позвольте вамъ сказать, не имѣетъ никакого права лишать массу гражданъ законныхъ гарантій свободы, а учащуюся молодежь даже крова и хлѣба... Тѣмъ болѣе, что и крамолы никакой нѣтъ... Какой-нибудь одиночный случай!.. А остальное одна выдумка жандармовъ и шпіоновъ того же правительства.

— Я полагаю, вы ошибаетесь, заговорилъ опять графъ съ кислою усмѣшкой (ему казалось, что онъ въ эту минуту какъ бы представлялъ собою въ нѣкоторой мѣрѣ это „правительство“),—правительство въ данномъ случаѣ менѣе всего виновато: у насъ есть партія... къ счастію немногочисленная... почитающая себя plus royaliste que le roi, какъ говорится, и которая науськиваетъ его въ своихъ газетахъ на всякое стѣсненіе свободы. Но настоящіе наши государственные люди— я, смѣю сказать, близокъ ко многимъ изъ нихъ, примолвилъ онъ съ самоувѣренною скромностью,—эти люди исполнены самыхъ либеральныхъ намѣреній и горячо отстаиваютъ во всѣхъ случаяхъ тотъ освободительный духъ, которымъ проникнуты, такъ сказать, всѣ благодѣтельныя реформы нашего царствованія... У меня даже недавно былъ по поводу этого самаго очень интересный разговоръ въ клубѣ. Играли мы: генералъ адъютантъ Луповъ, Александровскій кавалеръ, шталмейстеръ князь Шастуновъ, графъ Наташанцевъ, директоръ департамента, и я... И Наташанцевъ прекрасно тутъ сказалъ: „Я“, говоритъ, „прослужилъ почти всю жизнь на дипломатическихъ постахъ, знаю Европу вдоль и поперекъ, и скажу вамъ, messieurs, что по своему демократическому духу нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ свободныя учрежденія имѣли бы такъ много шансовъ пустить корни, какъ въ Россіи“.

И Петръ Капитоновичъ съ высокомѣрною уже улыбкой обвелъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ: что, молъ, можете вы послѣ этого сказать?..

Но, къ нѣкоторому его изумленію, ссылка его на автори-

тетъ такого лица, какъ графъ Наташанцевъ, „прослужившій почти всю жизнь въ Европѣ“, не произвела ожидаемаго имъ дѣйствія.

— Ваши графы могутъ ворочать себѣ языкомъ, сколько имъ угодно, буркнулъ, жуя говядину свою во всю щеку, Бобруйскій,—а настоящее-то положеніе таково, что послѣ тѣхъ „мѣропріятій“, о которыхъ вы говорили, интеллигентной молодежи въ Петербургѣ чуть не стадомъ всѣмъ приходится бѣжать оттуда, либо съ голоду помирать.

— Отчего же „съ голоду“? спросилъ Петръ Капитоновичъ, чувствуя новый уколъ отъ рѣзкаго тона, съ какимъ произнесены были эти слова,—я не понимаю...

— Само собой что не понимаете: играете въ клубѣ, жалованья, можетъ, нѣсколько тысячъ получаете, такъ гдѣ же вамъ это знать! А какъ если бы вы потрудили себя поглядѣть на тѣ конуры и углы, въ которыхъ заставляетъ нужда жить русскую молодежь... да когда еще и изъ такихъ хлѣвовъ гонитъ его вонъ хозяйка отъ страха полиціи, да если еще онъ не стипендіатъ, а кормится единственно отъ уроковъ, и ему теперь въ нихъ отказываютъ ради того, что онъ студентъ, а на студента теперь, благодаря правительству вашему, хуже чѣмъ на уличнаго мошенника смотрятъ, такъ вы вотъ это мозгами своими сообразите!..

„Невозможный тонъ, невозможный“! говорилъ себѣ графъ Снядецкій-Лупандинъ, чувствуя себя совсѣмъ уже не въ обществѣ своихъ „перовъ“.

— Я конечно не стану съ вами спорить, такъ какъ вамъ, надо полагать, это по собственному опыту извѣстно... началъ было съ видимымъ намѣреніемъ язвительности онъ...

Но Свищовъ не далъ ему продолжать.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, нѣтъ, заговорилъ онъ какъ бы примирительно,— противъ этого возраженія нѣтъ. Положеніе нашей учащейся молодежи ужасно, это фактъ. Правительство обязано обезпечить всѣми средствами ея существованіе, а оно, напротивъ, тѣснитъ ее всячески и возбуждаетъ, и удивляется еще потомъ, что видитъ въ ней себѣ врага.

— Именно такъ, именно, подтвердилъ Троженковъ: — а эти послѣднія стѣсненія ужь ни на что не похожи...

Онъ кашлянулъ и какъ бы скользнулъ взглядомъ въ сторону Бобруйскаго:—Молодымъ людямъ дѣйствительно приходится теперь умирать съ голоду, и если бы, къ счастію, общество само не поняло, что оно обязано притти имъ на помощь...

Свищовъ прижмурился и зорко воззрился въ него:

— Какимъ манеромъ? коротко спросилъ онъ.

— Въ Петербургѣ и въ Москвѣ открыта въ пользу ихъ подписка.

„Московскій браво“ беззвучно повелъ губами. „Эксплуатація сейчасъ въ ходъ пойдетъ!“ тотчасъ же сообразила его сметливая голова.

— Негласная, разумѣется? сказалъ онъ чуть-чуть насмѣшливо:—иначе, само собой, полиція не дозволила бы.

Степанъ Акимовичъ кивнулъ головой внизъ:

— Само собой!.. И прекрасно идетъ, примолвилъ онъ: — вотъ спроси ихъ, указалъ онъ на Бобруйскаго.

— Нѣсколько тысячъ ужь собрано, кивнулъ тотъ утвердительно въ свою очередь.

— Господа, запеканочки повторительно! возгласилъ хозяинъ, раскупоривая вторую бутылку и разливая ее по стаканамъ гостей своихъ:—добрая запеканка, а?

— Въ голову бьетъ ужь очень, отозвался графъ.

Степа Островетовъ взглянулъ на него съ пренебрежительною улыбкой и, не отрывая отъ губъ, опорожнилъ стаканъ свой до дна.

— Вы видно въ Петербургѣ одну дамскую малагу или люнельчикъ привыкли пить, проговорилъ онъ, молодцовато стукнувъ донышкомъ стакана по столу.

— Почему вы такъ думаете, милостивый государь? тотчасъ же и огрызся на это Петръ Капитоновичъ.

— Господа, позвольте два слова, торжественно вымолвилъ въ эту минуту хозяинъ: — мы здѣсь въ дружеской компаніи, между людьми равно интеллигентными и имѣющими, смѣю доложить, право вполнѣ довѣрять гражданскимъ чувствамъ

другъ друга. Я полагаю поэтому, что никто изъ насъ сора изъ избы не вынесетъ.

— Pardieu, воскликнулъ Степа, на половину уже *готовый*,—on est gentilhomme, ou on ne l'est pas!

— На какой предметъ интродукція? захохоталъ „Московскій браво".

— Къ тому говорю, господа, пояснилъ Троженковъ, — что въ лицѣ Льва Гурьевича Бобруйскаго имѣю честь вамъ представить довѣренное лицо комитета, образовавшагося для сбора по всей Россіи пожертвованій на пользу нашей дорогой интеллигентной молодежи, изнемогающей подъ двойнымъ гнетомъ нужды и преслѣдованій правительства...

— Брррраво! крикнулъ Степа.

— Я не сомнѣваюсь, господа, продолжалъ Троженковъ,— что каждый порядочный человѣкъ, каждый, можно сказать, либеральный умъ пойметъ, какое значеніе имѣетъ эта молодежь для всего будущаго Россіи...

— Понимаемъ! рявкнулъ опять Остромeтовъ.

— Въ ея стремленіяхъ, въ ея неодолимой никакими препятствіями энергіи мы видимъ залогъ будущей свободы страны нашей,—страны, которая до сихъ поръ умѣла заслужить себѣ единственно названіе „большой Ѳедоры", и только при осуществленіи того, къ чему общими усиліями своими стремится эта молодежь, можетъ добыть себѣ право на то, чтобъ уважающіе себя люди назвали ее своимъ отечествомъ.

— Каковъ Демосѳенъ, каковъ! покатывался уже со смѣху Свищовъ,—острея, ядовитости-то сколько!

— Итакъ прежде всего предлагаю всѣмъ намъ равно священный тостъ, господа, выговорилъ со слезами умиленія въ горлѣ ораторъ:—за нашу дорогую молодежь!

— Урра! повторилъ Степа, топая ногами и стуча ножомъ по своей тарелкѣ.

Третья бутылка запеканки разлита была по стаканамъ. Свищовъ потянулся черезъ столъ со своимъ стаканомъ къ Бобруйскому:

— Старое студенство въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ молодое въ лицѣ вашемъ. Viat academia et pereat... да погиб-

нетъ, то-есть, все, что̀ стоитъ на пути его преградой къ прогрессу и свободѣ, да погибнетъ, да, урра!...

— А вы что̀ же, ваше сіятельство, не прихлебываете? обратился хозяинъ къ графу:—смѣю думать, что тостъ мой находитъ полное сочувствіе и въ вашемъ, могу сказать, просвѣщенномъ чувствѣ?

— Конечно... помилуйте... молодежь... Это, какъ вы изволите справедливо говорить, единственная наша надежда... Я всегда радъ... бормоталъ несвязно Петръ Капитоновичъ, у котораго начинало двоиться въ глазахъ.

— Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ; на цуфуски свои не надѣетесь, должно быть? захихикалъ Степа, вливая себѣ залпомъ въ горло третій стаканъ полтавской наливки.

— Что̀ хотите вы этимъ сказать, милостивый государь? обернулся къ нему красный какъ ракъ Петръ Капитоновичъ.

Но хозяинъ прервалъ ихъ опять новою рѣчью:

— При такомъ очевидномъ у всѣхъ насъ единодушіи, господа, я считаю вполнѣ умѣстнымъ въ настоящую минуту обратиться къ вамъ съ приглашеніемъ выразить, такъ сказать, *вещественными доказательствами невещественныя отношенія* ваши къ нашей дорогой молодой интеллигенціи. Да будетъ здѣ предстоящій Левъ Гурьевичъ Бобруйскій живымъ очевидцемъ и свидѣтелемъ нашего общаго къ ней душевнаго расположенія и сочувствія къ неправедно претерпѣваемымъ ею мукамъ!... Вотъ моя лепта, господа! заключилъ онъ, вытаскивая изъ кармана бумажникъ, вынулъ изъ него радужную ассигнацію и кинулъ ее на столъ.

— Урра!... Бери все! завопилъ Степа Остроматовъ, швыряя въ свою очередь портфель свой на столъ:—двѣсти... триста... не знаю сколько, все бери... на молодежь!

Троженковъ потянулъ къ себѣ бумажникъ и принялся считать вложенныя въ него деньги:

— Двѣсти семьдесятъ три рубля...

— Еще вотъ на, бери! гоготалъ Степа, запуская пальцы въ кармашекъ жилета и выкидывая оттуда нѣсколько мелкихъ монетъ,—и еще дамъ... Что̀ нужно?... Мнѣ наплевать, я бояринъ... Для молодежи... я самъ, самъ... А вы что̀ же?

уставился онъ вдругъ пьяными глазами на Петра Капитоновича,—или только что графомъ прозываетесь, а въ карманѣ фюить, вѣтеръ свищетъ?...

Тотъ даже съ мѣста вскочилъ. Губы его дрожали.

— Милостивый государь, заговорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія,—я не могу вамъ дозволить вашего дерзкаго обращенія со мной и приглашаю васъ извиниться, а иначе...

— А ну-ка, ну-ка, что „иначе"-то? Или думаете, я васъ испугался?...

— Вы пьяны, и потому разговаривать съ вами въ эту минуту я считаю лишнимъ, а когда придете въ себя... Графъ не договорилъ и только плеча приподнялъ.

— Ну, и что же... ну, и приду, и все равно... Изъ Петербурга графъ... Эка невидаль!... А вы пока выкладывайте... на молодежь... выкладывайте! не унимался расходившійся Степа.

— Во хмѣлю вельми задоренъ юнецъ... хохоталъ въ свою очередь Свищовъ, которому эта грубая сцена доставляла видимо большое удовольствіе:—не обращайте вниманія, графъ!...

Петръ Капитоновичъ весь обратился въ величественность:

— Я, признаюсь вамъ, жилъ всегда въ такомъ обществѣ, гдѣ люди умѣютъ себя иначе держать и *отвѣчаютъ* за свои поступки, подчеркнулъ онъ вѣско.

„Московскій браво" придалъ немедленно серіозное выраженіе своей физіономіи:

— На этотъ счетъ будьте покойны, прошепталъ онъ, наклоняясь къ нему: — его можно будетъ заставить дать вамъ надлежащее удовлетвореніе.

— Вы полагаете? пробормоталъ графъ Снядецкій-Лупандинъ, глядя на него уже нѣсколько растерянно...

— Убѣжденъ... и даже очень радъ буду, что вы дадите ему хорошій урокъ, подтвердилъ Свищовъ тѣмъ же серіознымъ тономъ.

— А вы вываливайте, вываливайте-ка изъ кошеля, господинъ графъ петербургскій; нечего съ сосѣдомъ шептаться! повторялъ тѣмъ временемъ Степа, еле уже шевеля языкомъ и хлопая пятерней по скатерти, — на моло-дежь!.. На нашу до-доро-гую моло-дежь...

— Позвольте безъ вашихъ совѣтовъ! отрѣзалъ Петръ Капитоновичъ и, обращаясь къ Бобруйскому, съ тѣмъ же глубокопрезрительнымъ выраженіемъ въ чертахъ безобразнаго лица безмолвно внимавшему происходившей предъ нимъ стычкѣ:—Я со своей стороны, какъ бы покровительственно усмѣхнулся онъ, — весьма радъ внести и свою доброхотную лепту на предметъ, столь достойный общественной поддержки, какъ тотъ, который... на который вы уполномочены собирать... Сколько прикажете?

— Какая-жь „доброхотная лепта“, коли вы спрашиваете! фыркнулъ на это тотъ.

— Вашему сіятельству, поторопился вмѣшаться опять хозяинъ:—по званію уже вашему, смѣю думать, никакъ не приличествуетъ жертвовать въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ такому, напримѣръ, пролетарію, какъ я, выговорилъ онъ съ кисло-сладкою улыбкой.

— Извольте-съ! героически сдерживая прорывавшуюся у него извнутри досаду, усмѣхнулся въ свою очередь графъ, вынимая изъ бумажника сторублевую бумажку.—У васъ что же, сборная книжка есть, записываются? какъ бы небрежно спросилъ онъ опять Бобруйскаго.

— Въ данномъ случаѣ книжка немыслима, ваше сіятельство, помилуйте! заспѣшилъ еще разъ отвѣтить за того Троженковъ:—собирается безъ вѣдома и какъ бы даже въ видѣ протеста противъ правительства. Если бы жандармерія какимъ-нибудь случаемъ напала на такую книжку, могли бы выйти самыя великія непріятности для всѣхъ почтенныхъ лицъ, коихъ имена прочли бы въ ней голубые шпіоны тѣ...

— Совершенно вѣрно, я этого обстоятельства не принялъ во вниманіе, согласился немедленно Петръ Капитоновичъ, ужаснувшись даже въ душѣ при мысли, что „голубые шпіоны“ могли бы прочесть его графское имя въ *такой* книжкѣ.

— Мы на вѣру, ваше сіятельство, на вѣру! глухо засмѣялся Степанъ Акимовичъ, собирая въ пачку лежавшія на столѣ ассигнаціи и передавая ихъ Бобруйскому.—Извольте получить, Левъ Гурьевичъ.

Тотъ сгребъ деньги въ комокъ и сунулъ ихъ за пазуху безъ дальнѣйшаго разговора.

— Ну, а ты, братъ, что же не присоединяешься? обратился хозяинъ къ Свищову съ замѣтно для того лукавымъ оттѣнкомъ въ шутливомъ тонѣ вопроса.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ... еще бы! „Le général Suichef“ погрузилъ руку въ карманъ панталонъ и вытащилъ оттуда двѣ красненькія... Онъ взглянулъ на нихъ какъ бы съ удивленіемъ, усмѣхнулся и дернулъ плечомъ.

— Какъ на смѣхъ захватилъ съ собою сегодня такую малость, что не смѣю предложить... А потому сдѣлай мнѣ одолженіе, саго amico, внеси за меня такіе же сто рублей... Возвращу при первомъ свиданіи.

Троженковъ повелъ на него чуть не бѣшенымъ взглядомъ, но нашелъ силу сохранить отчасти спокойный видъ.

— Хорошо, промолвилъ онъ скороговоркой.

— Такъ пожалуйте!

И Бобруйскій, глядя на него во всѣ глаза, протянулъ тутъ же къ нему руку за деньгами.

Свищовъ закусилъ себѣ губу до боли, чтобы не расхохотаться во всю глотку: до того забавенъ былъ для него отчаянный видъ Степана Акимовича, попавшагося въ собственную ловушку. „Я, братъ, бывалый, не надуешь, камуфлеты самъ умѣю подпускать“, говорилъ онъ себѣ, мысленно торжествуя, между тѣмъ какъ Троженковъ дрожащими пальцами перебиралъ мелкія ассигнаціи въ вынутомъ имъ собственномъ портфелѣ и отсчитывалъ изъ нихъ нужную сумму подъ неотступно устремленнымъ на него взглядомъ Бобруйскаго.

— Я полагаю, однако, пора и по домамъ, сказалъ, подымаясь въ то же время съ мѣста, графъ Снядецкій-Лупандинъ:— свѣтаетъ.

Розовое сіяніе ранней весенней зари брежжило дѣйствительно уже въ окна.

— И точно, пора, подтвердилъ „московскій браво“, быстро подымаясь тоже (ему никакъ не хотѣлось дать случай Троженкову для какого-нибудь „объясненія“ съ нимъ наединѣ).— Вамъ отсюда близко, верстъ пять всего, а мнѣ восвояси цѣ-

лыхъ пятнадцать тащиться, такъ я ужь у васъ переночую, объявилъ онъ графу съ обычною своею безцеремонностью.

— Сдѣлайте милость, пропустилъ сквозь зубы тотъ.

— All right!.. Ѣдемте!.. Ѳедька, вели тарантасъ подавать!.. Ласковому хозяину за хлѣбъ-соль и дружбу спасибо въ поясъ, а за запеканку до-полу, шумно заявлялъ Свищовъ, ухватывая руку Степана Акимовича и стискивая его холодные, вырывавшіеся отъ него пальцы.

— Свищовъ, другъ сердечный, тараканчикъ запечный, застоналъ вдругъ плачущимъ голосомъ, покачиваясь на своемъ стулѣ, Степа Островетовъ, — на кого ты оставляешь меня, сироту!

— Не оставлю, братъ, не оставлю, хохоталъ тотъ въ отвѣтъ: — упакую тебя въ карету и отправлю въ Борисово поклажеобразно.

— Mercі, mon ami!... Ты... Я тебя люблю, потому ты, братъ, шельма, умный... всякаго об... оборудуешь... Я своихъ тѣхъ, дураковъ, въ шею, а тебя нѣтъ, потому я... бояринъ... Я этого петербургскаго графа... Я раздавлю!

И Степа хватилъ кулакомъ по столу такъ, что все на немъ зазвенѣло и закачалось.

— За что жь это вы, помилуйте, посуду мою бьете! вскликнулъ грубо Троженковъ, все сильнѣе и сильнѣе разгоравшаяся досада котораго какъ бы искала только случая вырваться наружу.

— Ѳедька, крикнулъ Свищовъ въ свою очередь,—а помоги ты мнѣ его поднять!..

— Извините... я заплачу, за все заплачу, мнѣ наплевать, я... бо... бояринъ! лепеталъ Степа, безсмысленно мотая рукой по воздуху.

Свищовъ и Ѳедька подхватили его подъ мышки съ обѣихъ сторонъ и вывели на крыльцо.

XVII.

Проводивъ гостей и пожавъ въ послѣдній разъ на крыльцѣ руку графа (онъ старался не глядѣть въ то же время на Свищова), Степанъ Акимовичъ вернулся въ столовую, гдѣ Бобруйскій, сидя все также за столомъ, затягивался дымомъ папироски, пуская его затѣмъ тонкими, длинными струйками въ воздухъ. Маленькіе глазки его слѣдили за ними, прищурившись и помаргивая.

— А ловокъ пріятель вашъ, ловокъ! заговорилъ онъ, насмѣшливо глядя на угрюмо вытянутую физіономію хозяина:— огрѣлъ васъ на сто рублей-то, а?... Старая жила, видать!

— Рокамболь, — читали вы романъ французскій? — такъ вотъ онъ самый и есть Рокамболь, надувало и разбойникъ! воскликнулъ тотъ съ такимъ забавнымъ взрывомъ не остывшей еще досады на Свищова, что на лицѣ „технолога“ пробѣжала невольная усмѣшка. Но онъ тотчасъ же принялъ свой прежній мрачный видъ.

— А убѣжденій какихъ человѣкъ? коротко спросилъ онъ.

— Какихъ хотите! фыркнулъ въ отвѣтъ Степанъ Акимовичъ.

— Либералъ изъ *постепеновцевъ?* презрительно уронилъ на это гость.

— Враль, скажите, изъ самыхъ первыхъ!

Бобруйскій поморщился.

— Въ случаѣ, если-бъ о сегодняшнемъ у васъ тутъ въ окрестности болтать стали, не сбрехнетъ онъ чего... *ненужнаго?* подчеркнулъ онъ слегка.

— Н-нѣтъ, возразилъ Степанъ Акимовичъ,—насчетъ этого опасаться нечего. Во-первыхъ, потому для него выгоды въ томъ нѣтъ. Верхнее чутье у человѣка есть: *времятеченіе* какое теперь—добре тоже понимаетъ и что не извѣстно еще, *чья* возьметъ; такъ для чего ему на гибель, можетъ, обрекать себя?... А второе, нуженъ я ему, чорту, въ здѣшнемъ мѣстѣ. Вели мы съ нимъ оппозицію противъ магнатской партіи нашей, въ управу выбраны были даже, а теперь у насъ опять другое дѣло въ виду...

— А что онъ васъ огрѣлъ сейчасъ, такъ это вамъ подѣломъ! неожиданно перебилъ его собесѣдникъ.

— Чѣго такъ? пробормоталъ онъ неумѣло.

— Положено съ васъ четыреста рублей получить, а вы отъ скаредности своей большой ста рублями полагали отдѣлаться, а что остальные за себя дураковъ со стороны заставите заплатить... Такъ вѣдь это напрасно, скажу я вамъ.

— Что̀ напрасно?

— А такъ что триста рублей все равно съ васъ взыщутся.

Степанъ Акимычъ даже въ лицѣ перемѣнился:

— За что̀ же такъ? Вамъ требовалось четыреста цѣлкашей, получили пятьсотъ безъ малаго, чего вамъ еще больше?

— Такъ то̀ сверхъ абонемента, а свою дань вы своимъ чередомъ внести должны... Не нравится, а? злорадно взглянулъ Бобруйскій на растерянный видъ своего собесѣдника:—а пословицу знаете: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.

Троженковъ какъ бы встряхнулся вдругъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, что я ни за что̀ не брался и ни къ чему въ сущности не обязанъ...

— Ну, вы это объясняйте тамъ себѣ Мурзину, или кому знаете... А только вотъ что̀ я вамъ скажу-съ: попадись къ намъ кто хоть кончикомъ волоска, такъ не уйдетъ онъ отъ насъ и до конца вѣка, протянулъ Бобруйскій такимъ тономъ отъ котораго у Троженкова руки и ноги похолодѣли. Онъ безмолвно опустилъ голову.

Выраженіе какого-то̀ торжества сверкнуло въ глазахъ Бобруйскаго.

— Да, сказалъ онъ, какъ бы вспомнивъ вдругъ, — а кто

этотъ „магнатъ“, о которомъ у васъ тутъ рѣчь шла съ гостями вашими? Не долюбливаете вы его съ пріятелемъ, а?

Губы дрогнули у Троженкова:

— Вотъ кого бы съ корнемъ вырывать надо, такъ это такихъ эксплуататоровъ и ретроградовъ, прохрипѣлъ онъ:—никому и ничему порядочному ходу не даетъ человѣкъ, сидитъ какъ паукъ въ своей резиденціи, паутиною своей весь уѣздъ опуталъ, да и почитай всю губернію барству своему подчинилъ. Самъ никуда, а губернаторы и власти къ нему какъ къ мощамъ прикладываться ѣздятъ.

— Что-жь онъ, важный очень?

— Троекуровъ; первымъ себя аристократомъ по всей Имперіи почитаетъ. Въ Петербургѣ самые первые люди ему ни почемъ...

— И богатство большое?

— Кабы не ограбилъ онъ меня, съ сумой теперича бы ходилъ, отвѣтилъ на это Троженковъ, и зубы его скрипнули отъ старой, не остывшей съ лѣтами злости.

— Какъ такъ „ограбилъ“ онъ васъ? спросилъ изумленно гость.

— А такъ, что законы у насъ ужь такіе мудрые въ Россіи!

И Степанъ Акимовичъ махнулъ рукой отчаяннымъ движеніемъ.

— А теперь замѣсто чѣмъ у меня, *у него* тысячъ полтораста, а не то и всѣ двѣсти доходу будетъ; заводъ одинъ чего стоитъ!

— Заводъ?

— Да, сахарный, первый по всему краю здѣшнему.

— А мѣсто-то самое какъ называется?

— Имѣніе, то-есть, его, *генерала* нашего?

— Да.

— Село Всесвятское.

— Далеко отсюда?

— Верстъ пятнадцать будетъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Тутъ сейчасъ отъ околицы моей вправо взять, на Бли-

ново, а тамъ первый встрѣчный мальчишка укажетъ... Да вамъ на что̀ это?

— А можетъ, я и понавѣдаюсь въ тѣ мѣста, какъ бы небрежно уронилъ Бобруйскій.

— Берегитесь! воскликнулъ Степанъ Акимовичъ.

— Чего это? Шлагбаумы у него развѣ по дорогамъ стоятъ? безъ *визы*, какъ на заграничныхъ паспортахъ, въ царство его не пускаютъ?

— Да для чего вамъ туда надо?

Тотъ встряхнулъ насмѣшливо плечами:

— Любопытенъ я очень...

— Я говорю, промямлилъ Степанъ Акимовичъ,— на случай, если бы вамъ вздумалось...

— Что̀ „вздумалось?“

— Остаться тамъ какъ-нибудь... на время...

— А можетъ, и останусь, ухмыльнулся тотъ.

— Берегитесь! повторилъ Троженковъ:—много тому лѣтъ назадъ, до Каракозова еще дѣло было, ввернулъ онъ шопотомъ, — былъ тутъ одинъ, родственникъ ему даже по женѣ приходился, Овцынымъ звали его, изъ первыхъ еще, знаете, *дѣятелей*... Такъ его этотъ самый генералъ нашъ...

— Жандармамъ выдалъ?

И глаза Бобруйскаго сверкнули.

— Самъ распорядился, качнулъ отрицательно головой Троженковъ.

— Какъ такъ?..

— А такъ, что избилъ его нагайкой въ кровь... Говорю вамъ, звѣрь, особь допотопная!.. Хорошо его въ ту пору отработалъ за это Герценъ въ своемъ *Колоколѣ*, я ему тогда корреспонденціи отсюда посылалъ, да все-жь ничего изъ того не вышло! скорбно вздохнулъ Степанъ Акимовичъ.

— Ну, меня не изобьетъ; я его какъ курицу одною рукой задушу, пропустилъ на это сквозь зубы Бобруйскій, машинально сдвигая пальцы этой своей, испещренной канатоподобными жилами, руки.

— Какъ знаете, а только, по-моему, безполезно будетъ. Сильные у него здѣсь корни запущены.

— А сами же вы говорите: „вырвать“ ихъ надо? замѣтилъ будто уже шутливо Бобруйскій.

— Такъ-то такъ, а знаете, не промахнуться чтобы...

— Спросъ не бѣда, увидимъ!... Вотъ что, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту:—коли кто-нибудь изъ вашихъ этихъ, что были сейчасъ, спроситъ невзначай про меня, такъ вы такъ говорите, что выписывали вы меня изъ Москвы насчетъ вашей мельницы, да дорого я съ васъ за нее запросилъ; вы меня и отпустили, а я на родину свою, въ Воронежскую губернію, на другой же день, сегодня значитъ, и уѣхалъ. Поняли?

— Чего-жь не понять!... А какъ если кто изъ нихъ „невзначай“ же васъ во Всесвятскомъ встрѣтитъ, знакомые они всѣ тамъ, а графъ этотъ и тотъ мозглякъ, что отъ запеканки отъ моей нагрузился допьяна, такъ тѣ, слышали? — на генеральской дочкѣ свататься окромя того вздумали, — таскаться, стало быть, туда будутъ, можетъ не одинъ разъ на недѣлѣ.

— А ну ихъ къ чорту!... Не захочу, не встрѣчусь! презрительно отрѣзалъ на это Бобруйскій.

Степанъ Акимовичъ поглядѣлъ на него теперь словно уже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ:

— Отважные, какъ посмотрю я на васъ: къ волку въ пасть прямо лѣзете!

Слова эти повидимому пришлись по вкусу того, къ кому они относились. Онъ снисходительно повелъ губами:

— А какъ если тутъ даже отваги никакой нѣтъ, а разсчетъ простой?

— Разсчетъ?...

— Да. Если, напримѣръ, кого-нибудь полиція по городу ищетъ, а онъ въ это время у полицеймейстера на чердакѣ сидитъ, такъ сколько у него шансовъ будетъ противъ того, кто въ иное какое мѣсто вздумалъ бы спрятаться?...

— А *ищутъ?* внезапно вскликнулъ на это Степанъ Акимовичъ, перемѣняясь въ лицѣ.

Собесѣдникъ его, не отвѣчая, только прищурился на него.

— Спать пора, проговорилъ онъ, зѣвнувъ: — тутъ что-ли можно? указалъ онъ на узенькій и низкій угольный диванъ деревенскаго издѣлія, составлявшій, вмѣстѣ съ обѣденнымъ

столомъ и дюжиной *венскихъ* стульевъ, всю мебель зальца, въ которомъ они находились.

— Можно и здѣсь, пробормоталъ хозяинъ:—я вамъ сейчасъ постлать велю.

— Ненужно, я такъ... Подушку, коли лишняя есть, одолжите!

И Бобруйскій, видимо съ трудомъ двигая ноги отъ усталости, потащился съ мѣста къ дивану и протянулся на немъ во всю длину, закинувъ руки за затылокъ.

— Вотъ и подушка, молвилъ Троженковъ, бѣгавшій за нею въ свою спальню.

— Отлично!...

Бобруйскій сунулъ ее себѣ подъ голову, повернулся лицомъ къ стѣнкѣ и тутъ же захрапѣлъ.

Степанъ Акимовичъ въ глубокомъ раздумьи долго и недвижно стоялъ надъ нимъ, покачалъ затѣмъ головой, глухо вздохнулъ и осторожно, на цыпочкахъ, выбрался изъ комнаты въ свою опочивальню.

Но заснуть онъ долго не могъ и тревожно переворачивался на своей постели до седьмаго часа утра. Усталость взяла свое однако: онъ заснулъ тяжелымъ сномъ, полнымъ какихъ-то лихорадочныхъ сновидѣній, и проснулся къ полудню, весь въ поту.

Предъ нимъ стоялъ со стаканомъ чая на жестяномъ подносѣ слуга его, все также, не смотря на его чуть не пятидесятилѣтній уже возрастъ, сохранявшій имя „Ѳедьки", подъ которымъ познакомились мы съ нимъ впервые въ домѣ незабвеннаго Елпидифора Павловича Акулина *).

— Заспался же вы сегодня, страхъ, говорилъ онъ,—уже не недужится-ли вамъ, даже подумалъ.

— А гостю подалъ? спросилъ Степанъ Акимовичъ, перенося стаканъ съ подноса на стоявшій подлѣ постели столъ, уложенный всякими бумагами и счетами.

Ѳедька качнулъ головой:

— И помину ихъ нѣту, гостя-то вашего.

---

*) *Переломъ*, ч. I.

— Какъ нѣту?

— А такъ что ушли... Самъ я еще подняться не успѣлъ, а ужь ихъ и слѣдъ простылъ. Какъ пришелъ, такъ и ушелъ—*моментально*, значитъ, широко осклабился Ѳедька, произнося съ видимымъ удовольствіемъ словцо, вычитанное имъ въ газетахъ, которыя онъ поглощалъ съ какимъ-то остервенѣніемъ.

Хозяинъ вдумчивымъ взглядомъ уставился ему въ лицо, прикусилъ губу и какъ бы безсознательно проговорилъ:

— Давай одѣваться, да пѣгаго вели въ телѣжку запречь!..

Онъ проѣздилъ цѣлый день по сосѣднимъ съ его усадьбами деревнямъ, гдѣ держалъ кабаки, учитывая своихъ кабатчиковъ и собирая съ нихъ выручку,—онъ доводилъ ихъ при этомъ до изнеможенія, до кроваваго пота придирчивостью своею и подозрительностью,—и вернулся домой, пообѣдавъ по пути на какомъ-то постояломъ дворѣ, къ заходу солнца.

Въѣзжая къ себѣ во дворъ, онъ увидѣлъ на немъ отпряженный тарантасъ свой, данный имъ наканунѣ для поѣздки во Всесвятское графу Снядецкому-Лупандину и Свищову и въ которомъ же они уѣхали отъ него утромъ въ имѣніе графа. Кучеръ Степана Акимовича водилъ тутъ же по двору выпряженныхъ изъ него, слегка взмыленныхъ лошадей.

— Гналъ-то чего тройку? крикнулъ онъ на него гнѣвно.

— Моя вина — *я* гналъ, раздался въ отвѣтъ съ крыльца голосъ вышедшаго изъ дома на стукъ его экипажа „московскаго браво“:—обнять тебя спѣшилъ, объяснялъ онъ со своимъ трескучимъ хохотомъ.

— Благодарю, не ожидалъ! язвительно пропустилъ Троженковъ и—даже руками развелъ.

— Ну, ну, *вертай* гнѣвъ свой назадъ, какъ говорится у васъ по-хохлацки, да ступай скорѣе сюда, продолжалъ смѣяться тотъ: — такою трагикомедіей угощу тебя, что скажешь спасибо.

Онъ подскочилъ къ телѣжкѣ, приподнялъ и стащилъ съ нея высохшаго какъ мумія подъ старость Степана Акимовича своими мускулистыми руками и облобызалъ силой въ пергаментныя его щеки:

— Вотъ такъ лучше, кричалъ онъ, не давая тому времени выговорить слова и увлекая его за собою въ знакомую уже намъ столовую:—жду тебя не дождусь.

— Чего вамъ еще треба? отрѣзалъ все также серчливо хозяинъ.

— Ну чего губы надулъ! Самъ меня на сто рублей подцѣпить хотѣлъ, когда знаешь, въ какихъ я въ настоящую минуту тонкихъ нахожусь, это дружба по-твоему называется? А съѣсть меня готовъ теперь, что я изъ того вывернулся съ обычною мнѣ дипломатическою ловкостью, лукаво подмигнулъ нахалъ и примолвилъ успокоительно:—верну ихъ тебѣ, верну, будь покоенъ!

— Отдашь, не брешешь? вскликнулъ Троженковъ, жадно впиваясь въ него глазами.

— Будь покоенъ: изъ первыхъ прибылей нашего дѣла отсчитаю радужную тебѣ въ возвратъ...

Онъ опустился разомъ на стулъ, зорко глянулъ въ свою очередь въ глаза собесѣднику своему, и понижая голосъ до шопота:

— А теперь говори настоящее: на что подписка-то эта собирается?

— На что? повторилъ морщась тотъ:—слышалъ, кажется...

Свищовъ покачалъ головой.

— Смотри, проговорилъ онъ съ разстановкой, — чтобы чего не вышло!

— Да ты что полагаешь?..

— Ничего не полагаю и полагать не хочу... а залѣзать въ чортово болото не совѣтую...

Онъ примолкъ на мигъ, повелъ какъ бы машинально взглядомъ кругомъ комнаты:

— Ѳедька говоритъ, онъ еще спозаранку ушелъ, этотъ твой...

— Ушелъ, глухо отозвался Степанъ Акимовичъ.

— Hélas, elle a fui comme une ombre,
En me disant: je re-e-viens...

запѣлъ „le général Suichef“.—Куда? кинулъ онъ вопросъ, прерывая себя на полутактѣ.

— Не знаю.

— Назадъ будетъ?

— Для чего ему назадъ быть! Въ Воронежскую губернію, на родину свою, говорилъ, ѣхать хочетъ... Не сговорилися мы насчетъ мельницы...

— А ты его „насчетъ мельницы“ выписывалъ? насмѣшливо повторилъ „московскій браво“.

— А то на что еще? уже словно обиженно возгласилъ Троженковъ: — на три постава хочу строить, настоящую, со всѣми приспособленіями современной техники. Просилъ Мурзина выслать мнѣ спеціалиста... Да такую цѣну заломилъ чортъ... Съ тѣмъ мы и разстались.

— Ну, какъ тамъ знаешь! Коли не вернется, хорошо; а коли-бъ совсѣмъ не являлся, и того лучше было бы... А теперь я тебѣ вотъ о чемъ... Лошадей твоихъ я заѣздилъ, а тарантасъ опять возьму у тебя, и пошли ты сейчасъ Ѳедьку нанять мнѣ лошадей на деревнѣ. Выпью у тебя чаю и сейчасъ же маршъ!..

— Куда?

— Къ Островетову.

— Что ты у него позабылъ?

Свищовъ вытащилъ изъ кармана письмо, запечатанное краснымъ сургучемъ, съ изображеніемъ на немъ крупнаго герба подъ графскою короной, и протянулъ его пріятелю.

— *Щожъ се таке?*

— Благородный вызовъ на барьеръ, комическимъ пафосомъ проговорилъ Свищовъ.

— Это графъ твой вызываетъ?

— Онъ самый.

— Того *телю* упитаннаго?

— Ты сказалъ!

— Отъ-то дурень! За что такъ?

— При тебѣ вѣдь поругались вчера, слышалъ...

— Такъ тотъ же пьянъ былъ. Чего съ пьянаго спрашивать?

— А гоноръ графскій на что же есть! Я ему объяснилъ, что этого такъ оставить нельзя.

Степанъ Акимовичъ пытливо глянулъ въ лицо говорившему:

— Нашто это тебѣ, объясни мнѣ, прошу!

Свищовъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Соображенія высшаго порядка, многоуважаемый.

— Должны они, значитъ, на поединокъ выходить послѣ этого? спросилъ чрезъ мигъ опять Троженковъ.

— Никогда, отвѣтилъ серіознѣйшимъ тономъ его собесѣдникъ, между тѣмъ какъ всѣ черты его подергивало отъ пронимавшаго его все такъ же смѣха.

— Извиненія тотъ просить будетъ, полагаешь?

— Никакъ. Пріѣдетъ, напротивъ того, тебя въ секунданты къ себѣ просить.

Степанъ Акимовичъ испуганно замахалъ руками.

— Не пойду, ну его совсѣмъ.

— Глупо! Когда говорю я тебѣ, что ничего изъ этого не выйдетъ, комедія одна.

— Выгода же какая-жь изъ того будетъ, не дойду я до того никакъ!

— А вотъ какая: во-первыхъ, выходить они на барьеръ не выйдутъ, а разговоръ объ этомъ такой пустимъ, что до Москвы и до самаго Петербурга дойдетъ, постараться можно... Въ газеты корреспонденцію съ мѣста такого рода пустимъ, что вся, молъ, исторія вышла изъ соперничества двухъ противниковъ, претендующихъ равно на руку дочери одного извѣстнаго здѣшняго сахарозаводчика и аристократа... Понялъ теперь?

И Свищовъ подмигнулъ съ торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ.

На лицѣ его слушателя выразилось въ свою очередь удовольствіе:

— Штука сія добрая есть! Нашему магнату не понравится...

— Такъ даже не понравится, что какъ узнаетъ онъ объ

этомъ, то велитъ своимъ лакеямъ рыцарей нашихъ за порогъ къ себѣ не пускать.

— Такъ вѣдь ты же самъ повезъ къ нему сего твоего графа? возразилъ на это изумленнымъ тономъ Степанъ Акимовичъ.

— Повезъ!.. Мало того, примолвилъ похваляяся Свищовъ:— такъ даже навинтилъ я его, что у него теперь изъ головы не вышибить, что долженъ онъ непремѣнно присвататься къ Троекуровой дочери.

— Какъ онъ теперь свататься будетъ, коли ты самъ такъ устроить *хотишь*, чтобы тотъ его къ себѣ не пускалъ?

— На то и веду, чтобы такъ вышло.

— Не разумѣю, хоть убей!

И Троженковъ недоумѣло пожалъ плечами.

„Московскій браво“ поглядѣлъ на него съ видомъ сожалѣнія:

— Эхъ, какъ посмотрю на тебя, уменъ ты, да не совсѣмъ. Такъ слушай! Пріѣхалъ этотъ господинъ сюда изъ Питера въ надеждѣ чрезъ дворянскіе выборы карьеру себѣ сдѣлать. Графство себѣ какое-то лядащее добылъ, имѣнье наслѣдовалъ порядочное, отъ природы тупъ: въ силу всего этого аристократомъ себя почитаетъ.

— Такъ! подтвердилъ Степанъ Акимовичъ.

— Въ башкѣ его, значитъ, первымъ дѣломъ сложилось, что долженъ онъ здѣсь войти въ знакомство и дружбу съ такими же *аристократами*, какимъ почитаетъ онъ себя самъ, и, разумѣется, первымъ нумеромъ является тутъ Троекуровъ, онъ о немъ еще въ Петербургѣ слышалъ. На желѣзной дорогѣ, какъ ѣхали мы съ нимъ сюда, подробно меня разспрашивалъ, что и какъ, и что непремѣнно хочетъ быть у него. „Вы, молъ, съ нимъ знакомы?“ — „Знакомъ“. — „Можете меня представить?“ — „Съ удовольствіемъ“. И, дѣйствительно, я съ удовольствіемъ, и насчетъ тоже женитьбы его съ барышней такую пѣну ему сбилъ... Потому все равно, онъ не чрезъ меня, такъ чрезъ предводителя, или самъ поѣхалъ бы просто, „представился бы“. И, разумѣется, обратился бы сейчасъ въ послушнаго сателлита, безвольно вращающагося вокругъ того же

генеральскаго солнца. Въ магнатскомъ лагерѣ было бы лишь однимъ голосомъ больше... А мы на него разсчетъ свой должны вести.

— Какой разсчетъ?

— А такой, что чѣмъ больше надѣется онъ теперь на дружбу и даже родство съ Троекуровымъ, тѣмъ злѣе станетъ онъ на него, когда ему тамъ дверь предъ носомъ захлопнутъ. Понялъ?

— Понялъ! А опосля что?

— „А опосля", передразнилъ его Свищовъ, — онъ натурально душою и тѣломъ перекинется со злости къ нашей партіи.

— Добре! А тамъ что?

— А тамъ то, что мы его въ предводители выберемъ.

— И выберемъ, и будь ты въ этомъ благонадеженъ.

Глаза такъ и загорѣлись у Свищова: — Старикъ Юшковъ за дряхлостью лѣтъ можетъ и самъ откажется, а можетъ и не доживетъ до новыхъ выборовъ. А если и захочетъ опять баллотироваться, такъ тутъ желѣзная дорога наша ему поперекъ дороги ляжетъ.

— И *онъ* на нее не согласенъ? спросилъ живо Троженковъ.

— Разумѣется; съ *генераломъ* одна душа у нихъ, какъ всегда. Тотъ такъ прямо при немъ мнѣ и сказалъ: „Мы съ Павломъ Григорьевичемъ", говоритъ, „и на сей разъ вѣроятно во-мнѣніи не разойдемся". А олухъ старый головой киваетъ: „Само собою", говоритъ.

— Оппозиція, значитъ, полная намъ будетъ?

— На ихъ же шею... А потому, понимаешь, половина ихъ партіи, коли еще не болѣе, перейдетъ въ этомъ вопросѣ на нашу сторону. Кто себѣ врагъ, а тутъ одинъ дуракъ не пойметъ, что выгоду можетъ себѣ, почитай, каждый выкроитъ изъ такого дѣла, гдѣ милліоны потекутъ въ губерніи. Кого прямо заинтересовать можно, а кто на поставкахъ будетъ разсчитывать пользу себѣ получить: кирпичъ, камни, шпалы, стройка будокъ и станцій, продовольствіе рабочихъ, продажа вина... Кабаковъ что ты однихъ новыхъ по линіи поставишь, многоуважаемый! воскликнулъ онъ съ новымъ смѣхомъ, ударяя въ

порывѣ восторга пріятеля своего по плечу съ такою силой, что тотъ даже вскрикнулъ:

— А ну тебя, сиволапаго! и принялся тереть плечо ладонью.—Выгоду, конечно, каждый свою понять долженъ, подтвердилъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи,—и они могутъ, дѣйствительно, на выборахъ въ меньшинствѣ остаться.

— А какъ когда мы имъ представимъ человѣка новаго, петербургскаго, каммергера... Да и самый его этотъ титулъ, что̀ конечно, говорю опять, гроша въ сущности не сто̀итъ, а на уѣздную-то массу все же эффектъ онъ свой произведетъ... А какъ еще шепнуть ловко, что онъ-де нарочно присланъ сюда изъ Петербурга извѣстною *особой*, подчеркнулъ таинственнымъ тономъ Свищовъ,—которой ни въ чемъ отказа не можетъ быть, чтобы добиться *для формы* заявленія земства насчетъ этой дороги... Такъ если всю эту обстановку устроить надлежащимъ образомъ, можемъ мы ихъ сломить, какъ ты полагаешь?

Онъ говорилъ спѣшно, обрывисто, съ лихорадочнымъ оживленіемъ, весь словно приподнятый накипью назрѣвшаго въ немъ интрижнаго замысла.

Троженковъ, видимо разожженный горячностью рѣчей пріятеля, покачивался на своемъ стулѣ, раздумывая и соображая:

— Д-да, выгово̀рилъ онъ наконецъ,—можетъ пройти, можетъ... Выберутъ въ предводители, чтобъ онъ на земскомъ собраніи предсѣдалъ по этому самому вопросу... Даже огромнымъ большинствомъ пройти можетъ, какъ бы уже про себя промолвилъ онъ чрезъ мигъ, потирая себѣ руки нервнымъ движеніемъ.

— То-то же, дошелъ, наконецъ, своимъ умомъ! Ну, а теперь посылай скорѣе лошадей мнѣ нанять; хочу еще сегодня поднести *картель* другу моему Степѣ Говорилову.

— Въ ночь пріѣдешь; спать ужь онъ будетъ.

— А я его съ постели подниму: пусть терзается отъ страха смертнаго! злорадно отозвался на это „московскій браво“.

XVIII.

Пошла стряпня, рукава встряхня!
Пословица.

Троженковъ ошибался: Степа Остометовъ еще не спалъ, когда подъ крыльцо его деревенскаго дома подъѣхалъ, еле-еле дотащившись до него на скверныхъ крестьянскихъ лошаденкахъ, Свищовъ.

Степа, въ халатѣ, всклоченный, съ помятою еще послѣ вчерашней попойки физіономіей, ужиналъ или, вѣрнѣе, обѣдалъ, такъ какъ поднялся съ постели часу въ девятомъ вечера, въ своемъ кабинетѣ, въ компаніи нѣкоего сосѣда своего и пріятеля, „отставнаго унтеръ-офицера изъ дворянъ“ (такихъ не мало развелось въ наши дни), по фамиліи Плеханова, малаго лѣтъ двадцати пяти, съ красненькимъ какъ яблочко, безбородымъ личикомъ и румяными губками рта, похожаго на пуговку. Предъ ними лежали на тарелкахъ обглоданные остатки только-что *покончennыхъ* цыплятъ и стояла на три четверти уже пустая бутылка мадеры.

— Свищура, друже сердечный, здорово! радостно вскликнулъ Степа, увидавъ входящаго:—откуда ты? Отъ хохла твоего?.. Ну, накатилъ онъ меня, братъ, запеканкой своею! И добрая же была она, покойница! хрипло загоготалъ онъ: — ты такой, Плеша, въ *жистъ* не пивалъ, обратился онъ къ своему компаньйону,—да и не по силишкѣ тебѣ! На что ужь я питухъ, молодцовато крякнулъ онъ,—да и то съ ногъ сшибло.

Свищовъ тѣмъ временемъ опустился на стулъ, уткнулся глазами въ полъ и принялся обѣими руками крутить *зуав-*

скіе усы свои съ такимъ мрачнымъ видомъ, что Островетовъ удивленно поглядѣлъ на него:

— Что молчишь, усталъ, *питаться* хочешь? Я велю сейчасъ... Эй, человѣкъ, кликнулъ онъ слугу:—приборъ, и подавай, что тамъ есть.

— Я къ вамъ, какъ бы не почитая нужнымъ отвѣчать на такіе суетные вопросы, проговорилъ гробовымъ голосомъ Свищовъ, — я къ вамъ отъ графа Петра Капитоновича Снядецкаго-Лупандина.

— Это ты, значитъ, къ нему послѣ вчерашняго поѣхалъ... Я вѣдь, братъ, ничего не помню, примолвилъ все съ тою же самодовольною молодцоватостью Степа, махнувъ рукой.

— Отъ котораго я уполномоченъ передать вамъ письмо, продолжалъ тотъ, какъ бы опять пропуская сказанное мимо ушей.

— Письмо?..

У Степы какъ-то вдругъ екнуло сердце отъ этого страннаго, офиціальнаго тона человѣка, съ которымъ онъ состоялъ въ обычной ему „амикошонской“ дружбѣ.

Тотъ вынулъ конвертъ изъ кармана, поднялся съ мѣста, передалъ его Островетову, кивнулъ при этомъ короткимъ холодно-учтивымъ поклономъ и, усѣвшись, принялся опять все также мрачно крутить усы свои.

Степа задрожавшими цальцами сорвалъ обложку письма... Предъ нимъ смутно пронеслось представленіе о чемъ-то происшедшемъ между нимъ и тѣмъ, кто писалъ ему теперь, но что именно произошло, онъ никакъ этого не могъ возстановить въ своей памяти.

Письмо, писанное по-французски (оно отъ слова до слова продиктовано было Петру Капитоновичу Свищовымъ), гласило между тѣмъ слѣдующее:

„Милостивый государь, — ваше невыразимое поведеніе (Votre inqualifiable conduite) относительно меня вчера за ужиномъ у господина Троженкова (monsieur de Trojenkof) ставитъ меня въ неизбѣжную необходимость просить у васъ удовлетворенія, которое приличествуетъ благороженнымъ людямъ (qui est d'usage entre gens bien nés), а потому

нѣйше прошу васъ поручить избранному вами лицу уговориться объ условіяхъ имѣющей быть между нами встрѣчи съ подателемъ сего, господиномъ Свищовымъ (monsieur de Svistchof), сдѣлавшимъ мнѣ честь принять на себя званіе моего секунданта".

Это было, какъ говорится, коротко и ясно... Слишкомъ ясно! Роковыя строки запылали въ глазахъ Степы Говорилова въ видѣ огненной надписи, начертанной невидимыми перстами на стѣнѣ пиршеской залы царя Валтасара. Почтовый листокъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Что это... что я ему сдѣлалъ? пролепеталъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Это вы должны сами знать, произнесъ Свищовъ на глубочайшихъ басовыхъ нотахъ своего голоса.

— Ничего не знаю... Не помню, Христосъ мнѣ свидѣтель! принялся креститься обѣими руками „потомокъ бояръ Острометовыхъ".

— Вы позволили себѣ, *при трехъ свидѣтеляхъ*, тщательно подчеркнулъ тотъ, — наговорить графу такихъ дерзостей, которыя могутъ быть омыты только кровью одного изъ васъ.

— Да я былъ пьянъ, до положенія ризъ пьянъ, самъ ты видѣлъ! принялся въ волненіи колотить себя кулакомъ въ грудь Степа, въ вящшее убѣжденіе посланца отъ своего врага:—ты, пожалуйста, другъ мой, объясни ему это, образумь... Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за такой глупости... Я могу даже написать ему, ты только помоги мнѣ изложить получше...

— Вы забываете, кажется, произнесъ съ высшимъ достоинствомъ „московскій браво", — что я состою секундантомъ, а въ настоящую минуту и представителемъ вашего противника, и что вы поэтому не имѣете никакого права разсчитывать на какія-либо пріятельскія услуги съ моей стороны. Тѣмъ болѣе, что никакихъ ни устныхъ, ни письменныхъ объясненій отъ васъ графъ принимать не намѣренъ; онъ такъ меня и просилъ вамъ передать.

— Чего-жь онъ хочетъ? взвизгнулъ отчаяннымъ голосомъ Степа Говориловъ.

— Крови, я вамъ сказалъ, пробасилъ Свищовъ, закусывая

губу до боли, чтобы не разразиться хохотомъ удовольствія, которое доставляло ему зрѣлище террора, напущеннаго имъ на свою жертву. — И полагаю, что для вашей ре-пу-таціи, протянулъ онъ,—лучше будетъ отложить всякія такія объясненія въ сторону и приступить прямо къ дѣлу.

— „Къ дѣлу", повторилъ растерянно Степа, безсознательно разводя руками.

— Да... Иначе довѣритель мой, и я самъ, можемъ подумать, что вы только на оскорбленіе храбры.

Слова эти внезапно словно хлыстомъ хлестнули по больному тщеславію Степы. Поблѣднѣвшее лицо его заалѣло мгновенно выступившею на немъ краской. *Онъ* повелъ быстрымъ взглядомъ на говорившаго, на кругленькое личико Плеханова, безмолвно, съ наивнымъ любопытствомъ въ ребяческихъ чертахъ внимавшаго непонятному для него на половину разговору, и поднявъ голову съ очевиднымъ намѣреніемъ показать себя со своей стороны на высотѣ положенія. Ему достало даже силы вызвать *на уста* что-то въ родѣ небрежной улыбки, которая по его мнѣнію какъ нельзя болѣе приличествовала въ данномъ случаѣ „настоящему джентльмену:"

— Что же, театрально проговорилъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ,— если вашему графу непремѣнно требуется кровь, я для его удовольствія могу пролить мою.

— Или *его*, докторально добавилъ „le général Suichef":— въ честномъ бою шансы противниковъ совершенно одинаковы.

— Какъ случится... Хотя *его* крови я нисколько не жажду, отвѣтилъ на это Островетовъ, и съ такою повидимому спокойною твердостью, что вражій посланецъ какъ бы съ недоумѣніемъ покосился на него: не ошибся-ли я, молъ, въ разсчетѣ на его трусость?

— Намъ остается, значитъ, приступить къ обсужденію условій дуэли... Имѣете-ли вы въ виду секунданта?

— Секунданта?.. Да вотъ другъ мой, Ахиллъ Аггеевичъ Плехановъ, позвольте васъ познакомить... Плеша, ты не откажешься быть моимъ секундантомъ... на полѣ чести, сказалъ Степа, стараясь придать этимъ словамъ тотъ же небрежно-шутливый тонъ; но шутливости, ниже небрежности на

этотъ разъ *не вышло*, и въ голосѣ его зазвучала какая-то дѣтски жалобная нота.

— Имѣете-ли вы опытность въ подобнаго рода дѣлахъ, спросилъ Свищовъ, глядя изподлобья на „Плешу“ суровымъ взглядомъ и медленно покручивая „грозный усъ“.

— Я въ военной службѣ былъ, зарядить пистолетъ и стрѣлять, все это могу, скороговоркой, видимо польщенный и обрадованный предстоявшею ему ролью, поспѣшилъ отрапортовать тотъ.

Свищовъ поднялся, покачался на каблукахъ, все такъ же сурово поглядывая на него изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Такъ пройдемте въ другую комнату, рѣшилъ онъ и наставительно прибавилъ:—секунданты всегда отдѣльно, безъ посредства противниковъ, совѣщаются и опредѣляютъ условія.

— Мнѣ извѣстно! утвердительно закивалъ, словно весь сіяя отъ восхищенія, „отставной унтеръ-офицеръ“.

— Захватите свѣчку, тамъ темно! скомандовалъ Свищовъ, направляясь въ другую комнату.

Плехановъ торопливо схватилъ одинъ изъ двухъ шандаловъ, стоявшихъ на столѣ, и, высоко подымая его надъ головой, поспѣшилъ за нимъ.

Степа остался одинъ.

Ему хотѣлось подняться, пройтись по комнатѣ, „размять ноги“. Но эти ноги, онъ чувствовалъ, были холодны и недвижны, какъ ледяная глыба; руки дрожали, вся кровь приливала къ сердцу, и оно мучительно, невыносимо билось у него въ груди. А предъ внутренними очами, in the mind's eye, по выраженію Гамлета, — пробѣгали картины одна другой страшнѣе... Вотъ онъ стоитъ на полянкѣ въ лѣсу... Заря, птички поютъ, утренніе лучи играютъ и трепещутъ по распускающимся листьямъ березъ и такъ мирно кругомъ, такимъ счастьемъ и довольствомъ дышетъ эта нарождающаяся жизнь весны... А противъ него, о ужасъ! стоитъ „петербургскій графъ“ со своимъ желтымъ „чиновничьимъ лицомъ“ и наводитъ на него пистолетъ,—какой-то длинный, ужасно длинный пистолетъ, по ярко гладкому стволу котораго искрится ослѣпительная струйка свѣта, и отъ нея онъ, Степа, не можетъ

оторвать глазъ своихъ... А Свищовъ рядомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, накручивая усъ на палецъ, считаетъ какимъ-то медленнымъ, роковымъ, безпощаднымъ голосомъ: „Разъ, два, три!..“ Дымъ, выстрѣлъ, что-то толкнуло его въ грудь... Онъ падаетъ и слышитъ, какъ бы въ самой глубинѣ уха своего слышитъ испуганный крикъ Плеханова: „Прямо въ сердце, на повалъ, убитъ!“ И все это такъ живо представлялось ему, такъ *реально*, чуть не осязательно.. Не даромъ высшею волей Неба дана была Степѣ *артистическая натура*.

Ледяная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу... Онъ уставилъ локти на столъ и уронилъ въ ладони лицо, по которому ручьемъ внезапно полились изъ его глазъ жгучія, неотразимыя слезы...

Но вотъ какъ-то вдругъ, нежданно, слезы изсякли, лицо отдѣлилось отъ рукъ, Степа какимъ-то пріободреннымъ и какъ бы вопросительнымъ взглядомъ прищурился на дальній, полуисчезавшій во мракѣ уголъ просторной комнаты, — и въ кончикахъ губъ его заиграло что-то похожее на лукавую улыбку.

— Эй, кликнулъ онъ!—кто тамъ?

Изъ передней на зовъ этотъ вышелъ полусонный слуга.

— Чего прикажете?

— Освѣтить, что̀ это за темь здѣсь! Лампу зажги и принеси сюда!

Голосъ Степы звучалъ теперь властно и повелительно, какъ у человѣка, стоявшаго въ полномъ обладаніи своего *я*... Онъ пододвинулъ къ себѣ одинокую свѣчу, остававшуюся на столѣ, закурилъ о пламя ея папироску и, откинувшись въ спинку своего сѣдалища, принялся пускать кольца дыма вверхъ, въ совершенно уже терпѣливомъ теперь ожиданіи окончанія переговоровъ секундантовъ.

Слуга внесъ зажженную лампу и поставилъ ее на столъ.

— Хорошо, можешь удалиться, уронилъ Степа.

„А, вотъ они!“ сказалъ онъ себѣ съ новымъ, невольнымъ біеніемъ сердца, услыхавъ шаги входившихъ изъ сосѣдней комнаты въ кабинетъ Свищова и Плеханова.

— Ну, чѣмъ же вы рѣшили, господа? спросилъ онъ, без-

заботно затягиваясь и закидывая ногу одну на другую;—считаю нужнымъ сказать вамъ, cher monsieur Swistchof, прибавилъ онъ съ театральнымъ жестомъ,—что я напередъ согласенъ на всѣ условія вашего графа, такъ какъ онъ, судя по его письму, почитаетъ себя обиженнымъ и ему поэтому предоставляется, по правиламъ дуэли, предлагать ихъ.

— Мы уже все рѣшили, Степа, все. Отлично будетъ! заявилъ, радостно разводя руками, Плехановъ: — барьеръ на двадцать шаговъ; каждый изъ васъ можетъ пройти пять шаговъ впередъ, а стрѣлять по сигналу... У меня и пистолеты есть, настоящіе, кавалерійскіе, надо ихъ только почистить отдать, заржавѣли очень, въ кладовой они у меня, сыро тамъ очень... Я въ городъ для этого съѣзжу, тамъ у меня охотникъ есть знакомый, Кондратій... Отлично будетъ все, Степа, отлично!

Степа слушалъ, глядя по сторонамъ и позѣвывая съ видомъ человѣка, которому прежде всего смертельно спать хочется.

— Очень хорошо, лѣниво произнесъ онъ, слегка потягиваясь.

„Да онъ, чортъ его возьми, совсѣмъ молодцомъ держится!“ говорилъ себѣ Свищовъ, мрачно и безмолвно поглядывая на него въ это время:—„клялся я тому и божился, что струситъ онъ непремѣнно и будетъ на мѣстѣ прощенія у него просить, а тутъ пожалуй окажется, что тотъ со страха въ Петербургъ удеретъ... Ужь очень глупо выйдетъ въ такомъ случаѣ“...

— Намъ остается поэтому рѣшить только насчетъ времени и мѣста, сказалъ онъ громко.

— Когда угодно, исключая завтрашняго дня, поспѣшно отвѣтилъ Островетовъ:—вы понимаете, надо же имѣть время сдѣлать кое-какія распоряженія на случай...

Онъ какъ бы не счелъ нужнымъ договорить. — А затѣмъ когда вамъ угодно!

— Насчетъ мѣста, началъ опять секундантъ графа Снядецкаго-Лупандина,—я предложилъ бы для удобства противниковъ среднее разстояніе entre leurs résidences respectives,

ввернулъ онъ почему-то по-французски, — а именно, лѣсокъ въ имѣніи общаго знакомаго нашего Степана Акимовича Троженкова, будто самою природой устроенный для подобнаго рода пріятнаго времяпрепровожденія, уже нѣсколько игриво объяснилъ онъ.

— Мнѣ все равно, промолвилъ все съ тѣмъ же джентльменскимъ равнодушіемъ Степа, — всякое мѣсто годится pour se couper la gorge, щегольнулъ и онъ подходящею ad hoc французскою фразой.

Свищовъ отвѣчалъ на это поклономъ по всѣмъ правиламъ рыцарскаго обычая: аппробую, молъ, и хвалю.

Разговаривать дальше было не о чемъ.

Свищовъ кашлянулъ, поклонился еще разъ:

— Мнѣ остается затѣмъ, проговорилъ онъ, выдерживая до конца принятую имъ на себя официальную роль, — пожелать вамъ доброй ночи и вернуться къ пославшему меня, который уже рѣшитъ окончательно, въ какой именно день быть предстоящей между вами встрѣчѣ. Я буду имѣть честь, обратился онъ къ Плеханову, — извѣстить васъ объ этомъ письменно никакъ не позднѣе завтрашняго вечера.

— Отлично, отлично будетъ! блаженно заголосилъ тотъ:— я рано утромъ съѣзжу въ городъ къ Кондратію съ пистолетами, и пуль у него возьму, и всего...

— Да, сдѣлайте милость, это ужь на васъ возлагается; у графа никакого оружія нѣтъ, а у меня револьверъ одинъ,— съ этимъ выходить въ дуэли не полагается.

— Не полагается, поспѣшилъ подтвердить „отставной унтеръ-офицеръ“ съ видомъ знатока,—какъ можно съ револьвероmъ! Смѣшно даже...

И онъ залился вдругъ раскатистымъ, тоненькимъ смѣхомъ, похожимъ впрочемъ болѣе на крысій писк, чѣмъ на настоящій человѣческій смѣхъ.

— Итакъ имѣю честь кланяться, господа! сурово произнесъ „le général Suichef“, какъ бы протестуя этимъ тономъ противъ неприличной въ такую минуту веселости. Онъ кивнулъ присутствующимъ короткимъ кивкомъ, повернулся и за-

шагалъ по направленію къ передней, весьма недовольный въ душѣ результатомъ своего браннаго посольства.

— Вы могли бы переночевать у меня, крикнулъ ему въ слѣдъ хозяинъ дома:—а то что же вамъ ночью ѣхать.

— Позвольте на сей разъ отклонить ваше гостепріимное предложеніе, отвѣтилъ на это съ достоинствомъ тотъ: — я уже имѣлъ случай замѣтить вамъ, что въ настоящую минуту обязанъ забыть мои личныя, какъ давнишняго знакомаго вашего, отношенія къ вамъ... Sauf à les reprendre plus tard, если вамъ угодно будетъ, милостиво заявилъ онъ въ заключеніе и вышелъ на этой фразѣ съ побѣднымъ лицомъ въ переднюю.

Плехановъ выбѣжалъ провожать его въ переднюю, но Степа не счелъ нужнымъ сдѣлать то же. Онъ остался сидѣть на своемъ стулѣ, придавъ теперь лицу своему новое, печально вдумчивое выраженіе, имѣвшее въ его разсчетѣ произвести надлежащее впечатлѣніе на пріятеля, такъ „неприлично“, находилъ онъ, радовавшагося выпадавшей ему долѣ участія въ предстоящей дуэли.

— Ну вотъ и устроили все отличнѣйшимъ образомъ, Степа, заговорилъ, дѣйствительно будто ногъ подъ собою отъ удовольствія не чувствовалъ, „Плеша“, возвращаясь въ кабинетъ,—мы сейчасъ положили съ этимъ господиномъ, что мнѣ нечего оставаться у тебя теперь ночевать, а непремѣнно надо ѣхать скорѣе къ себѣ, гдѣ у меня пистолеты, чтобы попасть утромъ рано-рано къ Кондратью.

— Вотъ пистолеты ужь блеснули,
Гремитъ о шомполъ молотокъ,

вспомнилъ изъ Онѣгина Степа и ухмыльнулся трагическою усмѣшкой.—Тебѣ это, кажется, большое удовольствіе доставляетъ? проговорилъ онъ съ нѣкоторою язвительностью.

— Что же, Степа, возразилъ ему на это тотъ, оскабляясь въ свою очередь широкою, счастливою улыбкой, — я очень радъ, дѣйствительно, сослужить тебѣ службу... Вѣдь это весело, Степа, знаешь!

— Весело! глухо, по театральному, отозвался Островетовъ.

— Конечно, храбрость свою испытаешь... То-есть, нервы хотѣлъ я сказать, потому что собственно *храбрости* никакой нѣтъ на свѣтѣ, а только нервы; это намъ физіологія доказываетъ, съ профессорскою важностью пояснилъ Плехановъ.

Степа даже съ нѣкоторымъ изумленіемъ поглядѣлъ на него:

— Эхъ ты, Ахиллъ!.. А у самого у тебя нервы есть или нѣтъ, какъ ты думаешь?

— А не знаю, право, не думалъ никогда... Кажется, нѣтъ, добродушно разсмѣялся онъ:—мнѣ все равно.

— Все равно, то-есть, жить или умереть?

— Конечно... Нѣтъ, вотъ я тебѣ разкажу, случай былъ одинъ, когда я служилъ въ полку, вспомнилъ вдругъ „отставной унтеръ-офицеръ“:—мы вотъ такъ вечеромъ разъ сидѣли на квартирѣ у одного изъ нашихъ вольноопредѣляющихся. Славный такой малый, звали его Пеструшкинъ, не бѣдный былъ и веселый такой, душа общества мы его все звали. И вотъ именно объ этомъ самомъ, о храбрости, пошелъ у насъ разговоръ. И кто-то тутъ сказалъ, что все же для каждаго должна быть смерть хоть немножко страшна. А Пеструшкинъ говоритъ на это: „А вотъ я“, говоритъ, „ни чуточки ея не боюсь; скажи мнѣ кто-нибудь хоть сейчасъ застрѣлиться, я такъ и сдѣлаю“... А у насъ былъ другой вольноопредѣляющійся, Шефельсонъ, изъ крещеныхъ Евреевъ,—и Жидъ же, я тебѣ скажу, Жидъ!—онъ и говоритъ Пеструшкину: „Такъ вы, можетъ, застрѣлитесь отъ того, что у васъ денегъ нѣтъ?“ и смѣется, знаешь, такъ глупо... А Пеструшкинъ вынулъ изъ кармана конвертъ и вытащилъ изъ него деньги,—онъ только утромъ получилъ съ почты,—триста рублей было:—„Ошиблись“, говоритъ, „вотъ видите“. Жидъ и расхохотался: „Ну“, говоритъ, „теперь, значитъ, вы ни за что не застрѣлитесь“.—„Пари“?..

— Это, то-есть, кто же, Жидъ предложилъ? спросилъ Островетовъ, сильно заинтересованный разсказомъ.

— Нѣтъ, самъ Пеструшкинъ это ему предлагаетъ...

— Серьезно?

— А вотъ слушай! Сидитъ онъ себѣ, какъ теперь вижу, на стулѣ верхомъ, толстую папироску куритъ, — самъ онъ, знаешь, вертѣлъ всегда,—и смѣется. „Снимите“, говоритъ, „пожалуйста со стѣны вотъ этотъ револьверъ“. Тотъ снялъ. „Заряженный“? спрашиваетъ. „Не могу сказать навѣрно“, говоритъ Пеструшкинъ: „я недавно изъ него стрѣлялъ, а всѣ-ли заряды выпустилъ, не помню; кажется, не всѣ“.—„Такъ какое же вы пари предлагаете“? спрашиваетъ опять Жидъ. „А такое, что я сейчасъ вложу револьверъ въ ротъ и буду дергать курокъ на всѣ шесть зарядовъ. Не выстрѣлитъ, деньги эти“, показываетъ,—„ваши, а выстрѣлитъ,—вы товарищамъ въ память мою пирушку устройте и чтобы вина на ней было столько, сколько въ кого влѣзетъ“... И Жидъ этотъ, можешь себѣ представить, началъ еще съ нимъ тутъ торговаться, вынулъ двадцать пять рублей и говоритъ, что онъ больше „ни гроша не можетъ *пожертвовать* на пари“. А глаза у подлеца такъ и впились въ деньги на столѣ. Пеструшкинъ вынулъ изъ пачки двадцатипятирублевую бумажку. „Ну, вотъ“, говоритъ, „мои противъ вашихъ, а остальныя все равно пусть идутъ компаніи на тризну по мнѣ. Согласны“? спрашиваетъ. Жидъ даже вздрогнулъ: онъ, знаешь, разсчитывалъ на гешефтъ: держать двадцать пять противъ трехсотъ. „Что же“, говоритъ, „дѣлать, согласенъ“. Пеструшкинъ взялъ револьверъ и сунулъ его себѣ въ ротъ...

— И ему позволили? воскликнулъ, весь даже поблѣднѣвъ, Степа.

— Кто?

— Да всѣ вы... Сколько васъ тутъ было?

— Человѣкъ шесть.

— Какъ же вы могли дозволить... не былъ онъ даже въ силахъ договорить.

— А какъ же не дозволять было, когда человѣкъ хочетъ? Вѣдь это было бы же нарушеніе свободной воли человѣка, Степа, самымъ убѣжденнымъ тономъ отвѣтилъ на это Плехановъ.

Степа рукой махнулъ:

— Ну, ну, продолжай!..

— Вотъ онъ положилъ его въ ротъ и началъ за курокъ дергать. Разъ — ничего, другой — ничего, третій опять ничего... А Жидъ, знаешь, стоитъ противъ него, даже лицо его все дергаетъ. „Не заряженный", говоритъ... Вдругъ, какъ грянетъ...

— Черепъ въ дребезги? договорилъ за него Степа, совершенно отчетливо, съ переворачивавшимъ всю его внутренность ужасомъ воспроизводившій всю эту сцену въ своемъ *артистическомъ* воображеніи.

— Да, знаешь, кровью его и мозгомъ такъ и обрызгало одного тутъ, Грекъ у насъ такой былъ, Психаки, который ближе къ нему сидѣлъ... Такъ вотъ я къ тому это разсказалъ, Степа, заключилъ „Плеша", улыбаясь своею дѣтски наивною улыбкой,—что развѣ это храбростью слѣдуетъ называть? Это просто у кого только нервы крѣпки.

Степа, уложивъ локти на столъ, сидѣлъ, ухватившись руками за голову и закрывъ глаза. Невозмутимое спокойствіе пріятеля производило на него какое-то подавляющее впечатлѣніе.

Такъ прошло нѣсколько времени... Онъ поднялъ наконецъ голову и воззрился на своего собесѣдника, который между тѣмъ, все съ тою же улыбкой на алыхъ губахъ рта, похожаго на пуговку, выбиралъ съ неприбранныхъ еще со стола тарелокъ съ остатками ужина цыплячьи косточки и кидалъ ихъ въ широко открывавшуюся навстрѣчу имъ пасть большаго кудластаго тернёва Степы, вбѣжавшаго вслѣдъ за нимъ изъ передней.

— Эхъ ты, Ахиллъ! промолвилъ еще разъ Островетовъ съ какимъ-то на этотъ разъ страннымъ оттѣнкомъ не то удивленія, не то зависти, — ты, пожалуй, готовъ при случаѣ такую же штуку отмочить?

Тотъ беззаботно плечами пожалъ:

— Что же, Степа, конечно, если-бъ я въ такомъ же положеніи былъ... Пиль, Блекъ! крикнулъ онъ, приловчаясь кинуть новую косточку такъ, чтобъ она попала прямо въ носъ собакѣ.

— Да вѣдь тутъ какое же „положеніе“, Плеша? Изъ-за чего, подумай, сдѣлалъ эту глупость человѣкъ?

„Плеша“ посмотрѣлъ на него какъ бы съ удивленіемъ:

— Да какже, Степа, вѣдь обидно, что какой-нибудь Жидъ смѣетъ говорить, что ты можешь застрѣлиться только потому, что у тебя денегъ нѣтъ.

„Степа Говориловъ“ не нашелъ ни единаго слова отвѣтить на такой *резонъ*. Но изъ разговора съ пріятелемъ онъ вынесъ окончательное убѣжденіе, что „трагическія рѣчи“, которыя онъ было намѣренъ былъ повести съ нимъ относительно грозившей ему-молъ „гибели“ на поединкѣ съ графомъ Снядецкимъ-Лупандинымъ, были бы совершенно излишними. „Плеша“ просто не понялъ бы ихъ. „Ему, дураку, и въ самомъ дѣлѣ все равно, что̀ жить, что̀ умереть; а я“... не договорилъ себѣ Степа, и какъ-то высокомѣрно усмѣхнулся только.

— Вотъ что̀, Плеша, сказалъ онъ послѣ новаго молчанія,— ты оставайся у меня преспокойно ночевать, а завтра утромъ мы съ тобой поѣдемъ къ тебѣ; я возьму у тебя пистолеты и самъ повезу въ городъ къ твоему Кондратію, ты мнѣ только адресъ скажи... Или даже, я думаю, можно будетъ тамъ достать получше чѣмъ твои: вѣдь твои, ты говоришь, старые очень, заржавленные: можетъ быть, и совсѣмъ не годиться будутъ...

— Я ужь объ этомъ думалъ, Степа, поспѣшилъ заявить тотъ: — въ городѣ стоитъ пѣхотный баталіонъ; у какого-нибудь офицера непремѣнно, я думаю, найдутся пистолеты. Я отыщу, у всѣхъ перебываю, отличные достану, увидишь, отличные!...

— Я самъ это все сдѣлаю, перебилъ его Островетовъ,— а ты долженъ оставаться.

— Къ чему же это, Степа! визгнулъ Плехановъ плаксивымъ голосомъ ребенка, у котораго отбираютъ любимую игрушку.

— Ты долженъ ждать извѣщенія отъ секунданта моего противника, развѣ не помнишь? Онъ тебѣ сказалъ, что ты долженъ ждать его никакъ не позднѣе завтра вечеромъ: ты

слѣдовательно весь день долженъ ждать его. А то вдругъ письмо еще до обѣда придетъ, а тебя нѣтъ...

— Такъ вѣдь ты же вернешься изъ города до обѣда?

— Конечно, но что-нибудь... непредвидѣнное можетъ задержать меня... А ты долженъ сейчасъ же, немедля, отвѣтить на то, что̀ онъ напишетъ, что мы очень рады и будемъ на мѣсто въ тотъ часъ, въ какой они тамъ въ письмѣ назначатъ... Ты понимаешь, Плеша, надо тутъ показать, что мы съ тобой de vrais gentilshommes, промолвилъ онъ, откидывая назадъ голову движеніемъ, исполненнымъ все той же неисправимой въ немъ театральности, и забывая при этомъ, что „Плеша", какъ говорится, „ни въ зубъ не зналъ" никакого иностраннаго діалекта.

Но непонятая имъ французская фраза произвела тѣмъ не менѣе рѣшающій эффектъ на „отставнаго унтеръ-офицера": онъ склонилъ покорно голову, вздохнулъ изо всей груди и пробормоталъ:

— Такъ гдѣ же мнѣ ждать, Степа: у себя, или опять пріѣхать сюда?

— Сюда, разумѣется. Онъ сюда пришлетъ непремѣнно... Ты мнѣ у себя отдашь пистолеты, я съ ними поѣду въ городъ, а ты сейчасъ же на своихъ лошадяхъ возвращайся сюда и жди письма и меня.

— Хорошо, пролепеталъ печально Плехановъ.

Степа поднялся съ мѣста, потягиваясь и зѣвая во всю глотку:

— Ну, а теперь по постелькамъ... Какую же я высыпку сейчасъ задамъ! *браво* примолвилъ онъ къ этому, косясь на пріятеля съ желаніемъ подмѣтить, какое впечатлѣніе произведутъ на него эти слова.

Но румяному Ахиллу было не до его *бравости:* онъ сидѣлъ, надувши губки, готовый заплакать. Ему такъ хотѣлось къ Кондратію, и такія пріятныя хлопоты предстояли ему было: достать пули, порохъ и прочее, къ „разнымъ офицерамъ" съѣздить (можетъ быть, какой-нибудь изъ нихъ знакомый найдется, или „веселенькій анекдотикъ" ему разскажетъ между прочимъ, думалъ бѣдняжка); а тутъ „сиди одинъ цѣлый день съ Блекомъ!"...

XIX.

Много загублено заячьихъ душъ.
Слава усердному гону тявкушъ.
Слава тебѣ, неизмѣнный Нахалъ,
Ты словно вѣтеръ пустынный леталъ!

Некрасовъ.

Рано утромъ, переночевавъ на полпути у Троженкова, неутомимый Свищовъ прибылъ въ Бѣлево, усадьбу, унаслѣдованную графомъ Петромъ Капитоновичемъ Снядецкимъ-Лупандинымъ отъ покойной тетки. Старуха прожила всю жизнь въ деревнѣ, и домъ ея былъ, какъ говорится, полная чаша. Древняя чета, изъ бывшихъ дворовыхъ, мужъ и жена, прослужившая ей съ юности до самой смерти и оставленная ея наслѣдникомъ на прежнихъ должностяхъ своихъ, содержала этотъ домъ въ чистотѣ и „аккуратности", переносившихъ невольно воображеніе того, кто входилъ въ него въ первый разъ, къ мирнымъ временамъ стародавняго дворянскаго житья. Петръ Капитоновичъ со своей петербургской точки зрѣнія находилъ, что ему „здѣсь недостаетъ современнаго комфорта" и что для этого „нужно будетъ со временемъ выписать кое-что отъ Гальпена *), перемѣнить обои и обивку, и вообще переставить все *понынѣшнему*", но въ сущности находилъ эту обстановку „довольно приличною для своего званія". А Свищовъ, входя теперь въ эти чистыя и свѣтлыя комнаты, съ полинялымъ отъ лѣтъ, но безъ пятнышка стариннымъ штофомъ мебели и занавѣсей, горками фарфора и серебра въ углахъ гостиной и

*) Извѣстный мебельщикъ въ Петербургѣ.

дубовымъ поломъ, лоснившимся какъ паркетъ, думалъ со своей стороны: „И совсѣмъ даже какъ слѣдуетъ быть для уѣзднаго предводителя дворянства“.

Онъ засталъ хозяина въ его кабинетѣ совсѣмъ одѣтымъ, хотя было еще очень рано, съ похолодѣвшимъ стаканомъ чая на письменномъ столѣ, у котораго, погрузившись въ глубину стариннаго вольтеровскаго кресла, читалъ онъ, высоко приподнявъ книгу къ прищуреннымъ глазамъ, *Исторію города Глупова*, сочиненіе господина Щедрина.

Онъ быстро закрылъ ее, кинулъ на столъ и обернулся на заслышанные имъ шаги входившаго.

— А, вы!... Я васъ еще ночью поджидалъ, какъ вы обѣщали пріѣхать... И, признаюсь, нѣсколько безпокоился, спалъ даже дурно.

— Да, вы какъ-то ужь очень желты сегодня, отозвался насмѣшливо Свищовъ:—что-жь, вы полагали, сократили меня на пути разбойники?

— Нѣтъ, а все же, знаете... Отечественныя дороги, да еще въ ростепель... Могли васъ на какой-нибудь калдобинѣ вывернуть...

— Насилу до Троженкова на возвратномъ пути дотащился; клячи мужицкія попались невозможныя, объяснилъ Свищовъ, не садясь, взялъ безцеремонно папироску изъ ящика, стоявшаго на столѣ, закурилъ ее и принялся, молча и насупясь, расхаживать по комнатѣ.

Петръ Капитоновичъ, дѣйствительно какъ-то „особенно желтый“ послѣ дурно проведенной ночи, съ видимою тревогой слѣдилъ за нимъ глазами.

Прошло нѣсколько минутъ. Его такъ и порывало заговорить, но словно что-то задерживало слова его въ горлѣ.

— Что же письмо? промолвилъ онъ наконецъ чрезъ силу.

— Передалъ, коротко отвѣтилъ на-ходу тотъ.

— Передали! Господину Остометову?...

— А то кому же еще? По адресу, извѣстно.

— Я, то-есть, хотѣлъ спросить, лично-ли ему... въ руки? сказалъ, слегка заикаясь, графъ.

— Въ собственныя, подчеркнулъ съ новою насмѣшливою

нотой въ тонѣ Свищовъ, продолжая, не глядя на говорившаго, маршировать по комнатѣ отъ двери до двери.

У Петра Капитоновича сперло дыханіе еще разъ.

— Что же онъ? скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ его гость.

— Согласенъ, точно отрубилъ онъ.

— Драться?

— Само собой!

Петръ Капитоновичъ судорожно ерзнулъ въ своемъ креслѣ, подаваясь всѣмъ тѣломъ впередъ:

— Безъ разговору?

— Былъ разговоръ у меня съ его секундантомъ объ условіяхъ...

— Нѣтъ, поспѣшно перебилъ графъ, — я говорю насчетъ извиненій... У насъ съ вами именно была рѣчь о томъ, что вы отъ него прежде всего потребуете... des excuses écrites въ его глупомъ поведеніи... и только въ случаѣ, если-бъ онъ отказался, тогда ужь отдадите ему мое письмо... Вы мнѣ даже честное слово давали, что онъ напишетъ все, непремѣнно все, что вы только сочтете нужнымъ продиктовать ему.

„Московскій браво“ остановился посреди комнаты, закрутилъ усъ на палецъ и, покачиваясь съ каблука на носки и обратно, выговорилъ, отчеканивая отдѣльно каждое изъ своихъ словъ:

— Я ему сказалъ, что вы никакихъ, ни устныхъ, ни письменныхъ извиненій отъ него принимать не намѣрены, а требуете его всенепремѣнно къ барьеру. Dixi! заключилъ онъ, глядя теперь уже во всѣ глаза на Петра Капитоновича.

Тотъ въ неописанномъ волненіи вскочилъ съ мѣста и схватилъ себя за волосы:

— Что вы со мной дѣлаете, что дѣлаете!... Если-бъ я могъ знать, я бы никогда не поручалъ вамъ... Помилуйте, это, что называется, abus de confiance съ вашей стороны! Я васъ никогда объ этомъ не просилъ... Помилуйте, растерянно воскликалъ онъ,—въ моемъ положеніи итти на настоящую дуэль съ какимъ-то молокососомъ... который можетъ меня увѣчнымъ сдѣлать, или даже застрѣлить самымъ глупымъ образомъ... какъ какого-нибудь зайца... Я васъ послушался относительно

этого... вызова, довѣряя вашимъ словамъ, что онъ „испугается“—вы мнѣ въ этомъ клялись и божились,—и поспѣшитъ „униженно извиниться“, говорили вы мнѣ именно въ этихъ выраженіяхъ, или не говорили?... А вы, вы...

Онъ нервно, болѣзненно закашлялся, замахалъ отчаянно руками, упалъ опять въ кресло, блѣдный и вздрагивающій не то отъ негодованія, не то отъ страха, — „отъ страха того глупаго положенія, въ которое ставитъ его теперь этотъ наглецъ“, объяснялъ онъ себѣ мысленно.

Свищовъ въ свою очередь взиралъ на него невозмутимо и безмолвно, тѣшась въ душѣ всею этою, нагнанною имъ на слабонервнаго и умоограниченнаго человѣка, душевною тревогой. Его мистификаторская натура находила въ этомъ зрѣлищѣ какое-то спеціально удовлетворявшее ее наслажденіе.

— Я полагалъ, заговорилъ онъ не сейчасъ, — что въ вашемъ „положеніи“ и въ виду того, что̀ вы изъ этого положенія думали сдѣлать, переселяясь изъ столицы въ провинцію, вамъ именно не прилично будетъ стерпѣть при *свидѣтеляхъ* дерзости отъ „какого-нибудь молокососа“, какъ вы весьма резонно выражаетесь, и что поэтому вамъ слѣдуетъ дать ему приличную острастку, заявить себя, такъ сказать, съ перваго же раза, въ назиданіе впредь и во страхъ всѣмъ ему подобнымъ, такъ какъ время, извѣстно вамъ это, или не извѣстно— не знаю, пошло теперь грубое, и кулачное право, вопреки *прогрессу*, болѣе чѣмъ когда-нибудь у насъ въ ходу... Зубы надо показывать теперь, ваше сіятельство, прежде всего зубы!... Насчетъ извиненій я вамъ говорилъ и, конечно, имѣя всѣ данныя предполагать, что молокососъ этотъ дѣйствительно придетъ въ перепугъ отъ вашего картеля... Но, признаюсь, нежданно расхохотался „наглецъ“, я тутъ „*маленькимъ ошибка давалъ*“, передразнивая армянскій говоръ, выразился онъ словами одного ходячаго анекдота.

— На неожиданный отпоръ изволили наткнуться? желчно отозвался на это графъ.

— Д-да... Съ начала и совсѣмъ было ошалѣлъ онъ, казалось, отъ испуга, а тамъ вдругъ, невѣсть откуда, прыть какая-то нашла, мы-молъ самъ съ усамъ, драться, такъ драться,

и „напередъ“, говоритъ, „на всѣ условія согласенъ“. Удивилъ даже, признаюсь!... И ничего теперь съ этимъ не подѣлать, развелъ Свищовъ руками,—выходить вамъ теперь на барьеръ необходимо.

— Чортъ знаетъ, что такое! крикнулъ Петръ Капитоновичъ, ударяя по столу костянымъ ножомъ, схваченнымъ имъ тутъ же, и переламывая его при этомъ на-двое.

Онъ швырнулъ его куски на полъ и словно уронилъ себя въ спинку своего кресла.

— Искалѣчитъ, говорю, пожалуй, или и совсѣмъ отправитъ... глухо простоналъ онъ, — вѣдь это же глупо, согласитесь, глупо!

— А какъ если вы его, напротивъ? продолжалъ потѣшаться Свищовъ.

— Судъ, значитъ, тогда, скамья подсудимыхъ, скандалъ...

— Судъ оправдаетъ, объ этомъ разговаривать нечего.

— Ахъ, оставьте пожалуйста! занылъ Петръ Капитоновичъ, оборачиваясь къ нему спиной.

Свищовъ вытянулъ языкъ по адресу этой спины, покачался еще разъ съ пятки на носокъ и обратно, и проговорилъ громко:

— Ну-съ, вотъ что: выйти на барьеръ, какъ я уже имѣлъ честь донести, вамъ необходимо, а насчетъ того, что изъ сего далѣе произойти можетъ, у насъ теперь съ вами другой разговоръ пойдетъ.

— Какой еще разговоръ?..

— А такой, началъ, медленно роняя слова, Свищовъ,— что дѣйствительно, какъ вы говорите, вышло бы въ концѣ концовъ довольно „глупо“, если бы затѣянная нами исторія, совершенно впрочемъ основательно затѣянная, поспѣшилъ онъ добавить,—привела къ какому-нибудь нежеланному, чтобы не сказать печальному, исходу... требуя поэтому направить дальнѣйшій ходъ нашихъ дѣйствій по другому, такъ сказать, каналу... Какъ вы объ этомъ полагаете?

— Ничего не полагаю, ибо ничего не понимаю, досадливо отрѣзалъ Петръ Капитоновичъ, не оборачиваясь.

— Да, я вообще уже замѣтилъ, что вы насчетъ пониманія нѣсколько туги...

— Однако позвольте, милостивый государь,— и уколотый графъ перекинулся теперь всѣмъ туловищемъ въ сторону дерзкаго своего собесѣдника, — вы себѣ позволяете со мною такой тонъ...

— La paix, la paix, monsieur le comte! прервалъ его въ свою очередь со смѣхомъ тотъ: — я, знаете, тоже не люблю, когда меня слушаютъ, оборотившись ко мнѣ неподобающею частью тѣла, а вы вотъ почитаете это, кажется, признакомъ хорошаго воспитанія.

Петръ Капитоновичъ покраснѣлъ какъ ракъ:

— Прошу меня извинить, пробормоталъ онъ,—я... именно... слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы... въ моемъ собственномъ домѣ... Вы о чемъ-то начали говорить? спѣшилъ онъ перемѣнить рѣчь:—я дѣйствительно не совсѣмъ понялъ, виноватъ.

Свищовъ засмѣялся опять:

— И не трудно впрочемъ: я пока присказку велъ, а сказка у насъ впереди.

— Сказка? повторилъ недоумѣло графъ.

Свищовъ подошелъ къ стулу, стоявшему у стѣны, переволокъ его къ столу, за которымъ сидѣлъ хозяинъ, сѣлъ, оперся подбородкомъ на сложенныя имъ на столъ руки и, глядя не на слушателя своего, а прямо чрезъ окно на синѣвшую на дворѣ подъ яркими лучами солнца большую лужу, заговорилъ полушопотомъ:

— Если-бъ я, напримѣръ, попросилъ у васъ лошадей и какой-нибудь экипажъ, хотя бы телѣгу, съѣздить немедленно въ городъ, что бы вы сказали?

Петръ Капитоновичъ продолжалъ недоумѣвать:

— Могу вамъ служить. Коляску мою, которую я посылалъ чинить туда, вчера вечеромъ, послѣ вашего отъѣзда, привезли обратно. Кромѣ того, я узналъ, тутъ у тетушки были старыя крытыя дрожки, очень покойныя и совсѣмъ еще крѣпкія; такъ если вамъ угодно будетъ воспользоваться ими... Но зачѣмъ вамъ въ городъ и даже „немедленно?“ спросилъ онъ съ видимымъ уже любопытствомъ.

— Тамъ можно будетъ съ кое-кѣмъ переговорить, загадочно промолвилъ на это „le général Suichef".

— Съ кѣмъ же? дрогнулъ голосъ у графа.

— Съ кѣмъ потребно будетъ...

Петръ Капитоновичъ сразу теперь, *огуломъ*, понялъ все— и покраснѣлъ пуще прежняго:

— Послушайте однако, залепеталъ онъ,—вѣдь это, знаете...

— Что знаю?

— Это какъ-то не совсѣмъ... Могутъ сказать...

— Кто сказать, что?

— Я ужь не знаю, право; но, вы понимаете, un homme bien né...

— Дальше же что, хихикалъ, подгоняя какъ бы споткнувшагося на этомъ „bien né" графа, его безцеремонный собесѣдникъ.

— Этотъ господинъ... Островетовъ — мальчишка... фатъ... Онъ можетъ распустить слухи, что я, такъ сказать, испугавшись его, предварилъ... Вы понимаете, человѣку въ моемъ положеніи... прибѣгать къ такимъ средствамъ...

— Къ какимъ это? невозмутимо проговорилъ „московскій браво".

— Вѣдь это, согласитесь, въ нѣкоторомъ родѣ... доносъ...

— На кого же это, на себя самого, то-есть? Вѣдь вы же Островетова вызвали, а не онъ васъ.

Графъ растерянно уперся въ него глазами:

— Да, къ несчастію, послушался вашего совѣта... А теперь, вы согласитесь, я поставленъ, такъ сказать, въ безвыходное положеніе...

— Я вамъ на это пословицей отвѣчу.

— Пословицей?...

— Да-съ: честь приложена, а отъ убытка Богъ избавитъ.

Петръ Капитоновичъ заметался опять:

— Глупѣйшее положеніе, глупѣйшее!

— Какъ знаете! Можно дѣло и совсѣмъ безъ послѣдствій оставить.

— Какъ же такъ?

— Въ городъ я не поѣду, о времени встрѣчи, о которой

я долженъ былъ извѣстить Остромeтовскаго секунданта, ничего не напишу: на этомъ и замретъ.

— Но вѣдь онъ въ такомъ случаѣ при первой со мной встрѣчѣ будетъ имѣть право меня... трусомъ, такъ сказать, назвать...

— Ну, это конечно можетъ случиться, и онъ даже навѣрно это сдѣлаетъ, самымъ спокойнымъ тономъ подтвердилъ Свищовъ.

— Вы видите!.. Каково же это въ моемъ положеніи!..

И такое отчаяніе зазвучало при этомъ въ голосѣ злополучнаго графа Снядецкаго-Лупандина, что нашему мистификатору даже какъ будто жаль его стало теперь:

— Послушайте, ваше сіятельство, сказалъ онъ, — отчего не хотите вы допустить, что въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ имѣется у предержащихъ властей извѣстная доля и собственной иниціативы? Развѣ не можетъ полиція, хотя бы и не столичная, а наша простая, уѣздная, безо всякаго, какъ вы безпощадно выражаетесь, „доноса“, провѣдать о томъ, что вотъ тамъ-то и тамъ-то готовится между такими-то извѣстными въ мѣстности лицами то-то и то-то? А въ такомъ случаѣ слѣдуетъ-ли ей, или нѣтъ, принять къ *прегражденію сего*, плутовски подчеркнулъ онъ,—подобающія со своей стороны мѣры?

У слушавшаго эту рѣчь начинало мало-по-малу проясняться чело:

— Конечно, если она сама, такъ сказать... я не имѣю средствъ препятствовать... Но иначе, вы понимаете, въ моемъ положеніи...

— Сама, конечно, подтвердилъ Свищовъ, прикусывая губу,—я иначе и не понимаю... Только ей, знаете, помочь надо немножко... Такъ я поѣду, графъ, послѣ какой-то особенно вѣской паузы примолвилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Петръ Капитоновичъ почему-то почувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то необыкновенно бодрымъ и даже отважнымъ духомъ:

— Лошади мои и экипажъ къ вашимъ услугамъ, а въ

томъ, что̀ вы намѣрены тамъ учинить, уже нѣсколько игриво прибавилъ онъ,—я умываю руки, предваряю васъ.

— Пилатъ, проконсулъ, осторожный, travesti et illustré! воскликнулъ на это Свищовъ, безпрепятственно уже оглашая воздухъ давно мутившимъ его внутренно хохотомъ.

Петръ Капитоновичъ тоже засмѣялся. На унылой еще за нѣсколько мгновеній назадъ душевной нивѣ его начинали разцвѣтать опять ландыши и незабудки...

Разговоръ затѣмъ перешелъ какъ-то вдругъ на всякіе „веселенькіе“ мотивы. Графъ отдалъ приказаніе запрягать лошадей въ старыя дрожки тетки, на которыхъ гость его изъявилъ готовность „пропутешествовать“ въ городъ. Но онъ такъ увлекся пріятностью бесѣды со своимъ хозяиномъ, что отправился въ путь лишь въ первомъ часу пополудни.

XX.

Изъ Бѣлева до города было верстъ двадцать пять, и Свищовъ пріѣхалъ туда часу въ пятомъ. Онъ велѣлъ везти себя на станцію желѣзной дороги, пообѣдалъ тамъ наскоро котлеткой съ картофелемъ, выпилъ бутылку пива и, приказавъ кучеру графа дать лошадямъ корму и ожидать его возвращенія, вышелъ самъ на улицу.

Городъ былъ ему хорошо знакомъ, и онъ своею размашистою походкой направился по главной его улицѣ прямо къ дому, который занимаемъ былъ земскою управой въ ту пору, когда онъ состоялъ въ ней членомъ. Управа и теперь помѣщалась въ этомъ домѣ, и онъ, подходя къ нему, увидѣлъ сидѣвшаго на ступенькѣ крыльца, съ коротенькою трубкой въ зубахъ, стараго солдата-сторожа, съ самаго введенія земскихъ учрежденій состоявшаго здѣсь въ этой должности.

— Здорово, Ефимычъ! сказалъ онъ.

— Здравія желаю, вашесбародіе, проговорилъ старый служивый, поспѣшно вставая и вытягиваясь и почтительно пряча трубку свою за спину.

— Бравый ты все, попрежнему, милостиво ухмыльнулся Свищовъ,—здоровъ все?

— Покорнѣйше благодарю вашесбла... Богъ по грѣхамъ терпитъ, отвѣтилъ, видимо польщенный комплиментомъ, тотъ, пріосаниваясь.

— Ну, и отлично!.. А ты вотъ что мнѣ скажи: гдѣ тутъ у васъ исправникъ живетъ?

— А тутъ, ваше-сбла... по близости, переулочекъ направо

минете, тутъ сейчасъ и будетъ кушца Толстопятова домъ, ставни расписныя, фигуристый такой.

— Знаю.

— Такъ вотъ въ эвтомъ самомъ домѣ, вашесбла...

— Вѣдь онъ у васъ теперь новый, исправникъ? спросилъ опять Свищовъ.

— Такъ точно, недавно, съ полгода не болѣ какъ назначены сюда; а то былъ у насъ допрежъ того Сливниковъ господинъ, изъ гвардейскихъ...

— Знаю, при мнѣ былъ, славный малый.

— Легкій господинъ, дѣйствительно, осклабился не то одобрительно, не то какъ бы насмѣшливо сторожъ.

— Легкій, повторилъ машинально Свищовъ... „Какой вѣдь всегда мѣткій эпитетъ умѣетъ найти нашъ народъ!“ пронеслось у него въ мысли. — Ну, а нынѣшній каковъ? сказалъ онъ громко.

— Ничего, начальникъ настоящій можно сказать. Съ Балкановъ они, майоръ.

— Какъ „съ Балкановъ“?

— Съ генераломъ Скобелевымъ, значитъ, въ походъ туда ходили, Егорья даже достали себѣ тамъ; потому рука у нихъ прострѣленная, и даже по сей часъ не владѣютъ.

— Молодчина, значитъ?

— Ничего, аккуратные...

— Зовутъ его какъ?

— Фамилія имъ Ипатьевъ будетъ, Ѳедоръ Иванычъ.

— Что онъ теперь дома, не знаешь?

— Должно, дома, пообѣдамши; они завсегда въ третьемъ часу обѣдаютъ.

— Ну прощай, Ефимычъ, очень радъ, что видѣлъ тебя.

— Счастливо оставаться, вашес...

Свищовъ направился къ квартирѣ исправника.

— Дома Ѳедоръ Иванычъ? спросилъ онъ у отворившей ему дверь въ сѣни пожилой, чисто-одѣтой женщины.

— Дома-съ, пожалуйте; какъ объ васъ сказать?

— Скажите: изъ уѣзда землевладѣлецъ одинъ, фамилію я самъ ему скажу.

— Пожалуйте, повторила женщина, вводя его въ небольшую, чисто, какъ она сама, но бѣдно глядѣвшую комнату, съ разставленными чинно по стѣнкамъ дешевыми стульями, крытыми полосатымъ тикомъ, крашенымъ столомъ, покрытымъ ярославскою салфеткой, и окнами безъ занавѣсей и сторъ.

— Они сейчасъ пожалуютъ, сказала женщина, уходя въ сосѣднюю комнату.

Изъ нея дѣйствительно вышелъ чрезъ минуту исправникъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, высокій и худой, съ нѣсколько болѣзненнымъ и строгимъ лицомъ и подвязанною черною шелковою полосою рукою, застегнутый на всѣ пуговицы сюртука и съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Онъ привѣтствовалъ вошедшаго учтивымъ наклоненіемъ головы и вопросительно уставился на него большими, серіозными и умными глазами.

— Позвольте вамъ представиться: Свищовъ, вашего уѣзда.. помѣщикъ, какъ говорилось въ крѣпостныя времена...

И онъ щелкнулъ каблуками на военный манеръ.

Исправникъ молча кивнулъ подбородкомъ.

— Желалъ бы, если позволите, продолжалъ тотъ, покручивая усъ и какъ бы шутливо,—получить отъ васъ аудіенцію минутъ на десять разговору.

— Имѣете ко мнѣ надобность?

— Въ нѣкоторомъ, такъ сказать, родѣ, если милость ваша на то будетъ.

— Не угодно-ли будетъ пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, отвѣтилъ майоръ, видимо нѣсколько морщась отъ гаерическаго пошиба тона и пріемовъ обращающагося къ нему лица.

То, что называлъ онъ „кабинетомъ“, была такъ же скромно, какъ и предшествовавшая ей, убранная комната. У окна на двухъ *козлахъ* уставлена была широкая и длинная площадка сколоченнаго изъ досокъ стола, на которыхъ натянута была, обитая по бортамъ гвоздиками съ мѣдною шапкой, американская клеенка желтоватаго цвѣта. На столѣ, въ сѣрыхъ обложкахъ, съ наклеенными на нихъ заголовками, аккуратно сложенныя горкой лежали *дѣла* и *текущія* „къ подписи“,

рядомъ съ двумя-тремя томами Свода Законовъ въ затасканныхъ переплетахъ. Къ стѣнѣ, прямо насупротивъ плетенаго кресла съ круглою спинкой, на которое сѣлъ теперь хозяинъ, приглашая движеніемъ руки посѣтителя занять мѣсто на другомъ стоявшемъ подлѣ стола, обитомъ такою же клеенкой креслѣ, прикрѣплены были простыя, некрашеныя полки съ книгами, а надъ ними на темносѣромъ фонѣ обоевъ виднѣлись хромолитографированный портретъ Царствующаго Государя и въ рѣзной деревянной рамочкѣ изображеніе красиваго молодаго генерала съ бѣлымъ орденомъ на шеѣ,—генерала Скобелева.

— Чѣмъ могу служить? началъ исправникъ.

— Это требуетъ нѣкотораго развитія, если позволите мнѣ такъ выразиться, счелъ почему-то нужнымъ засмѣяться Свищовъ и, вытаскивая изъ кармана портъ-сигаръ, набитый имъ предъ отъѣздомъ изъ ящика графа Снядецкаго-Лупандина:

— Позволите закурить? промолвилъ онъ pro forma, зажигая тутъ же спичку и закуривая папиросу о пламень ея.

Хозяинъ молча глядѣлъ на него только.

— Дѣло, изволите видѣть, заговорилъ опять „московскій браво“,—свойства самаго *конфиденціальнаго*, какъ выражаются у васъ на службѣ, а потому я считаю нужнымъ просить васъ заранѣе хранить его пока подъ замкомъ, какъ говорится... Во всякомъ случаѣ не проговориться какъ-нибудь, что вы узнали объ этомъ отъ меня.

— Я не имѣю привычки „проговариваться“, сухо отрѣзалъ въ отвѣтъ исправникъ.

Свищовъ чуть-чуть смущенно моргнулъ глазами:

— Я не сомнѣваюсь, пробормоталъ онъ,—но вы изволите усмотрѣть изъ моего разсказа, что здѣсь требуется нѣкоторая особенная осторожность.

— Въ чемъ дѣло? такъ же сухо опять спросилъ тотъ.

— Вамъ вѣроятно не безъизвѣстно, что въ числѣ здѣшнихъ землевладѣльцевъ состоитъ, недавно получившій наслѣдство отъ тетки, каммергеръ, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ, графъ Снядецкій-Лупандинъ... почти сановникъ, хихикнулъ неисправимый мистификаторъ не совсѣмъ кстати,

но тутъ же принялъ многозначительный видъ и примолвилъ вѣско:—лицо во всѣхъ отношеніяхъ почтенное.

Исправникъ кивнулъ еще разъ:

— Имѣлъ честь видѣть, былъ у меня по дѣлу о вводѣ его во владѣніе.

— Д-да... Такъ вотъ съ этимъ вполнѣ почтеннымъ лицомъ случилось на дняхъ весьма непріятное приключеніе.

— Приключеніе?...

— Или, выражаясь правильнѣе, *столкновеніе* съ другою *личностью*... такъ какъ „лицомъ“ его собственно назвать нельзя. Представьте себѣ недоросля изъ дворянъ, какъ говорилось встарь, богатаго и ни къ чему негоднаго маменькинаго сынка,—и этотъ мальчишка позволилъ себѣ наговорить графу въ одномъ домѣ, при *свидѣтеляхъ*, весьма неприличныя вещи, которыя не могутъ быть терпимы никакимъ порядочнымъ человѣкомъ... Вы конечно согласны съ этимъ? примолвилъ онъ, глядя прямо въ лицо Ипатьева.

Тотъ не отвѣчалъ и внимательно глядѣлъ ему въ свою очередь въ глаза.

— Что оставалось дѣлать графу послѣ этого, сами скажите?

И не ожидая отвѣта: — онъ потребовалъ отъ него, какъ водится между порядочными людьми, надлежащихъ извиненій, или такого же... надлежащаго, то-есть, удовлетворенія.

— Такъ! коротко проговорилъ на это майоръ;—дальше-съ?

— Недоросль нашъ... фамилія его Острометовъ, я, кажется, забылъ назвать его...

Исправникъ качнулъ головой.

— Знаю-съ, сказалъ онъ.

— Знаете?

И Свищовъ вперилъ въ него изумленные глаза.

— Такъ что же вамъ угодно было мнѣ сообщить? невозмутимо промолвилъ тотъ.

Свищовъ раздумчиво повелъ на него взглядомъ еще разъ и продолжалъ:

— Господинъ Острометовъ не счелъ нужнымъ извиниться, какъ это ему слѣдовало, такъ какъ сказаны были имъ графу

дерзости въ пьяномъ видѣ, въ чемъ онъ могъ сознаться, нисколько не роняя своего достоинства, а очень обрадовался, напротивъ, повидимому, какъ это часто бываетъ въ его годы, случаю показать себя храбрецомъ и...

Какая-то тѣнь усмѣшки пробѣжала на мигъ по безцвѣтнымъ губамъ исправника. Зоркіе глаза Свищова какъ бы налету поймали ее; онъ пріостановился.

— И?... повторилъ холодно и уже совершенно серьезно тотъ.

— Дуэль назначена, вымолвилъ „московскій браво“ словно черезъ силу:—фактъ глупѣйшій, согласитесь? счелъ онъ нужнымъ примолвить, высоко вздергивая плечами.

Исправникъ въ свою очередь не почелъ нужнымъ отвѣчать на этотъ возгласъ.

— Позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, — изъ какого источника доставлены вамъ свѣдѣнія, о которыхъ вы сообщаете мнѣ въ настоящую минуту?

Свищовъ какъ бы оторопѣлъ нѣсколько, но тотчасъ же овладѣлъ собой и засмѣялся принужденнымъ, обрывистымъ смѣхомъ:

— Вы мнѣ позволите быть совершенно откровеннымъ съ вами, заговорилъ онъ, наклоняясь и притрогиваясь пальцами фамильярно къ колѣнкѣ своего собесѣдника (причемъ Ипатьевъ невольнымъ, какъ бы гадливымъ движеніемъ отодвинулся отъ него и поморщился):—я въ нѣкоторомъ родѣ играю активную роль въ этой трагикомической исторіи, такъ какъ графъ Снядецкій-Лупандинъ просилъ меня передать письмо его господину Островетову, а затѣмъ, если тотъ не согласится на извиненіе, быть его... секундантомъ... Вы понимаете, что порядочный человѣкъ не можетъ отказать въ подобныхъ случаяхъ... Я и согласился, надѣясь привести къ соглашенію... Но такъ какъ оно приняло этотъ оборотъ, я, понимаете, считаю долгомъ, такъ сказать, совѣсти сдѣлать все возможное, чтобы не допустить встрѣчи... совершенно безсмысленной, согласитесь, по вызывающему ее мотиву, а которая можетъ привести между тѣмъ къ какому-нибудь весьма... печальному исходу... Вы согласны, не такъ-ли? съ какимъ-то будто искательствомъ въ тонѣ заключилъ онъ.

Исправникъ, сидя въ-полоборота къ столу и опираясь на него лѣвымъ локтемъ, невозмутимо внималъ этимъ рѣчамъ. Только въ серьезныхъ, нѣсколько какъ бы усталыхъ, глазахъ его пробѣгало что-то не то безпокоившее, не то раздражавшее Свищова...

— Надѣюсь, что сообщеніе мое во всякомъ случаѣ будетъ принято вами въ надлежащемъ смыслѣ и не подастъ повода какому-нибудь истолкованію, могущему набросить тѣнь на мои намѣренія, произнесъ онъ съ выраженіемъ словно оскорбленнаго даже предположеніемъ этой „тѣни“ достоинства.

Исправникъ отдѣлилъ локоть отъ стола, потеръ руки одна о другую и проговорилъ своимъ ровнымъ, негромкимъ голосомъ, съ едва опять уловимою усмѣшкой:

— Мнѣ объ этомъ ужь было извѣстно.

— Какъ извѣстно! вскликнулъ ошеломленный Свищовъ:— когда же вы успѣли...

— Сегодня утромъ я получилъ извѣщеніе...

— У васъ былъ Островетовъ!...

И Свищовъ ударилъ себя ладонью по лбу. „Какъ я не догадался, что онъ непремѣнно отмочитъ эту штуку“! чуть не вслухъ выговорилъ онъ.

— У васъ былъ Островетовъ! повторилъ онъ утвердительно и разражаясь внезапнымъ смѣхомъ.

— Я вамъ этого не говорилъ-съ, а предполагать вы можете, что̀ вамъ угодно, строго отрѣзалъ ему на это въ отвѣтъ исправникъ.

— Ну конечно, хихикнулъ безцеремонно нахалъ,—вы по должности своей обязаны изъ такихъ вещей дѣлать тайны...

Но острый и холодный какъ сталь взглядъ остановившихся на немъ глазъ „майора съ Балканъ“ прервалъ его на полусловѣ. „Съ этимъ человѣкомъ шутки плохи“, сказалось ему внутренно.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Вамъ, значитъ, теперь извѣстно все съ обѣихъ, такъ сказать, сторонъ, примолвилъ онъ съ явнымъ, но плохо выходившимъ въ дѣйствительности, намѣреніемъ придать словамъ своимъ шутовской тонъ,—и я могу къ имѣющимся у

васъ свѣдѣніямъ прибавить лишь то,—такъ какъ относительно сего пункта вамъ ничего еще не могло быть доставлено,—что встрѣча между противниками имѣетъ быть завтра, въ восемь часовъ утра, подчеркнулъ онъ,—въ лѣсу, близъ усадьбы деревни Быково, принадлежащей Степану Акимовичу Троженкову, о которомъ вы вѣроятно слышали, если не знакомы лично...

Исправникъ поднялся тоже и кивнулъ подбородкомъ:

— Это теперь безразлично, сказалъ онъ:—я послалъ часа уже два тому назадъ становаго къ графу Снядецкому-Лупандину и къ господину Островетову потребовать отъ нихъ подписки, что они драться не будутъ.

— А!... такъ вы не полагаете сами... или тотъ же становой... выѣхать на мѣсто? пролепеталъ сбитый очевидно съ позиціи Свищовъ.

— Полагаю безполезнымъ: господа эти драться не будутъ, отвѣтилъ на это исправникъ тономъ, презрительный оттѣнокъ котораго не ускользнулъ отъ чуткаго уха „московскаго браво“; его слегка покоробило.

— За симъ мнѣ остается только просить у васъ извиненія за безпокойство, сухо промолвилъ онъ, кланяясь и быстро поворачиваясь на каблукахъ въ сторону двери.

Хозяинъ проводилъ его до порога, сухо поклонился въ свою очередь и вернулся къ своему столу.

Дурное расположеніе Свищова, вызванное не совсѣмъ удачною бесѣдой съ этимъ „Скобелевскимъ ежомъ“, какъ выражался онъ мысленно, продолжалось впрочемъ недолго. Выходя на улицу, онъ уже ухмылялся подъ *зуавскими* усами своими. „Такъ и лучше, пожалуй, вышло“, разсудилъ онъ,—„въ газеты можно будетъ пустить, что дуэль не состоялась по вмѣшательству полиціи, которую извѣстилъ о ней отецъ особы, изъ-за которой должна была произойти она“...

И, совершенно довольный такою своею „комбинаціей“, онъ, весело посвистывая, направился обратно къ станціи желѣзной дороги, сѣлъ въ ожидавшія его тамъ дрожки графа и велѣлъ кучеру ѣхать, но не домой, а въ сторону, въ Троженковское Быково.

XXI.

Владиміръ Христіановичъ Пецъ, управляющій сахарнымъ заводомъ Всесвятскаго, сидѣлъ у себя утромъ въ конторѣ и занимался провѣркой какихъ-то счетовъ, когда пришли ему доложить, что его „кто-то“ спрашиваетъ.

— Кто такой? спросилъ онъ, не отрывая глазъ отъ лежавшаго предъ нимъ листа, исписаннаго цифрами.

— Не знаю-съ, отвѣтилъ вошедшій съ докладомъ молодой малый изъ состоявшихъ въ конторѣ писарей,—фамилію не сказалъ, а только говоритъ, что пришелъ изъ Москвы и желаетъ васъ видѣть.

— Сейчасъ!

И, провѣривъ послѣдніе итоги, Владиміръ Христіановичъ поднялъ глаза и сказалъ:—Проси.

Писарь вышелъ и, проговоривъ „пожалуйте“, пропустилъ въ комнату лицо, совершенно незнакомое управляющему заводомъ, но съ которымъ читатель нашъ встрѣтился недавно у Степана Акимовича Троженкова и котораго мы будемъ продолжать называть тою же фамиліей, подъ которою онъ значился тамъ.

Владиміръ Христіановичъ, не подымаясь съ мѣста, отвѣтилъ наклоненіемъ головы на довольно почтительный поклонъ, которымъ привѣтствовалъ его вошедшій, и вопросительно и молча уставился на него глазами.

Наружный видъ этого „неизвѣстнаго“ не понравился ему на первыхъ порахъ. „Очень ужь онъ невзрачно глядѣлъ и хамовато“... Но Владиміръ Христіановичъ былъ весьма мяг-

кій и „жалостливый“ человѣкъ. „Нужда“! подумалъ онъ тутъ же...

А тотъ заговорилъ между тѣмъ:

— Извините меня, что рѣшился васъ обезпокоить, не имѣя къ тому никакого права, можно сказать... И даже единственно чѣмъ могу въ нѣкоторой степени оправдать себя, такъ это тѣмъ, что отношусь къ вамъ какъ къ человѣку, получившему, мнѣ извѣстно, образованіе въ томъ же заведеніи, гдѣ и я самъ находился.

— Вы технологъ? живо спросилъ Пецъ.

— Былъ имъ дѣйствительно, вздохнулъ ему въ отвѣтъ тотъ.

— Не кончили курса?

Бобруйскій вздохнулъ еще разъ:

— Обстоятельства не дозволили...

Онъ сунулъ руку за бортъ своего поношеннаго пальто, вытащилъ изъ кармана сложенный вчетверо листъ бумаги большаго формата и подалъ ее черезъ столъ Владиміру Христіановичу.

Тотъ развернулъ его и пробѣжалъ глазами.

Это было форменное, за надлежащими подписью и печатью, увольнительное свидѣтельство, выданное начальствомъ заведенія „состоявшему студентомъ третьяго курса технологическаго института, сыну крестьянина, Льву Гурьеву Бобруйскому“, помѣченное однимъ изъ чиселъ августа 1878 года.

— Что же вамъ помѣшало кончить курсъ? вамъ всего годъ оставался! спросилъ участливо Пецъ.

— Голь непролазная и нездоровье, отвѣтилъ съ горечью „технологъ“: — уроженецъ я, изволите видѣть, Воронежской губерніи, гимназію тамъ прошелъ, а затѣмъ куда же!... Къ техническимъ знаніямъ всегда имѣлъ охоту, потащился въ Петербургъ, въ институтъ поступилъ... А средства, сами понимаете, какія у нашего брата! Отецъ прасолъ, какъ у Кольцова поэта, и онъ скривилъ при этомъ губы въ видѣ усмѣшки,—еле концы съ концами сводитъ, семья большая... Думалъ я, само собой, уроками пробиваться, да только, сами знаете, какая теперь конкурренція, особенно если ты еще не клас-

сикъ, подчеркнулъ онъ язвительно, — а къ тому еще сталъ я катарромъ горловыхъ связокъ страдать, иной разъ по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ голоса сижу, такъ какіе ужь тутъ уроки!.. Три года однако проскрипѣлъ, надѣялся все до выходнаго экзамена продержаться... Не вывезло, и онъ махнулъ рукой безнадежнымъ движеніемъ,—слегъ, тифъ у меня тутъ голодный сдѣлался, пролежалъ въ больницѣ съ полгода...

— Вы теперь откуда же, изъ Петербурга? спросилъ Пецъ, котораго этого разсказъ, дышавшій, казалось ему, несомнѣнною искренностью, заставлялъ забывать неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на него въ первую минуту наружнымъ обликомъ говорившаго.

— Я изъ Петербурга еще прошлою осенью выбылъ, продолжалъ тѣмъ временемъ тотъ,—потому докторъ въ больницѣ сказалъ мнѣ, что тамъ мнѣ и мѣсяца не прожить въ сырости и холодѣ, а чтобъ ѣхать мнѣ немедленно поправляться на родину. Я и послушался, поѣхалъ, прожилъ тамъ по настоящее время, поправился дѣйствительно... А какъ почувствовалъ себя лучше, такъ, знаете, и потянуло опять туда, курсъ кончить, права настоящія получить.

— Ну и что же?..

— Дотащился я до Москвы... Знакомый тамъ у меня есть одинъ изъ нашихъ воронежскихъ, думалъ у него малую толику добыть на проѣздъ въ Питеръ. Вдругъ узнаю: въ Царя стрѣляли! — Бобруйскій даже вздрогнулъ. — Я, знаете, въ ужасъ пришелъ... Потому, извѣстно, какъ бы счелъ онъ нужнымъ объяснить,—первое дѣло, въ подобныхъ случаяхъ подвергается подозрѣнію вся учащаяся молодежь; винная она или невинная,—полиція все одно преслѣдуетъ, на шеѣ, почитай, сидитъ... И въ самой молодежи, надо такъ сказать, отъ этого самаго неудовольствіе и ропотъ... а какъ если ты не раздѣляешь ея мнѣній...

Онъ оборвалъ, будто застыдясь прорвавшейся у него откровенности.

— Не вся же однако молодежь, я полагаю, замѣтилъ тихо Владиміръ Христіановичъ, — придерживается крайнихъ мнѣній.

„Бывшій студентъ“ словно ужасно обрадовался этимъ словамъ.

— Не вся, это вы совершенно справедливо говорите, далеко не вся! вскликнулъ онъ, но тутъ же вздохнулъ и прибавилъ:—только вѣдь, сами знаете, противъ рожна не прать. Общій тонъ ужь такой: не либеральный человѣкъ въ глазахъ товарищей все равно, что̀ шпіонъ и подлецъ: говорить съ тобой перестанутъ, а не то и публично обругаютъ послѣдними словами... А съ моимъ характеромъ этого не выдержать, самъ я обругаю... Не то, что другіе, что̀ въ душѣ такъ же, какъ и и я, протестуютъ противъ... противъ этого *больнаго* теченія мыслей, проговорилъ онъ напирая, какъ бы очень довольный подвернувшемуся ему на языкъ подходящему выраженію.

Владиміръ Христіановичъ внималъ ему, одобрительно покачивая головой. Онъ самъ былъ въ свое время въ числѣ этой учащейся молодежи, зналъ ея нравы и тотъ ложный стыдъ, который большинству изъ нея препятствуетъ открыто и отважно заявлять свое личное, независимое мнѣніе наперекоръ дѣйствительно „больному теченію мыслей“, навязываемому ей ничтожнымъ по большей части, но обладающимъ дерзостью и глоткой меньшинствомъ.

— Знавъ все это, продолжалъ Бобруйскій,—да еще какъ я въ разсчетѣ своемъ на полученіе денегъ нѣсколько ошибся, меня, знаете, и взяло раздумье; слова Писанія припомнились: *удались отъ зла и сотвори благо.* Въ Петербургъ попасть теперь, прямо въ жерло значитъ... Да и къ тому же, говорю, не съ чѣмъ. Тутъ я и разсудилъ окончательно поискать себѣ занятія какого-нибудь по технической части, чтобы, знаете, хоть и на самой небольшой должности, да пожить въ спокойствіи, пока все это смятеніе пройдетъ, и чтобы сколотить себѣ грошъ ко грошу хоть небольшія средства для поступленія опять, чрезъ годъ что-ли или даже позднѣе, въ институтъ, курсъ кончить.

Все это носило опять въ сознаніи „души-человѣка“ Пеца, какъ называлъ его Николай Ивановичъ Θирсовъ, печать „такой задушевности“, что онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе расположеннымъ принять участіе въ этомъ, такъ мало

возбудившемъ въ немъ къ себѣ на первыхъ порахъ сочувствія, „несчастномъ“ человѣкѣ.

— Кто васъ къ намъ сюда направилъ? спросилъ онъ.

— Случай. Ѣхалъ со мной изъ Москвы какой-то коммиссіонеръ что-ли; такъ онъ тутъ разсказывалъ въ вагонѣ, положенія ваши здѣшнія хвалилъ очень... Я и вздумалъ на счастье: можетъ, найдется какое-нибудь мѣстечишко... Онъ мнѣ, этотъ человѣкъ, про васъ очень даже сочувственно отзывался, примолвилъ Бобруйскій, скорчивъ какую-то особенную, не то заискивающую, не то пренебрежительную улыбку: ты, молъ, не думай во всякомъ случаѣ, что это я изъ подлости:—„свое“, говоритъ, „дѣло насквозь знаетъ и жить подъ его началомъ людямъ хорошо“... Я и рѣшился окончательно, особенно узнавъ отъ него, что вы тоже изъ Технологическаго.

— Позвольте эти добрыя слова, усмѣхнулся Владиміръ Христіановичъ,—отнести по ихъ настоящему адресу: я творю лишь волю поставившаго меня. У насъ, дѣйствительно, людямъ жить хорошо, могу это прямо сказать, но все это прямо же исходитъ отъ того, кому мы здѣсь всѣ служимъ. Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, которому принадлежитъ имѣніе это и заводъ, превосходный человѣкъ въ полномъ объемѣ этого слова, примолвилъ онъ съ какою-то растроганною нотой въ голосѣ.

— Слышалъ, какже: этотъ ѣхавшій со мной человѣкъ не находилъ даже словъ достаточно прославлять его. Видно дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящій господинъ, выговорилъ тотъ самымъ убѣжденнымъ тономъ.

Владиміръ Христіановичъ былъ окончательно заполоненъ этимъ сочувственнымъ отзывомъ о его патронѣ.

— Я долженъ предварить васъ, началъ онъ раздумчиво,— что отъ насъ люди отходятъ рѣдко, и подходящаго для васъ занятія собственно по заводу я въ настоящую минуту не могу вамъ предложить никакого, тѣмъ болѣе, что, извините меня за откровенность, теоретическія познанія, которыя пріобрѣтаются нами вообще въ Технологическомъ институтѣ, равняются, къ сожалѣнію, нулю, какъ только принимаемся мы за какое-нибудь спеціальное дѣло. Тутъ-съ, у насъ, требуется просто

навыкъ, вниманіе и аккуратность. При всемъ моемъ желаніи, хотя бы и имѣлась у меня свободная по заводу должность, я могъ бы предоставить вамъ ее лишь послѣ полнаго ознакомленія вашего съ процессомъ нашего производства, а для этого не недѣля и не мѣсяцъ нужны... А вотъ что-съ могу предложить вамъ: у меня письмоводитель, очень хорошій молодой человѣкъ изъ нашихъ здѣшнихъ крестьянъ, призванъ отбывать воинскую повинность и долженъ былъ покинуть насъ по этому случаю. Такъ вотъ если хотите... Тридцать рублей въ мѣсяцъ, къ Рождеству и Пасхѣ наградныя *по заслугѣ*, подчеркнулъ онъ, усмѣхаясь,—хорошая, свѣтлая комната съ бѣльемъ, обѣдъ общій для всѣхъ конторскихъ... Сыты будете, провизія у насъ хорошая и кухарка мастерица своего дѣла, засмѣялся уже и совсѣмъ добрякъ.

Лицо „технолога“ словно все расплылось отъ умиленія.

— Помилуйте, пробормоталъ онъ прерывающимся какъ бы отъ нежданной радости голосомъ,—да я и не на такое положеніе готовъ бы былъ съ восторгомъ... Постараюсь оправдать ваше довѣріе. Пишу я грамотно, могу прямо сказать, а за неопытность на первыхъ шагахъ простите; пригляжусь, не хуже другаго орудовать стану, надѣюсь.

— И приглядываться-то долго не придется, возразилъ на это весело Пецъ,—не хитромудрая канцелярщина... А только вотъ что-съ: я принять васъ готовъ и, какъ это мнѣ предоставлено Борисомъ Васильевичемъ, имѣю полную на то власть, такъ какъ за подвѣдомыхъ мнѣ лицъ отвѣчаю я, а слѣдовательно право выбора ихъ и увольненія должно натурально принадлежать мнѣ. Но у меня ужь такъ положено, что я никого не назначаю и не смѣщаю, не предваривъ о томъ сперва моего генерала. А потому ужь вы мнѣ позвольте сходить къ нему... Мнѣ же къ нему и нужно кстати.

И Пецъ, собравъ лежавшіе предъ нимъ на столѣ листки счетовъ, вложилъ ихъ въ большой конвертъ и поднялся съ мѣста.—А вы меня тутъ подождите... Не проголодались-ли вы съ дороги, заморить червяка не хотите-ли?...

— Если будетъ на то милость ваша, будто смущенно промолвилъ Бобруйскій:—я, знаете, со вчерашняго вечера, кромѣ

стакана чаю, ничего... притомъ со станціи пѣшкомъ, отощалъ дѣйствительно нѣсколько.

— Сейчасъ, сейчасъ! засуетился Владиміръ Христіановичъ:—пойдемте со мной.

Онъ отворилъ дверь, позвалъ сидѣвшаго тамъ молодаго писаря, докладывавшаго ему о посѣтителѣ:—отведи ихъ сейчасъ, голубчикъ, въ столовую, поспѣшилъ онъ закомандовать, — и вели тамъ подать, что̀ есть, позавтракать... Я къ генералу и чрезъ полчаса назадъ буду. До свиданія, Левъ Гурьевичъ!

И онъ, быстро шагая, направился ближайшимъ путемъ, то-есть черезъ садъ, въ домъ своего „генерала“.

Борисъ Васильевичъ сидѣлъ за большимъ столомъ въ своей библіотекѣ и выписывалъ карандашемъ на бумажкѣ какія-то статистическія цифры изъ лежавшей предъ нимъ книги. Онъ тотчасъ же отложилъ свое занятіе, увидавъ входившаго, и ласково привѣтствовалъ его.

— Балансъ за прошлый мѣсяцъ, сказалъ Пецъ, кладя на столъ принесенный имъ конвертъ.

— Хорошо-съ. Ничего болѣе, Владиміръ Христіановичъ? спросилъ Троекуровъ, которому хотѣлось скорѣе возвратиться къ своему дѣлу.

Пецъ замѣтилъ это и поспѣшилъ заговорить:

— На мѣсто нашего Алексѣя Пѣвцова, письмоводителя, явился тутъ ко мнѣ одинъ бывшій студентъ-технологъ, такъ я хотѣлъ доложить вашему превосходительству...

— А развѣ изъ нашихъ молодыхъ людей некого вамъ назначить? прервалъ Борисъ Васильевичъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Соловцова бы можно было, или Безпятаго, да они, какъ и Пѣвцовъ, подлежатъ повинности; назначишь, а его тутъ чрезъ мѣсяцъ въ присутствіе потребуютъ...

— Да, это такъ... А этотъ что̀ же, „технологъ“ вы говорите? Какъ же онъ на такую мелкую, писарскую должность итти хочетъ?... Вѣдъ у нихъ всегда претензіи большія...

— Нѣтъ-съ!

И управляющій передалъ о вчерашней одиссеѣ явившагося

къ нему за мѣстомъ.—Толковый и здравый понятіями, повидимому, человѣкъ, заключилъ онъ.

Троекуровъ неопредѣленно качнулъ головой:

— Что же, если онъ на васъ хорошее впечатлѣніе производитъ...

Владиміру Христіановичу сдѣлалось вдругъ какъ бы чего-то страшно; ему вспомнилось, что „впечатлѣніе“, произведенное на него въ первую минуту этимъ явившимся къ нему „съ вѣтра“ незнакомцемъ, было именно *не хорошее*, и что онъ только потомъ, подкупленный разсказомъ его о бѣдственности своего положенія, подавилъ въ себѣ это впечатлѣніе... Онъ хотѣлъ сказать объ этомъ, „оговориться на всякій случай“... Но въ эту минуту дверь изъ кабинета отворилась, и на порогѣ ея показалась Александра Павловна.

— Ты занятъ, Борисъ?... Ахъ, здравствуйте, Владиміръ Христіановичъ, молвила она, входя и подавая этому руку.

— Нѣтъ, мы кончили, сказалъ ей мужъ:—тебѣ нужно переговорить со мной?

— Да, я хотѣла...

Онъ обернулся къ Пецу:

— Такъ вы, пожалуйста, распорядитесь насчетъ этого, какъ вы знаете; мнѣ въ выборъ чиновниковъ вашей государственной канцеляріи, шутливо сказалъ онъ,—вмѣшиваться даже не прилично какъ-то.

Пецъ поклонился и вышелъ съ неуспокоившеюся смутой въ мысляхъ. До сихъ поръ „чиновники его государственной канцеляріи“ были все *туземцы*, крестьянскіе юноши, бывшіе воспитанники пріятеля его, Молоткова, главнаго руководителя школы во Всесвятскомъ, за добронамѣренность каждаго изъ которыхъ могли отвѣтить и этотъ воспитатель ихъ, и самъ онъ, какъ за свою собственную. А тутъ онъ въ первый разъ беретъ подъ ближайшее себѣ начало человѣка, совершенно чужаго,—„съ вѣтра, съ вѣтра“, проносилось у него опять въ мозгу,—и притомъ вполнѣ зрѣлаго, даже не молодаго сравнительно съ его „безусою командой“, у котораго слѣдовательно сложились насчетъ всего вполнѣ опредѣленныя понятія, и съ ними, пожалуй, еще считаться придется... „Да нѣтъ, онъ,

кажется, въ самомъ дѣлѣ человѣкъ хорошій, добрыхъ правилъ, хотя съ виду дѣйствительно на дикообраза смахиваетъ", старался доказать себѣ добрякъ, возвращаясь въ конторскую столовую, въ которой будущій его письмоводитель жадно доѣдалъ поданный ему большой кусокъ мяса и запивалъ его квасомъ изъ объемистаго деревяннаго жбана.

Но прорывавшаяся въ чертахъ управляющаго озабоченность не ускользнула отъ зорко направившихся на него глазныхъ щелокъ „технолога". Онъ поспѣшно всталъ со стула, утеръ усы верхомъ руки и проговорилъ глухо и тревожно:

— Отказъ получили?

— Отчего вы думаете? живо возразилъ на это Пецъ и даже покраснѣлъ чуть-чуть:—генералъ, какъ всегда, предоставилъ моему усмотрѣнію, и я принимаю васъ... на свой страхъ, подчеркнулъ онъ какъ бы невольно.

— Постараюсь заслужить, повѣрьте!.. Кусокъ хлѣба дали... залепеталъ дрожавшимъ голосомъ, словно не находя словъ для выраженія своей благодарности, тотъ.

„Несчастный!" подумалъ опять Владиміръ Христіановичъ, „можетъ быть, дѣйствительно пропалъ бы иначе"...

— Пойдемте, я вамъ комнату вашу покажу, можете сейчасъ же поселиться.

Бобруйскій, торопливо и неловко поклонившись, затопоталъ, идя ему вслѣдъ, своими грубыми, забрызганными грязью сапогами.

XXII.

Оставшись одна съ мужемъ, Александра Павловна поглядѣла, слегка сожмурившись, на дверь, изъ которой только-что вышелъ Владиміръ Христіановичъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ увѣриться, что онъ заперъ ее за собой, и обернулась затѣмъ къ Троекурову:

— Можно говорить, Борисъ?

— Конечно, другъ мой, что̀ такое? поспѣшно отвѣтилъ онъ, въ свою очередь глядя на нее вопросительно.

— Я хотѣла... насчетъ Маши, начала она съ замѣтною робостью.

— Насчетъ Маши? повторилъ онъ уже съ тревогой въ голосѣ.

— Да... и Гриши, добавила глухо Александра Павловна.

— А!.. Что̀ же? спросилъ онъ, зная впрочемъ заранѣе, о чемъ именно хочетъ говорить она.

Она подняла на него свои, все такъ же еще прекрасные, съ ихъ строгою вдумчивостью выраженія, глаза и слегка вздохнула:

— Мы говорили съ тобой объ этомъ въ прошломъ году... Ты тогда очень перемѣнилъ твое мнѣніе о Гришѣ, послѣ этого его несчастнаго amour mal placé къ mademoiselle Буйносовъ...

— Ну да, съ какимъ-то болѣзненнымъ оживленіемъ прервалъ ее Борисъ Васильевичъ, — и ты со мной согласилась тогда... Дѣло не въ амурѣ, безъ этого не обойтись никому въ молодости, а Гриша къ тому же гораздо моложе своихъ

лѣтъ,—даже не въ предметѣ его страсти, а въ безхарактерности, въ *тряпичности*, которую онъ показалъ тутъ...

— Она не хорошая, Борисъ, испорченная, она его нарочно съ ума сводила, привлекала, чтобъ отвлечь его отъ насъ, она нашъ домъ терпѣть не могла и рада была возможности сдѣлать что-нибудь для насъ непріятное, она знала, что мы любимъ Гришу какъ роднаго, и что намъ будетъ больно видѣть...

Борисъ Васильевичъ перебилъ еще разъ:

— А онъ, зная все это лучше, чѣмъ она, давалъ себя прельщать и водить за носъ, играть собой какъ мальчишкой такой барынѣ, какъ эта, у которой изъ-подъ красоты живаго существа такъ и дышетъ духовною мертвечиной и гнилью? И онъ ничего этого не видѣлъ, не чуялъ, разобрать не могъ, игралъ у нея не стыдясь роль d'amoureux transi... Развѣ такого мужа достойна наша Маша!...

И онъ досадливо вздернулъ плечи вверхъ.

— Ахъ, Борисъ, тоскливо промолвила Александра Павловна:—дурныя женщины, къ несчастію, умѣютъ всегда губить мущинъ, даже самыхъ лучшихъ.

Онъ внезапно смутился, воззрился въ нее быстрымъ, полнымъ тревоги и какой-то острой муки взглядомъ... Но онъ ошибся: она сказала это безъ задней мысли, не намекомъ; да и была-ли бы способна на *намекъ* эта „голубиная душа?“ подумалось ему тутъ же;—у нея просто вырвалось изъ устъ невинное общее мѣсто, труизмъ прописной сентенціи... Но въ душевномъ сознаніи ея мужа воспрянула опять при этомъ память прошлаго, живое представленіе тѣхъ дней, когда и онъ шелъ на такую „гибель“, уносимый водоворотомъ безсмысленной страсти...

— И не дурныя губятъ, глухо проговорилъ онъ,—поддайся только человѣкъ на искушеніе...

Онъ еще разъ пристально вперилъ глаза на свѣтлый съ тихою озабоченностью въ чертахъ обликъ жены... Вѣки его судорожно моргнули:

— Ты это сама по опыту знаешь, Саша... Неужели не боишься ты того же для твоей дочери?...

Она поблѣднѣла вся вдругъ, вскинула въ свою очередь съ

выраженіемъ чуть не испуга глаза на мужа... Въ первый разъ послѣ шестнадцати лѣтъ, послѣ той ночи, когда онъ, раненый, въ томъ жидовскомъ мѣстечкѣ Царства Польскаго, просилъ ее „простить ему", напоминалъ онъ ей о прошломъ, о томъ близкомъ ей и роковомъ существѣ, съ *ея* русалочьими зелеными глазами, исчезнувшемъ навсегда подъ мрачными сводами католическаго монастыря, которое дѣйствительно чуть не на вѣкъ погубило ея счастье...

— Борисъ, къ чему ты это вспомнилъ! вскликнула она тревожно,—все это давно минуло... Ты настрадался тогда еще болѣе, чѣмъ я...

Его точно что-то вдругъ подхватило, понесло... Онъ схватилъ руки жены, прижимаясь къ ихъ ладонямъ горячими устами:

— Ты—ангелъ, другъ мой, ты—вся любовь и прощенье... Но такова-ли Маша, простила-ли бы она въ подобномъ случаѣ, пронесла-ли бы она, какъ ты, сквозь испытанія свою чистоту душевную?

— Маша, повторила Александра Павловна и задумалась,— Маша въ тебя, Борисъ, промолвила она чрезъ мигъ съ тихою улыбкой:—она будетъ всегда *голова* dans son ménage.

Троекуровъ утвердительно кивнулъ:

— Да, она сильна духомъ, она знаетъ, чего хочетъ... Но есть-ли это залогъ счастья для нея — и, напротивъ, не будетъ-ли для нея вѣчный источникъ душевной тоски въ томъ, что будетъ она сознавать вѣчно превосходство свое надъ мужемъ?

— Ахъ, не знаю, Борисъ, тоскливо проговорила Александра Павловна,—я была бы *несчастная*, если бы со мною такъ было... Но она знаетъ, какой онъ, и все-таки любитъ его.

— Гришу? произнесъ машинально Борисъ Васильевичъ:— она тебѣ говорила?

— Нѣтъ, но я чувствую... Я впрочемъ ошибаюсь, можетъ быть: она привыкла къ нему съ дѣтства, какъ къ брату, какъ къ Васѣ... Но мнѣ кажется... я вчера съ той минуты, какъ онъ вернулся, наблюдала за нею и потомъ спрашивала.

Она передала разговоръ съ дочерью наканунѣ вечера.

— Ты умнѣе меня, Борисъ, заключила она,—разсуди самъ, какъ это понимать. Какъ ты скажешь, такъ и надо будетъ дѣйствовать.

— Ахъ, пожалуйста, не говори ты мнѣ про мой умъ! какимъ-то пылкимъ взрывомъ вырвалось на это нежданно въ отвѣтъ у Троекурова:—у насъ, кажется, съ тобою до сихъ поръ существуетъ какое-то недоразумѣніе на этотъ счетъ. Умъ мой гроша не стоитъ сравнительно съ тѣмъ, что подсказываетъ тебѣ инстинктъ твоего сердца. Его будемъ слушаться, а не того, чего въ силахъ я достигнуть холоднымъ соображеніемъ разсудка... Ты пойми это, другъ мой, пойми, и вѣрь въ себя больше, какъ я въ тебя вѣрю! заключилъ онъ, завладѣвая опять ея нѣжными руками и глядя любовно въ самую глубь ея вишневыхъ зрачковъ.

Все ея лицо зардѣлось румянцемъ: на рѣсницахъ заискрились блестки слезъ... Она высвободила свои руки и закинула ихъ за шею мужа:

— Борисъ, милый мой!..

Она чувствовала: это было нежданное, внезапное разрѣшеніе того чего-то, что стояло между ними въ теченіе стольких лѣтъ, колючаго, необъясненнаго... Ледъ прорвался, и свободная волна довѣрія и счастья охватывала ихъ обоихъ теперь въ свои живительныя объятія.

— Умъ, все умъ, повторялъ Троекуровъ, выговаривая вслухъ наплывавшія къ нему въ голову спѣшно и безпорядочно мысли,—безплодныя потуги времени, потерявшаго вѣру во все иное... И въ которомъ именно менѣе всего видно этого ума, которому всѣмъ жертвуется, горько улыбнулся онъ.—Старая вѣчная правда не изъ ума вышла, а изъ того вотъ, что ты душой своей понимаешь...

Онъ въ свою очередь ухватилъ голову жены обѣими руками, приникъ къ ея лбу крѣпкимъ поцѣлуемъ, всталъ, словно пріободренный весь, *отряхнувшійся* отъ какого-то тяжкаго, назойливаго бремени, отягощавшаго его.

— Ты права, заговорилъ онъ снова, расхаживая по комнатѣ:—Маша жизнью своей съ самаго дѣтства приготовлена

къ тому, чтобы любить его, да и мы сами съ тобою видѣли въ немъ давно будущаго ей мужа. Не опрометчивы-ли мы были въ этомъ случаѣ, не знаю...

— Онъ все же добрый, благородный, честный, Борисъ, поспѣшила сказать Александра Павловна,—и любитъ насъ, особенно тебя, avec fanatisme..,

— Да, и я знаю, что по крайней мѣрѣ то, что̀ создано мною здѣсь, во Всесвятскомъ, я могу передать ему послѣ моей смерти съ полною увѣренностію, что онъ будетъ продолжать его, какъ говорится, свято и ненарушимо, между тѣмъ какъ Вася...

Онъ не договорилъ и, сжавъ какъ бы болѣзненно брови, уставился взглядомъ куда-то въ окно.

— О Васѣ я хочу съ тобой особо какъ-нибудь переговорить, а теперь вотъ что̀: я первая, какъ ты видишь, je tiens à Гриша, сказала Троекурова,—но я такъ же очень хорошо понимаю его недостатки... И опять то еще, что Маша, кромѣ него, никакого молодаго человѣка, можно сказать, не видѣла, она своего сердца еще не испытала... Не думаю, признаться, но она можетъ какъ-нибудь встрѣтиться съ другимъ, который ей больше понравится.

— Не въ родѣ-ли этого пѣвца, который у насъ былъ вчера съ гитарой? засмѣялся на это Борисъ Васильевичъ.

Засмѣялась и Александра Павловна:

— Нѣтъ, Маша a trop bon goût pour cela...

— Или этотъ другой вербный херувимъ изъ петербургскаго департамента, продолжалъ шутить онъ,—который рапортовалъ намъ вчера обо всѣхъ Александровскихъ кавалерахъ, состоящихъ въ числѣ его знакомыхъ?

— Ну, этотъ и не думаетъ, кажется...

Троекуровъ иронически усмѣхнулся:

— Надѣюсь во всякомъ случаѣ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшится явиться къ тебѣ или ко мнѣ просить ея руки.

— Ужь конечно Маша не дастъ ни одному изъ нихъ повода надѣяться... Но я говорю, Борисъ, не о такихъ, которые, само собой, не могутъ быть для Маши des partis sérieux, а о томъ, что, мнѣ кажется, для того, чтобъ у насъ съ тобой

на совѣсти ничего не оставалось, надо было бы дать ей случай видѣть другихъ молодыхъ людей, *настоящихъ*, какъ-то наивно-забавно подчеркнула Александра Павловна,— хотя бы для того, чтобъ она могла провѣрить, насколько дѣйствительно серіозно нравится ей Гриша.

Какая-то тѣнь пробѣжала на мигъ по лицу Троекурова:

— Она заграницей имѣла случай видѣть такихъ.

— Иностранцевъ?.. Боже сохрани ее и насъ отъ нихъ!..

— Нѣтъ, и Русскихъ, *настоящихъ*, подчеркнулъ онъ насмѣшливо въ свою очередь, — изъ самой петербургской fleur des poix.

— Она, когда вы вернулись, называла мнѣ многихъ изъ нихъ, которыхъ вы видѣли въ Италіи и въ Парижѣ, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на нее впечатлѣнія, я это знаю.

— Вотъ видишь!

— Да, но вѣдь не всѣхъ же она тамъ видѣла, Борисъ, которые въ Россіи есть?

Онъ не могъ не засмѣяться опять:

— Совершенно справедливо, и намъ поэтому остается съ тобой потребовать со всей Имперіи жениховъ на смотръ нашей дочери, какъ это водилось встарь относительно невѣстъ для русскихъ царей.

— Этотъ легкій, насмѣшливый тонъ отозвался какимъ-то особенно радостнымъ ощущеніемъ въ душѣ Александры Павловны. Онъ напоминалъ ей тѣ первые, счастливые дни ея супружества, когда она съ такимъ блаженнымъ покорствомъ преклонялась предъ умственнымъ превосходствомъ мужа и нетерпѣливо ожидала и радостно старалась давать ему случай „подразнить ее“...

— Ты хоть и царь во Всесвятскомъ et autres lieux, Борисъ, весело возразила она ему,—но власть твоя на всю Россію еще не простирается, да и къ чему же собирать, когда ихъ можно такъ увидѣть.

— Жениховъ? Гдѣ же это?

— Въ Москвѣ, напримѣръ...

— Какіе же тамъ женихи, студенты?

— Ну въ Петербургѣ...

— Ты бы хотѣла въ Петербургъ ѣхать? воскликнулъ онъ изумленно.

— Я! не то испуганнымъ, не то негодующимъ тономъ отвѣтила она:—ужь конечно, если бы какое-нибудь несчастіе заставило меня покинуть наше гнѣздо здѣсь, я бы менѣе всего подумала переѣхать туда. Я бы тамъ просто жить не могла, не умѣла, я такъ отвыкла отъ толпы, отъ свѣта... И я съ ужасомъ думаю, если-бъ намъ пришлось туда ѣхать на одну зиму... Но я думаю опять, чтобы Маша потомъ не могла насъ внутренно упрекнуть, что мы не дали ей возможности видѣть, выбрать...

— Кого, изъ какого міра выбирать тамъ? съ замѣтнымъ волненіемъ, принимаясь опять ходить по комнатѣ, заговорилъ Борисъ Васильевичъ:— изъ флигель-адъютантовъ или церемоніймейстеровъ что-ли? Тамъ другаго сорта людей нѣтъ въ *нашемъ* обществѣ... Они съ дѣтства ни къ чему иному не готовятся. Старыя имена, дворяне, владѣльцы еще чуть не цѣлыхъ уѣздовъ—и ничего, кромѣ холопства, подвоховъ другъ подъ друга, лакейской интриги, ни у кого у нихъ въ предметѣ нѣтъ! Мятутся, добываютъ всякими низостями чины и кресты, о которыхъ тутъ же отзываются съ „либеральнымъ“ презрѣніемъ, вымаливаютъ какъ нищіе, если не крадутъ, деньги у безсмысленно тароватой казны и тратятъ ихъ такъ же безсмысленно, какъ она, на роскошь безъ пользы, безъ величія и безъ вкуса... И никому изъ этихъ набитыхъ вѣтромъ головъ, изъ этихъ холопствующихъ soi disant „grands seigneurs“ не втемяшешь въ голову, что ему мѣсто не тамъ, не въ дворцовыхъ и министерскихъ передняхъ, а у себя въ имѣніи, среди народа, на почвѣ той земли, которая одна можетъ дать ему и силу, и значеніе, и уваженіе, въ которомъ ему по всей справедливости отказываетъ теперь Россія... А они еще, безмозглые, въ своемъ клубѣ о конституціи теперь толкуютъ!.. Ахъ, да что тутъ говорить! раздраженно оборвалъ вдругъ Троекуровъ и махнулъ рукой какимъ-то безнадежнымъ движеніемъ.

— Неужели всѣ такіе, всѣ? печально выговорила Але-

ксандра Павловна; — но вѣдь еще недавно какъ-то говорили у насъ, что въ послѣднее время многіе уже, особенно между молодыми людьми, переѣзжаютъ жить изъ столицъ къ себѣ въ имѣнія, и у насъ въ губерніи много даже такихъ.

— Да, кое-гдѣ дѣйствительно являются такіе... *піонеры*,— но отъ того-ли, что пробудился у нихъ здравый смыслъ, или просто потому, что имъ въ Петербургѣ нечѣмъ болѣе жить мнѣ до сихъ поръ не извѣстно.

— А я думаю, именно потому, что тамъ начинаютъ понимать теперь то, что ты понялъ давно.

— Если такъ, усмѣхнулся онъ опять, то, я полагаю, намъ нечего съ Машей искать тамъ тѣхъ, которые этого *еще* не понимаютъ.

Александра Павловна задумалась:

— Я тебѣ говорила... я думала, pour l'acquit de notre conscience, чтобъ она была не въ правѣ упрекнуть насъ потомъ...

Борисъ Васильевичъ остановился на-ходу. Глаза его усиленно заморгали: обычный у него признакъ помысла, тревожившаго его въ данную минуту:

— Ты боишься, она можетъ пожалѣть впослѣдствіи... не договорилъ онъ.

Она поняла, задумалась на мигъ опять:

— Нѣтъ, разъ полюбитъ Маша, она сожалѣть не станетъ, и бояться ей нечего. Гриша не такой человѣкъ, чтобъ уйти когда-нибудь изъ-подъ ея вліянія: онъ будетъ любить и вѣрить въ нее до смерти.

— Что же, слегка вздохнулъ Троекуровъ,—довѣримся ея инстинкту... А что онъ будетъ у нея подъ башмакомъ, это вѣрно, усмѣхнулся онъ тутъ же съ невольно прорвавшимся выраженіемъ какой-то презрительности въ тонѣ.

— Что же дѣлать, Борисъ, печально проговорила на это Александра Павловна, — когда у насъ теперь у однѣхъ женщинъ остался характеръ.

— У однѣхъ женщинъ, да!.. уныло повторилъ онъ. Маша умна, началъ онъ опять чрезъ мигъ,—она во всякомъ случаѣ приглядываться станетъ къ нему, не рѣшится сразу. Они почти

годъ не видались, она тогда была еще ребенокъ, и онъ для нея чуть не новый человѣкъ...

Онъ какъ-то разомъ оборвалъ и замолкъ. Александра Павловна вскинула на него на мигъ глаза и тотчасъ же опустила ихъ...

— Я ожидала, что ты такъ рѣшишь, Борисъ, сказала она послѣ долгаго молчанія,—а теперь мнѣ вдругъ страшно сдѣлалось.

— Страшно?

— Да; будетъ-ли тутъ, дѣйствительно, счастье?..

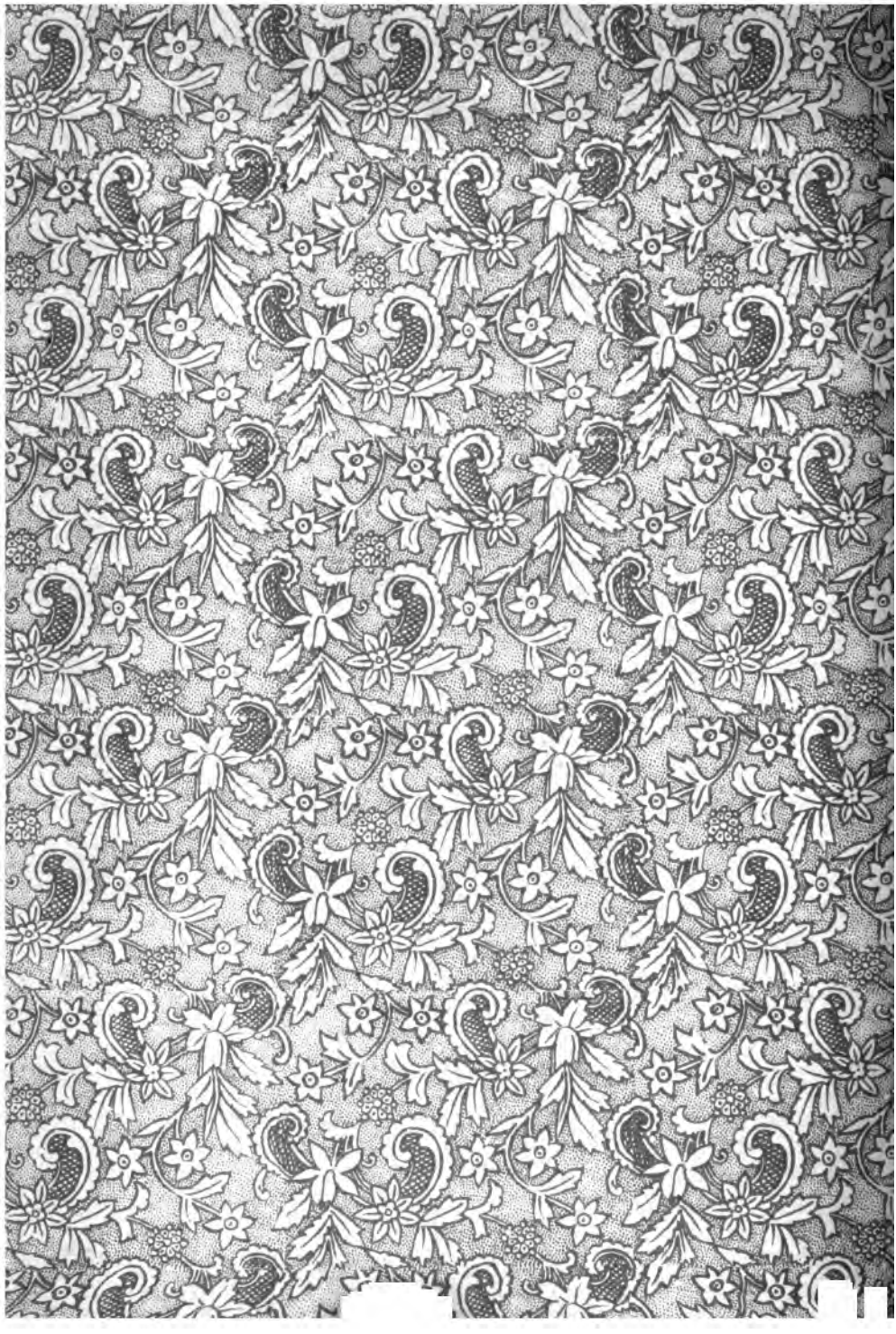
Борисъ Васильевичъ нервно передернулъ плечами:

— Что ей придется стоять на-сторожѣ его, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но для такой натуры, какъ Маша, это, можетъ быть, и нужно... Помнишь у Лермонтова:

А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

25 руб.

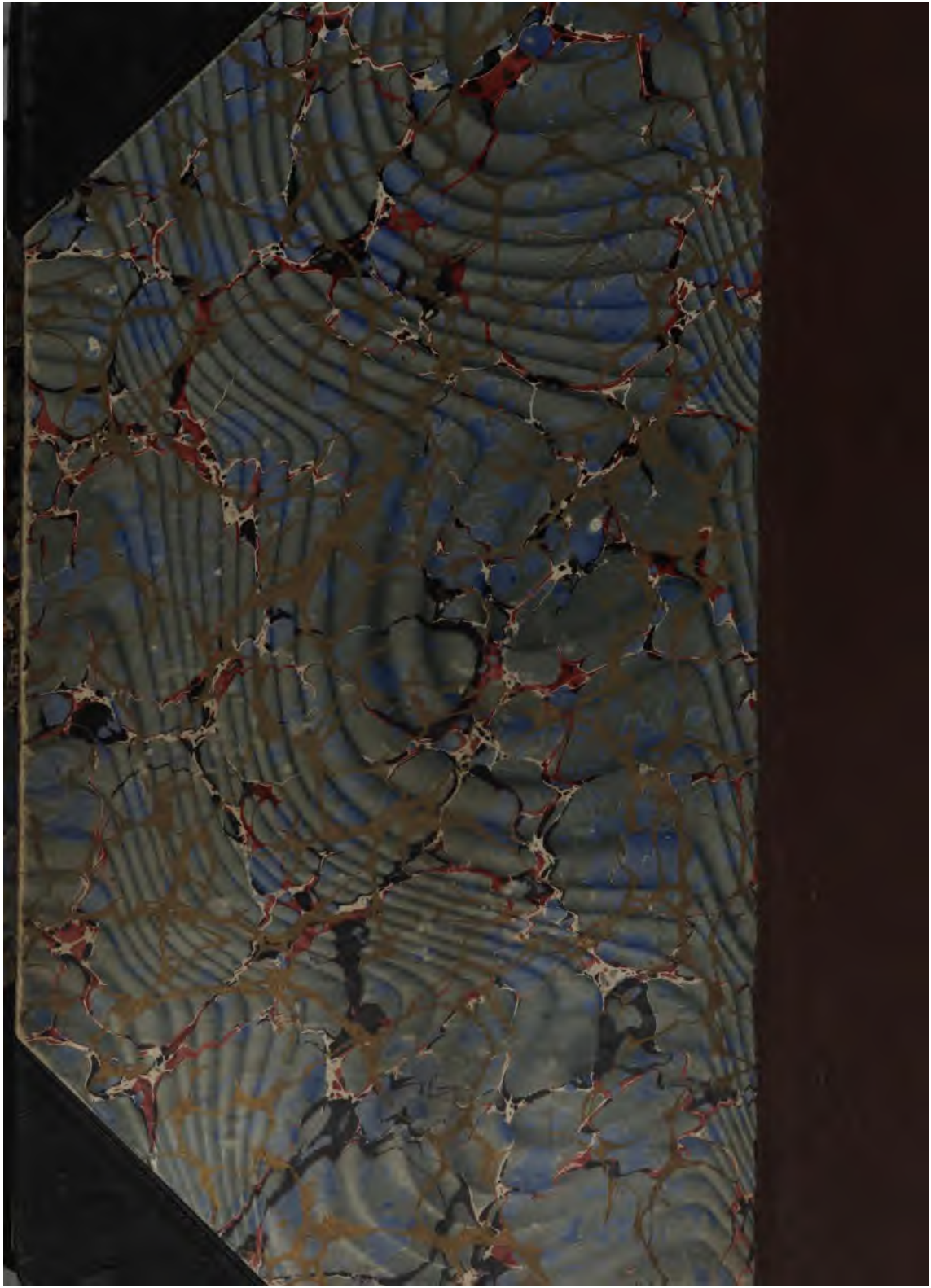


Stanford University Libraries
3 6105 015 012 540
PG
3467
.M327
1885
v.9

STANFORD LIBRARIES

DATE DUE

SEP 16 1987

I. L. L.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305